

Вятский государственный гуманитарный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

№ 4(1)

Киров
2011

ББК 74.58я5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблюд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицафьева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Л. Кислицына

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Шпилёв Д. А.</i> Новые идеи в системе непрерывного образования (на примере современной Германии)	6
<i>Шилина С. А.</i> Управление субъекта власти как социальная технология коммуникации (на материале управленческого дискурса)	10
<i>Караваяев Н. А.</i> О роли информационных технологий в познании	15
<i>Шагин З. С.</i> Представление о времени в Книге перемен	18

ИСТОРИЯ

Отечественная история

<i>Курапов А. А.</i> Социально-политическое развитие буддийской общины калмыков в XVII–XIX вв.	23
<i>Чернов О. А. Н. В.</i> Чарыков о генезисе петровских реформ	30
<i>Машковцев А. А.</i> Религиозный фактор в выступлениях удельных крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии в 60-х гг. XIX в.	33
<i>Попова А. Д.</i> Эволюция функций судебной власти в процессе развития институтов гражданского общества	40

Всеобщая история

<i>Воробьёва Т. А.</i> Арабский мир на пути к холодной войне	48
<i>Костин А. А.</i> «Прощай, дядя Джо! Здравствуй, дядя Сэм!»: роль США в развитии отношений Югославии с Западом в 1949–1953 гг.	57
<i>Калинин А. А.</i> Политика США и СССР в отношении Греции в 1949–1953 гг.	68
<i>Зорин А. В.</i> Чехословацкий фронт холодной войны на рубеже 1940–1950-х гг.	83
<i>Збоев А. В.</i> Болгария в условиях «военной тревоги» начала 1950-х гг. на Балканах	89

ПРАВО

<i>Устюжанинова Е. А.</i> Основания для оспаривания решений, действий или бездействия органов публичного управления Великобритании в порядке судебного контроля	96
<i>Халдеева Н. В.</i> Коллизии норм права в регулировании социально-трудовых отношений работников Крайнего Севера	101
<i>Сучков А. В., Чиннова М. В.</i> О необходимости законодательного закрепления обязанности составления обвинительного заключения при окончании предварительного следствия за прокурором, осуществляющим уголовное преследование	106
<i>Бармина О. Н.</i> О злоупотреблении правом	109
<i>Кожин А. В.</i> Эффективность прокурорского надзора за исполнением законов в сфере экологии	112

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Ильченко Н. М.</i> Романтическая повесть как источник знаний о русской дуэли	120
<i>Маслова А. Г.</i> Пространственно-временные символы и мифологемы масонской поэзии (по материалам масонских журналов 1770–1780-х гг.)	124
<i>Романичева Е. С.</i> Современный школьник – квалифицированный читатель и/или стратегический чтец?	129
<i>Звонарева А. У.</i> Образ Богородицы в творчестве поэта-педагога Симеона Полоцкого	132

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Фадеева И. Е.</i> Код культуры: антропологический взгляд	137
<i>Москвин А. С.</i> Альтернативные, или «низовые», социально-культурные центры в отечественной и зарубежной научной литературе	142
<i>Габур В. С.</i> Влияние моды на культурное сознание молодёжи: феномен стиляг в СССР в 1940–1960-е гг.	148

ПЕДАГОГИКА

<i>Яновская М. Г.</i> Эмоционально-ценностный подход к методам воспитания	153
<i>Стефанова Г. П., Крутова И. А.</i> Применение компьютерных технологий для формирования познавательной активности школьников при обучении физике	160
<i>Мурзина Н. П.</i> Инновационное содержание образования как средство развития познавательной активности обучающихся в условиях освоения ФГОС	165
<i>Зеленина Н. А., Крутихина М. В.</i> Прикладные и учебно-прикладные задачи в обучении математике в классах химико-биологического профиля	171

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Бушкова-Шиклина Э. В.</i> Ценностный потенциал личности и профессиональной деятельности менеджера	177
<i>Скорнякова Ю. А.</i> Структурные преобразования профессиональной ментальности студентов-будущих педагогов в период обучения в вузе	181

ПЕРСОНАЛИИ

Михаилу Михайловичу Пахомову – 80 лет	186
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Осипова Н. О.</i> Границы экологии и мир человека: итоги международной конференции на факультете философии и культурологии	188
<i>Куклина С. С., Макарова Е. Е.</i> Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы совершенствования преподавания иностранных языков в свете личностно-деятельностной парадигмы»	190
<i>Мосунова А. А.</i> Всероссийская научно-практическая конференция «Издательское дело в России: современное состояние и перспективы»	192

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	194
---------------------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	197
---------------------------------	-----

CONTENTS

- Shpilev D. A.* New Ideas in Continuing Education (for example of modern Germany)
- Shilina S. A.* Management of Power's Subject as Social Communication's Technology (example of management discourse)
- Karavaev N. L.* On the Role of Information Technology in Cognition
- Shashin Z. S.* The concept of time in The Book of Changes
- Kyrapov A. A.* Sociopolitical Development of the Buddhist Community of Kalmyks in XVII–XIX Centuries
- Chernov O. A. N. V.* Charykov about Genesis of Reforms Peter I
- Mashkovtseva A. A.* The Religious Factor in the Speeches of Peasant Sarapul County Vyatka Province in the 60-ies XIX Century
- Popova A. D.* Evolution of Judicial Authority Functions During Development Institutes of a Civil Society
- Vorobyova T. A.* The Arab world on the way to the Cold War
- Kostin A.* "Goodbye, Uncle Joe! Hello, Uncle Sam!": U. S. role in the development of relations between Yugoslavia and the West, 1949–1953
- Kalinin A. A.* The USA and the USSR policy toward Greece in 1949–1953
- Zorin A. V.* Czechoslovak front of Cold War on a boundary of 1940–1950 years
- Zboyev A. V.* Bulgaria in the situation of "military threat" of 1950s on the Balkans
- Ustyuzhaninova E. A.* The grounds for judicial review of actions and decisions of public bodies of Great Britain
- Haldeeva N. V.* Conflicts of law regulating in social and labor relations of the Far North workers
- Suchkov A. V., Chinnova M. V.* About necessity of legislative fastening of a duty of drawing up of the bill of particulars at the preliminary investigation termination for the public prosecutor who is carrying out criminal prosecution
- Barmina O. N.* About abusing of the law
- Kozhin A. V.* Efficiency of public prosecutor's supervision of execution of laws in ecology sphere
- Ilchenko N. M.* Romantic novel as a source of knowledge about the Russian duel
- Maslova A. G.* Spatial-temporal symbols and myths of the masonic poetry (on materials of masonic magazines 1770–1780)
- Romanicheva E. S.* A modern schoolboy – a skilled and/or a strategical reader?
- Zvonareva L. U.* The sacred image of the Virgin in Simeon Polotsky's creative work
- Fadeeva I. E.* Culture code: anthropological view
- Moskvina A. S.* Alternative or grassroots social and cultural centres in the foreign scientific literature and literature of our country
- Gabur V.* Impact of mode on cultural consciousness of young people: phenomenon of stilyagi in USSR in 1940–1960 years
- Yanovskaya M. G.* Emotionally-axiological approach of upbringing methods
- Stephanova G. P., Krutova I. A.* Application of computer technology in creating cognitive activity of schoolchildren while learning physics
- Murzina N. P.* Innovative content of education as the tool of cognitive activity development, learning in conditions of Federal State Educational Standards conversion
- Zelenina N. A., Krutikhina M. V.* Applicative and educational-applicative problems in chemical-biological classes while teaching mathematics
- Bushkova-Shiklina E. V.* Value potential of the individual and professional activity of manager
- Skorniyakova Y. L.* The structural transformations of the professional mentality of students (future teachers) during the period of studying at the university
- Osipova N. O.* Ecology boundary and the human world: results of international conference, which took place on the faculty of Philosophy and Cultural Studies
- Kuklina S. S., Makarova E. E.* International Conference on Foreign Language Teaching "A Personality-Centred Approach to Foreign Language Teaching"
- Mosunova L. A.* All-Russian scientific-practical conference "Publishing in Russia: current state and prospects"

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.472

Д. А. Шпилёв

НОВЫЕ ИДЕИ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ)

В статье на примере Германии рассматриваются новейшие изменения в системе непрерывного образования при помощи дистанционного электронного или интернет-обучения. Сформулированы основные задачи непрерывного обучения, пришедшего на смену системе так называемого обучения впрок, характерной для индустриального общества.

On the example of Germany in this paper examines the latest changes in continuing education through distance e-learning or the Internet. Been formulated the basic objectives of lifelong learning, which replaced the system of so-called training for the future, characteristic of industrial society.

Ключевые слова: сфера образования, менеджмент знаний, система дистанционного электронного обучения, обучение через сеть Интернет, региональная образовательная сеть, система непрерывного обучения.

Keywords: educational sphere, knowledge management, eLearning, internet-based teaching system, regional educational network, lifelong learning system.

Социальные и демографические изменения, связанные с глубинными изменениями на рынке труда в современном немецком обществе, являются причиной серьезных перемен в различных сферах его общественной жизни, в том числе, что особенно актуально, в сфере образования. Укажем на изменение среднего возраста целевых групп данной системы, а также на изменения требований учащихся к образовательным учреждениям, закрытие части образовательных учреждений [1].

Изменение среднего возраста обучающихся в значительной степени связано с объективным процессом старения общества, а также появлением большого количества матерей-одиночек и, нередко, отцов-одиночек, домашних хозяйств, состоящих из одного человека. Все эти и многие другие социально-демографические новации оказывают влияние на систему образования. Закрытие образовательных учреждений происходит в

результате процессов миграции и сокращения количества населения, поэтому многие регионы, в первую очередь сельскохозяйственные, просто не в состоянии обеспечивать бесперебойное функционирование образовательной инфраструктуры. Особенно важным моментом является изменение требований учащихся к образовательным учреждениям, что связано с процессами глобализации и ускоренным технологическим развитием.

Еще десять лет тому назад эксперты прогнозировали, что в самое ближайшее время система образования в высокотехнологичных странах подвергнется коренным изменениям, в результате которых она, наконец, сможет удовлетворить потребности рынка труда в качественно новых специалистах [2]. Существо этого прогноза связано с тем, что срок разработки и внедрения новой продукции в настоящее время редко превышает три года: инновационные циклы становятся все более короткими. В силу того, что новые разработки оказываются на рынке в течение все более уменьшающегося промежутка времени, для обеспечения бесперебойного изготовления, продажи, применения и технического обслуживания новых изделий не только сотрудники фирм-изготовителей, продавцы и персонал сервисных центров, но и покупатели должны обладать соответствующим уровнем образования. Такие темпы инноваций приводят к всё более ускоряющейся девальвации существующего базового образования. Перестает работать традиционная концепция однократного получения образования на всю жизнь, так называемого обучения впрок (*Lernen auf Vorrat*). У взрослого населения возникает существенная потребность в дополнительном образовании с целью развития и сохранения так называемой индивидуальной трудоспособности (*individuelle Beschäftigungsfähigkeit* или *employability*) [3].

Современная система профессиональной подготовки специалистов находится под воздействием двух противоречивых тенденций: нарастающая необходимость удлинения сроков обучения и, одновременно с этим, прогрессирующее устаревание знаний. Из-за постоянного увеличения объема требуемых знаний невозможно, например, завершить полноценное профессиональное образование всего за три года. Но, с другой стороны, однажды приобретенные знания очень быстро обесцениваются. Следовательно, современный ра-

ботник должен не только обладать глубокими профессиональными знаниями (что является одним из ключевых требований к нему со стороны рынка труда и работодателя), но и уметь грамотно обращаться с таким ресурсом, как образование, стать своего рода менеджером в сфере профессиональных знаний для самого себя.

Менеджмент знаний – это осознанная и систематическая работа с таким ресурсом, как знания, целенаправленное использование имеющихся знаний в работе предприятия. Задачей всех сотрудников становится постоянное приобретение и усвоение новых знаний, их оценка и отбор, а также последующая трансляция [4]. Именно эти процессы и обуславливают коренное изменение требований ко всей системе образования. А так как повышение квалификации должно осуществляться параллельно с рабочим процессом, то часто бывает просто невозможно проводить учебные мероприятия, предполагающие, что работник покинет свое рабочее место на сколько-нибудь значительный промежуток времени.

Выходов из данной ситуации может быть несколько, однако оптимальным немецкие социологи считают формирование децентрализованного, не зависящего от жестких временных рамок и профессионально ориентированного обучения непосредственно на рабочем месте или в домашних условиях. Поэтому все больше предложений в системе профессионального образования и повышения квалификации формируется в пространстве дистанционного обучения (eLearning). Дистанционное обучение, интернет-обучение (an internet-based teaching system) или электронное обучение (э-обучение) – это обучение с использованием электронных технологий, в первую очередь, Интернета. Оно позволяет человеку пройти курс дистанционного образования, предоставляя при этом возможность диалога с преподавателем и другими слушателями.

Одним из наиболее распространенных средств электронного обучения являются видеоконференции на основе Интернета. Главное преимущество состоит в том, что пользователи сами могут выбрать подходящий курс и пройти его, не отлучаясь из дома. При этом в лучших системах сохраняется высокое качество обучения, присущее традиционным формам получения образования. Бесспорным преимуществом дистанционного обучения является доступность необходимых учебных материалов в любом месте и в любое время, а также возможность индивидуального выбора темпа обучения, что делает процесс усвоения знаний более эффективным. Подобные аргументы побудили не только предприятия, но и многие университеты интенсивно использовать формы дистанционного обучения.

Существенным недостатком системы электронного обучения является, однако, высокая стоимость изготовления мультимедийных учебных материалов. Поэтому для экономически эффективной работы необходимо выполнение двух условий. Во-первых, максимизация количества слушателей, использующих однажды изготовленный продукт. Во-вторых, возможность повторного использования созданных учебных материалов. Увеличение числа слушателей и повторное использование материалов достигается путем внедрения общих обязательных стандартов. Под стандартом в данном случае понимается наличие задокументированных правил, директив или спецификаций по унификации и формализации содержания, продуктов и процессов обучения. Это означает, что продукты, разработанные на основе одних и тех же стандартов, должны быть совместимыми между собой. В данном случае речь идет об учебных курсах и обучающих модулях. При выполнении этих условий новые обучающие курсы каждый раз могут компоноваться из уже существующих различных частей, легко совмещаемых между собой [5].

Следует отметить, что появление в Германии учебного процесса, основанного на IT-технологиях, полностью совпало по времени с процессом существенного изменения всей системы образования, в том числе повышения профессиональной квалификации и, таким образом, всей образовательной культуры страны. При переходе от постиндустриального к информационному обществу стала очевидной необходимость создания новых методико-дидактических моделей, обеспечивающих человеку возможность обучаться в течение всей жизни (lebenslanges Lernen) [6]. Это является основным требованием к современному специалисту, работающему в условиях информационного общества и наукоемкой экономики – постоянное повышение квалификации и пожизненное обучение.

В числе факторов, увеличивающих количество людей, регулярно принимающих участие в программах повышения квалификации, следует выделить использование системы гибкого рабочего времени, в том числе рабочего времени, заносимого в актив, и освобождения от работы при сохранении содержания [7]. Однако не все работники положительно относятся к самой идее непрерывного обучения в течение всей жизни. Анализ мотивации отношения к проблеме профессионального образования посвящено немало работ немецких социологов.

В немецкой социологии образования осуществляется много исследований, посвященных отношению взрослого трудоспособного населения к концепции так называемого пожизненного обучения. Как правило, работы на эту тему, в ос-

новном, состоят из трех стандартных частей. В первой части анализируется актуальная терминология и рассматриваются концепции информационного общества и наукоемкой экономики. При этом разъясняется необходимость экономической оптимизации образовательного процесса в современных условиях. Во второй части приводятся аргументы в пользу непрерывного повышения квалификации и проводится четкая граница между теми людьми, кто по разным причинам не может, и теми, кто категорически не хочет принимать участие в подобных программах. Поведение последней группы расценивается как протестное. В третьей части основное внимание уделяется непосредственно подобному протестному поведению и его влиянию на политику в области образования, дидактику и организационные формы процесса повышения квалификации [8].

Чтобы сделать процесс усвоения новых знаний более простым и привлекательным для взрослого населения, Федеральное министерство образования и научных исследований (Bundesministerium für Bildung und Forschung – BMBF) с 2002 г. осуществляет инициативную программу «Непрерывное обучение для всех» (Lebenslanges Lernen für alle). Эта программа предусматривает создание и расширение региональных социальных сетей, работающих в сфере образования. Частью этой инициативной программы является программа «Обучающиеся регионы – содействие образованию социальных сетей» (Lernende Regionen – Förderung von Netzwerken). В эти социальные сети вовлекается максимально возможное число участников – образовательные учреждения, предприятия, социальные партнеры, управления по делам молодежи, бюро по трудоустройству, учреждения культуры, локальные гражданские проекты. С помощью совместной работы разрабатываются, опробуются и внедряются инновационные методики в сфере непрерывного обучения. В частности, программа «Обучающийся регион – социальная сеть г. Кельна» (Lernende Region – Netzwerk Köln) имела своей целью координацию сотрудничества оферентов и потребителей в сфере образования в г. Кельне и обеспечение прозрачности рынка образования в регионе [9].

Цель создания региональных образовательных сетей (Regionale Vernetzung) заключается, прежде всего, в повышении гибкости системы профессиональной подготовки и создании инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие региональных образовательных учреждений, общее управление процессом передачи и получения знаний. Подобная инфраструктура включает технические, организационные, коммуникативные, культурные и профессиональные компоненты.

Таким образом, реально существующие в регионе знания будут оптимально использоваться региональными акторами, связанными с системой профессионального обучения.

Исходным пунктом для создания в регионе образовательных сетей является использование дистанционного обучения с применением электронных технологий [10]. При этом сам регион как бы связывает индивида и предприятие, выступает фоном, на котором происходит непосредственное объединение процессов работы и обучения в рамках образовательных социальных сетей [11].

Однако для того, чтобы все члены немецкого общества действительно могли воспользоваться плодами концепции непрерывного обучения в течение всей жизни, необходимо и в дальнейшем обеспечивать эффективное сотрудничество между государственными, общественными и частными организациями. По мнению ряда ученых, для полноценного воплощения идеи непрерывного обучения в жизнь необходимо решить целый комплекс организационных, правовых, социальных и идеологических задач (см. таблицу) [12].

Необходимость реализации в Германии, как и в других развитых странах, программ непрерывного обучения, в конечном счете, связана с глубинными изменениями на рынке труда. Эти изменения обнаруживаются в целом ряде явлений, среди которых немецкие социологи особенно выделяют следующие:

- регулярная смена рабочего места, предприятия и профессии;
- частая смена содержания и объема труда;
- утрата четкой профессиональной ориентации;
- необходимость повышать квалификацию в течение всей жизни;
- получение образования для работы по специальности в течение ограниченного промежутка времени;
- необходимость принимать серьезные решения при неопределенных внешних условиях.

Занятость работника в будущем будет зависеть не только от наличия у него профессиональной квалификации и профессиональных навыков, но и, прежде всего, от его способности быстро адаптироваться к изменяющимся внешним условиям. Это означает, что существующая система образования также должна внести свой вклад не только исключительно в профессиональную подготовку специалиста, но и в процесс формирования у него целого ряда ключевых свойств и навыков, в том числе и адаптационной способности (Veränderungskompetenz), проявляющейся в следующих аспектах:

1. Способность использовать свои навыки и свою квалификацию в быстро изменяющихся условиях.

Задачи непрерывного обучения

Организационные задачи	Проводить на государственном уровне активную политику в сфере непрерывного обучения
	Развивать систему периодического повышения квалификации (recurrent education)
	Совершенствовать технологии обучения
	Развивать национальную систему сертификации
	Создавать большое количество социальных сетей в сфере образования и повышения квалификации
	Способствовать формированию самообучающегося общества
Идеологические задачи	Развивать самосознание у обучающихся граждан
	Способствовать развитию самосознания в образовательных учреждениях, входящих в региональные социальные сети
	Проводить праздничные мероприятия, связанные с образовательным процессом
	Развивать концепцию так называемых обучающихся организаций (lernende organisationen)
	Развивать новые идеи, создавать новые учреждения и организации в сфере образования
Правовые задачи	Способствовать успешной реализации права работников на обучение и повышение квалификации
Социальные задачи	Помогать работникам в процессе получения частично оплачиваемого отпуска, предоставляемого для повышения квалификации

2. Готовность реагировать на изменяющиеся квалификационные требования рынка труда и вносить необходимые изменения в свою профессиональную биографию с учетом этих требований.

В конечном итоге наемный работник должен научиться успешно совмещать личные цели и задачи (subjektbezogene Zielsetzung) с изменяющимися целями и задачами организации, в которой он работает (organisationsbezogene Zielsetzung) [13].

Примечания

1. Demografischer und sozialer Wandel im ländlichen Raum. Herausforderungen und Perspektiven für die ländliche Erwachsenenbildung – Ergebnisbericht – Juni 2007. URL: <http://talent.asw-trier.de/fileadmin/media/asw/downloads/projekte/themenbereich3/Bericht.pdf>, свободный. – Загл. с экрана.

2. Zeitschrift für e-learning. Lernkultur und Bildungstechnologie. E-Learning Standards // 2/2007 – 2. Jahrgang. URL: http://www.e-learning-zeitschrift.org/02_2007/editorial.php, свободный. – Загл. с экрана.

3. Там же.

4. Wissensmanagement für Berufsbildung in vernetzten Regionen. 2. Zwischenbericht des Modellversuchs. URL: http://www.good-practice.de/mido/images/upload/D204200_Zwischenbericht02.pdf, свободный. – Загл. с экрана.

5. Aktuelle Informationen aus der Modellversuchspraxis. Infoblatt 6/2007. Wissensmanagement für Berufsbildung in vernetzten Regionen. Kooperationspartner im Modellversuch. URL: http://www.mywibb.de/fileadmin/docs/publikationen/2007/2007-06_web.pdf, свободный. – Загл. с экрана.

6. Krause, Alexander (Projektleiter); Keindl, Klemens (Mitarbeiter); Stieler-Lorenz, Brigitte (Mitarbeiter): Wissenschaftliche Begleitung von Praxisprojekten zur Lernkulturgestaltung und Kompetenzentwicklung durch multimediale und netzgestützte Techniken (QUEM-Materialien, 64). Berlin, 2005. 170 S.

7. Dobischat, Rolf: Beratung in Zeiten zunehmender Unsicherheit. Deutsches Institut für Erwachsenenbildung. März 2004. Online im Internet: http://www.diezeit-schrift.de/32000/dobischat00_01.pdf.

8. Holzer, Daniela: Widerstand gegen Weiterbildung: Weiterbildungsabstinenz und die Förderung nach lebenslangem Lernen (Arbeit – Bildung – Weiterbildung, Bd. 3). Wien: Lit Verl., 2004. 264 S.

9. Lernende Region – Netzwerk Köln e.V. URL: <http://www.bildung-in-koeln.de>, свободный. – Загл. с экрана.

10. Berufsbildungsbericht 2008. Vorversion. Bundesministerium für Bildung und Forschung. S. 58–61, 61–63, 214–215. URL: http://www.lernregion.net/upload/dokumente/bbb_08.pdf, свободный. – Загл. с экрана.

11. Kruse, Wilfried: Lebenslanges Lernen in Deutschland-Finanzierung und Innovation: Kompetenzentwicklung, Bildungsnetze, Unterstützungsstrukturen; Bericht des BMBF für die OECD zu “Good Practice der Finanzierung Lebenslangen Lernens” im Rahmen des Projektes “Co-financing lifelong learning”. Berlin, 2003. 66 S.

12. Wu, Ming-Lieh: Vom “Informationszeitalter” zur “Lerngesellschaft” – ein Paradigmenwechsel im Bildungsverständnis moderner Industriestaaten // Pädagogische Rundschau. Jg. 58/2004. H. 1. S. 93–100.

13. MANAGE IT. Veränderung als Chance – Mehr als nur eine Behauptung. URL: <http://www.ap-verlag.de/Online-Artikel/20100910/201009101%20Oose%20Veränderung%20als%20Chance%20Change%20Management.htm>, свободный. – Загл. с экрана.

С. А. Шилина

**УПРАВЛЕНИЕ СУБЪЕКТА ВЛАСТИ
КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ
КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА)**

В статье намечены подходы к проблеме коммуникации и взаимопонимания власти и ее субъекта в процессе управления. Особое внимание уделяется анализу текстов Послания Президента РФ (Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева).

The author studies the problems of communication and mutual understanding of power and its subject in the process of management. Special attention is paid to the analysis of texts of Russian President's message (B. N. Eltsin, V. V. Putin, D. A. Medvedev).

Ключевые слова: власть, субъект власти, вербальная коммуникация, социальная технология, коммуникативный код.

Keywords: power; subject of power, verbal communication, social communication's technology, communication code.

Роль субъекта власти в управлении предопределена личностным аспектом и имеет смысл в случае обозначения предметности объекта. Категория субъектности в решающей мере характеризуется своей направленностью на предмет. Однако управленческие тексты как результат властного взаимодействия не должны пониматься лишь как следствие теоретико-познавательного анализа, поскольку познание предметностей – это не просто интеллектуальная функция, но осмысленное жизненное свершение, которое может быть понято исходя из способа существования познающего субъекта, ибо субъект задействован в социально обусловленном процессе передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по разным каналам при помощи различных коммуникационных средств (как вербальных, так и невербальных).

В связи с этим актуальность социологического исследования посланий Президента Российской Федерации как субъекта власти обусловлена решением социальных проблем, которые зависят от ситуаций, существующих в обществе, и властных отношений, реализуемых в коммуникации. Представляется целесообразным обратиться к рассмотрению коммуникации властных отношений.

Современные информационные технологии управления основаны на различных кодах, следовательно, важно изучить общее направление

исследования коммуникаций как кода, который помогает разобраться в отношениях субъекта и объекта власти. Тем самым аспект речевых действий для феномена власти имеет в современном мире особое значение, которое к тому же не в последнюю очередь обусловлено и речевой ситуацией: проблема взаимопонимания власти и ее субъекта в процессе управления разрешаема только в ходе реального, конкретного взаимодействия, в котором учитываются интересы сторон коммуникации.

Различные аспекты указанной коммуникации в структурах власти в ситуации значительного усиления роли профессионального фактора, обусловленного как профессиональными знаниями, так и стремлением формирования конкурентоспособного корпуса кадров государственных служащих, приобретают первостепенное значение [1]. Проблема всестороннего анализа коммуникативного взаимодействия власти и ее субъекта требует глубокого теоретического анализа понятия «код вербальной коммуникации», поскольку оно является основным, или ядерным, компонентом коммуникации в официально-деловой сфере (что представлено в наших исследованиях, например в монографии [2]).

Понятно, что взаимодействие, осуществляемое посредством кода коммуникации, объясняет содержание знаков, идентифицирует личность и, следовательно, объективирует истину. Исходная форма выражения языковой личности субъекта власти определяется коммуникационным кодом как особым способом понимания реальности. Идентификация властвующего субъекта с объектами управления в повседневной социальности реализуется с помощью метакода, который предстает модусом повседневной фактичности, наполненным двусмысленностью или недосказанностью и дефектами декодирования. Функциональное использование кода коммуникации осуществляется вне зависимости от семантики произнесенного и отражает комбинацию или смену комбинаций знаков, выказывая объем обозначенного данным именем понятия окружающих вещей.

Эти интенции коммуникационного кода диктуют необходимость продолжить исследование, уже выполненное и представленное автором в ряде публикаций [3], а также рассмотреть контекст вербальных и невербальных речевых единиц субъекта власти с позиций социологии управления в качестве комплекса связанных между собой денотатов на предмет идентификации власти и управляемых ею субъектов. Данная исследовательская задача решается обращением к анализу социальной технологии коммуникации субъекта власти на примере управленческого дискурса, а точнее – Посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию как

фрагмента управленческого дискурса. Рассматриваемые тексты представляются не только как проецирование властных отношений на социум, но и как ответственность власти перед обществом. Основанием для подобного заключения служит социосемантический анализ Посланий, представляемых властвующим субъектом ежегодно Федеральному Собранию.

Прежде всего обратимся к понятию «субъект», перенесенному из современной социологической теории структурализма, в которой термин трактуется как актор, обладающий целостностью парадоксальных и противоречивых атрибутов, на лингвистическую основу, где определяется в качестве синонима «личности» или «деятеля». Трудность понимания «субъекта» и, шире – «субъектности» проистекает из суммарной идентификации деятельности, действия, авторства, но также и из отражения состояния подчинения (subjection), так как использование в социологии дефиниции «субъект» предполагает как автономность, так и подчинение.

В данном контексте «субъектность» возможно рассматривать и как самосознание субъектов в социальной организации, принимающей формы, соответствующие различным типам управления, существующим в обществе. В этом смысле понятие «субъектность» коррелируется с определением идентичности.

Пример текстов посланий Президента Российской Федерации (Б. Н. Ельцина, В. В. Путина и Д. А. Медведева) отражает идентификацию личности Президента с народом как целостность, на которую направлено властное воздействие.

«Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: Россия на рубеже эпох. 1999 г.» содержит развернутый анализ событий, произошедших за предыдущие 8 лет. Особое внимание уделено дефолту 1998 г., в результате которого страна оказалась в тяжелейшей ситуации, а доверие народа к власти было окончательно подорвано. «Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина» (от 27 апреля 2007 г.) тоже подводит определенные итоги за истекший период в 8 лет. И наконец, «Послание Д. Медведева Федеральному Собранию» (от 05.11.2008) рассматривает внутренние и международные перспективы развития России. В свете заявленных исследовательских задач целесообразно рассмотреть, какую роль в посланиях отводят тому или иному субъекту коммуникации адресанты для достижения поставленных целей.

Посыл: «Однако одной из серьезнейших ошибок было другое – *мы* (здесь и далее выделено нами. – С. Ш.) убедили людей в том, что процесс преобразований пройдет легко и быстро» [4], – эксплицирует уверенность Президента в легко-

верности адресатов, в их безоговорочном, само собой разумеющемся, пресупозиционном доверии власти, от имени которой изложено Послание. Самосознание главенства (primacy) Президента как властвующего субъекта представлено в традиционном допущении приравнивания и некотором возвышении властного субъекта над другими ветвями власти. «Вторым фактором, приведшим к кризису, стала слабость самого *государства*. Она выразилась в неспособности *ветвей власти* принять согласованное решение даже под угрозой острейшего финансового кризиса» [5].

Понятие «государство» заменяет понятие «власть» в Послании:

«...А цель у любого *государства* может быть только одна: реальный и устойчивый рост уровня жизни своих *граждан*. Именно ради достижения этой цели *граждане* платят налоги, терпят административное принуждение и соглашаются на ограничение в реализации своих прав» [6].

«...Защита и сохранение каждой человеческой жизни – *наша* святая государственная обязанность».

Вступая в новую эпоху, *мы* (=общество?) должны расстаться со старым взглядом на природу, как на свою «мастерскую». Ее ресурсы не бесконечны. Нужны новые правила поведения человека на Земле: защищать природную среду – значит защищать саму жизнь на Земле. Ключевая роль в этой сфере принадлежит *государству*, которое через систему образования, средства массовой информации и законодательную базу обязано сформировать своеобразный кодекс «экологического поведения». Экономическая политика *государства* должна, наконец, всерьез считаться с экологическими ограничителями» [7]. Идентификация понятий «правительство», «государство» требует включения еще одной составляющей важного субъекта управления – «общества».

За счет естественной синонимической замены успешно решаются следующие коммуникативные задачи: снимается социальная напряженность, проистекающая из противопоставления «государство – народ» и «субъект власти» (Президент или государство) и «объект власти» (граждане); индуцируется (порождается) эмоциональная комфортность коммуникации, а в итоге происходит искусное словесное манипулирование, направленное на достижение лояльности объекта власти.

«Задачу укрепления власти невозможно решить без восстановления доверия *общества* к *государству*. К сожалению, сегодня оно в значительной степени подорвано. Такое положение дел сказывается не только на общественно-политической атмосфере в стране, но и вдобавок приносит крайне негативные экономические резуль-

таты. Наиболее ярко это проявилось летом прошлого года, когда недоверие граждан к действиям *власти* сыграло свою отрицательную роль, усугубив развитие финансового кризиса, и фактически способствовало обвалу банковской системы» [8].

Еще один аспект идентификации (Мы = страна) подтверждает следующий контекст: «...основным смыслом развития *страны*, главной идеей *нашего* вхождения в XXI век должно стать повышение конкурентоспособности российской экономики» [9].

Стратегическая коммуникативно-социальная направленность обусловила и тактический вектор идентификации субъекта власти – Президента Российской Федерации с государством, гражданами, страной, обществом в целом, что заключено в следующих текстах: «Наука и технология, обеспечивающие стратегические предпосылки экономического роста, а следовательно, и улучшение качества жизни, сейчас превращаются в решающий фактор дальнейшего развития любой страны. То, что *мы* (=общество?) должны расстаться с беспечным отношением к этим вопросам, ярко демонстрирует компьютерная «проблема 2000 г.», которой уделяется первостепенное значение во всем мире» [10].

«Существенным образом подкрепила российскую государственную практику в этой области ратификация Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также признание обязательной юрисдикции Европейского суда по правам человека. *Россияне* получили дополнительную возможность защиты своих прав и свобод на международном уровне в тех случаях, когда исчерпаны все внутренние средства правовой защиты. Нас не могут не беспокоить факты нарушения прав человека, все еще имеющие место в Российской Федерации, о чем свидетельствует увеличение числа обращений *российских граждан* в Европейский суд по правам человека за последние несколько месяцев» [11].

«*Россияне* создали великую мировую державу. И могуществу России “прирастать” ее народом» [12].

Вместе с тем довольно часто используется в Посланиях слово «население». Подтверждением тому являются следующие примеры: «...коррупция, помноженная на “неприкосновенность” отдельных представителей законодательной власти» порождает «вседозволенность и безнаказанность. Как следствие, возникает катастрофическое падение доверия *населения* к органам власти всех уровней, сопровождающееся нежеланием участвовать в выборах» [13].

«Что, еще раз подчеркну, напрямую направлено на рост денежных доходов *населения*» [14].

Коммуникативную неудачу субъекта власти, использующего данную номинацию, иллюстрирует реакция другой стороны коммуникации. В. Непомнящий: «Да что там “народ”! Нас и так уже иначе как “населением” не называют. Так должны же мы как-то отстаивать себя...».

Исходная задача субъекта управления состоит в том, чтобы выстроить коммуникативные векторы. Эти векторы формируют единую систему разноуровневых субъектов власти и одновременно единообразное коммуникативное поле, в котором бы начальный коммуникативный импульс находил свое полезное развитие и продолжение во всех структурных субъектах власти и воспринимался бы объектом управления как коллегиальное решение, обязательное для добровольного исполнения.

Это предполагает выработку единомотивированности, формальной единообразности, содержательной адекватности властно-коммуникативных интенций. Для устранения коммуникативных помех и барьеров необходима четкая регламентация обязанностей, полномочий, ответственности и должностных лиц, и коллегиальных субъектов власти. При этом следует, что основные компоненты властно-коммуникативных действий должны находить адекватное отражение в содержании управленческих текстов и в их форме – устной или письменной. Управленческие тексты должны быть коммуникативно маркированными и в известной степени отражать избранный стиль руководства. Начало формирования такого стиля находим в Послании Президента Д. А. Медведева. «Политические свободы *граждан* и их частная собственность – неприкосновенны» [15].

В Послании Дмитрия Анатольевича Медведева субъект власти маркирован как антропоморфный – как конкретная личность – за счет использования определено-личных речевых конструкций:

«...Прежде всего – *предлагаю* принять меры по дальнейшему повышению уровня и качества народного представительства во власти. Меры, способные обеспечить большую включенность *граждан* в политическую жизнь. За партии, прошедшие в Госдуму в 2007 г., проголосовало более 90% избирателей. Но при этом почти 5 миллионов *человек*, 5 миллионов *наших граждан* отдали голоса партиям, которые в Государственную Думу не попали. Эти *люди* не получили представительства на федеральном уровне, хотя и проявили гражданскую активность, и просто пришли на выборы. Это несправедливо» [16].

«...*Мы* (правительство?) должны, прежде всего, сохранять баланс на рынке труда и обеспечивать интересы российских *граждан*» [17].

Фразеологизм *посмотреть правде в глаза* в следующем контексте придает высказыванию

эмоциональность, вызывая у адресата доверие, так как апеллирует к многовековой культурно-языковой традиции русского народа:

«Нужно *посмотреть правде в глаза* и признать, что сегодня без поддержки государства многие наши *сограждане*, оказавшиеся в наиболее тяжелых, сложных жизненных условиях, — сами решить этот вопрос не в состоянии» [18].

Добавление приставки «со» к слову «гражданин» объединяет адресанта с адресатом, так как префикс обозначает общее совместное участие в чем-нибудь, условие совместимости проживания.

В Посланиях В. В. Путина и Д. А. Медведева содержится характеристика отношений власти к пенсионерам.

«Наша культура исторически основывалась на уважении к *людям*, воспитавшим нас, давшим дорогу в жизнь. У общества, которое неуважительно относится к *старикам*, нет будущего. Но в тяжелые годы реформ многие, а если сказать по-честному — подавляющее большинство *пенсioneров*, фактически оказались за чертой бедности. Прежде всего из-за краха неприспособленной к рыночным условиям пенсионной системы» [19].

Если в Послании В. В. Путина выстроены в синонимический ряд слова «люди — старики — пенсионеры», то в Послании Д. А. Медведева доминирует словосочетание как более обтекаемая, смягчительная формулировка, так называемый эвфемизм, в следующем синонимическом ряду «старшее поколение — люди старшего поколения — люди пенсионного возраста — человек»:

«Разумеется, мы не должны забывать и о нашем *старшем поколении*. *Люди* старшего поколения, *люди пенсионного возраста* имеют право на достойную жизнь. Поэтому пенсионная система больше не может ориентироваться на абстрактные средние показатели пенсионного обеспечения. Каждому *человеку* должно быть абсолютно понятно, каким образом он может достичь определенного уровня жизни в пенсионном возрасте. Сколько ему гарантировало *государство*, сколько он получит от обязательных взносов, которые перечислены его работодателем, а сколько — ему нужно откладывать самому» [20].

В Послании Д. А. Медведева идентификация адресанта с Россией звучит наиболее ярко и органично:

«Свойство некоторых местных проблем становиться всеобщими — характерно для нашего взаимосвязанного мира. *Мы* (=Россия) давно сделали свой выбор в пользу глубокой интеграции в мировое хозяйство. Мы понимаем свою ответственность. Получив значительные преимущества в период активного роста мировой экономики — *Россия* готова вместе с другими странами противостоять и тем трудностям, к которым ведет ее замедление. Но необходимо создать механизмы,

блокирующие ошибочные, эгоистические, а подчас — просто опасные решения некоторых членов мирового сообщества. Ведь что греха таить — трагедия Цхинвала стала, помимо прочего, следствием самонадеянного, не терпящего критики и предпочитающего односторонние решения курса американской администрации» [21].

В следующих контекстах благодаря мелиоративно окрашенным эпитетам «великий, единый» у адресата вызывается желаемое субъектом власти положительное отношение (со стороны объекта управления) к высказыванию. В частности, за счет того, что объект властного коммуникативного воздействия снабжен атрибутивными доминантами:

«О наших ценностях, об общественных идеалах и нравственных принципах хочу сказать особо. Не собираюсь никому читать мораль или пускаться в абстрактные рассуждения. Президент России — это очень конкретная и практическая работа. Но скажу откровенно, исходя уже из собственного опыта: принимать решения, от которых зависит жизнь (в самом прямом смысле этого слова), благосостояние, здоровье тысяч людей, а также репутация и судьба *великого народа* — очень непросто. И принимая их, твердо нужно знать — есть вещи, которыми нельзя поступиться, есть вещи, ради которых нужно бороться и побеждать. Это — то, что дорого вам, дорого мне, дорого нам всем. То, без чего мы не можем себе представить *нашу страну*» [22].

«...Таковы очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас *единым народом, Россией*» [23].

Благодаря отмеченным средствам усиления коммуникативного воздействия Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию представляют языковую личность субъекта власти как персону со своим идиостилем и отражают аспекты генерализованного кода речевой ситуации, соответствующие поставленной говорящим задаче: информативной, прескриптивной (воздействие на адресата), экспрессивной (выражение эмоций, оценок), межличностной (регулирование отношений между собеседниками), игровой (апелляция к эстетическому восприятию, воображению, чувству юмора), идентификационной (если возникает вопрос о том, какова степень участия референтов в подготовке Послания, то ответ на него выходит за рамки данной статьи, поэтому на нем не останавливаемся).

Выстраивая эволюционную иерархию кодов властного воздействия, Н. Луман замечает: «В сфере социокультурной эволюции наиважнейший код (имеется в виду власть) образуется с помощью языка» [24]. Однако язык как код обладает той особенностью, что он «связан со способностью отрицания таким образом, что любое выска-

зывание одновременно представляет в распоряжение важнейших языковых функций точно соответствующее ему отрицание». Данное обстоятельство можно квалифицировать и как естественный недостаток языка. Он компенсируется дополнительными по отношению к языку инстанциями. Они в совокупности с языком «играют большую роль в выстраивании комплексных систем», через которые и самоорганизуется общество [25].

Понятно, что главной (генерализующей) функцией властной коммуникации является влияние. Его Н. Луман подает как «трансляцию результатов редукции», как «основу различных возможностей селекции», как основу «универсального смыслового ориентирования». Примером такого понимания влияния может быть Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, следующие слова из которого являются проявлением вышеуказанной функции власти: «Считаю, что граждане России сейчас в гораздо большей степени, чем в начале реформ, готовы к свободной деятельности (и профессиональной, и общественно-политической). Деятельности – без государственной опеки. Всё большее число людей рассчитывают, прежде всего, на себя. Полагают, что только от них зависит и их личный успех, а следовательно, и успех всей страны. Поэтому возможно и просто необходимо повышать уровень доверия в обществе» [26]. Со сказанным трудно не согласиться в свете рассмотрения управления субъекта власти как социальной технологии коммуникации.

Примечания

1. Гостенина В. И. Некоторые проблемы формирования социологического мышления у специалиста-социолога в современном российском университете // Ломоносовские чтения «Роль ИППК МГУ им. М. В. Ломоносова в профессиональной подготовке и повышении квалификации кадров в России и странах СНГ»: сб. докл. М., 2005. С. 150–154.

2. Гостенина В. И., Шилина С. А. Управление вербальным социолингвистическим кодом субъекта влас-

ти в коммуникативном процессе: монография. М.: МГИМО – Университет, 2008.

3. Гостенина В. И., Шилина С. А. Управление вербальным социолингвистическим кодом...; Гостенина В. И., Шилина С. А. Код вербальной коммуникации субъекта власти как отражение языковой личности // IV Всероссийская научная конференция. Сорокинские чтения «Отечественная социология: обретение будущего через прошлое». Рязань, 2008. С. 81–83.

4. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: Россия на рубеже эпох. 1999 год. URL: <http://www.intelros.ru/>. С. 3.

5. Там же. С. 4.

6. Там же. С. 9.

7. Там же. С. 51.

8. Там же. С. 34.

9. Там же. С. 9.

10. Там же. С. 20.

11. Там же. С. 24.

12. Там же. С. 52.

13. Там же. С. 13.

14. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // Российская газета. Федеральный выпуск. 2007. 27 апр. С. 18.

15. Полный текст Послания Дмитрия Медведева Федеральному Собранию // Финмаркет. 2008. 5 ноября. 16:34. Главные новости. С. 3.

16. Там же. С. 6.

17. Там же. С. 12.

18. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // Российская газета. Федеральный выпуск. 2007. 27 апр. С. 17.

19. Там же. С. 18.

20. Полный текст Послания Дмитрия Медведева Федеральному Собранию // Финмаркет. 2008. 5 ноября. 16:34. Главные новости. С. 14.

21. Там же. С. 1.

22. Там же. С. 2.

23. Там же. С. 3.

24. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. С. 54. (Сер. «Образ общества»).

25. Там же. С. 55.

26. Полный текст Послания Дмитрия Медведева Федеральному Собранию // Финмаркет. 2008. 5 ноября. 16:34. Главные новости. С. 3–4.

УДК 165.0

Н. А. Караваев

О РОЛИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОЗНАНИИ

В статье рассмотрены эволюционные изменения в когнитивной сфере человека, изучена ее взаимосвязь с информационными революциями и технологиями, а также показана их роль в познавательных процессах.

In article, the author discovers the evolution of the cognitive sphere of human being, explores its relationships with information revolutions and technologies, as well as shows their role in cognitive processes.

Ключевые слова: информация, информационные технологии, информационные революции, знание, познание, когнитивные революции.

Keywords: information, information technology, information revolution, knowledge, cognition, cognitive revolution.

Проблема познания человеком самого себя и мира, в котором он обитает, всегда оставалась одной из самых острых и дискуссионных. Сегодня происходит становление нового типа общества, которое многие авторы обозначают как «информационное общество» (Е. Масуда, Д. Белл, Н. Н. Моисеев и др.). Особенностью этого общества является то, что основная масса социальных, экономических, технологических и культурных изменений обусловлена быстрым развитием и распространением современных информационных технологий. Однако обратим внимание на то, что новые информационные технологии, основанные на компьютерной технике, являются всего лишь небольшой частью информационных технологий, которые использовались человеком задолго до изобретения компьютера. Рассмотрим под этим углом зрения эволюцию технологических средств и выявим их роль в познании.

В широком смысле слова под информационными технологиями следует понимать любые технологии, предназначенные для формирования и управления информационными процессами. Чтобы прояснить данное определение, рассмотрим структуру любого вида деятельности, или процесса. Здесь можно выделить три элемента: предмет, методы-средства и результат. Предмет играет пассивную роль, а методы-средства являются собой активное начало, благодаря которым предмет преобразуется в результат процесса, или деятельности. Поскольку в структуре информаци-

онного процесса участвует информация, которая преобразуется в результат посредством различных методов и средств, то в этом смысле последние можно назвать информационными технологиями. Другими словами, информационный процесс – это процесс, предметом которого является информация, а методами-средствами – информационные технологии.

Процесс познания также можно представить в виде информационного процесса: в познании присутствует предмет в виде информации, воспринимаемой из окружающей действительности; в качестве методов-средств используются познавательные способности человека; результатом является новое знание как внутреннее личностное достояние человека. Именно поэтому развитие познавательных способностей человека совпадает с развитием информационных технологий, т. е. средств-методов для работы с информационными процессами.

Язык, письменность, радио, телевидение, компьютерная и телекоммуникационная техника являются разновидностями информационных технологий, которые появлялись поэтапно и отражали социокультурное развитие когнитивных способностей человека. Таким образом, любые познавательные процессы, а они включают в себя хранение, передачу или обработку информации и знания, осуществляются с помощью тех или иных информационных технологий.

Канадский ученый М. Дональд [1], рассматривая эволюцию человеческого познания, выделяет четыре этапа, каждому из которых присущи свои когнитивные преимущества в сравнении с предыдущими. Эволюция познания началась с эпизодического познания – сходного с тем, чем обладают животные, затем перешла в миметическое (подражательное) познание, основанное на действиях и жестах, потом в мифическое познание – появление устного языка и, наконец, в теоретическое познание, связанное с развитием письменных символических языков. Эти три перехода когнитивной эволюции привели к изменениям в структуре мозга и появлению новых коммуникативных и когнитивных возможностей.

Эпизодическое познание связано с «буквальным» воспоминанием событий и присуще большинству животных. Животные чувствительны к конкретным эпизодам своей жизни и обладают способностью вспоминать прошедшие события, однако эта способность не имеет ничего похожего на абстрактную символическую память человека, поэтому это не более чем порождение ассоциаций: не имея языка, невозможно «маркировать» эпизодические воспоминания. Благодаря появлению языка (изначально невербального) произошел переход на следующий этап в развитии познавательных способностей. Дональд на-

зывает его мимезисом, или способностью производить сознательные репрезентационные действия, позволившие гоминидам использовать своё тело как устройство репрезентации. Американский когнитолог М. Роулэндс считает такую способность преобразования из эндогенных репрезентаций эпизодического опыта к экзогенным миметическим репрезентациям посредством мимики и жестов фундаментальным поворотным моментом в развитии интеллекта [2], поскольку такая способность позволила совершать согласованные с другими индивидами действия.

Мимезис и сегодня является одним из важных условий человеческого познания, в частности познания практического. Передача информации в практическом познании происходит в основном за счёт подражания. Всё, что человек умеет делать, от простейших умений пользоваться ложкой и вилок, забивать гвозди и играть в футбол до таких сложных умений, которые необходимы инженеру или врачу, – всё это он освоил практически, «подражая» старшим и опытным. По мнению Дональда, миметическая культура была необходима в качестве преадаптации к вербальному языку [3].

Следующая ступень эволюции процесса познания ознаменовалась появлением вербального языка и мифической культуры. Появление системы человеческой речи сделало возможным появление совершенно новой когнитивной способности для объективизации личностного знания в информацию и её дальнейшей передачи. Следует сказать, что в практическом познании наличие вербального языка не является обязательным и его роль сводится в основном к использованию минимального количества слов (в виде команд и названий используемых предметов и орудий), поскольку самое главное в практической деятельности – «как делать», умение, мастерство, которое необъективизируемо вербально и непередаваемо словами.

В мифологическом же познании роль вербального языка значительна выше, и здесь объективные формы репрезентации (т. е. технологии хранения информации) представлены в нескольких основных формах: рассказ, ритуал и артефакт. Все эти три формы переплетены и представляют собой единое когнитивное пространство индивида. Миф не только некий рассказ, он, как правило, выступает ещё и как объяснение и обоснование магического культа, ритуала или обряда. Миф танцуется и поётся с целью повлиять сверхъестественным путём на явления природы, животных или человека.

Превосходство мифа в раннем человеческом обществе есть свидетельство того, что человек использовал язык для совершенно нового вида интегративного мышления. Осмысливая состоя-

ния сна и сновидения, болезни и смерти соплеменников, первобытные люди открыли духовные измерения культуры, что привело к изобретению морали, искусства, религии и философии, которые можно объединить в рамки мировоззрения («познание ради духовных идеалов»). И если практическое познание говорит о том, как действовать в ходе преобразования природного и социального окружения, то мировоззренческое познание направлено на понимание и освоение человеческого отношения к миру.

Третий переход привёл к теоретической культуре, которая появилась только около пяти тысячелетий назад в связи с изобретением письма. Письмо, в частности, позволило внешне сохранять символически представленную информацию, которая, в свою очередь, стала доступной для анализа, передачи и интеллектуальной критики. Человеческая память более не была ограничена рамками тела, а расширилась благодаря внешним системам памяти. В миметической и мифической культуре способность к запоминанию была гораздо более важной, чем в теоретической культуре, где способы создания и получения информации, хранимой во внешней форме, являются преобладающими [4]. Дональд указывает на важные свойства внешних способов хранения символических репрезентаций, так называемых экзограмм (внешние носители информации): они хранятся дольше, чем эндограммы (человеческая память), и могут быть легче переданы другим субъектам, поскольку имеют внешний и, главное, явный характер существования. Если у животных прижизненный опыт не передаётся из поколения в поколение, то человеческая культура как раз развивается кумулятивно-исторически посредством передачи опыта. Именно в этом содержится зародыш культурной эволюции, в ходе которой адаптивные изменения в формах социально-исторической практики заменяют собой более медленные генетические средства их хранения и передачи, функционирующие на биологическом уровне.

Дональд остановил свою классификацию когнитивных революций на появлении письменности, однако очевидно, что вслед за ней человеческая культура породила ряд других изменений когнитивной составляющей человека. Последняя на сегодня революция в сфере управления информационными процессами связана с появлением современных технологий, основанных на применении компьютерной и телекоммуникационной техники. Благодаря им человек стал свидетелем рождения совершенно иных возможностей хранения, переработки и распространения социокультурной информации. Внедрение компьютерных и телекоммуникационных технологий кардинально изменило процесс формирования со-

циокультурных дискурсов, что привело в свою очередь к значительным изменениям коммуникативных взаимодействий между членами общества, а также обогащению их познавательных возможностей. Следует признать, что электронный способ обмена информацией оказал глубокое воздействие на образ жизни человека, его мышление и мировоззрение, поскольку изменились как сеть его социальных связей, так и средства формирования и управления информационными процессами, происходящими в обществе.

В то же время обратим внимание на то, что технологии, предоставляющие новые пути доступа к информации, создают как благоприятные возможности в плане познавательных и коммуникативных способностей, так и несут в себе отрицательные последствия их внедрения. Индустрия информационно-компьютерных технологий с каждым днем все глубже и глубже внедряется в нашу повседневную жизнь и окутывает ее со всех сторон. И естественно, что начинают подниматься вопросы о воздействии информационных технологий на человека, поскольку очевидно, что, например, компьютер являет собой не только средство эффективного решения задач и получения свободного доступа к необходимой информации. Он оказывается также источником компьютерной и информационной зависимости, а использование сети Интернет не только позволяет расширить социальные связи, но также приводит к сужению реальных человеческих контактов.

Внедрение новых информационных технологий весьма сильно влияет и на развитие науки. Ведь научное познание и наука как социальный институт непосредственно зависят от того, насколько благоприятна для учёного та информационная ситуация, в которой он находится, и насколько легко и успешно он способен удовлетворить свою потребность в научной информации. Между тем реальная информационная ситуация в науке на современном этапе её развития является неблагоприятной для учёных. Развитие современных технологий привело к тому, что современному учёному непросто обнаружить представляющую для него интерес информацию. Действительно, необходимая научная информация погружена в общий информативный поток, который за последние десятилетия вырос

в тысячи раз, однако выделить из этого потока то, что необходимо, оказывается нелёгкой задачей. В результате создается положение, когда учёный страдает от избытка информации так же, как от её недостатка.

Следующее высказывание Ю. Магаршака весьма симптоматично описывает сложившуюся ситуацию: «Сейчас человеческий ум находится под воздействием чрезвычайно агрессивной и несбалансированной информации. В результате для каждого из нас главным становятся отбор и фильтрация информации вместо ее восприятия. Искусство фильтровать информацию стало, как минимум, столь же важным, как познание и созидание» [5]. И хотя в последнее время ученые озаботились этой проблемой и начинают проводить целенаправленные исследования такого рода вопросов, на данный момент существенных практических решений данных проблем не существует.

Проведенный анализ эволюции информационных технологий и их связи с познавательными процессами позволяет сделать следующий вывод: если первые информационные (когнитивные) революции дали человеку огромные возможности роста и предопределили его развитие, то последующие изменения в информационной сфере общества, непосредственно связанные с внедрением компьютерной и телекоммуникационной техники, очевидно, обладают амбивалентным характером. Это в свою очередь ставит на повестку дня острую необходимость в глубоких научно-философских исследованиях проблем взаимодействия современных информационных технологий и человека как субъекта, использующего данные технологии в своей каждодневной деятельности.

Примечания

1. Donald M. *Origins of The Modern Mind*. Harvard: HUP, 1991.
2. Rowlands M. *The Body in Mind: Understanding Cognitive Processes*. Cambridge: CUP, 1999.
3. Donald M. *A Mind So Rare: The Evolution of Human Consciousness*. N. Y.: W. W. Norton, 2001.
4. Menary R. *Cognitive Integration. Mind and Cognition Unbounded*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.
5. Магаршака Ю. О пользе незнания // Знание – сила. 2007. № 3. С. 38.

З. С. Шашин

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ В КНИГЕ ПЕРЕМЕН

В статье рассматривается традиция китайской классической Книги Перемен, её история, основные концепции. Приводится описание временных циклов и восприятия времени в Древнем Китае.

The article deals with the tradition of classical Chinese The Book of Changes, its history, the basic concept. Describes the time cycles and the perception of time in ancient China.

Ключевые слова: Китай, Книга перемен, время, цикл, восприятие.

Keywords: China, the Book of Changes, the time cycle, perception.

Книга перемен («И цзин») – одна из основополагающих книг китайской культуры. Она входит в Пятикнижие («У цзин»), составленное при династии Западная Хань, и в Тринадцатикнижие («Ши сань цзин»), составленное при династии Сун. Книга Перемен подразделяется на две части: собственно «И цзин» и комментарии «И чжуань».

Конфуцианская традиция относит создание «И цзин» к очень глубокой древности [1]. Существует множество теорий о его происхождении. Ю. Щуцкий в своей переписке с академиком В. А. Алексеевым заявляет, что, возможно, в даосизме и Книге Перемен дано «наследство Атлантиды» [2]. Терьен де Лакупри утверждает, что «И цзин» был занесен в Китай в 2282 г. до н. э. и является подражанием вавилонским словарям [3]. Китайская традиция связывает начало Книги перемен с легендарным императором Фу Си (2953–2838 гг. до н. э.), который «первым начал изучать все вещи на небе и на земле» [4]. Легендарного императора интересовала астрономия, естественная история, поведение животных, изменения погоды, циклическая смена времен года, особенности земли и её пригодность для сельскохозяйственного возделывания, а также внутренний мир человека. За всеми изменяющимися ситуациями он обнаружил неизменный базис, с помощью которого можно было описать как видимый мир материальных предметов, так и духовный мир, стоящий за ними. В «Си цы чжуани» («Большой комментарий») это описано так: «В древности Баоси был ваном Поднебесной. Глядя вверх, наблюдал образы (*сян*), исходящие от Неба. Глядя вниз, наблюдал способы (*фа*) [их проявлений], исходящие от Земли. Наблюдал узоры (*вэнь*) птиц

и зверей. Следовал земным порядкам (*и*). То, что близкое, находил в себе. То, что далекое, находил у других существ. Исходя из этого, он изобрел восемь триграмм (*гуа*), которые показывают сполна добродетели (*дэ*) просветленного духа и располагают по родам свойства тьмы вещей» [5]. Также традиция описывает три варианта Книги перемен: система *Лянь шань*, сформировавшаяся при династии Ся (2205–1766 гг. до н. э.), система *Гуй цзан*, сформировавшаяся в период династии Шан (1766–1150 гг. до н. э.) и *Чжоу и*, сформировавшаяся в период династии Чжоу (1150–249 гг. до н. э.). Именно последний, третий вариант сохранился до наших дней, остальные были утеряны.

Историческая наука относит не только традиционные сведения о Фу Си к легендам, но и все, что относится к временам, предшествующим династии Шань-Инь, именно к ней относят первые сведения о мантических практиках. Окончательное же формирование системы мантики современные синологи относят к династии Чжоу [6]. Итак, большинство исследователей склоняется принять датировку конца II – начала I тысячелетия до н. э.

Время создания комментирующей части определяют в промежутке от VIII в. до н. э. до III в. н. э. Много вопросов об авторстве комментариев, например имел ли отношение к их разработке Конфуций.

Всего комментариев семь (три из них имеют по две части), и называются они «Ши и» («Десять Крыльев»):

1. «Туань чжуань» («Комментарий к суждениям») в двух частях.
2. «Сян чжуань» («Комментарий к образам») в двух частях.
3. «Си цы чжуань» («Комментарий к присоединенным изречениям») в двух частях.
4. «Шо гуа чжуань» («Комментарий к толкованиям триграмм»).
5. «Сюй гуа чжуань» («Комментарий к последовательности гексаграмм»).
6. «Цза гуа чжуань» («Комментарий к спутанным гексаграммам»).
7. «Вэнь янь чжуань» («Комментарий к знакам и словам»).

Несмотря на разногласия между традицией, отдельными исследователями и официальной синологией о датировке создания «И цзин», авторстве комментариев и т. д., важным является то влияние, которое оказала Книга перемен на китайскую культуру, а стало быть, особое отношение носителей традиции к этой книге. Иллюстративным здесь будет примечательный исторический факт, относящийся к эпохе правления Цинь Ши-хуана (221–207 гг. до н. э.). В 215 г. до н. э. он, руководствуясь задачей обеспечения вечного царствования своей династии, приказал за-

копать заживо всех учёных, а также уничтожить все литературные и философские труды, включая все каноны, кроме Книги перемен.

Перейдем к содержанию этой книги.

«В И цзине есть Великий Предел (*Тайцзи*), который порождает Две Формы (*Лян и*). Эти Две Формы порождают Четыре символа (*Сы сянь*). А последние создают Восемь Триграмм (*Ба гуа*)» [7].

До Великого Предела (*Тайцзи*), являющегося конечным состоянием бытия, высшим началом всех начал, порождающим Ян и Инь, Вселенная находилась в непроявленном состоянии *Уцзи*. Для состояния *Уцзи* характерно всякое отсутствие перемен. Это «время» бесформенности и пустоты. Как только появляются перемены или хотя бы их возможность – наступает стадия начального *Тайцзи*. На этой стадии противоположности находятся в слитном состоянии, Инь и Ян соединены между собой, отсутствует всяческое движение, но они уже существуют. Следующая стадия – разделение Двух Форм (Инь и Ян). «Небо – возвышенное, Земля – низменная. Так же определяются Господство и Покорность. Низкое и высокое располагаются в ряд, и благородное и ничтожное получают свои позиции. Движение и покой обретают постоянство, и твердое и мягкое разграничиваются. Стороны квадрата как однородное сходятся, вещи как множественное расходятся, и счастье и несчастье рождаются. В Небе вызревают образы, а на Земле вызревают телесные формы. Это приводит к проявлению изменений и превращений» [8].

В традиции И Цзин Ян обозначается сплошной чертой –, а Инь – прерывистой –. Согласно китайской натурфилософии – это две полярные энергии (силы, потенции), Ян – мужской аспект, свет, сила, Небо, Инь – женский аспект, темнота, слабость, Земля. Они являются обозначением универсальных полюсов Вселенной, являющихся одновременно противоположными и одновременно взаимодополняющими друг друга. Согласно древнейшему китайскому этимологическому словарю «Шовэнь» (II в. до н. э.), первоначально Ян и Инь имели значение «освещенный и затененный склон горы» и были лишены всяческого абстрактного значения. Взаимодействие Двух форм (Ян и Инь) между собой создаёт четыре фазы движения и развития и создаёт Вселенную во всём её многообразии. Сочетания Инь и Ян дают нам 4 комбинации двух линий: Великий Ян (фаза создания силы), Малый Ян (фаза перехода от Инь к Великому Ян), Малый Инь (фаза перехода от Ян к Великому Инь), Великий Инь (фаза пассивной энергии). Причем в каждом символе верхняя линия обозначает «Небо», а нижняя – «Землю». Далее к 4 символам добавляется третья линия, которая символизирует «силу человека» *Жэнь Ци*.

В результате этого получается восемь символов *Багуа*. 8 символов – 8 триграмм являются символами энергии *Ци*, включающей в себя как космическое, так и земные проявления. Будем вслед за В. Е. Еремеевым обозначать целую черту Ян – 0, а прерывистую черту Инь – 1.

Итак, 8 *Багуа*, каждая из них обозначает определённый аспект распределения Небесных, Земных и Человеческих сил. Каждая имеет свой образ, характеристику, энергию, животное, соотношение с телом человека, членом семьи, временем года, временем суток, направлением и другие ассоциации. К примеру 000 – Цянь – Небо, Полный Ян, сила, лошадь, голова, отец, начало октября, середина декабря, 19–22 часа, Юг или Северо-Запад, Металл, Нефрит, Холодный, Лёд, серьёзный, Часы, Огромный. 011 – Чжэнь – Гром, Сильный Ян, Подвижность, дракон, ступни, старший сын, начало июля, начало апреля, с 5-го по 7-й час, северо-восток или восток, молодой парень, диктор, печень. 110 – Гэнь – Гора, Малый Ян, Остановка, собака, руки, младший сын, начало февраля, начало марта, с 1-го по 5-й час, северо-запад или северо-восток, объезд, камень, ворота, фрукты, мост, семья. 001 – Дуй – Озеро, Малая Инь, радость, овца, рот, младшая дочь, середина сентября, середина октября, с 17 до 19 часов, юго-восток или запад, певица, птица, счёт, меч, кофе, кухня, рот и язык, содержанка. 100 – Сюнь – Ветер, Сильная Инь, ветер, проникновение, курица, бедра, старшая дочь, начало апреля, начало июня, с 7 по 11 час, юго-запад или юго-восток, белый, длинный, возвышенный, продвигающийся, лысина, гавань, путешествие. 111 – Кунь – Земля, Полная Инь, повиновение, бык, живот, мать, начало июля, начало сентября, с 13 до 17 часов, север или Северо-запад, одежда, котёл, бережливость, большой фургон, множество, рукоятка, поддержка, старая женщина, крестьянин, деревня, антиквариат [9].

Таким образом, 8 триграмм – способ описания 8 разных соотношений между тремя аспектами Небо – Человек – Земля, каждый из которых может быть в состоянии Инь (пассивном) или в состоянии Ян (активном). При этом «символы *гуа* содержат малое и великое. Изречения (*цзи*) содержат трудное и легкое. Каждое из изречений означает то, к чему оно ведет. Перемены (*и*) следуют мерам-правилам (*чжунь*) Неба и Земли. Поэтому они способны полностью сплести *дао* Неба и Земли. Глядя вверх, будешь наблюдать небесные узоры (*бэнь*). Глядя вниз, узришь земные строения (*ли*). По ним познаются причины мрака и света. Исток начала оборачивается концом – в этом познается объяснение смерти и рождения» [10]. То есть, по представлениям древних китайцев, есть два потока энергии: один, идущий в направлении Небо – Земля, другой, наоборот, Зем-

ля – Небо. Эти два потока формируют Вселенную. Человек выступает как промежуточное звено, напоминающее призму, преломляющую поток и способное контролировать, удерживать его в нужном состоянии, называемом *Дао*.

Триграммы были соотнесены с концепцией 5 стихий *У син*. Кань – Вода, Ли – Огонь, Дуй, Цянь – Металл, Сюнь, Чжэнь – Дерево, Кунь, Гэнь – Земля. Дерево порождает Огонь, Огонь порождает Землю, Земля порождает Металл, Металл порождает Воду, Вода порождает Дерево. Дерево подавляет Почву, Огонь подавляет Металл, Земля подавляет Воду, Металл подавляет Дерево, Вода подавляет Огонь [11].

В традиции существуют два способа упорядочения триграмм. Порядок «Прежнего неба» («*Сянь Тянь*»), считается, что именно в таком порядке расположил триграммы Фу Си, найдя его в реке Хэ, отсюда название «Схема реки Хэ» («*Хэ ту*»). Это порядок: Кунь-Гэнь-Ли-Дуй-Цянь-Сюнь-Кань-Чжэнь. Этот порядок показывает взаимодействие полярных сил-энергий, которые порождают все циклические изменения. Этот порядок триграмм показывает прошлое время, предмировое. В настоящее время действует другой порядок – «карта из реки Ло» «*Ло Шу*», введенная императором Вэнь Ваном: Чжэнь-Сюнь-Ли-Кунь-Дуй-Цянь-Кань-Гэнь. Данный порядок показывает взаимодействие полярных сил, которые являются создателями всего сущего на Земле и в Космосе. Эта последовательность начинается на востоке весной и продолжается по часовой стрелке. Она используется для объяснения законов движения и вселенских циклов, на её основе разработан китайский календарь.

Для отображения всего многообразия процессов и явлений мира восемь символов были соединены между собой, триграммы – удвоены. В результате появляется новый символ – гексаграмма, состоящая из 6 линий «*яо*». Всего таких гексаграмм 64. Каждое *яо*, как и в триграммах и в Четырёх Символах, в гексаграмме читается снизу вверх. Такой порядок не свойственен китайскому языку и, возможно, символизирует всё растущее из земли и стремящееся к небу [12]. Принято обозначать янские качества *яо* нечетным числом 9, а иньское качество – четным числом 6. Первое и второе *яо* – начальные стадии явления, его «Земной» аспект. Третье и четвертое – стадия протекания явления в настоящий момент, его «Человеческий» аспект. Пятое и Шестое *яо* показывают его завершение или осуществление, «Небесный» аспект. Кроме того, первые три *яо* – внутренняя триграмма, обозначает прошлое, внутреннее, наступающее, создающееся, три верхних *яо* – внешняя триграмма, обозначающее будущее, внешнее, отступающее, разрушающееся. Также каждая позиция *яо* в гексаграмме соотнесена

с позицией в обществе, человеческом теле и теле животного. Первое *яо* – простолудин, ступни, хвост. Второе *яо* – служилый, голени, задние ноги. Третье – вельможа, бедра, задняя часть туловища. Четвертое – придворный, туловище, передняя часть туловища. Пятое *яо* – царь, плечи, передние ноги. Шестое *яо* – совершенный человек, голова, голова. На уровне человеческого сознания шесть уровней могут быть представлены так: 1. Побуждения, мотивации. 2. Поведенческие стереотипы. 3. Стратегические связки замыслов, связанные с побуждениями, толкающими человека к достижению привидевшихся ему на шестом уровне целей. 4. Система ценностей, понятийные структуры, идеология. 5. Матрица видения, формирующая типы первичных реакций на поток предвидения на шестом уровне. 6. Предвидения, приходящие из внешнего мира предполагаемого будущего [13].

Представление о Времени

Жизнь в представлении китайцев – взаимодействие двух разнонаправленных потоков, которые при соединении выражаются в виде системы шестидесятичных циклов.

Древние китайцы выделяли 12 зодиакальных знаков. Период обращения Юпитера на фоне звёздного неба – 11,86 лет. Астрономы Китая «разделили» круг, описываемый Юпитером, на 12 равных частей по 30 градусов, как и круг Солнца. Каждой из этих частей дали образ животного. двенадцатеричный цикл сначала относился к Солнечному календарю, несколько позже в него были введены лунные месяцы, по 29(30) дней в каждом. Таким образом, 12-летний календарь стал Лунно-Солнечно-Юпитерным. В Китае символом Неба служила окружность, а символом Земли – квадрат (4 стороны горизонта и центр, аспектированные в Ян и Инь). Итак, Небо было представлено двенадцатеричной системой знаков «Земные Ветви», а Земля – десятичной «Небесные стволы». Циклы соотносились с 12 лунными месяцами, 12 частями дня, 12 частями ночи, с 12 десятичными циклами 5 первоэлементов китайской натурфилософии. Сочетание «Небесных стволы» и «Земных Ветвей» между собой образуют 60-фазный цикл Луны и Солнца.

В Китае, в период Чжоу, представления о времени сливаются с идеями учения о символах и числах и теорией циклических превращений мировой энергии. Каждая единица времени обретает неповторимый характер. Он складывается из сил порождения и преодоления, которые взаимодействуют в рамках 5 Движений (Движения Дерева, Почвы, Огня, Металла и Воды). Так, порядок «взаимопорождения» будет следующим: Дерево, Огонь, Почва, Металл, Вода. Он символизирует этап зарождения, роста, расцвета, увядания, смерти и перехода к следующим рожде-

ниям. Наглядным примером является базовая единица времени – годовой цикл. Год разделён на две половины: Янскую (нарастания количества солнечной энергии) и Иньскую (убывание количества солнечной энергии). Такую же цикличность можно наблюдать на более низких уровнях дня (день – ночь), или дыхания (вдох-выдох) и т. д. Поскольку все события соотносятся в рамках 5 Движений, так и в каждом из Движений половина приходится на Ян, а другая – на Инь. Так появляются 10 Небесных стволов.

Далее выделяются 4 сезона. Им соответствуют этапы зарождения, роста, урожая и сохранения семян. На Земном уровне 5 Движений проявляются в 12-ти Земных Ветвях. В каждом сезоне господствует одно Движение (в Ян и Инь), но переход от одного Движения к другому происходит через Почву (последние 18 дней сезона) [14]. Стволы и Ветви описывают качественные и количественные характеристики потоков сил Неба и Земли. Эти свойства ритмично изменяются в циклах года, месяца, дня и часа. «Следующий уровень – это восемь сочленений года. Четыре точки начала сезонов, а также два равноденствия и два солнцестояния как фазы равновесного и максимального развития Инь и Ян. Каждое из сочленений насчитывает 45 дней, а 15-дневный период представляет собой один вдох или выдох. Дальше идут 72 периода по пять дней. Эти пятидневки являются собой основные типы деления времени. За пять дней проходит один цикл Цзя Цзы, 60 2-часовок (час в китайском языке изображается тем же иероглифом, что и время), 60 возможных комбинаций взаимодействия 10 Небесных Стволов и 12 Земных Ветвей» [15].

Так, показательна история, открывающая «Хун-Фань» («Закон Гармонии»). Мифический герой Гунь пытался справиться с потоком (избытком Движения Вода), строя запруды (Движение Почва), чем нарушил естественный ход 5 Движений в цикле года, за что был наказан Небом.

Основной цикл китайской традиции – 60 лет. Каждый цикл времени от начала до завершения проходит 60 этапов. Каждый этап одновременно включает в себя несколько параллельных волн времени, а именно: 30 раз по 2 и 2 раза по 30, 20 раз по 3 и 3 раза по 20, 15 раз по 4 и 4 раза по 15, 12 раз по пять и 5 раз по 12, 10 раз по 6 и 6 раз по 10 [16].

Здесь следует рассмотреть специфику мировоззрения древних китайцев. Согласно В. Еремееву [17], Мир в целом мыслился ими как большой взаимосвязанный, единый организм. Подчиненный закону временных циклов на разных уровнях в разных масштабах. Каждая подсистема самостоятельна, но при этом является частью единого целого. В китайской философии это соотношение целого и части выражается термином

«путь» Дао. Дао – траектория дел-событий, пролегающая в балансе между противоположностями. В целостном мире-организме человек – элемент сложной системы. Он вписан во множество циклов как в качестве активного деятеля, так и в качестве пассивного. Наблюдая за переменами, можно понимать состояния мира и действовать сообразно с общими тенденциями. Франсуа Жюльен [18] описывает китайского мудреца как не пускающегося в диалектические рассуждения (как это делает философ), а находящегося в неопозиции, постоянной готовности развиваться в согласии с моментом-ситуацией. Ф. Жюльен выводит эту специфику восприятия времени из понятия «сезон», находящегося вне философской концептуализации, подключенного к практической деятельности [19]. Непосредственная сельскохозяйственная деятельность структурируется «сезоном». От человека требуется нахождение в состоянии открытости, для того чтобы начать выполнять нужные работы вовремя. «Суть «сезона» состоит в том, что он происходит из имманентности и в нём с самого начала подразумевается возможность согласованности, возможность принимать» [20]. Человек всегда вынужден быть «сезонным», иначе его действия будут не актуальны, а стало быть, смертельны. Такое отношение можно описать через дыхание. Дыхание есть два потока – приходящий и уходящий. Оно всегда актуально, поскольку остановка дыхания – дыханием как таковым уже не будет. Каждый момент дыхания плавно перетекает в следующий, тогда как сам процесс остаётся открытым, каждый момент «следует» за предыдущим, из него создаётся и при этом обуславливает каждый следующий момент. Точно так же описывается в «Сюй гуа чжуани» («Комментарий к последовательности гексаграмм») последовательное превращение одних гексаграмм в другие: «Поступки ведут к процветанию. После этого наступает умиротворение. Поэтому принимаются они Тай («Процветание» № 11). Тай – это благоденствие (тун).

Вещи не могут бесконечно благоденствовать.

Примечания

1. Шуцзкий Ю. Китайская классическая «Книга перемен» // Великий и загадочный «И-цзин» / сост. Н. Болдырев. Челябинск: Аркаим, 2004. С. 289; Цзунхуа Ч. Дао И-цзина. М.: София, 2004. С. 18.
2. Болдырев Н. Меняться, чтобы быть живым // Великий и загадочный «И-цзин» / сост. Н. Болдырев. Челябинск: Аркаим, 2004. С. 8.
3. Там же. С. 8.
4. Цзунхуа Ч. Дао И-цзина. М.: София, 2004. С. 29.
5. Си цы чжуань II, 2 / пер. В. Е. Еремеева. URL: <http://history.ruh.ru/eremeev/tri/sici.htm> (Дата обращения 10.12.2011)
6. Еремеев В. Е. Символы и числа Книги перемен. М.: Начно-издательский центр «Ладомир», 2005. С. 8.

7. Си цы чжуань I, 12 / пер. В. Е. Ермеев URL: <http://history.rsuh.ru/ermeev/tri/sici.htm> (Дата обращения 10.12.2011) I, 11.
8. Там же. I, 1.
9. Цзунхуа Ч. Дао И-цзина. М.: София, 2004. С. 36, 37.
10. Си цы чжуань I, 3 / пер. В. Е. Ермеева. URL: <http://history.rsuh.ru/ermeev/tri/sici.htm> (Дата обращения 10.12.2011)
11. Давыдов М. А. Теория Диагностики по «И цзин». Пенза: Золотое сечение, 2009. С. 20.
12. Цзунхуа Ч. Дао И-цзина. М.: София, 2004. С. 47.
13. Виноградский Б. Шесть уровней структуры знака. Попытка интерпретации с точки зрения вовлеченности внешнего пространства явлений-событий-дел. URL: <http://www.kitaed.ru/index.php?dn=library&to=art&id=2> (Дата обращения 10.12.2011)
14. Виноградский Б. Китайский календарь Структура китайского традиционного календаря. URL: <http://www.kitaed.ru/index.php?dn=article&to=art&id=44> (Дата обращения 10.12.2011)
15. Там же.
16. Виноградский Б. Книга Перемен. Циклы времени URL: <http://www.kitaed.ru/index.php?dn=library&to=art&id=151> (Дата обращения 12.12.2011)
17. Ермеев В. Е. Время в древнекитайской арифмосемиотике. URL: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/yeremeyev_vremya/yeremeyev_vremya.htm (Дата обращения 12.12.2011)
18. Жюльен Ф. О «времени». Элементы философии «жить» / пер. с фр. В. Г. Лысенко. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 224.
19. Там же. С. 77.

ИСТОРИЯ

Отечественная история

УДК 94(470.46=512.37)

А. А. Курапов

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БУДДИЙСКОЙ ОБЩИНЫ КАЛМЫКОВ в XVII–XIX вв.

В статье рассматриваются основные этапы распространения буддизма на Нижнем Поволжье, в пределах Астраханской губернии. Проанализированы характерные черты исторического развития буддийской общины (сангхи) у приволжских калмыков, участие буддийского духовенства в политической жизни региона. Определены и рассмотрены специфика взаимодействия буддийской общины со светскими властями региона и национальной элитой.

In authors article are considered the basic stages of distribution of the Buddhism on the Bottom Volga region, within the limits of the Astrakhan province. Analysed characteristic features of historical development of a Buddhist community (sangha) at Kalmyks, participation of Buddhist clergy in political life of region. Determined and considered specificity of interaction of a Buddhist community with secular authorities of region and national elite.

Ключевые слова: идеология, община, легитимизация, интеграция, паломничество, раздробленность.

Keywords: ideology, community, giving of legality, integration, pilgrimage, dissociation.

Буддизм получает широкое распространение у исторических предков калмыков – западных монголов (ойратов). В результате откочевки ойратских племенных группировок торгоутов и дербетов на рубеже XVI–XVII вв. в Россию, в Нижнем Поволжье было сформировано Калмыцкое ханство, которое, как известно, оказало серьезное влияние на политическую жизнь региона. Статус буддийской идеологии и ее носителей предопределил особую роль буддийских священнослужителей в политических и социально-экономических процессах, происходивших на Нижней Волге в XVII–XIX вв. Российские власти, стремившиеся включить приволжских калмыков в сферу российской внутренней и внешней политики, на протяжении всего рассматриваемого периода активно взаимодействовали с буддийской

общиной (сангхой). На разных этапах это взаимодействие было сотрудничеством, борьбой, контролем со стороны российских властей. Условно выделим в качестве периода сотрудничества XVII – начало XVIII в.; в качестве периода конфронтации – 1630–1670-е гг.; в качестве периода контроля над общиной со стороны российских властей – конец XVIII–XIX вв. Рассмотрим специфику каждого периода.

В результате сложной социально-политической ситуации в конце XVI в. в Западной Монголии (недостаток пастбищных территорий, обострение междоусобной борьбы в ойратском союзе, внешнеполитические осложнения) торгоутские и дербетские правители продвигают свои кочевья на север и северо-запад, в пределы Южной и Западной Сибири к Таре, Тюмени, Тоболу. Торгоутское племенное объединение Хо-Урлюка, потерпев поражение от ойратского правителя Чокура, отступает под г. Тару, позднее к Якику [1]. Именно в этом регионе со второй половины XVII в. в результате длительного социально-политического процесса формируется Калмыцкое ханство. Документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА) свидетельствуют о значительной роли буддийского духовенства в формировании нового государства. Буддийское духовенство активно участвует в формировании традиции политического взаимодействия с представителями российского правительства в регионе. В 1636 г. в ответ на посольство Т. Петрова в Тобольск отправляется посольство Хо-Урлюка во главе с Билуктой Могундеевым. В состав посольства, призванного подтвердить лояльность торгоутов российскому правительству в тяжелый для племенного объединения политический период, вошли представители буддийского духовенства улуса Хо-Урлюка: «...от лабы от Бутурая – Кула Габутахаев, да с ним четыре человека, да от лабы от Чорти – Соман с манджиками» [2]. В 1630-е гг. послы от лам улуса Хо-Урлюка – Чорчи и Бутурая – фигурируют в русско-калмыцких переговорах, активно участвуют в экономическом взаимодействии калмыков с русскими городами [3]. Уже на начальных этапах формирования Калмыцкого ханства буддийское духовенство оказывается втянутым во внутривнутриполитическую борьбу светской элиты.

Активный противник политического сближения с Россией, сторонник возвращения в Джунгарию, младший сын Хо-Урлюка – Лаузан – предотвращает переход в российское подданство одного из калмыцких владельцев – Ирке-тайши: «...дядя Лаузан-тайша Урлюков сын узнав что он Ирка-тайша Дайчинов сын хочет быть под твоей царской рукой в вечном холопстве и со всеми своими улусными людьми аманатов на Уфу прислать хочет и он де Лаузан-тайша велел его Ирку-тайшу опоить зельем лабе своему» [4]. В этой сложной политической ситуации старший сын Хо-Урлюка Дайчин активизирует переговорный процесс с Россией. В июне 1644 г. в Москву прибыло калмыцкое посольство во главе с бакши (буддийским священнослужителем) Совинг [5]. Основной задачей посольства становится обсуждение возможности налаживания регулярных русско-калмыцких торговых отношений. Несмотря на то, что посольство 1644 г. не принесло конкретных политических результатов, оно становится важнейшим этапом на пути формирования системы взаимоотношений между формировавшимся Калмыцким ханством и Россией. К 1640-м гг. можно отметить факт вхождения буддийской атрибутики в русско-калмыцкие политические отношения в качестве легитимирующего фактора. Так, в 1645 г. российский посланец А. Кудрявцев, отправленный в калмыцкие улусы, получил наказ из Посольского приказа: «...чтоб они на Куране по своей вере шерть учинили» [6]. В 1650-е гг. буддийская община активно содействовала калмыцкой светской аристократии в решении территориального вопроса. В переговорном процессе 1650 г. Дайчина с российским правительством принял участие и верховный лама ханства. В переписке Посольского приказа с астраханским воеводой упомянуто письмо от «калмыцкого хутугты» (вероятно, от верховного ламы. – А. К.) к московскому архимандриту. Кроме того, в калмыцком посольстве в Москву, поднимавшем важнейшие для ханства вопросы о границах кочевий и торговле, участвовал посол от хутугты – «Дайчинов молебщик Амерга» [7]. Подписание соответствующего обращения Дайчином и «калмыцким хутугтой» в очередной раз подчеркивает высокий политический статус духовенства в формирующемся ханстве. Своеобразным итогом переговорного процесса, санкционированного Дайчином в 1648 г., становится шерть, подписанная 4 февраля 1655 г. в Бальчинском городке под Астраханью калмыцкими послами Серен-тайшой, Дуралы-тарханом, зайсангом Чокулой [8]. Внимательно изучив религиозную сторону легитимации договоров в калмыцкой традиции, российское правительство настаивало на присутствии на церемонии подписании шерти бурхана (буддийской культовой статуэтки. – А. К.) [9]. Орга-

низация церемонии стала возможной только после доставки соответствующего бурхана Серен-тайшой и Дуралы-тарханом на место переговоров. Необходимость заключения соглашения об участии калмыцких войск в войне России с Крымом вызывает обращение российской дипломатии непосредственно к буддийскому духовенству ханства. Для организации переговоров российского посланца И. Горохова с Дайчином его приближенные привлекают «их калмыцкой веры законников» – ламу Эрке и Алдар Кечина. Условием содействия калмыцкого духовенства российскому правительству в организации переговоров с верхушкой калмыцкой элиты становятся «почести немалые» (вероятно, денежное вознаграждение. – А. К.) [10]. Важнейшим фактором, влиявшим на активность русско-калмыцких отношений в XVII в., являлась внутривластная ситуация в ханстве, взаимоотношения владельцев. Смерть калмыцкого правителя Мончака в 1669 г. вызывает раскол в Калмыцком ханстве и длительную гражданскую войну [11]. В этой ситуации наследник Мончака Аюка, активно боровшийся за власть в Калмыцком ханстве, вновь обращается к дипломатии. Буддийское духовенство активно участвует в подготовке шертных съездов. Шерть, подписанная близ г. Астрахани, за р. Соленой при участии астраханского воеводы, князя Я. Н. Одоевского, подтверждала основные пункты соглашения 1660–1661 гг. и заканчивалась традиционной формулировкой: «...шертвую по своей калмыцкой вере и поклоняюсь и целую бога своего Бурхана и молитвенную книгу Бичиг и четки», вместо Аюки к грамоте приложил руку багши Чечен-Запсан [12]. В 1670–1690-е гг. буддийское духовенство Калмыцкого ханства привлекается Аюкой для организации посольств в Москву. К 1674 г. относятся сведения о двух посольствах, возглавляемых духовенством – посольствах багши Биликту и багши Унитея (Унюдоя) [13]. Их основными вопросами становятся взаимоотношения Калмыцкого ханства с казаками и участие калмыцкой конницы в походе России на Крым. В конце 1670-х гг., в соответствии с общей направленностью деятельности Гелуг на формирование кадров национального духовенства, в Тибет была послана на обучение группа калмыков. После получения образования и службы при монастырях Тибета в Калмыцкое ханство в XVIII в. верховным ламой возвращается Шакур-лама, лама Аранджамба становится дзасакту-ламой в Пекине [14]. В 1690 г. Аюка получает от Далай-ламы VI Цаньян Гьямцо ханский титул и ханскую печать, зафиксировавшие политический статус правителя. Во внутренней политике ханства в конце XVII в. буддийское духовенство продолжает активно выполнять посольские функции. В 1692 г. в Москву прибывает посольство гецуля

Эрке [15]. Кроме того, что функция послов сводилась к передаче листов тайшей, в «Распросных речах» ламы характеризовали политическую ситуацию в ханстве [16]. Активизация внешнеполитической деятельности хана Аюки, проводником которой являлось буддийское духовенство, вызывает первые ограничительные мероприятия российского правительства по отношению к буддийской общине. Небезосновательно находя в калмыцких паломничествах политический подтекст, правительство России вводит ограничения на религиозные контакты Калмыцкого ханства и Тибета. Канцлер Г. И. Головкин 22 января 1715 г. предписал казанскому губернатору П. С. Салтыкову не пропускать послов Аюки в Китай без предварительного согласия российского правительства [17]. В соответствии с ограничительными мерами правительства после задержания калмыцких послов в 1714 г. было отказано в паломничестве посланцам ханши Дарма-Балы и жене Чакдоржапа в январе 1717 г. [18]. С 1717 г. вопрос организации и отправки паломничеств в Тибет из Калмыцкого ханства переходит из религиозной плоскости – в политическую. Российское правительство определило для себя, что религиозный фактор и паломничество как одно из его проявлений играют важную роль в политической жизни Калмыцкого ханства. Паломничество являлось важнейшей частью буддийской культуры, влиявшей на духовную жизнь ханства. Кроме реализации своей основной задачи – осуществления религиозных ритуалов, посещения монастырских комплексов и иерархов Тибета, паломничество являлось способом реализации тех или иных политических задач калмыцкой светской и духовной элиты. Возможность контролировать калмыцкое буддийское паломничество позволяло российскому правительству влиять на внешнюю и внутреннюю политику Калмыцкого ханства. Позднее, в 1720-е гг., разрешение на паломничество в Тибет в русско-калмыцких отношениях рассматривалось как награда за военные успехи и за лояльность правительству во внутренней политике Калмыцкого ханства.

Пройдя период формирования в конце XVII в., именно в 1720–1730-е гг. община начинает активно влиять на внутреннюю политику, реализуя социально-политическую концепцию буддизма. И именно начиная с 1730-х гг. мы отмечаем период конфронтации буддийской общины с российской государственностью. Если в XVII в. община, находившаяся в процессе развития, активно сотрудничала как с национальной, так и с российской светской властью, то в XVIII в. значительно укрепившаяся сангха начинает вмешиваться во внутреннюю политику ханства, что вызывает противодействие со стороны властей.

В 1713 г. хан Аюка передает ханскую печать Далай-ламы старшему сыну Чакдоржапу и объявляет его наследником. Смерть Чакдоржапа 19 февраля 1722 г. вызывает начало феодальной раздробленности в ханстве. Передача Чакдоржапом печати и прав наследования своему старшему сыну Досангу становится поводом для внутриполитических конфликтов, вызванных неприятием ханом Аюкой его фигуры в качестве наследника. Аюка стремился привести к власти своего старшего сына – Церен-Дондука. В феодальный конфликт активно вмешивается верховный лама ханства Шакур-лама, вместе со своими светскими и клерикальными сторонниками реализовавший теократический проект. В решении основных внутриполитических проблем группировка Шакур-ламы и российская администрация первоначально находили понимание. Уже в феврале 1724 г. Шакур-лама и зайсанг Яман выступили против планов большинства калмыцких владельцев откочевать за Кубань, совершив откочевку внутрь укрепленной российскими войсками «Царицынской линии» [19]. Подобная политическая позиция совпадала с планами российской администрации о предотвращении возможного перехода крупной группировки калмыцких владельцев под крымский протекторат и консолидации калмыцкого общества для выбора хана. В ситуации политической раздробленности и необходимости поиска политической силы, способной объединить ханство, астраханский губернатор А. П. Волынский неосознанно сделал ставку на объединение двух традиционных для монгольской политической традиции начал: светской и духовной элиты, при ориентации на личный контакт с последней. С 1724 г. именно к Шакур-ламе обращается российское правительство в решении внутриполитических проблем в Калмыцком ханстве. Как писал А. П. Волынский, «во всех владельцах худая надежда только главный их духовный Шакур-лама являет великую верность и усердие к Его Императорскому Величеству» [20]. Политическое сотрудничество главы калмыцкого духовенства в 1720–1730-е гг. с российской администрацией при наличии у Шакур-ламы стремлений к откочевке под протекторат Тибета можно объяснить несколькими причинами, основная – поиск главой общины наиболее сильного союзника в условиях раздробленности в Калмыцком ханстве в целях сохранения внутриполитической стабильности для реализации более глобальных внешнеполитических задач. Российской администрация и Шакур-лама на определенном этапе имели общих противников – Дарма-Балу, Дондук-Обмбо, и общую цель – привести к власти Церен-Дондука.

На наш взгляд, причиной подобного контакта была взаимная заинтересованность сторон. Июль-

ский договор губернатора и главы духовенства получил свою реализацию в августе – сентябре 1724 г. в ходе подготовке к выборам наместника ханства. В ходе консультаций с Шакур-ламой А. П. Волинским принимается окончательное решение о кандидатуре наместника в лице Церен-Дондука, заключается соглашение о контроле над внутривластной деятельностью главы ханства со стороны российской администрации, через Шакур-ламу как ближайшего советника наместника [21].

Итогом переговоров А. П. Волинского и Шакур-ламы стало подписание присяги Церен-Дондуком 20 сентября 1724 г. [22]. Вместе с тем у нас нет оснований утверждать, что группировка Шакур-ламы на данном этапе политической истории Калмыцкого ханства одержала победу, поскольку внутривластные отношения светской и духовной элиты в рамках схемы «двух законов» предполагали идеологическое преобладание буддийской школы или группировки при политическом главенстве светской власти. Однако активный выход духовенства на политическую арену, участие во внутривластной борьбе свидетельствовало об увеличении роли буддийского духовенства в политической жизни ханства. Подобные свидетельства позволяют охарактеризовать политику главы духовенства на данном этапе как ориентированную на решение внешнеполитических проблем, внутренняя политика играла подчиненную роль.

Изменения внутривластного положения в Калмыцком ханстве, значительное усиление буддийского духовенства, изменение политической ситуации в Центральной Азии в 1720-е гг. вызывают необходимость организации поездки представительной делегации Калмыцкого ханства в Тибет для осуществления консультаций с иерархами школы Гелуг.

8 марта 1729 г. подполковник Беклемишев получил письмо от Шакур-ламы с просьбой об отправке в Москву Алдар-Омбо со свитой в 6 человек. Последний вез письмо Шакур-ламы, обращенное к российскому правительству. Шакур-лама писал, в частности, следующее: «...желаю поклониться Далай-ламе и назад возвратиться через жилища башкирские на своем коште и подводах» [23]. Правительство, с некоторого времени с осторожностью относившееся к внешнеполитической активности светской и духовной аристократии ханства, было вынуждено удовлетворить многочисленные просьбы о паломничестве. В подготовке паломничества приняли участие все политические группировки Калмыцкого ханства, что позволяет сделать вывод об определенных целях, ставившихся перед ним. Оригинальное объяснение предложил Н. А. Попов, считавший причиной посольства необходимость консульта-

ций с Далай-ламой о возможности начала войны в ханстве с русскими [24].

По мнению Н. Н. Пальмова, характеризовавшего поездку калмыцкой делегации в 1729 г. в Тибет именно как политическую акцию, основной движущей силой выступала вдова хана Аюки – Дарма-Бала, заинтересованная в активизации контактов с официальным Пекином [25]. Подобное предположение подтверждается ходом посольства и деятельностью представителей Дарма-Балы в Китае.

После пересечения российской границы сторонник Дарма-Балы Намка-гелюнг начинает реализовывать политические задачи посольства. Российские чиновники во главе с тобольским дворянином Ф. Пешехоновым, сопровождавшие послов, были отосланы в Тобольск, а калмыки, которых встретил местный правитель Дзянь Дзен-ван, в сопровождении китайского чиновника – заргучея Цоболрилы – 24 марта 1730 г. прибывают в Пекин [26].

После определения политических мотивов паломничества, правительство начинает принимать меры по ликвидации его возможных последствий. Было предписано осуществить арест всех членов паломничества и допросить их о содержании переговоров в Пекине [27]. Опасаясь заключения военно-политического союза между Пекином и Калмыцким ханством против Джунгарского ханства и попытки его реализации, создан план укрепления границ России в районах возможного прорыва калмыцкой конницы. Проводится передислокация драгунских полков в Сибирских пограничных крепостях и городах [28].

По версии Н. Н. Пальмова, весь переговорный процесс представителей Дарма-Балы и был направлен на то, чтобы добиться у императора поддержки в продвижении Галдан-Данжина и на обеспечение поддержки его кандидатуры у Далай-ламы [29]. После возвращения посольства из Пекина в августе 1733 г. в Тобольск делегация Намка-гелюнга была арестована и отослана в Суздаль [30]. Вещи и письма, привезенные из Тибета, были тщательно изучены. Намка-гелюнг возвратился в Калмыцкое ханство только в июле 1735 г., в период коренной перемены в расстановке политических сил ханства.

Политическое противостояние группировок Дондука-Омбо и Церен-Дондука в 1731 г. вылилось в прямое военное столкновение. 4 ноября 1731 г. у урочища Сасыколи ниже Черного Яра, на левом берегу Волги, произошло сражение войск Дондука-Омбо и Церен-Дондука, закончившееся поражением группировки хана [31]. Военное поражение Церен-Дондука и, как следствие, потеря значительной части улусов привели к фактической смене политической верхушки ханства.

При сохранении высокого статуса Шакур-ламы в ханстве значительно активизируется его оппозиция в буддийской общине. Так, в ходе переговоров с представителями российского правительства одним из условий своего возвращения с Кубани Дондук-Омбо называл удаление из улусов Шакур-ламы – т. е. смену руководства буддийского духовенства [32]. Шакур-лама мог оказать противодействие политическому усилению Дондука-Омбо.

Российское правительство, заинтересованное в политической стабильности в Калмыцком ханстве, необходимой в том числе для организации военных походов калмыцкой конницы против Турции, активизировало переговорный процесс с наиболее влиятельным калмыцким владельцем – Дондук-Омбо. Объективно оценивая Церен-Дондука, российское правительство в рамках соблюдения «искусственного баланса сил» долгие годы поддерживало наиболее слабую политическую фигуру ханства как оппозиционную независимому Дондук-Омбо. Значительную роль в данной политической схеме играл Шакур-лама, легитимировавший статус наместника, а позднее – хана, и реализовавший основные внутривластные задачи российской стороны в ханстве. В реалиях 1734 г. подобная схема исчерпала себя. Церен-Дондук окончательно потерял политический вес среди калмыцких владельцев, сохраняя свой статус исключительно благодаря российским войскам. Шакур-лама, проводивший сложную политику лавирования между российскими интересами и интересами буддийской общины, настроил против себя значительную часть духовной и светской элиты.

В ходе политических переговоров представителей российской администрации с Дондук-Омбо именно Шакур-лама неоднократно назывался в качестве одной из причин политического кризиса: как один из активных участников столкновения под Сасыколи и в целом как причина обострения политической ситуации в ханстве [33]. В связи с общей направленностью российского правительства на смену светской верхушки ханства, Шакур-лама как активный политический оппонент потенциального наместника уже в 1731 г. стал помехой политического урегулирования в Калмыцком ханстве.

20 марта 1735 г. хану Церен-Дондуку направлен указ от императрицы Анны Иоанновны: «...тебе подданному нашему для некоторого дела быть сюда в Санкт-Петербург немедленно» [34]. Осуществление процесса депортации Церен-Дондука из ханства было поручено астраханскому губернатору И. П. Измайлову. В дополнение к письму к Церен-Дондуку, к И. П. Измайлову была направлена секретная инструкция о причинах такого решения. В инструкции охарактеризова-

на роль основных участников конфликта в калмыцком междоусобии: «...хан Черен-Дондук слаб и бессилен и за пьянством весьма к правлению калмыков недостоин и того народа в добром согласии и верности к Ее Императорскому Величеству содержать не мог. И того ради по присылке сюда Дондук-Омбы посланца Джимбо-Джамсо с прошением велено одного Дондук-Омбо учинить Главным над калмыки управителем. Его хана Черен-Дондука пристойным образом из улусов отправить сюда ко двору только велеть его вести со всяким удовольствием» [35].

Подготовка к осуществлению необходимых процедур заняла значительное время, и только 24 октября 1735 г. И. П. Измайлов в Царицыне объявляет Церен-Дондуку указ императрицы. Во встрече принимал участие и Шакур-лама, прочитавший грамоту хану. Стремясь выяснить истинные причины столь неожиданного решения российского правительства, лама пытался использовать свои связи в среде чиновничества. На запрет хану вместе со свитой переправиться через Волгу лама резонно заметил, что в указе сказано «ехать», а не «взять под стражу». Позднее лама в личном общении с В. П. Беклемишевым просил, «чтоб по своей к нему дружбе объявил чего ради Ее Императорское Величество хану приказали быть ко двору и нет ли Ее Императорского Величества какого гнева и не удержат ли его или крестьян и будет ли он по прежнему в улусах» [36]. Видимо, не удовлетворившись ответом полковника об отсутствии угрозы наказания или крещения Церен-Дондука со стороны российских властей, лама просил о разрешении сопровождать хана в его поездке в Санкт-Петербург. С подобной просьбой к правительству обратился и сам Церен-Дондук [37].

С уходом Шакур-ламы из активной политики закончился период наиболее активного участия буддийского духовенства в русско-калмыцких отношениях. Стремление Шакур-ламы реализовать идею объединения ойратов под протекторатом Тибета в ущерб политическому статусу ханства в России вызвало активное противодействие светской и автохтонной духовной элиты.

Победа группировки Дондук-Омбо привела к уменьшению роли духовенства в политической жизни ханства при формальном представительстве в ее церемониальной части. Так, во время принесения присяги Дондук-Омбо 14 ноября 1735 г. расположение приближенных владельца свидетельствовало об особой роли духовенства в ее подготовке и организации. Джимбо-Джамсо участвовал в личной встрече Дондук-Омбо с губернатором И. П. Измайловым, но не оказывал влияния на ход переговорного процесса [38].

Вкратце охарактеризуем 1740–1770-е гг. «ханского периода». Правление Дондук-Омбо (1735–1741 гг.) становится периодом усиления автори-

тарных тенденций во внутренней политике ханства. В этих условиях роль буддийского духовенства в социально-политической жизни ханства значительно снизилась. Оно привлекалось светским лидером для взаимодействия с российским правительством, легитимации собственного политического статуса и статуса формируемой им династии. Священнослужители, вставшие во главе буддийской общины с 1735 г., отошли от основополагающих принципов политики Шакур-ламы, последовательно реализуемых им с 1723 г.: решение внешнеполитических задач за счет значительных уступок российской администрации во внутренней политике, поддержка российской доктрины «разумного баланса» с целью укрепления политического статуса буддийской общины при снижении политической активности светской элиты. Вместе со сменой верхушки светской власти в ханстве в 1735 г., произошла и смена руководства буддийской общины и ее политического курса в целом [39].

Период правления Дондук-Даши (1741–1758 гг.) связан с активизацией политической деятельности буддийского духовенства, вызванной сменой внутриполитических ориентиров. Духовенство, вновь получившее возможность влиять на политику ханства, содействует стабилизации ситуации, оказывая политические консультации российским чиновникам. Законодательство Дондук-Даши позволило духовенству укрепить авторитет общины в ханстве и ужесточить дисциплинарные требования к общинникам. Привлечение российским правительством духовенства к переговорам с алтайскими теленгитами свидетельствует о высокой оценке роли буддийского духовенства в политической жизни Калмыцкого ханства [40].

Анализ политических событий, предшествующих откочевке наместника Убаши в Джунгарию в 1771 г. и ставших причиной гибели Калмыцкого ханства, позволяет прийти к следующим выводам. Откочевка 1771 г. становится итогом внутренней политики буддийского духовенства Калмыцкого ханства, во второй половине XVII–XVIII вв. стремившегося привести калмыков под идеологический протекторат иерархов Гелуг. Реализация данной доктрины буддийским духовенством осуществляется после изменения политической ситуации в Центральной Азии и Тибете в 20–50-е гг. XVIII в. Отсутствие оппозиции китайскому правительству в среде духовенства Тибета во второй половине XVIII в. позволяет сделать вывод об использовании доктрины объединения единоверцев в Джунгарию дипломатией Китая. Таким образом, «подзывные грамоты» Далай-ламы и пропагандистская деятельность буддийского духовенства ханства во главе с ламой Лаузанг-Джалчином становятся, в числе прочих, причинами откочевки 1771 г. [41]

После ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. управление внутренней жизнью буддийской монашеской общины постепенно переходит из-под юрисдикции калмыцкой аристократии к российскому правительству. Так, после 1771 г. традиция избрания верховного ламы временно прерывается – ламы избирались в каждом улусе. Основным направлением политики правительства по отношению к общине становится ограничение политического влияния буддийского духовенства, сокращение штатов буддийских монастырей, включение духовенства в региональную административную систему. 14 октября 1800 г. Павлом I была подписана Жалованная грамота «О свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков», по которой главой калмыцкого духовенства был утвержден Собинг-бакши, которому устанавливалось государственное жалование [42].

На протяжении всего XIX в. региональные власти активно стремились ограничить влияние буддийского духовенства. Так, уже в 1802 г. астраханским губернатором А. В. Повалишиным было предложено сократить штат отдельного буддийского монастыря до 100 чел., вместо 200–300 чел. в XVIII в.

По «Правилам для управления калмыцким народом» 1825 г. духовенство продолжало играть важную роль во внутриполитической жизни Калмыцкой степи, участвуя в Комиссии калмыцких дел и суде Зарго. «Положение об управлении калмыцким народом» 1834 г. вносило определенные изменения в статус буддийской монашеской общины [43]. Лама калмыцкого народа назначался императором по представлению МВД, создавалось новое учреждение – Ламайское духовное правление, подчинявшееся астраханскому военному губернатору и МВД. Председательствовал в Ламайском духовном правлении лама калмыцкого народа, в состав управления входили также четыре духовных лица, избираемых духовенством Калмыцкой степи на три года. Ламайское духовное правление занималось вопросами статистики, контролем над хозяйственной жизнью монастырей, решало кадровые вопросы, осуществляло суд над духовенством. Решения правления утверждались Советом Астраханского калмыцкого управления.

В 1834 г. вводилось ограничение на увеличение числа монастырей и духовенства: число хурулов не должно было превышать 76 (30 больших и 46 малых), численность необходимого духовенства определялась в 2650 чел. По состоянию на 1836 г. в Калмыцкой степи насчитывалось 1667 чел. духовенства, 30 больших и 46 малых хурулов. В 1838 г. астраханский губернатор И. С. Тимирязев предложил сократить число хурулов до 16 малых и шести больших. Усиление

ограничительной политики правительства по отношению к буддийской общине отмечается в «Положении об управлении калмыцким народом» 1847 г.: упраздняется Ламайское духовное правление, духовная власть сосредоточивается в руках ламы калмыцкого народа, который избирался на съезде бакшей улусов, утверждаемого императором. В обязанности ламы входили кадровые вопросы, суд по брачно-семейным делам, наблюдение за благоустройством и содержанием хурулов. В 1847 г. разрешенное число хурулов в одном улусе определялось как три больших и пять малых, подвергались сокращению штаты монастырей: в малых – 18 чел., в больших – 36 чел. Общее число духовенства не должно было превышать 1530 человек. Численность духовенства и культовых сооружений в Калмыцкой степи во второй половине XIX в. варьировалась следующим образом: в 1850-х гг. численность духовенства составляла 1862 чел., количество хурулов – 76; в 1854 г. – 1862 чел. духовенства, 28 больших и 48 малых хурулов; в 1859 г. – 1588 чел. духовенства, 25 больших и 42 малых хурулов. В 1872 г. в Калмыцкой степи числилось уже 157 стационарных хурулов (6 – каменных и 151 – деревянных) [44].

В целом взаимоотношение буддийской общины (сангхи) приволжских калмыков в XVII–XIX вв. и российского государства характерно как для религиозной, так и для национальной политики России. В XVII в. завершился процесс «собираания» окраинных территорий России и российское правительство активно ищет союзников, способствующих интеграции, в среде национальной светской и духовной элиты. Приволжские калмыки с XVII в. становятся определяющей этнополитической силой в регионе и буддизм как национальная идеология становится одним из факторов, определяющих интенсивность российско-калмыцкого взаимодействия. Буддийское духовенство активно включается в дипломатический процесс, легитимируя торгоутскую династию. В XVIII в. процесс взаимодействия Калмыцкого ханства и Российской империи переходит в стадию государственного регулирования и ограничения национальных политических институтов. Буддийское духовенство во второй половине XVIII в. активно борется за сохранение политической независимости ханства, во многом инспирируя процесс откочевки 1771 г. В конце XVIII–XIX вв. региональные власти проводят последовательную политику по сокращению штата духовенства и секуляризации монастырского имущества, мотивируя это противодействием со стороны буддийского духовенства процессу социально-экономической и культурной интеграции калмыцкого народа в российское общество.

Примечания

1. Русско-монгольские отношения 1607–1636: сб. документов. М., 1959. С. 145.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 119. Оп. 1.1636. Д. 2. Л. 86.
3. Там же. Л. 216.
4. Там же. Ф.119. Оп. 1.1644. Д. 1. Л. 33.
5. Кичиков М. Л. Образование Калмыцкого ханства. Элиста, 1994. С. 75.
6. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1.1645. Д. 2. Л. 327.
7. Там же. Оп. 1.1650. Д. 1. Л. 136.
8. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1954. С. 116.
9. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1.1655. Д. 2. Л. 65.
10. Там же. Оп. 1.1660. Д. 4. Л. 71.
11. Батмаев М. М. Внутренняя обстановка в Калмыцком ханстве в конце XVII в. // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста, 1977. С. 36.
12. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1.1673. Д. 2. Л. 1.
13. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг.: сб. документов. Элиста, 2003. С. 73.
14. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 63. Л. 36.
15. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1.1692. Д. 2. Л. 1.
16. Там же. Л. 22–28.
17. Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы. М., 1978. С. 159.
18. Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1926. С. 289.
19. Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов. Элиста, 1995. С. 41.
20. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 18. Л. 95.
21. Там же. Д. 15. Л. 116.
22. Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ). Ф. 119. Оп. 4. 1724. Д. 12. Л. 2.
23. Там же. Оп. 1. 1729. Д. 12. Л. 13.
24. Попов Н. А. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861. С. 251.
25. Пальмов Н. Н. Указ. соч. С. 76.
26. АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1735–1737. Д. 22. Л. 3.
27. Там же. Л. 6.
28. Там же. Л. 10.
29. Пальмов Н. Н. Указ. соч. С. 87.
30. Там же. С. 91.
31. Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993. С. 244.
32. Бакунин В. М. Указ. соч. С. 83.
33. Там же. С. 84.
34. АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1735–1737. Д. 22. Л. 1.
35. Там же. Л. 2–2об.
36. Там же. Л. 5.
37. НАРК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 129. Л. 2.
38. Бакунин В. М. Указ. соч. С. 152.
39. АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1737–1741. Д. 41. Л. 12.
40. Там же. Оп. 3. 1756. Д. 1. Л. 2об–3.
41. НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 421. Л. 15.
42. Полное собрание законов Российской империи. Т. 26. СПб., 1830. С. 541.
43. Полное собрание законов Российской империи. Т. 40. СПб., 1830. С. 155–156.
44. Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии: историко-этнографические очерки. Элиста, 1994. С. 27.

О. А. Чернов

**Н. В. ЧАРЫКОВ
О ГЕНЕЗИСЕ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ**

В статье исследуются взгляды Н. В. Чарыкова на предпосылки петровских реформ.

In the article the views are investigated of N. V. Charykov to the genesis of the reforms of Peter I.

Ключевые слова: Н. В. Чарыков, Пётр I, реформы.

Keywords: N. V. Charykov, Peter I, reforms.

Вопрос о генезисе петровских реформ является дискуссионной проблемой. Если одни историки усматривали в этом явлении полный и принципиальный разрыв с предыдущим периодом развития России, то другие, напротив, полагали, что преобразования первой четверти XVIII в. являлись следствием планомерной подготовительной работы более раннего времени [1].

В сочинениях Н. В. Чарыкова также нашли место анализ предпосылок и оценка реформ, проведённых в период правления Петра I.

Начало изучению Н. В. Чарыковым проблемы предпосылок петровских реформ было положено в 1879 г., когда он погружается в изучение «Космографии». Так, в своём письме от 1 февраля 1879 г. он сообщает: «...Завтра буду у князя Вяземского – представят первый том “Космографии”...» [2]

В конце февраля 1879 г. Н. В. Чарыков выступает в Обществе любителей древней письменности с докладом под названием «Космография 1670 года». Об этом событии он сообщал отцу: «...я не читал, а говорил по составленным заметкам. Сообщение это заняло 20–25 минут. Присутствовали между прочим проф. Ягич – заместитель Срезневского, Барсуков» [3].

На этом Н. В. Чарыков не остановился. Весной 1881 г. он начал работу над предисловием к «Космографии». В нём он собирался рассказать «о её особенностях, судьбе, происхождении и значении в ряду других памятников допетровской Руси».

Н. В. Чарыков обосновывал необходимость данного исследования тем, что в современный ему период проблема предпосылок петровских реформ была предметом оживлённой дискуссии в русском обществе и литературе. В частности, он отмечал, что «Аксаков и сочувствующие ему ищут элементы для новых форм нашей государственной жизни, а наши законники – образец немощи и ничтожества исторического прошлого России» и, таким образом, «рукопись... может предста-

вить известный интерес, так как она есть положительный образец науки до Петра...» [4].

Актуальность данной работы, по мнению Н. В. Чарыкова, объяснялась ещё и тем, что она должна «послужить к увеличению сведений об учёной литературе того периода, который непосредственно предшествовал эпохе преобразований Петра Великого» [5].

Н. В. Чарыков отмечает, что «Краткая Космография» «носит явственно византийско-русский характер и является памятником... более древнего мирозерцания» [6].

В связи с этим он даёт высокую оценку роли и значения Византии, которой «выпало на долю сберечь памятники классических познаний в течение долгих сумерек средних веков и передать эти элементы просвещения начавшей возрождаться Западной Европе и нарождавшейся России» [7]. Из Византии сведения распространились по всей Европе – в том числе и в России. Однако, в отличие от Западной Европы, в России эти сведения, «вследствие преобладания духовных интересов и умозрительного мышления и по причине малого внимания к материальным потребностям, не приняли формы самостоятельной науки географии» [8].

Н. В. Чарыков полагает, что как в Западной Европе, так и в России шёл параллельный процесс – открытие новых земель возникло и развивалось независимо от успехов науки географии. В России «наряду с успехами книжной географической учёности умножались, вследствие внутренней организаторской деятельности московских государей и вследствие продолжавшегося процесса внешнего роста русского государства – практические сведения о самой России и о прилегающих к ней землях и народах» [9].

По его мнению, сведения эти добывались через посольства, торговые экспедиции и «хождения» частных лиц.

Опубликовав «Космографию» с собственными комментариями, Н. В. Чарыков задумал написать труд о «науке и Просвещении в России накануне преобразований Петра Великого по рукописным сочинениям и другим памятникам XVII в.» [10] Однако в полной мере эту работу ему осуществить не удалось. Тем не менее в последующих трудах он обращался к некоторым аспектам данной проблемы.

Так, в своей самой крупной работе, заявленной как исследование биографии Павла Менезия, Н. В. Чарыков обратил внимание на факторы, повлиявшие на становление личности Петра I как государственного деятеля.

Как отмечал в своей обширной рецензии Е. Ф. Шмурло, основная проблема, рассматриваемая в работе Н. В. Чарыкова, – «тема близости Менезия к царскому двору» [11].

Более того, по мнению Е. Ф. Шмурло, «совсем не “посольство в Рим” интересовало г. Чарыкова, отнюдь не ради службы в Москве проделал он свою большую и достойную уважения работу; ему хотелось проверить и доказать совсем другое: обставить новыми доказательствами и соображениями давно уже пущенную в оборот нашей исторической литературы, но всё ещё спорную мысль о том, что Павел Менезий был в своём роде “наставником” Петра Великого в его младенческие годы...» [12].

Н. В. Чарыков обращает внимание на то, что важнейшим фактором, предопределившим появление иностранцев на службе в Москве, стала женитьба Иоанна III на византийской принцессе Софье Палеолог. В России «польза от привлечения на службу иноземных воинских людей была осознана давно ещё Иваном III» [13].

Автор показал, что шотландская эмиграция в Россию постоянно росла, особенно со времени Иоанна IV, когда в Москву прибыла «целая отрасль шотландской герцогской фамилии Гамильтон» [14].

Наиболее знаменитыми шотландскими переселенцами, прибывшими позднее, были: Петр Иванович Гордон (известный впоследствии сподвижник Петра I), Юрий Лермонт (предок великого русского поэта М. Ю. Лермонтова) и Павел Григорьевич Менезий. Они прибыли в Россию в XVII в., когда, по словам Н. В. Чарыкова, «Россия под знаменем объединявшего её самодержавия, боролась за своё самобытное существование и самостоятельное развитие» [15]. Он подмечает в связи с этим также и то, что предки Гордона, Лермонта и Менезия боролись в своё время под знаменем шотландского короля Малькольма II против узурпатора Макбета. Историк отмечает, что значительный приток в Москву шотландцев начинается только в начале XVII в., а ранее через Архангельск прибывали англичане.

Причем Чарыков выделяет здесь такую особенность, что основу прибывавших иностранцев составляли при Иване Грозном «научные, ремесленные и надобные люди», но никак не военные [16].

В качестве военных инструкторов Иван Грозный использовал ливонцев, захваченных в плен, которым он даровал свободу и поселил в одном месте, тем самым положив начало так называемой «Немецкой слободе». Более того, Чарыков подчёркивает немаловажную деталь — на полтора века раньше Петра Великого Иван Грозный пировал с ливонцами, видя в них своих «учителей» [17]. Впервые историк рассмотрел состав населения, проживавший в Немецкой слободе, и установил, что там были люди разных вероисповеданий. В связи с этим Чарыков высказал интересную мысль, что русское правительство про-

водило политику веротерпимости. Свою мысль он подтверждает тем фактом, что ещё при Иване Грозном лютеранам было позволено иметь свою кирху. К католической церкви, которая вела политику направленной на подчинение православной церкви власти папы Римского, отношение было более настороженное, но и им в конце XVII в. разрешили иметь в Москве свои храмы. Н. В. Чарыков отмечал, что Россия вела в XVII в. непрерывную борьбу с Польшей, Швецией, Крымом.

Особенно большое число военных инструкторов потребовалось после 1654 г., когда вновь началась война с Польшей. Тогда было снято ограничение на наём офицеров-католиков. Вот в их число в Россию и прибыл Павел Менезий [18].

Н. В. Чарыкову удалось обосновать факт, что Павел Менезий был первым наставником юного царевича Петра. Причем царь Алексей Михайлович «допустил, или даже привлек, Павла Менезия к некоторому участию в воинских потехах и книжном учении царевича Петра, не возводя, однако, Менезия, по означенному поводу, в какое-либо официальное звание [19].

Автор подчеркивает, что при Алексее Михайловиче не было никакого предубеждения к иностранцам и приводит множество примеров. Ссылаясь на сведения известного русского историка И. Е. Забелина, он говорит, что Алексей Михайлович, Никита Данилович Романов, часто одевались в немецкое платье.

Кроме того, с ведома и одобрения Алексея Михайловича у сыновей А. Л. Ордина-Нащокина и резидента в Варшаве В. Тяпкина, и участника петровских военных игр А. А. Матвеева учителями были иностранцы [20].

Н. В. Чарыков также касается дискуссии между А. Л. Ординым-Нащокиным и А. С. Матвеевым относительно приоритетов внешней политики России. Так, если А. Л. Ордин-Нащокин выступал за продвижение к Балтике, то А. С. Матвеев — к Чёрному морю.

В этом споре Чарыков склонялся на сторону А. Л. Ордина-Нащокина, заявляя: «Если бы мы в 1660 г. открыли для себя на берегу Балтийского моря “окно в Европу”, Петру Великому не пришлось бы “прорубать” его полвека спустя» [21].

При этом, получив через это «окно» технические и научные достижения из Западной Европы, Россия отняла бы Малороссию у Польши. Поздние же петровские усилия по разрешению балтийской и южной проблем, по мнению Чарыкова, были слишком дороги по той цене, которую пришлось заплатить.

Таким образом, Чарыков считал реформы начатые Петром I, несколько запоздалым явлением для России. Именно запущенностью, тяжелой формой отставания экономики России от Запад-

ной Европы, объяснял он те крутые меры, которые принял в свое время Петр.

В заключении своей монографии Н. В. Чарыков приходит к выводу, что с 1682 г. – времени первого стрелецкого бунта – начинается новая русская история. «С тех пор старина уступает не безропотно, но бесповоротно новизне» [22]. Вместе с тем борьба Петра и Софьи видится ему не борьбой старого и нового начал, а только спором за власть [23].

Кроме того, путем сопоставления ряда фактов Чарыков признает правоту Невилля в том, что Павел Менезий был первым наставником юного царевича Петра. Причем Алексей Михайлович «допустил, или даже привлек, Павла Менезия к некоторому участию в воинских потехах и книжном учении царевича Петра, не возводя, однако, Менезия, по означенному поводу, в какое-либо официальное звание» [24].

И в заключение он делает ряд предположений:

1) если бы мягкий Павел Менезий остался подольше около Петра, то, возможно бы, сгладил шероховатости характера последнего;

2) это бы сделало Петра более разборчивым в знакомствах в Немецкой слободе и принесло бы больше пользы и меньше вреда;

3) Алексей Михайлович, предугадывая в Петре будущую опору государства, задумал дать цесаревичу образование более широкое, чем было принято в то время;

4) допущение к царевичу иностранца-наставника было самым смелым из тех нововведений, которые предполагалось осуществить, но из-за преждевременной кончины Алексея Михайловича процесс был прерван. Автор замечает, что в России в отличие от Западной Европы реформы начинаются всегда сверху, в связи с этим значение такого нововведения нельзя не признать очень важным [25].

Впоследствии, будучи в эмиграции, рассуждая об историческом пути развития России, Н. В. Чарыков выделял работу П. Н. Милюкова об экономической политике во времена Петра Великого [26].

Оценивая петровские реформы в целом, Н. В. Чарыков отмечал, что абсолютизм нового

западного типа, «привитого Петром Великим на оригинальных российских традициях автократии, усвоенных от Византии и монголов, остался в силе, отрицая... политическую свободу... а в отношении крепостных даже их свободу личности» [27].

Таким образом, Н. В. Чарыков придерживался мнения о том, что петровские преобразования не являлись революционным этапом, а были очередным эволюционным периодом, подготовленным предыдущими периодами развития России, а сам Петр I оказал влияние на характер реформ, но не на их принципиальное содержание.

Примечания

1. Обстоятельный обзор литературы по проблеме предпосылок петровских реформ см.: Багер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985.

2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 82. Л. 3.

3. Там же. Л. 5.

4. Там же. Д. 84. Л. 78.

5. Чарыков Н. В. Космография. 1670. СПб., 1883. С. 1.

6. Там же. С. 51.

7. Там же. С. 46.

8. Там же. С. 51–52.

9. Там же. С. 61.

10. ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 85. Л. 12.

11. Шмурло Е. Ф. Отзыв о сочинении Н. В. Чарыков «Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637–1694)». СПб., 1906». СПб., 1909. С. 103.

12. Там же. С. 103.

13. Чарыков Н. В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637–1694.) СПб., 1906. С. 2.

14. Там же.

15. Там же. С. 3.

16. Там же.

17. Там же. С. 4.

18. Там же. С. 7.

19. Чарыков Н. В. Павел Менезий // Исторический вестник. 1900. Ноябрь – декабрь.

20. Там же. С. 956–957.

21. Там же. С. 960.

22. Там же. С. 525.

23. Там же. С. 586.

24. Там же. С. 647–648.

25. Там же. С. 956–957.

26. Там же. С. 971.

27. Tcharykow N. V. Glimpses of High Politics. L., 1931. P. 296.

УДК 94(470.342)"1860/1870":2-67

А. А. Машковцев

**РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР
В ВЫСТУПЛЕНИЯХ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН
САРАПУЛЬСКОГО УЕЗДА
ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ в 60-х гг. XIX в.**

В статье рассмотрено влияние идеологии молоканства на развитие крестьянского движения на территории Сарапульского уезда Вятской губернии в 60-х гг. XIX в. Автор проанализировал причины массового выхода местных крестьян из православия и присоединения их к молоканству.

The author examined the influence of the religious factor in the peasant movement in the Vyatka province in 60 years of the 19th century.

Ключевые слова: крестьянское движение, социальный протест, Русская православная церковь, молокане.

Keywords: the peasant movement, social protest, Russian Orthodox Church, molokans.

Реализация «Положений» 19 февраля 1861 г. вызвала резкий рост протестных настроений среди крестьян. Только в 1861 г. произошло почти 1860 крестьянских выступлений, наиболее известными из которых были волнения в сёлах Бездна (Казанская губерния) и Кандеевка (Пензенская губерния). Для подавления примерно половины из них потребовалось привлечение армейских частей.

Негативное отношение к реформе Александра II проявляла не только значительная часть бывших помещичьих крестьян, но также и удельные крестьяне, принадлежавшие императорской семье. К началу 60-х гг. их насчитывалось более 2 млн человек. Основная масса представителей данной категории проживала в Среднем и Нижнем Поволжье (Симбирская, Саратовская и Самарская губернии), однако владения Департамента уделов имелись в 27 губерниях страны, среди которых была и Вятская.

Изменение правового статуса удельных крестьян началось ещё до 1861 г. Согласно указам 20 июня 1858 г. и 26 августа 1859 г. удельные крестьяне получили личную свободу и возможность перехода в другие свободные, но податные сословия. Приобретение личной свободы, естественно, вызвало одобрение землепашцев. Совсем иной была реакция на последующие нормативно-правовые акты правительства, в частности на «Положение» 26 июня 1863 г., которое определяло порядок проведения выкупной операции и поземельное устройство бывших удельных крестьян. Высокий размер выкупных платежей, а так-

же отрезки от наделов, достигавшие порой 30% от их первоначального размера, вызвали их негодование. Всё это привело к мощным выступлениям удельных крестьян в середине 60-х гг. XIX в. Одним из крупных центров этого движения стал Сарапульский уезд Вятской губернии, где для подавления крестьянских волнений властям потребовалась военная сила.

Согласно данным переписи 1858 г. на территории Вятской губернии насчитывалось 173 тыс. удельных крестьян, при этом почти половина из них (84 тыс.) проживала в юго-восточных уездах края (Сарапульский, Елабужский и Малмыжский) [1]. В Малмыжском уезде удельных крестьян было относительно немного и они жили в основном в районе села Савали. Елабужские удельные крестьяне концентрировались главным образом в Качкинской волости. Наибольшее же количество представителей данной категории было в Сарапульском уезде, где существовала особая удельная контора. К ней относились Галановский, Каракулинский, Козловский, Мостовинский и Нечкинский приказы. Руководителем Сарапульской удельной конторы на момент проведения крестьянской реформы являлся помещик М. Г. Имшенецкий, выполнявший и функции председателя местного дворянства [2]. С ним тесно взаимодействовали мировые посредники Г. Е. Юмашев и В. Я. Чайковский, причём последний также являлся крупным помещиком. Таким образом, составлением уставных грамот занимались чиновники удельных контор и местные помещики, а сами удельные крестьяне были полностью отстранены от создания этих важнейших для них документов.

Результат работы чиновников Сарапульской удельной конторы оказался вполне предсказуемым: согласно обнародованным уставным грамотам крестьяне лишались значительной части принадлежавшей им земли. По данным В. Г. Авдеевой, особенно большие отрезки предполагалось осуществить в Мостовинской (19 132 дес.), Галановской (11 498 дес.) и Козловской (10 809 дес.) волостях [3]. В отдельных населённых пунктах у крестьян изымали свыше 50% пахотной земли. «В деревне Коробейниково Мостовинской волости Сарапульского уезда по списку было 89 душ мужского пола и 779 дес. земли. По уставной грамоте им причиталось менее половины имевшейся у них земли, то есть 374 дес., а душевой надел составил 4,1 дес. земли. Таким образом, 52% ушло в отрезки», — отмечает Н. П. Лигенко [4].

В целом по Вятской губернии у удельных крестьян было отрезано 76 765 дес. земли, что составило 21,4% от её дореформенного количества [5]. При этом чаще всего отрезались наиболее плодородные земли, а оставлялись наименее пригодные для возделывания. Кроме того, удельные

крестьяне, подобно помещичьим, обязаны были выкупать передаваемую им землю. Все удельные крестьяне губернии обязывались ежегодно выплачивать по 237 тыс. 407 руб. [6] Примерно половина этой суммы (113 тыс. 879 руб.) приходилась на долю удельных крестьян Сарапульского уезда [7].

Естественно, что такие кабальные условия уставных грамот вызвали возмущение у сарапульского крестьянства. Осенью 1864 г. в уезде начались массовые крестьянские волнения, принявшие довольно радикальные формы. Сразу оговоримся, что выступления удельных крестьян юго-востока Вятской губернии неоднократно становились объектом изучения кировских и ижевских исследователей (В. Г. Авдеева, А. А. Александров и др.) Однако в советский период всё внимание учёных было сосредоточено на социальных аспектах данной проблемы, а между тем она имела и заметную религиозную составляющую. Дело в том, что возникший острый аграрный конфликт был эффективно использован представителями секты молокан для пропаганды своих взглядов. Сарапульские крестьяне, лишённые поддержки общественных организаций и не имевшие никакой политической программы, охотно принимали многие положения религиозной доктрины молоканства.

Молоканство на территории Вятской губернии появилось на рубеже 40–50-х гг. XIX в. Первоначально оно получило распространение среди купцов и мещан г. Сарапула, но затем проникло в районы компактного проживания удельных крестьян, расположенные рядом с названным уездным центром [8]. После смерти арестованного полицией сарапульского мещанина М. В. Зайцева, являвшегося организатором и первым лидером молоканской общины в крае, её возглавил зажиточный крестьянин дер. Котовы Ф. И. Пономарёв. Ещё до перехода в молоканство он пользовался большим авторитетом у односельчан и жителей окрестных деревень. Причиной тому были не только большой жизненный опыт этого уже немолодого человека и его материальное благополучие. Пономарёв умел читать и писать (что само по себе было редкостью в крестьянской среде в середине XIX в.), самостоятельно изучал Библию, ставшую его настольной книгой, и до выхода из православия считался одним из самых набожных прихожан. Прекрасное знание Священного Писания, дар полемиста и неплохие организаторские способности позволили ему не только возглавить религиозную общину, но и превратить сарапульское молоканство в заметное религиозное явление, информация о котором появилась на страницах столичных периодических изданий и заставила обратить на себя внимание даже руководство МВД и Святейшего Синода.

Молоканство, в отличие от других течений в духовном христианстве, не имело в своей обрядовости и богослужебной практике никаких изуверских ритуалов, подобных кастрации у скопцов. Тем не менее власти страны относили молоканство к числу наиболее вредных сект и подвергали её адептов жёстким преследованиям. Причиной тому было негативное отношение молокан к существовавшему тогда общественно-политическому строю и официальной церкви. «Как и другие рационалистические секты, молокане отрицали духовную иерархию. “У нас один архиерей – Христос, а мы все братья и священники, у нас нет ни малых, ни больших, все равны”, – говорили они. Отрицали гражданскую власть, ибо она нужна для сынов мира сего, а духовные христиане не обязаны исполнять человеческие законы, даже должны избегать таких, которые противоречат слову Божию, например избегать рабской службы помещикам», – отмечает В. А. Федоров в своём фундаментальном труде «Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 гг.» [9].

Особую неприязнь молокане испытывали к Русской православной церкви, считая её идеологическим орудием крепостнического государства. Сам переход в молоканство сопровождался полным разрывом отношений с официальной церковью и отрицанием практически всех её обрядов. Это хорошо видно на примере сарапульских удельных крестьян, присоединившихся к молоканству ещё в начале 50-х гг. XIX в. Приходской священник с. Нечкино Н. Двинянинов, сообщая протоиерею П. Анисимову о появлении в своем приходе молоканства, писал: «Сущность их еретического учения заключается в следующем: они не поклоняются святым иконам, отвергают крестное знамение и все видимые знаки богопочитания, отвергают святыне таинства и не признают над собой власти церковной. Несмотря на неоднократные увещания, сделанные мною и священником А. Князевым, они остаются непреклонными в своём заблуждении» [10].

Сарапульские молокане, как и их единоверцы из других регионов страны, в первую очередь отвергали церковную иерархию. Подобно западным протестантам они заявляли, что верующий может напрямую обратиться к Богу и не нуждается в посреднике в лице клира. К примеру, основатель сарапульской общины М. В. Зайцев на допросе заявил, что «исповедуется и причащается по Евангелии в нерукотворной христовой церкви. Богу молится духом и не осеняет себя крестным знамением. Верует в единого Бога... но в рукотворную церковь не ходит» [11].

Идеи отказа от церкви как социального института, первоначально распространившиеся в мещанской среде, вскоре проникли и к сарапуль-

ским удельным крестьянам. «Церковь считаем не нужной и ходить в оную не следует. Церковь вокруг нас... Мы все перед Богом равны», – заявили крестьяне с. Нечкино протоиерею П. Анисимову [12]. Ещё более чётко эту мысль озвучил крестьянин Ф. Д. Остапов: «Таинства я признаю, но исполнять их через священника не желаю, а хочу получать благодать прямо от Святого Духа. Ходить в приходскую церковь не желаю, потому что церковь – это не стены, а народ в духе. Семь Вселенских соборов не признаю, крестные знамения не делаю, иконам не поклоняюсь и святости в них не вижу. Святых ангелов и угодников не признаю, креста на себе не ношу, а ношу крест внутри себя. Одним словом, я никаких постановлений церкви исполнять не хочу» [13].

Антицерковная позиция молокан очень ярко проявилась в ходе диспутов с представителями православного духовенства, в частности с вятским кафедральным протоиереем Стефаном Кашменским, назначенным членом Духовной комиссии по увещанию молокан. Один из подобных теологических споров произошёл 25 января 1868 г. в Сарапульском тюремном замке, куда были заключены лидеры сектантов. Помимо С. Кашменского в диалоге принимали участие ещё два православных священника – миссионер А. Клобуков и благочинный с. Мостового А. Никольский. В ответ на призыв Кашменского вернуться в лоно церкви и признать законную власть клира молокане решительно отказались, заявив, что они «поставлены не Богом, а человеком» [14].

Руководитель молокан Фома Пономарёв прямо сказал, что «священство признаёт только в святом Евангелие, а тех попов, которые при церквях видимых, мне не надо. Причащаюсь я молитвой, каюсь Святому Духу... Угодников божьих чту только в Писании, праздники почитаю только те, что в Евангелие... В видимую церковь я не хожу. Церковь у меня внутри, в сердце» [15].

Когда речь зашла о церковных таинствах, молокане открыто обвинили священников в корыстолюбии, заявив о неприемлемости поборов за их совершение (в частности, за крещение и венчание). «Благодать Божья у вас продаётся за деньги. У вас теперь и церкви оценены», – утверждали они [16]. К сожалению, подобные выпады сектантов не были абсолютно голословными. Среди сарапульского приходского духовенства, наряду с подвижниками и настоящими пастырями, встречались и люди с довольно низким моральным обликом. Это были вынуждены признавать даже представители местных властей, анализировавшие причины массового выхода удельных крестьян из православия. «Служители церкви отталкивают от себя прихожан непомерными поборами с них и равнодушным отношением к

своим обязанностям», – писал сарапульский уездный исправник [17].

В корыстолюбии приходских священников обвиняли не только сектанты, но и жители других сарапульских сёл, сохранившие приверженность православию. «Излишние поборы, производимые ими (священниками. – А. М.), сделают нас совсем разорёнными... Получая довольно содержание от своего прихода хлебом и имея его по несколько тысяч пудов в запасе, священник Иван Мышкин, дьякон Александр Анисимов и дьячки Степан Тукмачёв и Семён Иванов кроме положенного сбора хлебом наложили на нас особый сбор деньгами: пасхальный с венца – 20 коп., исповедных с венца – 15 коп. и с души 3 коп., петровских 25 коп. и михайловских 20 коп. Кроме того, производят сбор курами, утками, гусями и всем, чем только возможно: сеном, овсом, ячменём, яйцами и решительно всем, что только идёт для домашнего быта», – жаловались вятскому губернатору жители дер. Быгинской Сарапульского уезда [18]. В. Г. Авдеева в своём исследовании, посвящённом истории крестьянских волнений в Вятской губернии в 60–70-х гг. XIX в., утверждала, что некоторые священники по два месяца не хоронили умерших, поскольку родственники усопших не имели возможности оплатить их отпевание [19].

Естественно, что подобное поведение отдельных представителей клира крайне негативно отразилось на авторитете Церкви в целом. Ещё до активизации молоканских проповедников наблюдалось явное снижение интереса значительной части местных жителей к православию (игнорирование церковных служб, исповедей и причастий). К окончательному разрыву отношений между паствой и духовенством привела позиция последнего по возникшему аграрному вопросу. Православный клир сразу же поддержал действия властей и призвал прихожан безропотно подчиниться произволу. Священники не только призывали крестьян к смирению, но и присутствовали при экзекуциях, проводимых присланными войскими командами. В результате сотни сарапульских крестьян публично заявили о своём выходе из православия и примкнули к молоканам, вставшим на их сторону в конфликте с властями. Впоследствии односторонность и негибкость своей позиции были вынуждены признать даже сами священники. «Поземельная реформа задевала крестьян за самое больное место, наносила им большой ущерб в экономическом отношении, а духовенство своими увещаниями принять нарезку земли как бы игнорировало их материальные интересы. Поэтому в глазах своих прихожан оно являлось изменником и их личным врагом. Отсюда и родились враждебные отношения между пастырем и паствой, впоследствии же у некоторых

лиц, особенно после наказания розгами, отношения эти перешли в открытый разрыв не только с духовенством, но и с самой Церковью. Озлобленные, они стали отвергать всё церковное: хождение в церковь, поклонение святым иконам, посты, и, чтобы прекратить всякие сношения с духовенством, стали даже отвергать необходимость таинств», — отмечалось в «Вятских епархиальных ведомостях» [20].

Как уже отмечалось, в отличие от православного клира молокане с самого начала земельного конфликта встали на сторону бывших удельных крестьян, тем более что многие лидеры сарапульских молокан сами были выходцами из этой среды и кабальные условия реформы задевали и их экономические интересы. Сразу после обнаружения уставных грамот сектанты развернули среди крестьян активную агитацию, призывая не выплачивать выкуп за землю и не принимать её в урезанном виде. «Бог, сотворивши человека, наделил его землёй, поэтому платить за неё деньги не следует», — заявляли молокане [21]. Развивая мысль о греховности купли-продажи земли, сектантские агитаторы говорили: «Вся земля божья. Кто же из людей смеет продавать землю и как можно покупать её?.. Да и что такое выкуп земли? Выкупаю вещи или заложенные или проигранные. Разве земля у нас заложена или проиграна? Платить выкуп грех» [22].

Помимо отказа от уплаты выкупа молокане призывали крестьян активнее проявлять свою гражданскую позицию и подавать петиции в различные органы власти, включая высшие. В них предполагалась объяснять губернским и столичным чиновникам суть возникшего конфликта и потребовать учёта хозяйственных интересов местных землепашцев. Особую активность и последовательность в этом деле показал крестьянин с. Галаново Д. М. Дунаев. Он неоднократно бывал во многих сёлах Галановской волости Сарапульского уезда и вёл настойчивую разъяснительную работу среди местных удельных крестьян [23].

Кроме теологического обоснования неприемлемости уплаты выкупа за землю, молокане использовали и различные предания относительно происхождения значительной части изымаемой у них земли. Так, крестьяне починка Заборье твёрдо верили, что земля, которой они уже несколько десятилетий пользовались, якобы была куплена их предками у закамских башкир, а во время генерального межевания была незаконно передана Департаменту уделов. Распространению этих слухов способствовали и сами башкиры. К примеру, после обнаружения уставных грамот во многих сёлах Мостовинской и Галановской волостей побывал хорунжий Ахмедьян Борисов, подтвердивший факт продажи его предками зе-

мель удельным крестьянам и даже показывавший слушателем какие-то документы, якобы удостоверявшие сделку [24].

Всё это подтолкнуло жителей Заборья к активным действиям, в ходе которых они попытались доказать своё право владения отчуждаемой землёй. Они провели сельский сход, на котором было принято решение не подписывать уставную грамоту и не платить выкуп за землю. Кроме того, члены общины постановили собрать все необходимые документы, подтверждающие факт приобретения земли у башкир. С этой целью присутствовавшие на сходе крестьяне Ярышкин и Ефимов решили отправиться в город Мензелинск, где, по их сведениям, жили бывшие владельцы отчуждаемой земли, обладавшие необходимыми юридическими бумагами [25].

Помимо этого, под влиянием молоканских проповедников было составлено несколько ходатайств, отправленных в различные губернские и центральные органы управления. Одно из них адресовалось председателю Департамента уделов Министерства императорского двора. В нём крестьяне просили найти в архиве министерства документы, подтверждающие их право собственности на землю, приобретённую их предками у башкир 17-го кантона.

К сожалению, отстоять свои права легитимным путём крестьянам починка Заборье не удалось. Отправленные к башкирам делегаты вернулись ни с чем, поскольку ни одного законного соглашения о продаже недвижимости сарапульским крестьянам у них не оказалось. Через несколько месяцев пришёл и развёрнутый ответ из Петербурга: «Из сведений, имеющихся в Департаменте уделов, видно, что земля, которую крестьяне починка Заборье предполагают отыскивать в свою личную собственность, ещё до генерального межевания составляла собственность Дворцового (ныне Удельного) ведомства, а при генеральном 1804 г. межевании вся земля, как принадлежавшая к починку Заборье, так и другим соседним селениям, замежевана была в одну округу под названием дачи Мостовинского и Мазунинского приказов... Что касается документов на землю, выданных, будто бы предкам просителей от башкир, то таковых ни в Удельной конторе, ни в Департаменте уделов не имеется» [26].

Провал попыток доказать своё право собственности на изымаемую землю или хотя бы привлечь внимание чиновников к их проблемам привёл к радикализации крестьянского движения в Заборье, которое стало постепенно выходить за рамки правового поля. В данном починке, как и в других населённых пунктах Сарапульского уезда, с 1866 г. стали широко распространяться различные подложные указы и манифесты. Один из них, составленный от имени импера-

тора, был конфискован полицией в марте 1866 г. В нём утверждалось, что «царь предпримет меры к облегчению участи народа. Платить выкуп уделу не следует, а кто заплатит, того следует ссылать по общественному приговору» [27]. Составителями и распространителями подложных манифестов практически во всех случаях являлись молоканские активисты.

16 ноября 1866 г. в Заборье прибыли представители волостной администрации для взыскания с местных жителей выкупных платежей, однако крестьяне платить категорически отказались. Тогда волостное правление обратилось за помощью к уездному исправнику. 28 ноября исправник в сопровождении пристава 3-го стана и нескольких полицейских приехал в починок, но крестьяне, заранее узнав о приближении полицейского отряда, разбежались по окрестным лесам, и найти их не удалось [28]. В своём доме осталось лишь семейство Шадриных: хозяин – Василий Парфёнович, его сын Иван и невестка Афанасья. Все они считались убеждёнными молоканами и ярыми противниками выкупных платежей.

На призыв открыть дверь и впустить блюстителей порядка Василий Шадрин ответил категорическим отказом, заявив, что убьёт любого вошедшего в дом. То, что произошло дальше, описано сухим языком судебного протокола: «Исправник попытался отворить дверь. Между дверью и косяком возник небольшой проём, и тогда В. Шадрин раскалённым железным ломом решил нанести удар по голове исправника, но тот успел увернуться. После этого исправник распорядился принять более энергичные меры, и, окружив дом, выставить все окна. Но жена Ивана Шадрина стала плескать кипятком на приближающихся к дому, обварив лицо и левый глаз сельскому старшине Е. И. Быкову. То же самое стали делать отец и сын Шадрины. Когда кипяток кончился, они сдались и были взяты под стражу» [29].

В ходе следствия 80-летний Василий Шадрин держался твёрдо и уверенно, заявив об отказе принимать от Департамента уделов урезанную и малопригодную землю, а тем более платить за неё выкуп. «Государственные подати платить желаю столько, сколько царь наложит, а выкупные деньги за землю платить не желаю. Положение о выходе крестьян из удельной зависимости не принимаю, никакой нарезки земли на души не признаю, а жду особого распоряжения императора о признании меня вольным» [30]. Не стал он скрывать и своих истинных религиозных воззрений, заявив о непризнании официальной церкви, отказе поклоняться иконам, святым мощам и угодникам.

Поскольку сопротивление жителей починка Заборье приняло столь радикальные формы, гу-

бернские власти стали действовать более решительно и жёстко. 8 января 1867 г. в починок вошли две роты Калужского пехотного полка, устроившие над местными крестьянами показательную расправу. Пять наиболее упорных неплатильщиков были подвергнуты публичной порке, после которой остальные местные жители «стали на колени, прося прощения, и имевшиеся деньги тотчас же уплатили сборщику» [31].

Заставив силой оружия и угрозой физической расправы заборских крестьян выплачивать выкуп за землю, власти и православное духовенство очень долго не могли их вернуть в лоно Церкви. Молокане категорически отказывались посещать храмы, содержать клир и держать у себя иконы. Несмотря на размещение в починке 5-й роты Калужского полка, они продолжали тайно собираться в домах своих духовных лидеров для чтения книг и проведения богослужений. Во время одного из таких религиозных собраний, состоявшегося вечером 24 марта 1867 г., нагрянули солдаты во главе с командиром роты. Они разогнали всех крестьян по домам, а найденную литературу конфисковали и передали местному благочинному священнику Александру Никольскому [32].

Помимо Заборья активное сопротивление властям было оказано в деревне Сигаево Мостовинской волости. При межевании земли категорически отказался помогать землемерам местный крестьянин Ефим Галанов. Вечером 14 ноября 1866 г. к нему пришли сельский староста Петр Вечтомов и десятник Даниил Чуверов, планировавшие уговорить его не саботировать нарезку земли и тем самым не портить отношения с властями. Неожиданно гости столкнулись с крайне агрессивным поведением хозяина. «На предложение выйти для разговора Ефим Галанов заперся в избе. Встав у окна с топором, он пригрозил зарубить любого, кто войдёт. Вошедшие в дом силой отняли топор, но Ефим схватил poleно и ударил им в лоб одного из вошедших. Одна из дочерей Галанова стала бросаться на старосту П. Вечтомова с ножом», – отмечалось в полицейском протоколе [33].

При проведении следствия выяснилось, что семья Галанова, а также ещё несколько их односельчан вышли из православия и стали посещать собрания молокан в деревне Бисарки, ставшей одним из крупнейших религиозных центров сектантов в регионе. Вятский губернатор Н. В. Компанейщиков, побывавший в это время в Сарапульском уезде, отмечал, что в Бисарки на моления молокане собираются за 100 вёрст весьма значительными массами [34].

На допросе Ефим Галанов не скрывал своего отрицательного отношения к Церкви и православному духовенству. Аналогичные взгляды выска-

зали и другие его односельчане-единоверцы, привлечённые к следствию. Так, крестьянин Иван Обухов продемонстрировал неприкрытое иконоборчество, в целом свойственное молоканству. «Иконам я не кланяюсь, так как они сделаны руками человеческими. Я молюсь Духом и церковь не признаю, ибо церковь во мне и служит в ней Святой Дух», – заявил он [35].

В других населённых пунктах Сарапульского уезда, где проживали молокане, сопротивление выкупным платежам и отрезке земли не имело таких агрессивных форм, как в Заборье и Сигаево, но также было открытым и ярко выраженным. Часто крестьяне просто покидали сельские сходы, собираемые по инициативе местной администрации для подписания уставных грамот. Примером могут служить события в деревне Оленьё Болото.

3 октября 1864 г. в деревню прибыл мировой посредник 3-го участка Исишенецкий, который изложил содержание составленной уставной грамоты и потребовал её подписания. Когда присутствовавший на сходе житель соседней деревни Гари Егор Зылёв стал излагать свои возражения относительно условий выкупа земли, мировой посредник закричал: «Тебя здесь не спрашивают, ступай вон!» [36] Е. А. Зылёв покинул сход, однако вместе с ним ушли все его односельчане и часть жителей деревни Оленьё Болото, несогласных с положениями озвученного документа и возмущённых поведением мирового посредника.

Однако и оставшиеся крестьяне не собирались проявлять покорность. Когда Исишенецкий спросил сход, принимает ли он уставную грамоту, все присутствующие хором заявили об отказе сделать это, после чего также покинули избу, в которой проходило собрание.

При проведении следствия по данному инциденту житель деревни Оленьё Болото Григорий Глухов заявил: «Уставную грамоту мы не приняли лишь потому, что по оной назначен большой оброк за землю, который, при большом количестве неудобной земли, кажется для нас слишком обременительным» [37].

Аналогичная ситуация имела место на сходе 26 ноября 1864 г., на котором присутствовали жители нескольких починков (Киприно, Пермьково и др.). Местные крестьяне встретили объяснения мирового посредника «ожесточённым недоверием и нежеланием слушать. Они говорили: уставных грамот не принимаем, земли нам не надобно, царь дал нам волю, мы вольны уйти куда хотим... выкупа платить не будем» [38]. Как и в деревне Оленьё Болото, здешние земледельцы покинули сход, не дождавшись ответа посредника и не подписав уставную грамоту.

Очень серьёзное сопротивление властям было оказано в деревне Бисарки Мостовинской воло-

сти. Мы уже отмечали, что она была одним из крупнейших центров молоканства на территории Сарапульского уезда. Сектантство появилось здесь в начале 60-х гг. XIX в. и было обнаружено мостовинским священником К. Филадельфовым в феврале 1864 г. Последний обратил внимание на то, что многие из его прихожан, ранее считавшихся весьма набожными людьми, неожиданно перестали приходить в храм и убрали из своих домов иконы. Более того, они стали проводить в своих домах молитвенные собрания, на которых высказывались мысли, явно шедшие вразрез с учением Русской православной церкви.

Дальнейшее расследование показало, что в деревне появилось и стремительно распространяется молоканство. Его главными пропагандистами являлись местные жители Павел Быков и Афанасий Мельников, причём последний был хорошо знаком с духовным лидером сарапульских молокан – Фомой Ивановичем Пономарёвым.

Благочинный священник села Каракулино С. Попов с тревогой писал, что «и Быков и Мельников к распространению ереси люди способные. Приходящим к ним в дома они читают какие-то книги, в которых иконы называют идолами, а почитающих их – идолопоклонниками. То же самое они сказали и мне, указав на вторую заповедь Десятословия» [39]. Действительно, названные крестьяне были грамотными и ещё до перехода в секту самостоятельно изучали религиозную литературу. Примкнув к молоканам, для которых Библия являлась настольной книгой, они, по-видимому, значительно расширили свои теологические познания, чем умело пользовались, воздействуя на своих неграмотных односельчан. Нельзя также не отметить, что у бисарских молокан возник отлаженный канал поступления сектантской литературы. Они неоднократно заявляли, что могут приобретать все нужные им книги в Сарапуле, где также существовала устойчивая молоканская группа, состоявшая преимущественно из мещан [40]. К сожалению, нам не удалось выяснить, откуда молоканская литература поступала в сам Сарапул, поскольку все допрашиваемые следственными органами сектанты ссылались на свою неосведомлённость в этом деле. По мнению вятского кафедрального протоиерея Стефана Кашменского, входившего в состав специальной Духовной комиссии по увеличению молокан и владевшего большим количеством информации по этому делу, сектантские книги доставлялись в Сарапул пароходами по Каме [41].

Распространение молоканства в Бисарках проходило стремительно. Уже через два года по данным вятского губернатора Н. В. Компанейщикова в деревне насчитывалось 123 двора, хозяева которых вместе со своими семьями перешли в

молоканство [42]. Естественно, что их отношение к выкупным платежам и изъятию части земли также было крайне негативным.

В конце 1865 г. жители деревни Бисарки заявили об отказе платить выкуп за землю, мотивировав это тем, что считают землю своей. Все попытки прибывшего в деревню мирового посредника убедить крестьян отказаться от сопротивления результата не дали. Более того, обстановка в деревне заметно накалилась и грозила перерасти в открытые столкновения. «Волостные власти по распоряжению посредника начали опись и продажу крестьянского имущества. Но крестьяне оказали им такое сопротивление, что волостные начальники вынуждены были бежать из селения, опасаясь нападения. Не изменило положения и прибытие в Бисарки уездного исправника, которому также пришлось бежать, опасаясь за свою жизнь», — отмечала В. Г. Авдеева [43].

Как и в починке Заборье, в деревне Бисарки власти смогли стабилизировать ситуацию лишь при помощи армейских частей. В марте 1866 г. командование Казанского военного округа по просьбе вятского губернатора направило в деревню 2-ю и 9-ю стрелковые роты 6-го пехотного Либаевского полка [44]. Вошедшие в Бисарки солдаты устроили здесь настоящую экзекуцию. Некоторые из местных жителей получили по 300 ударов розгами, при этом теряли сознание и уже не могли самостоятельно передвигаться. После такой расправы их родственники согласились уплачивать выкуп. При этом им пришлось продать часть нажитого имущества, в частности скот.

Как видим, при помощи армии властям удалось подавить движение удельных крестьян Сарапульского уезда, заставить их смириться с отрезкой земли и уплатой выкупа. Тем не менее социальный протест местных жителей никуда не исчез, а лишь приобрёл другие формы и принял ещё более выраженную религиозную окраску. Согласившись с экономическими требованиями светских властей, многие местные крестьяне категорически отказались принимать власть духовную и возвращаться в лоно Русской православной церкви. При этом они проявляли большее упорство, чем в случае с выкупными платежами, соглашаясь даже на ссылку в Сибирь или на Кавказ.

Таким образом, в движении сарапульских удельных крестьян в 60-х гг. XIX в. был заметно представлен религиозный компонент. Основными очагами сопротивления реализации аграрной реформы стали населённые пункты, в которых широко распространение получило молоканство (Бисарки, Заборье и др.). Кроме того, в большинстве случаев именно молокане являлись организаторами различных акций гражданского неповиновения: отказ платить выкуп за зем-

лю, обрабатывать предоставленные Департаментом уделов наделы, содержать православное духовенство и т. д. При этом в качестве мотивации своих действий сарапульские крестьяне часто приводили положения молоканской социальной доктрины, в частности о греховности купли-продажи земли.

Примечания

1. Александров А. А. Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Удмуртии // Очерки истории Удмуртии XIX в. Ижевск, 1996. С. 99–100.
2. История Удмуртии: конец XV – начало XX в. / под ред. К. И. Куликова. Ижевск, 2004. С. 264.
3. Авдеева В. Г. Крестьянское движение в Вятской губернии в пореформенный период (60–70-е гг. XIX в.) // Учёные записки КГПИ. Вып. 19. Киров, 1965. С. 56.
4. История Удмуртии... С. 264.
5. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1954. С. 269.
6. Памятная книжка Вятской губернии на 1870 г. Вятка, 1870. С. 23.
7. Александров А. А. Указ. соч. С. 103.
8. См. подробнее: Машковцев А. А. Неправославные христианские конфессии Вятско-Камского региона (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Киров, 2010. С. 101–119.
9. Фёдоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 гг. М., 2003. С. 233.
10. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 237. Оп. 13. Д. 731. Л. 2.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 84. Д. 63. Л. 17.
12. ГАКО. Ф. 237. Оп. 13. Д. 731. Л. 5об.
13. ГАКО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1481. Л. 32.
14. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 и. Д. 362. Л. 30.
15. ГАКО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1596. Л. 99об.
16. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 и. Д. 362. Л. 30.
17. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 440. Л. 501.
18. ГАКО. Ф. 582. Оп. 83. Д. 1586. Л. 2–3.
19. Авдеева В. Г. Указ. соч. С. 35.
20. Секта «немоляев» в Мостовинском приходе Сарапульского уезда // Вятские епархиальные ведомости. 1903. № 17. С. 736.
21. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 439. Л. 201об.
22. Цит. по: Авдеева В. Г. Указ. соч. С. 62.
23. ГАКО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1330. Л. 17–17об.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 66. Д. 91. Л. 9.
25. ГАКО. Ф. 582. Оп. 83. Д. 1757. Л. 1.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 51. Л. 108–108об.
27. ГАКО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1424. Л. 17.
28. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 38. Л. 90–93.
29. ГАКО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1409. Л. 61–61об.
30. Там же. Л. 9.
31. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 51. Л. 57об.
32. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 и. Д. 362. Л. 4–4об.
33. ГАКО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1411. Л. 9об.
34. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 и. Д. 362. Л. 1об.
35. ГАКО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1411. Л. 19.
36. ГАКО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1331. Л. 4.
37. Там же.
38. ГАКО. Ф. 576. Оп. 1 в. Д. 157. Л. 10–10об.
39. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 з. Д. 251. Л. 1об.
40. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 и. Д. 362. Л. 1об.
41. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 и. Д. 1051. Л. 44об.

42. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 и. Д. 362. Л. 1.
 43. Авдеева В. Г. Указ. соч. С. 63.
 44. ГАКО. Ф. 582. Оп. 28. Д. 43. Л. 49.

УДК 93/94, 342.56, 321

А. Д. Попова

ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИЙ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье анализируется процесс эволюции функций судебной власти в контексте развития гражданского общества. Показано, что в XIX в. деятельность пореформенного суда имела большое значение в защите прав и свобод людей, развитии рыночной экономики, слиянии сословий. Установлено, что углубление демократических отношений на рубеже XX–XXI вв. привело к появлению новых аспектов воздействия деятельности судебной власти на процесс становления гражданского общества. Работа судов стала важна для защиты деятельности общественных организаций и демократических выборов, дала обществу еще один способ воздействовать на власть.

The process of judicial authority functions evolution in a context of development of a civil society is analyzed in clause. The author shows, that in XIX century the activity of court had the large importance in protection of the rights and freedom of the people, development of market economy, merge of estates. Is established, that the deepening of the democratic relations on a boundary XX–XXI of centuries has resulted in occurrence of new functions of judicial authority. The job of courts became important for protection of activity of public organizations and democratic choices, has given a society one more way to influence authority.

Ключевые слова: гражданское общество, судебная власть, права и свободы людей, демократия.

Keywords: a civil society, judicial authority, right and freedom of the people, democracy.

Формирование гражданского общества в настоящий момент рассматривается как основополагающая цель развития современного российского общества. В современных политической, юридической, исторической науках, а также в философии нет единого подхода к трактовке данного понятия. Большинство исследователей сходятся в том, что для гражданского общества присущ ряд признаков: защита прав и свобод людей, демократический характер формирования органов власти, возможность общества воздействовать на власть, высокий уровень жизни населения.

Достаточно дискуссионной проблемой является вопрос о времени начала формирования гражданского общества в нашей стране. В совре-

менной исторической науке наиболее распространенной является позиция, по которой становление атрибутов гражданского общества началось в период эпохи Великих реформ в 60–70-е гг. XIX в. [1] В достаточно короткий срок был проведен целый ряд реформ, существенно изменивших облик страны, – крестьянская, земская, городская, судебная, школьная, университетская, военные и др. Эти преобразования заложили основу для формирования гражданского общества. Все реформы содействовали расширению правового статуса личности, причем это касалось представителей всех сословий, в том числе и крестьян. Реформы возвысили значение права как регулятора общественных отношений. Дух всей Александровской модернизации был проникнут демократическими идеями, вместе с реформами в России стали появляться представления о равенстве людей перед законом, уважении человеческого достоинства, праве на собственное мнение.

Большой шаг был сделан в сторону ликвидации сословности. Формально сословия не были уничтожены (они просуществовали до 1917 г.). Однако практически все реформы содействовали слиянию сословий: служить в армии стало обязательностью всех сословий, в земствах работали также представители всех сословий, были расширены возможности для поступления во все сословные учебные заведения. Так, представители духовного сословия получили на некоторое время право уходить из своих сословных учебных заведений – духовных училищ и духовных семинарий – и поступать в гимназии и университеты.

Особо стоит отметить значение земской реформы – было начато формирование гражданского самоуправления, т. е. самоуправления все сословного, а не корпоративного типа. Земства сыграли колоссальную роль в улучшении жизни простого народа. Именно благодаря усилиям земских деятелей простой народ получил доступ к образованию и медицинской помощи. Причем уровень преподавания в земских школах, как и уровень медицинской помощи в земских больницах, был гораздо выше, чем в казенных больницах и школах. Кроме земского самоуправления в пореформенной России стремительно развивается такой институт гражданского общества, как общественные организации. В стране растет число различных обществ: просветительских, благотворительных, научных, спортивных, технических. Так, почти во всех губерниях создаются сельскохозяйственные общества. К концу XIX в. их было более 700 [2].

Конечно, результаты становления гражданского общества в России во второй половине XIX в. не стоит преувеличивать. Гражданское общество формировалось в России в условиях до-

гоняющей модернизации. Этим определялась неравномерность происходивших преобразований и особенность процесса формирования гражданского общества в нашей стране. В России не было сильного слоя буржуазии, поэтому большая роль как в процессе осуществления модернизации, так и в формировании гражданского общества принадлежала государству. Эта особенность выделяется рядом исследователей [3]. Так, по инициативе государства возникли всесословные органы управления, большая роль государства была и в развитии капиталистических отношений. Естественно, не стоит преувеличивать демократические настроения власти, ее содействие становлению гражданского общества происходило неосознанно, причем государственная политика в этом плане была полна противоречий: ряд государственных мероприятий поддерживал тенденцию на развитие гражданского общества, а другие ей мешали.

Во второй половине XIX в. в российском обществе причудливо переплетались самые различные черты. Стремительное развитие капиталистических отношений сопровождалось сверхэксплуатацией рабочего класса. В России медленнее, чем в других странах, происходила секуляризация общественной жизни, до 1917 г. церковь не была отделена от государства. Мероприятия эпохи Великих реформ не привели к установлению представительной системы, ограничению самодержавия и введению политических прав и свобод. Актуальным для России XIX в. оставался низкий уровень жизни населения. Земства своими мероприятиями пытались повысить уровень жизни простого народа, но большой разрыв в уровне жизни «низов» и «верхов» продолжал сохраняться. Е. Е. Ермакова выделяет еще одну особенность формирования гражданского общества: неоднородность этого процесса не только в институциональном, а еще и в территориальном плане: в различных регионах данный процесс шел с разной интенсивностью. Наибольшее число общественных учреждений и обществ было в столицах – Москве и Петербурге. Так, с 1861 по 1880 г. в Петербурге было основано 95 обществ, в Москве – 44, во всех губернских городах – 395. За этот период во всех уездных городах были зарегистрированы всего 263 общественные организации, а в уездах – только 46 [4].

По-видимому, нет оснований утверждать, что гражданское общество во второй половине XIX в. было *полностью сформировано*, но, бесспорно, что *шел процесс* его формирования. Тенденция на слияние сословий, рост уровня законности, повышение правового статуса личности, развитие всесословного самоуправления, деятельность общественных организаций, формирование капиталистического рыночного хозяйства – все это

позволяет утверждать, что такой процесс шел. Формирование гражданского общества – процесс очень длительный. Как отмечает И. В. Орлова, «гражданское общество нельзя построить сразу. Это длительный процесс» [5]. Можно согласиться с мнением зарубежного исследователя Джозефа Бредли, который подчеркивал, что в условиях самодержавной монархии в пореформенной России гражданское общество было очень слабым. Однако он указывает, что значение первых институтов гражданского общества – различных объединений и ассоциаций – было очень велико: они содействовали развитию чувства равенства у людей, повышали уровень культуры, служили выразителями общественного интереса [6]. Аналогичной позиции придерживается и профессор Б. Н. Миронов [7].

Процесс становления атрибутов гражданского общества был замедлен после установления советской власти. Особенности политического строя советского государства шли вразрез с атрибутами гражданского общества, хотя некоторые черты формально совпадали с ними. Выборы в представительные органы власти носили формальный характер, права и свободы граждан соблюдались не в полном объеме, деятельность общественных организаций была подконтрольна органам власти. Новый кардинальный поворот в сторону гражданского общества произошел в процессе демократических преобразований на рубеже XX–XXI вв. В 1990–1991 гг. принимается ряд нормативных актов, демократизировавших политическую систему: закон СССР «Об общественных объединениях», закон СССР «О свободе вероисповедания», закон СССР «О профессиональных союзах», закон РСФСР «О средствах массовой информации». Эти акты можно назвать важнейшими шагами к гражданскому обществу и расширению прав и свобод граждан.

Статья 1 закона СССР «Об общественных объединениях» признавала право на объединение неотъемлемым правом человека и гражданина. Допускалось создание любых общественных организаций, в том числе и политических партий, кроме призывающих к свержению политического строя, пропагандирующих войну и насилие, разжигающих ненависть. Государству запрещалось вмешиваться в деятельность общественных организаций и финансировать их деятельность (статья 5 Закона). Партии получили право участвовать в политической жизни, т. е. выдвигать кандидатов в народные депутаты, вести предвыборную агитацию. Это было началом создания многопартийной системы. Так же как и в XIX в., растет число общественных организаций. В 1996 г. было зарегистрировано 2 879 общественных объединений [8], в 2006 г. их становится уже 145 743 [9].

Принятие закона РСФСР «О средствах массовой информации» сделало шаг к свободе слова. Статья 3 закона запрещала цензуру, закон вводил регистрационный, а не разрешительный порядок создания новых изданий. Не допускалась только пропаганда жестокости, войны, насилия и дискриминации. Возрастает число периодических изданий. Если в 1993 г. было зарегистрировано 1 843 общероссийских издания, то в 1998 г. – уже 3 258 [10].

Большое значение имело принятие закона СССР «О свободе вероисповедания», это означало признание за гражданами права исповедовать любую религию. Увеличивается число религиозных организаций. В 1995 г. их было 13 073, в 2001 г. – 20 441, в 2005 г. – 22 144. Верующие всех конфессий получили возможность совершать паломничество к святым местам за границу.

Указ Президента России от 25 мая 1992 г. № 524 создал условия для реализации еще одного права, неотъемлемого для демократического общества, – права на проведение уличных митингов, шествий, демонстраций. Ряд законов создал условия для формирования экономической основы гражданского общества – рыночной экономики. Здесь особо следует выделить закон «О собственности в РСФСР», который восстанавливал частную собственность на средства производства. Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» впервые со времен нэпа предоставлял предприятиям право реализовывать свою продукцию и услуги по ценам, устанавливаемым самостоятельно.

Большое значение в формировании институтов гражданского общества имеет деятельность органов судебной власти. Суд уравнивает всех, обеспечивая рассмотрение споров и конфликтов на основе права. Не случайно Гегель выделял наличие независимой демократической судебной власти в качестве признака гражданского общества: «Член гражданского общества имеет право искать суда и обязанность предстать перед судом и получить только через суд оспариваемое право» [11]. В обе исторические эпохи процесс обновления общества сопровождался многоплановыми судебными реформами. Как судебная реформа 1864 г., так и судебная реформа рубежа XX–XXI вв. были направлены на становление демократического правосудия. Они обе ставили задачу сделать правосудие независимым, самостоятельным, доступным для населения, поднять уровень профессионализма судей.

В обе эпохи деятельность преобразованных судебных органов имела большое значение для становления институтов гражданского общества. Реализация судебной реформы 1864 г. содействовала росту степени защищенности прав и свобод людей, причем это касалось представителей всех

сословий. Реформа дала возможность защитить свои права и свободы даже представителям непривилегированных сословий. В XIX в. в камерах мировых судей одними из самых распространенных дел являлись претензии работников к работодателю: ученики ремесленников, горничные предъявляли претензии к своим хозяевам за то, что не заплатили за работу, а порой еще и оскорбили, побили. И если до реформы работодатели были просто уверены, что их произвол окажется безнаказанным, то мировые судьи нередко восстанавливали поправленную справедливость. Также новые суды дали возможность найти защиту от домашнего произвола, который был очень распространен в XIX в. среди представителей всех сословий. В мемуарах А. А. Пеликана нарисована мрачная картина: «Домашняя жизнь, даже там, где она протекала относительно мирно, была тяжела и неприглядна... Дети это чувствовали едва ли не сильнее взрослых... На детях вымещали злобу и срывали досаду родители, старшие братья и сестры, товарищи, воспитатели...» [12]. Некоторые родители превращали своих детей в маленьких рабов, изводя их непосильной работой и жестоко наказывая. Очень тяжелым было положение учеников ремесленников. Редко кто из них не страдал от непосильной работы, постоянных побоев и крайне скудного содержания: даже в самый суровый мороз можно было встретить на улице мальчика-ученика, едва одетого и чуть ли не босого, бегущего в лавку по приказу хозяина. Мемуаристы говорят о таких картинах городского быта, как о самых привычных и распространенных [13]. Не в лучшем положении находились дети, отданные из приютов в семьи на воспитание [14].

Положение женщины в семье было так же в целом бесправным. Существующее законодательство ставило ее в полную зависимость от мужа или родителей, давало последним возможность полностью распоряжаться ею, безнаказанно эксплуатировать и жестоко обращаться. Случаи жестокого обращения с женщинами были также типичны, как и жестокое обращение с детьми. Периодическая печать XIX в. и мемуаристы неоднократно писали об этом [15]. Обращение в новые суды давало надежду получить защиту от такого произвола. Некоторые мировые судьи активно содействовали защите прав женщин и детей. Мировой судья Московской губернии А. Мантейфлей в своих мемуарах подробно рассказывал о своей борьбе с подобными «народными обычаями».

Однажды он приговорил одного сапожника за избивание ученика к 5 суткам ареста. Как пишет судья, это произвело сильное впечатление на общество: «Острастка арестом возымела некоторое успокоительное действие на других хо-

заяв, любивших пускать в ход кулаки и ремень» [16]. В некоторых случаях (правда, очень редких) было достаточно влияния одного только авторитета мирового судьи. Автор мемуаров описывает один случай, когда ему было достаточно провести с портным «разъяснительную работу», чтобы тот в корне изменил свое отношение к ученику.

Развитие буржуазных отношений на рубеже XIX–XX вв. вело к постепенному увеличению роли закона в жизни общества. Соответственно и роль судов в защите прав и свобод расширяется. В конце XIX – начале XX в. в судебной практике стали появляться новые виды дел, которые вытекают из новых правоотношений. Так, в 1893 г. в Рязанском областном суде слушалось дело, которое по современной терминологии бы назвали делом о защите права на безопасную экологическую среду [17]. Владелец красильной фабрики в г. Егорьевске Рязанской губернии был привлечен к ответственности за сброс отходов красильного производства в местную речку Гуслянка. Дело было возбуждено по жалобам крестьян, проживающих в деревнях, расположенных по течению этой речки. Их жизнь стала невыносимой из-за сбросов отходов, в речке нельзя было не только купаться, но даже стирать одежду, на воде нельзя было готовить пищу. На берегу явственно чувствовался запах сероводорода, растущая по берегам трава была непригодна для скота. Решение суда защитило право жителей этих деревень на безопасную экологическую среду: деятельность фабрики в судебном порядке была приостановлена. В начале XX в. в производстве того же суда стали появляться дела, по которым к уголовной ответственности привлекались работодатели, нарушающие законодательство о труде несовершеннолетних. Таким образом, судебная реформа 1864 г. играла свою роль в изменении повседневной жизни людей. Также деятельность пореформенных судов имела большое значение для становления экономического базиса гражданского общества – рыночной экономики. Суды дали возможность объективно и относительно быстро разбирать конфликты между купцами, предпринимателями. Судебный деятель В. К. Случевский подчеркивал значение реализации судебной реформы 1864 г. для развития рыночных отношений: «Судебные Уставы, построенные на началах, выработанных западно-европейской жизнью, были вполне понятны для иностранцев и вселяли в них доверие к нашим судебным порядкам, создавая импульс к расширению торговых международных отношений» [18].

Можно выделить еще одну роль пореформенных судов в становлении гражданского общества – их деятельность содействовала эрозии такого атрибута феодального общества, как сословность. Принципом судебной реформы 1864 г. ста-

ла *всесословность*: все судебные учреждения рассматривали дела, невзирая на сословную принадлежность истцов, ответчиков, потерпевших, подсудимых. Коллегия присяжных также формировалась на всесословных началах. Деятельность судов на всесословных началах содействовала слиянию сословий. Процесс слияния сословий не был абсолютно безболезненным для общества, и в работе пореформенных судов это хорошо видно. Прежде всего, некоторые представители дворянства сочли для себя крайне обидным идею всесословного судопроизводства. В процессе работы новых судов со стороны дворян нередко проявлялось недовольство равноправным положением всех людей. То, что их ставят на «одну доску с мужиками», не выказывают обычного преклонения, возмущало многих, даже не принадлежавших к дворянскому сословию (купцов, представителей духовенства). Крестьянство воспринимало разрушение сословных рамок тоже неоднозначно. Вековая традиция отделять себя от «благородных» была очень крепка и мешала осознать крестьянину возможность равноправных отношений с представителями других сословий. Страх перед наказанием за непочтительное поведение сочетался у него с убеждением в необходимости сохранять дистанцию между мужиком и барином. Парадоксально, но всесословность внедрялась в первую очередь представителями не того сословия, которое в наибольшей степени было в ней заинтересовано, а, наоборот, представителями привилегированных сословий – либерально настроенными дворянами или разночинцами. Всесословность утверждалась теми мировыми судьями, которые одинаково обращались и с крестьянами, и с дворянами. Она утверждалась теми председательствующими, которые с уважением относились к присяжным-крестьянам и не делали различия между участниками процесса разного сословного происхождения. Она утверждалась теми присяжными благородного происхождения, которые не считали зазорным подать руку присяжному-крестьянину и выслушать его мнение. Судебная реформа создала условия для таких порывов, а суды стали местом, как и земства, где принцип равенства всех перед законом воплощался не на словах, а на деле.

Однако судебная реформа 1864 г. в этом плане была не до конца последовательна – реформа сохранила ряд сословных судов, в частности духовные для духовенства и волостные для крестьян. Деятельность последних вызывала немало нареканий у самих крестьян. Главным источником права в них был не закон, а местный обычай, распространено было взяточничество. «Свод замечаний о применении на практике Судебных Уставов» констатировал: «Жалобы и ропот крестьян на решения волостных судов – явление

повсеместное и самое обыкновенное» [19]. Американский исследователь Питер Кзеп выделил еще одну черту волостных судей: служить на этой должности находилось мало желающих, поэтому нередко в судьи избирались люди не просто необразованные, но еще и крайне непорядочные [20]. Крестьяне свои волостные суды не любили, называли «лапотными» [21] и старались принять все возможные меры, чтобы передать свое дело для рассмотрения в мировой суд.

На рубеже XX–XXI вв. роль судебных органов в развитии институтов гражданского общества стала шире. Конечно, судам уже не приходилось своей деятельностью содействовать слиянию сословий, так как они были уже давно отменены. Однако очень актуальным является проблема защиты прав и свобод людей. Важным составляющим судебной реформы рубежа XX–XXI вв. стало расширение круга дел, которые могли разрешаться в судебном порядке. В советский период возможность добиться защиты своих прав в суде была ограничена, во многих случаях по закону этого сделать было нельзя. Так, руководители среднего звена, например директор школы, завуч, начальник цеха, склада могли обжаловать вопрос об увольнении не в судебном, а только в административном порядке, обратившись к более высокому начальству. Нельзя было в судебном порядке обжаловать решения многих административных лиц, например решение комиссии по делам несовершеннолетних о помещении подростка в специальную школу. Невозможно было обжаловать в суде решения по вопросам предоставления жилья, принудительного помещения в психиатрическую больницу. Из ведения судов были изъяты хозяйственные споры между юридическими лицами, кроме колхозов [22]. Как замечает В. Савицкий, по иронии судьбы статья Конституции 1977 г., гарантирующая доступ граждан к правосудию, имела тот же печально знаменитый номер, что и самая страшная статья сталинского Уголовного кодекса – 58, словно лишний раз подчеркивая всю эфемерность правовых гарантий в первой стране Советов [23].

Результатом судебной реформы рубежа XX–XXI вв. стало то, что сейчас фактически любой спор может быть рассмотрен в суде. Целый ряд статей Конституции России направлен на закрепление доступности правосудия для всех. Статья 46 Конституции РФ провозглашает: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». В статье 47 говорится: «Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом».

Задача защиты в судебном порядке прав и свобод стала реализовываться в ходе осуществления судебной реформы рубежа XX–XXI вв.

даже на более высоком уровне, чем во второй половине XIX столетия. В ходе современной судебной реформы в судебной практике стали появляться дела, которые ранее даже не могли бы возникнуть как по правовым, так и по ментальным причинам. Даже самые незначительные на первый взгляд вопросы, которые ранее вызвали бы усмешку, сейчас рассматриваются в судах. Например, в судах стали появляться дела о спорах жильцов коммунальной квартиры из-за использования мест общего пользования. Новшеством стали требования в суде граждан привлечь к ответственности соседа, убившего любимого кота или собаку. Такого рода дела первоначально даже у судей вызывали удивление, но потом постепенно стали входить в судебную практику. В гражданском обществе права и свободы не делятся на значительные и незначительные и все могут быть защищены.

Деятельность судов стала играть большую роль в защите прав потребителя. Количество исков этой категории растет с каждым годом. В 1998 г. их было подано 27,1 тысяч, а в 2006 г. – 28,9 тысяч в районных судах и 69,4 тысячи в мировых. Поводом для подачи таких исков становятся самые различные нарушения: продажа некачественного товара, предоставление оплаченной услуги не в срок. Достаточно актуальной проблемой для многих граждан является работа системы ЖКХ. Воздействовать на работу организаций, предоставляющих услуги в этой сфере, стало возможно и в судебном порядке, например признать, что соответствующие услуги не оказывались и даже потребовать компенсацию за моральный и материальный ущерб, если, например, постоянный холод в квартире стал причиной острого или хронического заболевания. Само понятие морального вреда, требование его компенсации стало новым для граждан России, причем в таких ситуациях, которые были обыденными для советских граждан, но никто даже не задумывался о возможности получения компенсации. Так, и в советский период люди сталкивались с некачественной медицинской помощью, но даже речи не шло о какой-либо компенсации. Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. судебная реформа оказала более значимое влияние на повседневную жизнь людей, чем это имело место в XIX в.

Также новшеством стали дела о защите чести и достоинства, иски к государственным органам. Только в 1990 г. количество исков о защите чести и достоинства выросло в 1,5 раза [24]. Судебная практика стала медленно менять отношение к авторским правам, которые в советский период охранялись слабо. Большей степени защиты прав и свобод людей стало содействовать введение судебного порядка взятия под стражу, проведения обысков, прослушивания телефонных

разговоров, перлюстрации переписки и пр. Причем в суде обязательно должны присутствовать и обвиняемый, и его адвокат. Фактически впервые в нашей стране реализуется процедура Хамбеас корпус акт. Реформа 1864 г., при всей ее прогрессивности, контроль за законностью арестов сделала функцией прокуратуры. Судебный порядок принятия решений, влекущих ограничение прав и свобод человека, требует от органов предварительного следствия детально доказывать необходимость таких кардинальных мер. Судебная практика показывает, что ходатайства от органов следствия о взятии подозреваемого или обвиняемого под стражу удовлетворяются не всегда (в 98% случаях, если речь идет о мужчине, или в 96%, если под следствием оказалась женщина). Сам факт присутствия обвиняемого и его адвоката не позволяет арестовать человека только потому, что это удобно органам следствия. В советское время сам подследственный, и уж тем более его адвокат (адвокаты в советское время допускались только после окончания следствия), совсем не имели возможности противостоять аресту и были в полной зависимости от прокурора. Как показывают воспоминания прокурорских работников, прокуроры по-разному относились к выдаче санкций на арест. Одни рассматривали этот вопрос очень скрупулезно, взвешивая все обстоятельства. Другие легко подписывали постановление о взятии под стражу, даже толком не прочитав документ. В мемуарах прокурорского работника В. Н. Петухова указывается, что один из сотрудников прокурорского надзора так легкомысленно подписывал такие документы, что стал жертвой поучительного розыгрыша со стороны своих подчиненных. Они изготовили постановление о взятии под стражу самого прокурора, и он спокойно подписал постановление на арест самого себя [25].

Современная судебная реформа дала гражданам возможность добиться компенсации в случае судебной ошибки или органов предварительного следствия. В советские годы люди, пострадавшие от незаконного осуждения, судебной ошибки, недобросовестности следователя, имели очень ограниченные возможности получить какую-либо компенсацию. Сейчас такая возможность появилась. Количество подобных исков растет. Если в 2000–2002 гг. их поступило не более 250, то только в 2007 г. стало более тысячи [26].

С развитием институтов гражданского общества у судов возникают новые функции, о которых не могло быть речи в XIX в. Деятельность судов является гарантией функционирования таких важных элементов гражданского общества, как свободная деятельность прессы и общественных организаций. По современному законодательству деятельность издания или обществен-

ной организации может быть прекращена только в судебном порядке. Именно судебное разбирательство не дало из политических сиюминутных соображений прекратить деятельность КПРФ. В современной судебной практике дела о прекращении деятельности какой-либо некоммерческой, общественной или религиозной организации не являются экзотикой. Чаще подобные дела возникают по инициативе органов юстиции по причине непредоставления какой-либо организацией отчетной документации. Также такие дела возникают по иску прокуратуры, которая требует запретить деятельность какой-либо организации в связи с ее опасностью для общества. В частности, в Ростовской области в судебном порядке была прекращена деятельность отделения одной религиозной организации. Анализ судебного акта позволяет прийти к выводу, что такое жесткое решение было принято на основе большого ряда доказательств (нескольких экспертиз литературы, издаваемых этой организацией, показаний большого ряда свидетелей), подтверждающих деструктивный характер деятельности этой организации [27].

В ходе судебной реформы рубежа XX–XXI в. суды стали играть важную роль в реализации еще одного важнейшего признака гражданского общества – возможности общества воздействовать на власть, иметь способ остановить произвол должностного лица или коллегиального органа. Судебный способ такого воздействия является наиболее эффективным. Иски к чиновникам прочно занимают место в судебной статистике рубежа XX–XXI вв. В 1996 г. в районные суды поступило 43,6 тысяч подобных исков. Они составили 1% от всех поступивших исков. 70% исков этой категории были удовлетворены [28]. В дальнейшем число подобных обращений растет. В 1997 г. поступило уже 80,6 тысяч таких исковых заявлений, они составили 2,1% от всех исков. В 2003 г. было подано уже 117,5 тысяч исков такого рода (5,4%) [29]. Однако затем количество подобных обращений в суды стало снижаться. В 2005 г. в суды было подано 81,1 тысяча жалоб на действия должностных лиц, коллегиальных органов, что составило 4,3%. В 2006 г. число подобных обращений стало еще меньше – 59,8 тысяч (0,5%) [30]. Возможно, снижение числа исков данной категории можно объяснить более осторожными действиями должностных лиц и появившимся опасением откровенно попираť правовые нормы. В данном случае ценным является даже не процентный вес подобных обращений в суд, а наличие возможности у граждан оспаривать действия должностных лиц в суде. Уже сама перспектива, что действия чиновника могут быть обжалованы в суде, заставит его более аккуратно относиться к нормам закона.

Судебная реформа рубежа XX–XXI вв. предоставила гражданам и организациям еще одну возможность воздействовать на власть, которой не было в XIX в.: в судебном порядке гражданин, организация, учреждение могут потребовать признать недействительным нормативно-правовой акт, если он, по их мнению, нарушает права и свободы, противоречит акту, обладающему более высокой юридической силой. В этом плане большое значение имеет деятельность Конституционного суда РФ. Конституционный суд не рассматривает вопросы факта, но именно он может решить, насколько соответствует та или иная норма закона Конституции РФ. Подать иск с требованием признать тот или другой акт незаконным может как любое учреждение, орган власти, так и любой гражданин страны. Надо сказать, что граждане активно пользуются этим правом. Число обращений в Конституционный суд растет с каждым годом: за один только 2009 г. было подано обращений больше, чем за 1995–1999 гг. Причем именно обращения граждан и их объединений составляют львиную долю от всех обращений. За 1995–2009 гг. было подано всего 204 813 заявлений, из них только 1529 – запросы государственных органов, а 203 284 – граждан и их объединений [31]. Наиболее распространены являются иски, связанные с защитой конституционных прав и свобод, а также с уголовным процессом.

Опротестовать нормативный акт можно также и в судах общей практики. Достаточно примеров, когда по заявлению какой-либо организации, учреждения, физического лица, а также представителя прокуратуры положения нормативных актов признавались областными или районными судами незаконными. Так, по заявлению ООО «ГорСпортИнформ» Рязанский областной суд признал незаконным нормы закона Рязанской области «Об административных правонарушениях», устанавливающие административную ответственность за размещение уличной рекламы без согласования с владельцами зданий и ГИБДД, так как в данном случае санкции могут устанавливаться только федеральным законом [32]. Новгородский областной суд удовлетворил иск прокурора области о признании некоторых пунктов территориальной программы по оказанию медицинской помощи населению незаконными, так как эти пункты предусматривали выделение денежных средств ниже норм, предусмотренных федеральным законом [33].

Были случаи, когда непосредственно граждане добивались признания нормативных актов или их отдельных норм незаконными. Так, Верховный Суд РФ удовлетворил иск гражданина, который потребовал признать незаконными некоторые положения Инструкции о проведении ме-

дицинского освидетельствования на состояние опьянения. В процентном соотношении они не занимают большого веса (0,3% от всех дел, рассмотренных районными судами). Однако и здесь важным является наличие самой возможности через суд добиться отмены дискриминационного акта.

Велика роль реформируемых судов в обеспечении законности и равноправия при проведении самого главного атрибута демократии – выборов. Нарушение прав избирателя, кандидата в депутаты также могут быть оспорены и восстановлены в судебном порядке. В общей массе гражданских дел иски о нарушении избирательного законодательства составляют десятые доли процента (в 2006 г. в районных судах было рассмотрено 1,6 тысяч таких исков, что составило 0,1%). Однако и здесь важен сам факт наличия такой возможности. Перспектива судебного разбирательства уже сама по себе заставляет избирательные комиссии тщательно следить за соблюдением избирательного законодательства. Причем предметом судебного разбирательства могут стать даже малозначительные, на первый взгляд, обстоятельства. Например, во сколько должен прекращаться прием бланков с собранными подписями от кандидатов в последний день приема таких документов, в 18.00 (конец рабочего дня) или 24.00 (конец суток) [34].

Таким образом, с углублением процесса становления гражданского общества функции судебной власти расширяются. Во второй половине XIX в. роль пореформенных судов в становлении гражданского общества заключалась в содействии слиянию сословий, защите прав и свобод людей, формированию рыночных отношений. В судах получили защиту даже представители непривилегированных слоев общества. На рубеже XX–XXI вв. на судебную власть лег целый ряд новых функций. Деятельность реформируемых судов на рубеже XX–XXI вв. содействовала реализации таких важных атрибутов гражданского общества, как воздействие общества на власть, свободная деятельность общественных организаций, проведение демократических выборов.

Примечания

1. Черных А. И. Долгий путь к гражданскому обществу (реформы 1860-х годов в России) // Социологические исследования. 1994. № 8–9. С. 173–180; Красильщиков В. А., Гутник В. П., Кузнецов В. И., Белосусов А. Р., Клепач А. Н. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Побережников И. В. Общество в контексте модернизации: Урал во второй половине XIX – начале XX вв. // Российская модернизация XIX–XX вв.: институциональные, социальные и экономические перемены: сб. науч. ст. Уфа, 1997. С. 47–60; Володин А. Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика // Полис. 2000. № 3. С. 105–116; Захарова А. Г. Вели-

- кие реформы 1860–1870-х гг.: поворотный пункт российской истории // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151–167; Казакова-Анкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2008.
2. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России / под ред. В. Г. Хороса. М., 1998. С. 46.
3. См.: Гражданское общество...; Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX в. с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Красильщиков В. А., Гутник В. П., Кузнецов В. И., Белослов А. Р., Клепач А. Н. Указ. соч. М., 1994.
4. Ермакова Е. Е. Зарождение и становление институтов гражданского общества в Енисейской губернии. 1880–1916 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2005. С. 53.
5. Орлова И. В. Современное гражданское общество: возможности и действительность // Философия и общество. 2007. № 4. С. 96.
6. Бредли Дж. Гражданское общество и формирование добровольных ассоциаций: опыт России в европейском контексте // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX в. / отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова. М., 2007. С. 95.
7. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 2. С. 286.
8. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. М., 1996. С. 13.
9. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. М., 2006. С. 53.
10. Реснянская Л. Л. Общероссийские газетные издания // Вестник МГУ. Сер. Журналистика. 2000. № 11. С. 3.
11. Гегель Г. В. Философия права. М., 1990. С. 258.
12. Пеликан А. А. Во второй половине XIX века // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 141.
13. См. Пеликан А. А. Указ. соч.; Мантейфлей А. Детское горе (Из воспоминаний мирового судьи) // Юридический вестник. 1889. № 12.
14. В России использовалась следующая система призрения детей-сирот: ребенка, часто грудного, отдавали в чей-либо дом для воспитания. Принявшим воспитанника выплачивались деньги. Например, в Тверской губернии в 1887 г. выделялось 2 рубля в месяц. Никто не контролировал, куда тратились выданные деньги и в каком положении находится воспитанник, что давало безграничные возможности для произвола. См. Колышко И. И. О современной России. СПб., 1887.
15. См. Верещагин. О бабьих столах // Юридический вестник. 1885. № 4; Лудмер А. Бабьи дела на мировом суде // Юридический вестник. 1885. № 11; Бобров Д. По поводу бабьих стонов // Юридический вестник. 1885. № 10; Уголовная быль. По рассказам и воспоминаниям уездного следователя. Ковров, 1913; Назарьев В. Н. Современная глушь // Вестник Европы. 1872. № 2; Мантейфлей А. Указ. соч.
16. Мантейфлей А. Указ. соч. С. 586.
17. ГАРО. Ф. 640. Оп. 27. Д. 16.
18. Случевский В. К. Из первых лет жизни Судебных Уставов // Журнал министерства юстиции. 1914. № 9. С. 299.
19. Свод замечаний о применении на практике Судебных Уставов (1869–1870). Б. м., г. С. 3.
20. Czap P. Peasant Class courts and Peasant Customary Justice in Russia. 1861–19912 // Journal of Social History. 1967. Winter. P. 154.
21. Фет А. А. Воспоминания. М., 1992. Т. 2. С. 127.
22. Радченко В. И. Судебная реформа в Российской Федерации: некоторые теоретические и практические проблемы. М.: Юридический дом «Юстицинформ», 1999. С. 12.
23. Savitsky V. Will there be a New Judicial Power in the New Russia? // Review of Central and East European Law. 1993. № 6. P. 656.
24. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 8. Д. 2735. Л. 111.
25. Петухов В. Н. Записки прокурора. Калининград, 1997. С. 212.
26. Шаров А. Генпрокуратура предлагает извиниться // Российская газета. 2008. 28 мая.
27. Решение Ростовского областного суда по гражданскому делу по заявлению прокурора о ликвидации и признании экстремистской МРОСИ, запрете деятельности, осуществлении государственной регистрации в связи с ликвидацией, признании литературы экстремистским материалом // Официальный сайт Ростовского областного суда. URL: http://www.rostobl-sud.ru/pictures/to_4234321/svideteliegovi.doc
28. Статистика-96 // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 52.
29. Работа судов Российской Федерации в 2003 г. // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 72.
30. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2006 г. // Российская юстиция. 2007. № 5. С. 64.
31. Статистика обращений в Конституционный суд РФ // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/Treatments/Pages/Reference.aspx>
32. Решение Рязанского областного суда от 4 мая 2010 г. по заявлению ООО «ГорСпортИнформ» о признании недействующими отдельных положений нормативного акта // Официальный сайт Рязанского областного суда. URL: http://oblsud.riz.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=62400001008060948383751000068916
33. Решение Новгородского областного суда от 2 сентября 2010 г. по заявлению прокурора Новгородской области о частичном оспаривании Постановления администрации Новгородской области «О территориальной Программе государственных гарантий оказания гражданам РФ бесплатной медицинской помощи на 2010 г.» // Официальный сайт Новгородского областного суда. URL: http://oblsud.nvg.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=53400001009091539423591000093827
34. В частности, подобный спор возник в 2003 г. в Свердловской области при проведении выборов в областную законодательный орган: См.: Колышин Е. И. Судебная защита избирательных прав граждан. М., 2005. С. 62.

Всеобщая история

УДК 94(0-511)"19"

Т. А. Воробьёва

АРАБСКИЙ МИР НА ПУТИ К ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ*

В статье рассматриваются вопросы формирования послевоенной политики США на Арабском Востоке в условиях генезиса холодной войны. Анализируется специфика ближневосточной ситуации, которая задержала процесс включения арабского мира в блоковую конфронтацию, определила характер советско-американских отношений в данном регионе. Акцентируется внимание на роли арабского национализма, который недостаточно учитывался как в Вашингтоне, так и в Москве.

It is considered in this article the formation of the postwar U.S. policy in the Arab world in conditions of the genesis of the Cold War. It analyzes the specifics of the Middle East situation, which delayed the process of integrating the Arab world's bloc confrontation, determined the character of Soviet-American relations in the region.

It is shown the role of Arab nationalism, which is not sufficiently taken into account in both Washington and Moscow.

Ключевые слова: арабский национализм, Тройственная декларация, ближневосточное командование, англо-египетский кризис, «Четвёртый пункт» программы Г. Трумэна, Д. Ачесон, нефть, военные базы, советско-сирийские отношения.

Keywords: Arab nationalism, Tripartite declaration, the Middle East Command, the Anglo-Egyptian crisis, "the Point Four program", H. Truman, D. Acheson, oil, military bases, Soviet-Syrian relations.

В глобальном процессе становления холодной войны регионы имели собственную динамику. В этом плане интересно проследить, как втягивался в блоковую конфронтацию арабский мир. Непосредственно интересы США и СССР в данном регионе не соприкасались в отличие от Восточной Европы и Дальнего Востока. Однако сама политическая атмосфера тех лет была пропитана подозрительностью в отношениях друг к другу. Поражение американцев в Китае, появление советской атомной бомбы, интенсивный процесс деколонизации породили переосмысление политики безопасности, что нашло отражение в док-

трине Совета Национальной Безопасности – СНБ-68 [1], которая, как отмечал Гэддис, призвала противостоять «мировому коммунизму» повсеместно, без выделения жизненно важных и приоритетных регионов [2]. В результате политика «сдерживания коммунизма» стала распространяться на все регионы вдоль периметра советских границ; в сферу стратегических американских интересов окончательно включается Арабский Восток, ещё в 1948 г.

Совет национальной безопасности пришёл к выводу, что в случае войны советская армия сможет захватить не только Западную Европу, но и Ближний Восток, в том числе Каир [3]. В апреле 1950 г. в подготовленном Объединённым разведывательным комитетом и американским посольством в СССР документе «Советские намерения» давался такой прогноз: «Кремль распространяет революционное движение с целью захватить определённые ключевые районы раньше, чем свободный мир восстановит там свои позиции... Эти области, возможно, Юго-Восточная Азия и нефтяные районы Ближнего Востока...» [4].

Вместе с тем в глобальной американской стратегии регион занимал особое место, так как не входил в зону военно-оборонительных обязательств Вашингтона. Политические условия на Арабском Востоке (рост арабского национализма и палестинский кризис) не способствовали использованию американцами в военных целях территорий Египта, Сирии, Ливана, Ирака. В случае столкновения с СССР у США имелась только одна база – военный аэродром в Дахране (Саудовская Аравия), но и в отношении её в связи с поддержкой Вашингтоном Израиля возникли проблемы. Так, американский посол в Саудовской Аравии Дж. Чайлдс сообщал, что «король может отойти от тесных дружественных отношений с США» [5]. Что касается английских баз в Египте и Ираке, то их можно было использовать только при условии, что англичане смогут сохранить там свои позиции. Помимо политических причин беспокойство в Вашингтоне вызывала крайняя отсталость и бедность региона, ибо это могло стать важнейшей предпосылкой для распространения революционных идей в арабском обществе [6].

В инаугурационной речи 20 января 1949 г. Г. Трумэн предложил принять программу технической помощи для слаборазвитых стран [7]. Этот документ вошёл в историю как «Четвёртый пункт» программы Трумэна или «малый план Маршалла». Программа предусматривала широкое привлечение частного капитала, образователь-

* Статья подготовлена в рамках выполнения Тематического плана научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», проводимых по заданию Министерства образования и науки в 2010–2013 гг., регистрационный номер 5.1.10.

ных и других профессиональных групп [8]. Оценивая этот шаг администрации Трумэна, Гэддис отмечал, что «военная и экономическая помощь союзникам» – один из инструментов политики сдерживания [9]. Как составную часть «доктрины сдерживания коммунизма» восприняли данную программу и в Кремле [10]. На другой аспект этого документа обратили внимание Джойс и Габриэл Колко: «Программа помощи для экономически отсталых районов открывала для американского бизнеса создание благоприятного инвестиционного климата» [11].

ЮСИС [12] сразу же признала программу помощи в «качестве важного психологического оружия», была развёрнута работа по пропаганде преимуществ американской политики по сравнению с советской, а также в целях предотвращения обвинений «в империализме доллара» или в «попытках западных империалистов купить дружбу» [13]. В марте 1952 г. появилась статья С. Копера, исполняющего тогда обязанности директора Управления ближневосточных дел, «Программа помощи. Отсутствие угрозы империализма», в которой подчёркивалось, что программа не «предназначается для создания американских рынков и сфер влияния» [14]. Такая пропагандистская работа была необходима, так как новую инициативу Вашингтона в арабском мире встретили неоднозначно. Так, в ряде египетских публикаций отмечалось, что «под маской экономической помощи отсталым странам ставится цель поставить страну под военный, политический и экономический контроль» [15]. В 1950 г. депутаты сирийского и ливанского парламентов заявляли, что «прежде, чем рассматривать вопрос о предложениях Четвёртого пункта, необходимо, чтобы Запад принял меры для разрешения спорных вопросов» [16].

Американская помощь не была бескорыстной. Например, правительству Ливана она была обещана на следующих условиях: военный аэродром в районе Литании под предлогом защиты нефтепровода, военная база Рас-Бейрут, расширение аэродрома в Раяке и морского порта в Триполи для захода крупных военных кораблей [17]. Первой страной, принявшей американскую техническую помощь, стала Саудовская Аравия [18]. К осени 1951 г. все арабские страны, за исключением Сирии и Йемена, в разной степени участвовали в программе «Четвёртого пункта» [19]. В некоторых районах Ближнего Востока, таких, как Саудовская Аравия, помощь была результативной, но в целом ожидать положительных результатов в тех политических условиях было трудно [20].

Широкий круг вопросов, связанных с арабским миром, а также с Турцией, Грецией и Ираном, был рассмотрен в ноябре 1949 г. в Стамбуле, а затем в марте 1950 г. в Каире на конферен-

циях с участием чиновников из Госдепартамента и дипломатических представителей в странах Ближнего и Среднего Востока [21].

В арабской части обсуждения актуальных проблем были поставлены задачи добиться политической и экономической стабильности, повышения престижа США в арабском мире, ориентации арабской политической элиты на Запад и её отхода от СССР, в связи с чем выдвигалась цель «не допустить распространения влияния Советского Союза в любой стране, любым способом». Саудовская Аравия признавалась ключевым звеном в обеспечении американских интересов в арабском мире, поэтому предлагалось пойти королю навстречу в его требованиях включить королевство в программу «Четвёртого пункта» и оказания военной помощи на возмездной основе при том, что такая помощь пока рассматривалась как нежелательная для других стран [22].

В то же время пришли к заключению, что вопросы обороны Ближнего Востока пока ставить преждевременно, ибо не завершён процесс образования НАТО, в результате чего региональная ближневосточная система не может быть обеспечена достаточными ресурсами [23]. Весь регион Ближнего Востока признавался сферой военной ответственности Великобритании, за исключением Саудовской Аравии и Израиля. На встрече в Каире вопросы организации безопасности региона были сфокусированы на Турции, Греции и Иране, которые в тот момент, с точки зрения американских стратегов, были более важны в предотвращении советской экспансии в нефтяные районы [24].

Итоги конференции обозначили соперничество в борьбе за нефть и стратегические базы на Востоке [25]. «В Овальном кабинете Белого дома больше всего беспокоились о ближневосточной нефти», в долгосрочном плане – в отношении арабов, которые «в пике западной политики в Палестине могут начать действовать сообща с Россией», – пишет отечественный автор Л. Медведко [26].

Важным документом, принятым в свете решений Каирской конференции, стала Декларация трёх [27], подписанная 25 мая 1950 г. в Лондоне тремя державами (США, Великобританией и Францией) по инициативе США. Она определяла позиции держав в арабо-израильской зоне, где неустойчивое перемирие создавало не только угрозу для безопасности Ближнего Востока, но и поставкам ближневосточной нефти в Западную Европу, что было необходимо для успешного выполнения плана Маршалла. Нефтяной фактор арабские правительства могли использовать как рычаг давления на произраильскую политику США [28].

С этой целью державы решили поставить под свой контроль поставки оружия как Израилю, так и арабам, военное обучение, создание военных миссий в пределах, необходимых для обеспечения внутренней безопасности этих государств, но каждая страна «должна была дать формальные гарантии отказа от агрессии по отношению к любому другому на Ближнем Востоке». Таким образом, фактически устанавливался контроль над экспортом оружия на Арабский Восток [29]. Однако реальным смыслом этой политики, по мнению П. Хана, «было предотвращение советской угрозы» [30].

Арабы восприняли это как «необоснованное вмешательство со стороны великих держав во внутренние дела... заморозили территориальный статус-кво Палестины с целью не допускать в будущем поправки к линии перемирия» [31]. Официальный орган египетской буржуазной партии Вафд, газета «Аль Мисри» писала: «Запад даёт понять, что арабский мир — зона его влияния, и предупреждает от возможного вступления в соглашение с СССР» [32]. В донесениях советских послов о реакции общественности на Тройственную декларацию также отмечалось, что «отношение к ней действительно неоднозначное» [33].

В противовес Декларации трёх государств Арабской лиги 17 июня 1950 г. подписали Договор о совместной обороне и экономическом сотрудничестве [34]. Вслед за этим Постоянный комитет Лиги Арабских Государств (ЛАГ), обсудив «документ трёх», 21 июня рекомендовал правительствам всё же принять Тройственную декларацию, но с некоторыми оговорками: державы «должны были дать гарантии, что не будут оказывать давление в вопросах мира с Израилем и посягать на их независимость и суверенитет» [35].

Саудовская Аравия, первая из арабских стран, заключила ряд соглашений с США, среди которых наиболее важными были: о военном сотрудничестве (18 июня 1951 г.) и о военно-авиационной базе Дахран (тогда же). В результате королевство получило право закупать оружие и военные материалы в Соединённых Штатах, при этом Эр-Рияд брал обязательство не нападать на третье государство (речь шла об Израиле. — *Авт.*) на стороне стран, входящих в Арабскую лигу. Параллельно продлевалась на 5 лет американская аренда военно-авиационной базы Дахран [36]. Военная помощь Саудовской Аравии предоставлялась в рамках «взаимной обороны», американское военное ведомство исходило из того, что Саудовская Аравия «должна была подготовиться на случай войны раньше, чем какое-либо другое арабское государство» [37].

Важнейшим компонентом международных отношений в арабском мире в предшествующий период были американо-английские противоре-

чия [38]. Однако они начали отступать на второй план, так как английские базы и войска, расположенные на территории стран Арабского Востока, в отсутствии американских, отвечали интересам обеспечения безопасности Запада. Как заявлял Г. Макги, «англичане должны оставаться как можно дольше»: «Мы не хотели их заменить» [39]. Следует иметь в виду, что большая часть военных (Пентагон, ОКНШ), да и сам президент, предпочтение отдавали европейскому и дальневосточному направлениям, особенно, когда летом 1950 г. началась корейская война и одновременно США втягивались в войну в Индокитае. Ещё раньше, в рамках доктрины Трумэна, американцы взяли на себя ответственность за безопасность Турции и Греции. Как говорил О. Брэдли, «есть предел нашим возможностям» [40].

Из опубликованных документов за 1950–1951 гг. видно [41], что вплоть до осени 1951 г. в американской стратегии «сдерживания» главным ключевым звеном в системе безопасности Ближнего и Среднего Востока была Турция, которая, по мнению Вашингтона, «могла сыграть ведущую роль... в создании объединённой арабской армии, способной защищать интересы американских нефтяных монополий на Среднем Востоке» [42], в то время как для Лондона был Египет из-за важности Суэцкого канала не только для данного региона, но и для Африки и Южной Азии в целом. Что касается Арабского Востока, то создавалось впечатление, что у Соединённых Штатов не было желания брать на себя какие-либо обязательства в британской сфере интересов. Это позже признал Дж. Даллес, когда в беседе с премьер-министром Египта М. Нагибом в мае 1953 г. сказал: «Ближний Восток — одна из самых опасных зон, которой США до этого пренебрегали» [43].

Госдепартамент, особенно его ближневосточный отдел, в отличие от президентской администрации, занимал иную позицию, исходя из того, что США должны принимать более активное участие в разрешении арабских проблем [44]. Во-первых, «потеря ближневосточной нефти повлияет на стратегические и экономические позиции Запада... а установление советского контроля над Ближним Востоком создаст военную угрозу Западной Европе» [45]. Во-вторых, «в случае войны Ближний Восток будет вторым по значимости после Европы регионом» [46]. Поэтому Госдепартамент предложил объявить, что, «осознавая важность интересов безопасности США на Ближнем Востоке, американцы готовы оказать помощь всем государствам региона в защите против агрессии» [47]. Вместе с тем американские политики, идя на сотрудничество с англичанами в обеспечении безопасности арабской зоны, объявили, что оно не будет распространяться на Са-

удовскую Аравию и сохранится руководящее положение США в Турции и Греции [48]. Таким образом, было положено начало разработке совместной англо-американской оборонительной системы применительно к Арабскому Востоку.

Однако новый курс Вашингтона в арабской политике столкнулся с ситуацией, которая значительно отличалась от других регионов. В условиях формирования биполярного мира США хотели быть уверены в том, что ближневосточные государства являются их союзниками в противостоянии СССР, тем более, что арабскими властями «в целом была сведена к минимуму или успешно подавлена коммунистическая деятельность». Но в Вашингтоне недооценили «ультранационализм» [49]. В центре внимания арабов были вопросы деколонизации, а не проблемы противостояния между Западом и Востоком. На страницах арабской прессы критиковались правительственные чиновники, выступавшие за тесный союз с Западом. «Мы охотно согласились служить США и Англии, не получая какой-либо услуги с их стороны. В результате мы потеряли дружбу Советского Союза, не получив никакой выгоды от американско-английской дружбы. Свидетельством этого является Палестинская трагедия», — писала ливанская газета «Бейрут аль Масса» [50]. Ливанский представитель в ООН на пресс-конференции 11 мая 1950 г. заявил, что «на Ближнем Востоке есть элементы, симпатизирующие Советскому Союзу, и умалять их значение было бы большой ошибкой» [51]. Министр национальной экономики Сирии М. Давалиби в одной из бесед с советским посланником в этой стране сказал: «Если американцы будут продолжать свою политику, то арабские страны предпочтут советский режим» [52]. Навряд ли эти и другие, довольно многочисленные заявления арабских лидеров действительно были проявлением стремления к установлению отношений с Советским Союзом. По словам ливанского посла в СССР Таки эд-Дин, были «определённые “корыстные” цели», так как «угроза» сближения с Москвой могла «умерить империалистические аппетиты американцев» [53].

Арабское общество продемонстрировало свою особую позицию в период корейской войны. Так, египетский делегат в ООН М. Фавзи воздержался при голосовании в Совете Безопасности за американскую резолюцию «о коллективных действиях по защите Южной Кореи», заявив, что «корейский эпизод является еще одним проявлением вражды между двумя блоками, которые угрожают миру во всем мире» [54]. Ряд арабских государств заявил о невмешательстве в корейскую войну, что «вызывало недовольство американцев» [55].

Декларирование арабскими правительствами политики нейтралитета в отношении блоков, со-

бытия в Иране, начавшаяся война в Корее, англо-египетский кризис, снижение престижа США из-за проводившейся администрацией Трумэна «противоречивой политики с явным уклоном в сторону Израиля» [56] — из всего этого явствовало, что необходимо было совместно с Великобританией более активно подойти к обеспечению безопасности Ближнего Востока [57].

Помимо укрепления позиций в Саудовской Аравии Вашингтон стал проявлять внимание к Египту, особенно по вопросу использования зоны Суэцкого канала американскими военными кораблями [58]. Посол США в Каире Кэффери сообщил, что базы в Суэцком канале можно использовать не только в рамках обороны, но и как наступательный плацдарм [59]. Советский посланник в Сирии и Ливане Д. Солод информировал МИД, что «американцы открыто вытесняют англичан вслед за Саудовской Аравией, Грецией, Турцией и Ираном, также из Египта, Сирии и Ливана» [60].

Договорённость держав весной 1950 г. по вопросу поставок оружия арабам и Израилю в целях самообороны, по существу, явилась первым шагом на пути создания общеарабской системы обороны. С этого времени начался процесс «стимуляции и координации англо-американских оборонных усилий» [61]. Дин Ачесон позже в своих воспоминаниях писал, что в январе 1951 г. он обратился с письмом к военному министру Дж. Маршаллу с предложением о сотрудничестве Госдепартамента с военным ведомством и Пентагоном в определении стратегических интересов и выработке политики в регионе от Восточного Средиземноморья до Индии, указывая, что в этом пространстве возникла кризисная ситуация, которой «может воспользоваться Россия для реализации своих исторических планов продвижения на юг, к тёплым морям и нефти» [62]. Макги пишет, что к лету США и Англия договорились о необходимости создания Верховного союзного командования по Ближнему Востоку (МЕС) с включением в эту систему Египта, создав, таким образом, механизм контроля над регионом. По выражению автора, «это было компромиссное решение англо-египетского спора» [63]. В результате британское военное присутствие сохранялось, а базы в зоне Суэцкого канала оказывались под международным контролем [64].

Арабская политическая элита неоднозначно восприняла англо-американскую идею создания оборонной системы, направленную против Советского Союза. Какая-то её часть считала, что советская экспансия реальна, другая — актуализировала проблемы независимости и вывода английских войск, но большинство в отношении противостояния Запада с Востоком придерживалось политики нейтралитета [65]. Поэтому со-

здание МЕС, по мысли вашингтонских стратегов, должно было остановить дрейф арабов в сторону нейтрализма [66]. Кульминационным моментом в судьбе «средневосточного командования» были события осени 1951 г. К этому времени англо-египетский диалог по поводу отмены договора 1936 г. и вывода английских войск зашёл в тупик, несмотря на все попытки Лондона договориться с Каиром, но на своих условиях [67]. Египет твёрдо придерживался требования безусловного вывода английских войск. Поддержку египетскому народу оказывали все арабские страны. Как писал Дж. Кэмпбэлл, «арабские государства, может быть, были не против военного сотрудничества с Западом, но в данной ситуации они не могли пойти против Египта» [68]. Затягивание англо-египетского кризиса ставило под угрозу позиции Запада на Ближнем Востоке, особенно на фоне событий в Южной и Юго-Восточной Азии [69]. Тогда США взяли инициативу в свои руки. Вместо модели ближневосточного командования предложили создать «Организацию обороны Среднего Востока» (MEDO) [70], членами-учредителями которой стали бы США, Великобритания, Франция и Турция. Египет приглашался в качестве одного из соучредителей на основе равноправного партнёрства. В случае полного принятия условий Египтом, Англия отказывалась от договора 1936 г. и выводила свои войска [71].

Принятое осенью 1951 г. решение о вступлении в НАТО Турции и Греции обеспечивало через Турцию связь структуры ближневосточной безопасности с Североатлантическим блоком. Таким образом, создавалась региональная подсистема в глобальной американской системе безопасности. Но события в Египте развёртывались не по сценарию, разработанному союзниками. Пока они обсуждали детали новой модели безопасности, египетское правительство 8 октября внесло в парламент законопроект о денонсации англо-египетского договора 1936 г. 13 октября состоялось вручение коллективной ноты министру иностранных дел Египта Салах эд-Дину послами США, Великобритании, Франции и Турции. Однако египетские власти даже не стали знакомиться с документом, и 14 октября парламент денонсировал англо-египетский договор 1936 г. [72] Госсекретарь Д. Ачесон обвинил египетское руководство в неуважении к международным обязательствам [73]. Тогда державы обратились к главам других арабских государств, однако те отнеслись к этому настороженно и сдержанно [74]. Но в конце октября 1951 г. Ирак и Иордания всё же заявили о своём желании присоединиться к оборонительному союзу. Власти Саудовской Аравии также объявили, что они будут на стороне США в случае войны с СССР

[75]. В то же время арабская общественность выступила в поддержку Египта – в Багдаде, Дамаске, Бейруте прошли демонстрации [76]. На вопрос «Какой враг нам угрожает?» был ответ: «Это Запад, который создал Израиль» [77].

Советское руководство решило воспользоваться неблагоприятным для Запада политическим климатом и активизировать свою ближневосточную политику. Более интенсивными становятся контакты с египетскими властями. 24 октября Салах эд-Дин в беседе с советским послом затронул тему подписания пакта о ненападении [78], закупки оружия. Однако Москва не торопилась с решением этих вопросов, не желая провоцировать Запад.

Действия западных держав по втягиванию арабских стран в военно-оборонительную систему рассматривались как направленные против СССР [79]. В связи с этим советское руководство предприняло, по выражению Р. Гината, «крупную дипломатическую инициативу», отправив 21 ноября ноты правительствам Египта, Сирии, Ливана, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и Израиля [80], в которых предупреждало арабских политиков, что вступление в какую-либо военно-оборонительную организацию будет рассматриваться как враждебный Советскому Союзу акт, и давало понять, что странам Ближнего Востока в конфликте Запад – Восток лучше оставаться нейтральными. Более жёсткие по содержанию ноты 24 ноября были отправлены правительствам США, Великобритании, Франции и Турции [81]. Кремль предупредил, что им будут предприняты любые меры, чтобы предотвратить создание военно-политического блока на южных границах СССР. Советский документ подвергся «интенсивному обсуждению». Как пишет Р. Гинат, расхождения были по поводу характера ответа: США и Турция придерживались жёсткой позиции, Англия и Франция предложили ограничиться опровержением обвинения. В конечном итоге в ответной ноте от 18 декабря державы отклонили все обвинения в агрессии, заявили об «ошибочной интерпретации» МЕС советскими властями и обвинили СССР в попытках дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке [82]. В то же время СНБ пришёл к выводу, что угроза для безопасности Запада исходит в настоящий момент скорее от нестабильности в регионе, националистических и антизападных настроений в арабском обществе, чем «от прямой советской военной атаки» [83]. Как пишет П. Хан, «провал МЕС стал следствием неспособности США согласовать интересы Запада с национальными чаяниями египтян» [84]. По словам другого автора, П. Силе, западные державы «проявили удивительную нечувствительность к египетскому и арабскому мнению» [85]. На антиамериканские

настроения арабской политической элиты влияла в том числе произраильская позиция администрации Г. Трумэна.

После денонсации договора 1936 г. резко возросла англо-египетская конфронтация вплоть до вооружённых столкновений [86]. События в Египте на фоне ирано-английского кризиса, индо-пакистанского конфликта, корейской войны превращали Ближний Восток в особо опасную зону для стратегических интересов США. В Вашингтоне начали осознавать, что главной причиной отказа Египта было нежелание иметь на своей территории иностранные войска [87].

Для осуществления своего плана создания военно-оборонительного союза на Арабском Востоке американцы решили ориентироваться на либеральную часть египетской военно-политической элиты. К июльскому 1952 г. перевороту в Египте, совершённому организацией «Свободные офицеры», согласно некоторым источникам, были причастны американцы – посол Кэффери, функционеры ЦРУ Кермит Рузвельт и М. Коплэнд, американский военный атташе Д. Эванс [88]. Об американской поддержке «Свободных офицеров» писал Г. Колко [89]. Автор книги «Советский Союз и арабский национализм» называет посла Кэффери «закулисным руководителем» [90].

Новое египетское правительство обратилось с просьбой оказания военно-экономической помощи. Египетский министр иностранных дел А. Фарадж в беседе с Ачесоном в ноябре 1952 г. сказал: «Египтяне оценили американские симпатии к новому режиму, но, может быть, эти симпатии превратятся в материальную поддержку – финансовую, экономическую и военную помощь» [91]. Однако США выдвинули ряд условий, при выполнении которых была возможна «материальная и моральная поддержка» с их стороны. Прежде всего, новый режим должен был привести свои интересы в соответствие с американскими, урегулировать англо-египетские отношения, учитывая, что при создании MEDO без британцев не обойтись, присоединиться к оборонительной организации и установить мирные отношения с Израилем. Кроме того, Египту предложили «сделать публичный жест», что свидетельствовало бы об изменении его политики, например поддержать действия ООН в Корее [92].

В Москве считали, что от переворота «выиграли американцы» и он косвенно отражал англо-американские противоречия по поводу этой страны [93]. Как неэффективную оценил позицию СССР в период событий лета 1952 г. в Египте американский учёный Гэддис, так как в Кремле увидели «ещё один военный переворот, какие наблюдались в Южной Америке» [94]. Правда, кремлёвским руководителям трудно было разглядеть в новом египетском руководстве возмож-

ных союзников в противостоянии Западу, когда оно регулярно арестовывало коммунистов и сажало их в тюрьмы. Но и надежды администрации Трумэна на то, что новый режим в Египте пойдёт на принятие американских условий создания оборонительной системы и заключит мир с Израилем, не оправдались.

Республиканская администрация, придя к власти в 1953 г., поставила вопрос о корректировке ближневосточной политики, считая, что прежняя администрация не достигла прогресса на этом направлении. В январе 1953 г. Объединённый разведывательный комитет при участии Госдепартамента и военных структур проанализировал условия и тенденции, влияющие на безопасность США на Ближнем Востоке [95]. Основные выводы сводились к следующим тезисам: регион сохраняет свою важность для США по причине огромных запасов нефти и геостратегического положения; в арабском мире сильны антизападные настроения; арабские руководители не осознают советской опасности и считают, что Запад под видом МЕС хочет сохранить свои империалистические позиции; антиамериканские настроения связаны с поддержкой США Израилем. Следовательно, резюмировали авторы документа, возникают благоприятные условия для советской экспансии. СССР может воспользоваться уменьшением влияния Запада и предпринять шаги по усилению коммунистического влияния. Причём допускалось, что антизападные и даже коммунистические режимы могут возникнуть и без военного советского вмешательства.

В мае 1953 г. регион Среднего и Ближнего Востока посетил новый госсекретарь Дж. Ф. Даллес [96]. Одной из целей его визита на Арабский Восток была попытка протолкнуть свой план создания на южных границах Советского Союза военного блока. Интерес представляет его встреча с М. Нагибом, премьер-министром Египта [97]. Египетский премьер в разговоре с госсекретарём сказал, что «у его страны есть стремление дружить с США», «Россия нам не друг» [98]. Одновременно заявил, что отношение к пакту о безопасности «у арабов сдержанное, так как они имеют горький опыт отношений с Великобританией», Египет должен иметь полный контроль над военными базами [99]. В свою очередь Даллес объяснил, что его поездка связана с возможностью изучения настроений в регионе, но политика новой администрации по-прежнему будет базироваться на коммунистической угрозе, ибо «со смертью Сталина коммунистическая философия не изменилась. Коммунисты уже правят одной трети мира и стремятся к дальнейшему расширению» [100]. Сохранение военных баз в зоне Суэцкого канала – сдерживающий фактор против советской агрессии. Новая администра-

ция учитывает также издержки прежнего правительства и будет стремиться к более сбалансированной политике в отношении арабов и Израиля [101].

Итогом первого года деятельности администрации президента Д. Эйзенхауэра стало признание провала оборонительных систем МЕС и MEDO. Даллес в итоге пришёл к выводу, пишет Гэддис, что «надо отказаться от мысли, что Египет – ключевое звено в обороне Ближнего Востока» [102]. В результате в Вашингтоне ставку сделали на реализацию модели «северного яруса» по линии Турция – Пакистан с возможным присоединением к ним таких стран, как Египет и Ирак [103]. Но это уже новый этап втягивания арабского мира в блоковую конфронтацию.

Оценивая американскую политику в Азии, Дж. Кеннан пришёл к выводу, что «сосредоточенность США на «Третьем мире» была роковым недоразумением «неспособности (американцев. – *Авт.*) понять, как глубока, как иррациональна и как неустойчива была реакция в целом соответствующих народов на идеи и импульсы, которые приходили к ним со стороны Запада» [104]. Эти слова дипломата и учёного в полной мере относятся к Арабскому Востоку. Поэтому, «как бы Америка не отмежевывалась от европейского колониализма – пишет Г. Киссинджер, – ...в развивающихся странах их рассматривали как полезных помощников из империалистического лагеря, но уж ни в коем случае не как настоящих партнёров» [105].

Итак послевоенный период в истории арабских стран был, прежде всего, связан с решением задач деколонизации, но в отличие от восточно-азиатских народов здесь «отсутствовал национально-революционный фермент для развития по китайской или юго-восточной модели» [106]. В то же время в предшествующий период они не заложили основы модернизации общества, как это было в Южной Азии. В результате арабский национализм порождал как антииностранные, так и антикоммунистические настроения, создавая особые комбинации обстоятельств.

Многообразие международных отношений на Ближнем Востоке не сводилось только к советско-американскому соперничеству. Существенную роль играли партнёрско-конкурентные отношения Вашингтона с Лондоном, дифференцированная политика США в отношении арабских стран. В свою очередь, арабские лидеры активно использовали советский фактор в давлении на США. Кроме того, на ближневосточную политику администрации Трумэна значительное давление оказывали заинтересованные группы военно-политической и бизнес-элиты, в результате чего часто возникали расхождения в понимании её основных целей и методов в данном регионе.

Президент и его команда исходили из глобальной стратегии, в которой первостепенное место в Азии отводилось Японии и ЮВА.

Появление тезиса «советской угрозы» в обосновании США своих действий на Арабском Востоке в 1949–1953 гг. было следствием, с одной стороны, тех процессов, которые происходили в послевоенном мире, когда нарушались многие союзнические обязательства и договорённости, достигнутые на конференциях в Ялте и Потсдаме, а с другой – формирования идеологии холодной войны. Так, политика Москвы в отношении Ирана, Турции стала восприниматься в Вашингтоне как начало советской экспансии в южном направлении, к Персидскому заливу, к ближневосточной нефти.

На наш взгляд, конфликтная ситуация в арабском регионе зарождалась как результат традиционного англо-российского соперничества на Ближнем Востоке в целом. В то же время в условиях, когда зона Суэцкого канала была определена как рубежная в случае военного конфликта с Советским Союзом, а Ближний Восток был признан «вторым по степени стратегической важности для Соединённых Штатов регионом» [107], естественно, США не могли допустить СССР в Средиземное или Красное море.

Существенную роль сыграл тот факт, что в Вашингтоне СССР начали рассматривать, прежде всего, как идеологического противника (доктрина «сдерживание коммунизма»), а не только геополитического, что привело к отказу или нежеланию американских властей считаться с советскими интересами. Этому способствовала и провокационная политика Кремля в отношении Турции и Ирана, а также его активность в Восточной Европе и на Дальнем Востоке.

Ретроспективный анализ ближневосточной политики Сталина позволяет согласиться с выводом Гэддиса, что «западное беспокойство по поводу советских достижений в области Ближнего Востока, по крайней мере, пока Сталин был жив, весьма преувеличены» [108]. США к концу 1953 г. добились большего в арабском мире, несмотря на все издержки, связанные с поддержкой Израиля, по существу, заложили фундамент для выстраивания в будущем уже своей «империи». В то же время вмешательство СССР в решение палестинской проблемы, поддержка Израиля в войне с арабами давали шанс для Кремля стать полноправным участником международных отношений на Ближнем Востоке уже на этапе генезиса холодной войны в регионе.

Процесс включения арабских стран в военнополитическую систему Запада, наподобие НАТО, провалился. Арабские власти не рассматривали «советскую угрозу» как главную. Во многом это объяснялось наличием главной проблемы – про-

тивостояние с Израилем. Одной из причин провала к 1953 г. американской политики по созданию системы безопасности было непонимание и недооценка арабского национализма.

Примечания

1. Задачи и программы национальной безопасности США (NSC 68, 14 апреля 1950 г.) // Главный противник: документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. / сост. и авт. вступ. ст. И. И. Ильинский. М., 2006. С. 378–452.

2. Gaddis J. L. Strategy of Containment. N. Y., 1982. P. 91.

3. Report to the President by the National Security Council // FRUS: 1948. General; the United Nations (in two parts). Wash., 1976. V. 1. Part. 2. P. 665.

4. Report on "Soviet Intentions". Prepared by the Joint Intelligence Committee, American Embassy, U.S.S.R., April 25, 1950 FRUS: 1950. Central and Eastern Europe; The Soviet Union. Wash., 1980. V. 4. P. 1169.

5. Cit.: Abramson Ar. Ch. The Formulation of American Foreign Policy Towards the Middle East during the Truman Administration, 1945–1948 // of Doctor of Philosophy in Political Science. Los-Angeles, 1981. P. 397.

6. FRUS: 1949. The Near East, South Asia, and Africa. Wash., 1977. V. 6. P. 33.

7. Department of State Bulletin, January 30, 1949. p. 123; FRUS: 1949. V. 1. National security affairs, foreign economic policy. Wash., 1976. P. 757–763; Acheson D. Present at the Creation. My years in the State Department N. Y., 1968. P. 265. См. The Point Four program in the Near East. // FRUS: 1950. V. 5. Wash., 1978. P. 279–283. Подробную историю программы «Пункта-4» См.: Шенин С. Ю. США – Третий мир: У истоков новых отношений (история «Пункта-4» 1949–1953). Саратов, 1997.

8. FRUS. 1949. V. 1. P. 763; The Acting Secretary of State to Certain Diplomatic and Consular Official // FRUS: 1950. V. 5. P. 280–282; Г. Трумэн позже писал: «При разработке Четвёртого пункта программы я дал понять, что все существующие частные и государственные мероприятия будут использованы. Американские торгово-промышленные предприятия за рубежом и частные некоммерческие организации, такие, как Рокфеллеровский институт или институт международного образования, могли дать много ценной информации и оказать услуги в технической помощи, доступной для слаборазвитых стран» Truman H. S. The Memoirs of Harry S. Truman. V. 2: Years of Trial and Hope. N. Y., 1956, P. 246.

9. Gaddis J. L. Strategy of Containment... P. 21.

10. Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967: в 2 т. / отв. ред. В. В. Наумов. М., 2003. Т. 1. С. 152.

11. Kolko J. and Kolko G. The Limits of Power: The World and the United States Foreign Policy, 1945–1954. N. Y., 1972. P. 622.

12. Транслитерация от United States Information Service.

13. U.S. Propaganda Activities in the Middle East – Documents // www.gwu.edu/~nsarchiv/.../docs.htm: Documentation on Early Cold War... Doc.24, 59.

14. Vaughan J. R. The Failure of American and British propaganda in the Arab Middle East... P. 112.

15. АВП РФ. Ф. 87. Оп. 11. П. 17. Д. 7. Ч. 2. Л. 69.

16. АВП РФ. Ф. 56/6. Оп. 18. П. 685. Д. 555. Ч. 1. Л. 136; Д. 557. Ч. 3. Л. 142.

17. АВП РФ. Ф. 56/6. Оп. 18. П. 677. Д. 497. Л. 8.

18. Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. Ithaca, N. Y., 1962. P. 444.

19. Speiser E. A. Middle East Dilemmas P. 151; Например, в 1952 г. наибольшая помощь была оказана Иордании и Ливану, а Сирии – нет. В 1953 г. – Египту, а в 1954 г. – снижена. См.: Шенин С. Ю. Указ. соч. Приложение Б. С. 151.

20. McClellan G. S. The Middle East in the Cold War (The Reference Shelf, Volume 28). URL: www.archive.org/.../middleeastinthec007118mb.

21. Agreed Conclusions of the Conference of Near Eastern Chiefs of Mission Held at Istanbul, November 26–29, 1949 // FRUS: 1949. V. 6. P. 165–169; Conference at Cairo, Egypt, of American diplomatic and consular officials involved in Near Eastern affairs // FRUS: 1950. V. 5. P. 1–239.

22. FRUS: 1949. V. 6. P. 170–172. Было принято решение пригласить короля Ибн Сауда в Вашингтон, но при этом отмечено, что приглашение других высших лиц арабских государств нежелательно.

23. Hahn P. L. The United State, Great Britain and Egypt, 1945–1956: Strategy and Diplomacy in the early Cold War. The University of North Carolina Press, 1991. P. 78.

24. FRUS: 1950. V. 5. P. 4–5, 271 etc.

25. АВП РФ. Ф. 87. Оп. 11. П. 16. Д. 6. Л. 139.

26. Медведко А. И., Медведко С. А. Восток – дело близкое. Иерусалим – святое: мемуарно-историческое повествование. М., 2009. С. 97.

27. Tripartite Declaration // Department of States. Bulletin № 570, June 5, 1950. V. 22. P. 886; FRUS: 1950. V. 5. P. 167–168.

28. Abramson Ar. Ch. The Formulation of American Foreign Policy... P. 395, 396.

29. Hurewitz J. C. Soviet-American Rivalry in the Middle East. N. Y.; Wash.; L., 1971. P. 9.

30. Hahn P. L. Op. cit. P. 99, 101; Туганова О. Э. Политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1960. С. 35; Acheson D. Present at the Creation... P. 562. Однако можно предположить, что США хотели взять под контроль рынок оружия на Арабском Востоке, так, после принятия резолюции СБ о запрете продажи оружия в регион Вашингтон оказался в худшем положении, чем Великобритания.

31. FRUS: 1959. V. 5. P. 176–177.

32. АВП РФ. Ф. 87. Оп. 11. П. 17. Д. 7. Л. 111.

33. См. Телеграмма посланника СССР в Израиле П. И. Ершова в МИД СССР. Док. 71. С. 127; Запись беседы посланника СССР в Египте С. П. Козырева с посланником Ливана в Египте С. Аль-Хури. Док. 72. С. 128 // Ближневосточный конфликт...

34. История дипломатии / под ред. А. А. Громыко. М., 1974. Т. 5. С. 532. Для координации работы в рамках Договора создавались Совет совместной обороны и Постоянный военный комитет.

35. Ginat R. The Soviet Union and Egypt 1945–1955. L. 1993. P. 111; Такая опасность была. Американцы оказывали давление на арабские страны, заявляя, что американская помощь зависит от урегулирования отношений с Израилем, вплоть до подписания с ним мирного договора. См. АВП РФ. Ф. 87. Оп. 17. П. 17. Д. 7. Л. 144, 153, 155; Ф. 56/6. Оп. 18. П. 685. Д. 555. Ч. 1. Л. 136.

36. Lenczowski G. The Middle East in World Affairs... P. 444–445; АВП РФ. Ф. 56/6. Оп. 18. П. 685. Д. 554. Л. 23, 74.

37. АВП РФ. Ф. 56/6. Оп. 17. П. 541. Д. 461. Л. 16.
38. См.: *Пелипась М. Я.* Англо-американские переговоры о статусе британской базы в зоне Суэцкого канала и позиции Соединённых Штатов Америки // *Американские исследования в Сибири.* Томск, 2000. Вып. 4. С. 24–64; *Дипломатия США и Великобритании в поисках путей ближневосточного урегулирования (1953–1956)* // *Исследования по всеобщей истории и международным отношениям.* Барнаул, 1997. С. 174–189. *Пелипась М. Я.* Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003.
39. *Hahn P. L.* Op. cit. P. 79.
40. *Hahn P. L.* Op. cit. P. 111.
41. См.: General U. S. Policies in the Near and Middle East // FRUS: 1951. V. 5. P. 1–44; Outline of Proposed NSC Paper on Policy Toward the Arab States and Israel the Problem // Ibid. P. 44–48; *Gardner L. C.* Three Kings: the Rise of American Empire in the Middle East after World War. N. Y., 2009. P. 141; *Onozama T.* Formation of American Regional... P. 123.
42. Из записки советника миссии СССР в Сирии К. Кочеткова «Взаимоотношения Сирии с Турцией и Ираком» // *Ближневосточный конфликт...* Док. 82. С. 139.
43. Генерал М. Нагиб, глава египетского правительства, пришедшего к власти после революции 1952 г. В мае 1953 г. Дж. Ф. Даллес посетил Каир. См.: FRUS: 1952–1954. The Near and Middle East (in two parts). Wash., 1986. V. 9. Part 2. P. 13.
44. General U. S. Policies in the Near and Middle East // FRUS: 1951. V. 5. P. 11.
45. *McCbee G. C.* The US- Turkich-NATO Middle East Connection.... P. 81–82.
46. FRUS: 1951. V. 5. P. 45.
47. *McCbee G. C.* The US- Turkich-NATO Middle East Connection.... P. 83; *Kolko J.* Confronting the Third World US' Policy 1945–1980. N. Y., 1988. P. 69, 70.
48. FRUS: 1951. V. 5. P. 46, 53, 56; *McCbee G. C.* The US- Turkich-NATO Middle East Connection... P. 80–81.
49. *Kolko J.* Confronting the Third World... P. 70; Policy Statement Prepared in the Office of Near Eastern Affairs' // FRUS: 1950. V. 5. P. 271.
50. АВП РФ. Ф. 56/6. Оп. 17. П. 533. Д. 415. Л. 15.
51. Там же. Л. 100, 103.
52. См. *Ближневосточный конфликт...* Док. 67. С. 121; Док. 84. С. 142; *Laqueur W. Z.* Communism and Nationalism in the Middle East. N. Y., 1956. P. 256.
53. *Ближневосточный конфликт...* Док. 74. С. 130.
54. The Ambassador in Egypt (Caffery) to the Secretary of State // FRUS: 1950. Korea. V. 7. Wash., 1976. P. 261–262; *Ginat R.* The Soviet Union and Egypt... P. 110.
55. АВП РФ. Ф. 56/6. Оп. 18. П. 677. Д. 497. Ч. 1. Л. 38; АВП РФ. Ф. 87. Оп. 11. П. 17. Д. 7. Л. 223, 225; Ф. 128. Оп. 8. П. 5. Д. 10. Л. 4; В ходе войны на Корейском полуострове позиции арабских государств менялись. См.: FRUS: 1951. V. 7. PP. 1527, 1516, 1623, 1300, 1301 etc.; ОКНШ не советовал использовать военные части из Саудовской Аравии, так как «они могут срочно понадобиться для собственных нужд». См.: FRUS: 1950. V. 7. P. 482.
56. *Медведко А. И., Медведко С. А.* Указ. соч. С. 97.
57. Вопрос о степени американо-английского партнёрства постоянно поднимался Госдепартаментом.
58. АВП РФ. Ф. 87. Оп. 11. П. 17. Д. 7. Д. 155, 187.
59. Там же. Л. 148.
60. *Ближневосточный конфликт...* Док. 60. С. 114.
61. Outline of Proposed NSC Paper on US Policy toward the Arab States and Israel // FRUS: 1951. V. 5. P. 46.
62. *Acheson D.* Present at the Creation... P. 562–564.
63. *McGhee G. C.* The US- Turkich-NATO Middle East... P. 118.
64. Middle East Command (MEC); *McGhee G. C.* The US- Turkich-NATO Middle East... P. 115; *Campbell J. C.* Defense of the MiddleEast Problems of American Policy. N. Y., 1958. P. 42.
65. *Ginat R.* The Soviet Union and Egypt... P. 99; АВП РФ. Ф. 56/6, оп. 18, п. 685, д. 554, л. 98, 100.
66. *Hahn P.* Op. cit. P. 111.
67. Переговоры Египта с Англией. См.: *Сейранян Б. Г.* Египет в борьбе за независимость 1945–1952. М., 1970. Гл. 4; *Пелипась М. Я.* Англо-египетские переговоры о статусе британской базы в зоне Суэцкого канала и позиции Соединённых Штатов Америки // *Американские исследования в Сибири.* Томск, 2000. Вып. 4. С. 24–64.
68. Ibid. P. 63; *Hashim S. H. Behbehani.* The Soviet Union and Arab Nationalism... P. 88, 89.
69. Правительство Д. Неру в Индии отказалось участвовать в блоковой конфронтации; в ЮВА французы терпели поражение в войне с ДРВ; иранский кризис и другие события в Азии.
70. Литература Middle East Defense Organisation (MEDO). Осенью 1951 г. план MEDO был представлен в общих чертах, а окончательно оформился в 1952 г.
71. FRUS: 1951. V. 5. P. 209–210.
72. Прекращалось действие закона № 80 от 26 августа 1936 г., законов № 13 и 24 1941 г. о льготах и привилегиях английских войск в Египте и двух соглашений о кондоминиуме в Судане от 19 января 1899 г.
73. FRUS: 1951. V. 5. P. 226; *Agwani M. S.* The United States and the Arab World, 1945–1952. Aligarh, 1955. P. 165;
74. *Onozama T.* Formation of American Regional... P. 134.
75. АВП РФ. Ф. 56/6. Оп. 18. П. 685. Д. 557. Л. 67.
76. АВП РФ. Ф. 56/6. Оп. 18. П. 645. Д. 313. Л. 305, 311, 312; *Ginat R.* The Soviet Union and Egypt... P. 121.
77. *Seale P.* with a foreword A. Hourani. The Struggle for Syria. A Study of Post-War Arab Politics, 1945–1958. L., 1987. P. 112.
78. *Ginat R.* The Soviet Union and Egypt... P. 121.
79. *Hashim S. H. Behbehani.* The Soviet Union and Arab Nationalism... P. 98.
80. СССР и Арабские страны, 1917–1960 гг.: документы и материалы. М., 1961. Док. 27. С. 103–105; Советско-израильские отношения... Т. 1. Кн. 2. Док. 386; *Ginat R.* The Soviet Union and Egypt... P. 128.
81. СССР и Арабские страны... Док. 28. С. 106–108.
82. *Ginat R.* The Soviet Union and Egypt... P. 126, 127; *Acheson D.* Present at the Creation... P. 565.
83. Statement of Policy Proposed by the National Security Council // FRUS: 1952–1954. Part. 1. P. 223.
84. *Hahn P. L.* Op. cit. P. 130.
85. *Seale P.* The Struggle for Syria... P. 111.
86. О вооружённой борьбе в зоне Суэцкого канала См.: *Сейранян Б. Г.* Указ. соч. Гл. 5.
87. FRUS: 1952–1954. V. 9. Part. 2. P. 253, 261; *McGhee G. C.* Op. cit. P. 119; С этого времени США оконча-

тельно отказались от модели МЕС и стали арабам предлагать MEDO.

88. *Neguib M. Egypt's Destiny. L., 1955. P. 118–119; Хамруш А. Революция 23 июля 1952 г. в Египте... С. 145, 150, 151; Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М., 2006. С. 28.*

89. *Kolko J. Confronting the Third World... P. 72, 79.*

90. *Hashim S. H. Behbehani. Soviet Union and Arab Nationalism... P. 107; Очевидно, не следует преувеличивать степень вовлечённости американцев в подготовку событий 23–26 июля 1952 г. Контролировать деятельность «Свободных офицеров» они не могли. П. Хан, например, пишет, что Госдепартамент «был удивлён, когда произошёл переворот». В то же время известно, что король Фарук просил американцев обратиться к англичанам об оказании ему помощи, но США заняли позицию «строгого невмешательства в события». См.: *Neguib M. Egypt's Destiny. P. 127; Hahn P. L. Op. cit. P. 146.**

91. *Ibid. P. 1880.*

92. *FRUS: 1952–1954. V. 9. Part. 1. P. 1863, 1864.*

93. Ближневосточный конфликт... Док. 104. С. 175; *Егорин А. З. Египет нашего времени. М., 1998. С. 51; Hashim S. H. Behbehani. The Soviet Union and Arab Nationalism... P. 101.*

94. *Gaddis J. L. The Gold War. A New History. Boston, 2007. P. 166.*

95. *Conditions and Trends in the Middle East. Affecting US Security // FRUS: 1952–1954. V. 9. Part. 1. P. 334 etc.*

96. *The Visit of Secretary of State John Foster Dulles and Mutual Security Administrator Harold Stassen to the Near and Middle East, May 9–29, 1953. // FRUS: 1952–1954. Part. 1. P. 1–167.*

97. *Memorandum of Conversation, Prepared in the Embassy in Cairo // Ibid. P. 8–18.*

98. *Ibid. P. 9, 12.*

99. *Ibid. P. 10, 11.*

100. *Ibid. P. 13.*

101. *Ibid. P. 13, 15.*

102. *Gaddis J. L. The Gold War. A New History... P. 169.*

103. *FRUS: 1952–1954. Part. 1. P. 503–504.*

104. *Cit. Gardner L. C. Three Kings: the Rise of American Empire in the Middle East after World War. N. Y., 2009. P. 83.*

105. *Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 473.*

106. *Советско-израильские отношения... Кн. 2. С. 11.*

107. *Главный противник: документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. М., 2006. С., 104.*

108. *Gaddis J. L. The Gold War. A New History... P. 167.*

УДК 94(73+497.1)"1949/1953"

А. А. Костин

«ПРОЩАЙ, ДЯДЯ ДЖО! ЗДРАВСТВУЙ, ДЯДЯ СЭМ!»: РОЛЬ США В РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ ЮГОСЛАВИИ С ЗАПАДОМ в 1949–1953 гг.*

В статье выявляется влияние советско-югославского конфликта на изменение отношений между Вашингтоном и Белградом, анализируются усилия США по сближению Югославии с Западом, характеризуется динамика югославской политики Соединённых Штатов в 1949–1953 гг.

The article reveals the influence of the Soviet-Yugoslav conflict on change in relations between Washington and Belgrade, analyzes the U.S. efforts to the convergence of Yugoslavia with the West and characterizes the dynamic of the Yugoslavian policy of the United States in 1949–1953.

Ключевые слова: США, Югославия, американо-югославские отношения, советско-югославский конфликт, холодная война, Балканы.

Keywords: United States, Yugoslavia, the US-Yugoslav relations, the Soviet-Yugoslav split, the Cold War, the Balkans.

1949 год стал важным годом в советско-американских отношениях, принесшим изменения в расстановке сил на международной арене. В этот год Г. Трумэн вступил в должность президента США на новый срок, был подписан Североатлантический договор, СССР испытал первую атомную бомбу, произошёл раскол Германии на ФРГ и ГДР, к власти в Китае пришли коммунисты. Изменилась геополитическая ситуация на юге Балкан. В Греции правительственные войска при поддержке Соединённых Штатов одержали победу над повстанцами. Югославская компартия была подвергнута странами Коминформа остракизму. Югославия стала изгоем в коммунистическом мире. Запад ожидал силовой акции советского блока против опального режима И. Броз Тито.

Из-за недостаточной открытости российских архивов нет достоверных данных о том, готовило советское руководство военную акцию против югославов. Приходится довольствоваться лишь косвенным свидетельством Н. Хрущева: «Сталин... был озлоблен против Тито до невоз-

* Статья подготовлена в рамках выполнения Тематического плана научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», проводимых по заданию Министерства образования и науки в 2010–2013 гг., регистрационный номер 5.1.10.

возможности. Готов был даже начать войну с Югославией. Думаю, что он кое о чем на этот счёт размышлял, хотя я никогда не слышал прямых разговоров насчет военного нападения на Югославию. Но засылку агентуры и демонстрацию силы Сталин начал проводить сейчас же после разрыва с Тито. На данную тему велись разговоры в Политбюро на даче Сталина, но не обсуждались дела на каком-то официальном заседании» [1]. Первый секретарь ЦК КПСС в 1953–1964 гг. также пишет в своих воспоминаниях, что Сталин «после войны говорил, когда решил расправиться с Тито: “Пальцем пошевелю, и не будет Тито”». Но, как подытожил Хрущёв, «с Тито у него не вышло» [2]. Англоязычный перевод, осуществлённый в 1974 г. С. Тэлботтом, будущим заместителем госсекретаря США в 1994–2001 гг., приписывает Хрущёву следующие слова: «Я абсолютно уверен, что, если бы Советский Союз имел общую границу с Югославией, Сталин осуществил военное вторжение... Он [Сталин] боялся, что американские империалисты активно поддержат югославов» [3].

В 1949 г. западная пресса много писала о концентрации войск советских сателлитов вдоль югославских границ [4]. Однако редактор газеты «Борба» В. Дедиер спустя 20 лет утверждал, что, хотя весь мир ждал, что что-то произойдёт, югославы демонстрировали спокойствие. На вопрос, ожидает ли Югославия нападение со стороны Албании, Болгарии, Румынии и Венгрии, Дедиер, являвшийся в то время сотрудником отдела пропаганды ЦК КПЮ, ответил: нет, никакие военные приготовления на другой стороне границы не зафиксированы. При этом в Советском Союзе таких опровержений дано не было. В апреле в западной прессе снова появилось множество сообщений о концентрации войск у югославских границ. Дедиер опубликовал в «Борбе» ещё одно опровержение. По его словам, этот миф был создан западными журналистами, чтобы дискредитировать Советский Союз, представить его как агрессора и империалистическое государство [5].

В противоречии с заявлениями югославской стороны, стремившейся избежать нагнетания ситуации и надеявшейся на нормализацию отношений с Москвой, к середине 1949 г. вторжение в Югославию стало вполне вероятным. По словам британского историка Н. Белофф, когда Сталин «убедился, что он не сумел уничтожить Тито, шевельнув мизинцем, он пошевелил всем остальным, чем только мог пошевелить» [6]. Главнокомандующий венгерской Народной армией генерал Бела Кирай свидетельствовал, что конец 1940-х – начало 1950-х гг. был периодом, когда жизнь в Венгрии была полностью подчинена подготовке к предстоящей войне: в политическом, экономическом, военном и психологическом отноше-

нии [7]. В годы Второй мировой войны Кирай участвовал в оккупации Украины, затем стал членом компартии Венгрии (после – Венгерской партии трудящихся), а впоследствии был одним из руководителей антисоветского восстания 1956 г. и эмигрировал в США [8]. Правдивость его свидетельства сомнительна, так как оно отражает его антисоветские взгляды и сохраняющиеся в западной историографии утверждения о готовившемся советском вторжении в Югославию, хотя инциденты на югославских границах действительно происходили в тот период довольно часто. По югославским данным, вполне возможно несколько преувеличенным, число пограничных провокаций было достаточно высоким и постоянно увеличивалось: в 1950 г. – 936; в 1951 г. – 1517; за первые десять месяцев 1952 г. – 1530 [9].

Как показала история, Сталин ограничился экономической изоляцией Югославии, жёсткой пропагандистской кампанией против югославского режима, серией судебных процессов против «агентов Тито», вооружением и увеличением численности состава армий стран-сателлитов, концентрацией их войск на югославских границах и осуществлением провокаций. 25 сентября 1950 г. Э. Кардель рассказал Генеральной Ассамблее ООН об антиюгославской кампании. Министр иностранных дел Югославии заявил, что «правительства восточно-европейских государств аннулировали 47 договоров, заключённых с ФНРЮ; из этих стран до 1 июля 1950 г. выслано или предложено выехать 138 югославским дипломатическим и другим служащим; на югославской границе с Венгрией, Румынией, Болгарией и Албанией в течение двух лет имели место 996 пограничных инцидентов; для нелегальной деятельности против Югославии в странах Восточной Европы сформировано свыше 20 центров, которые занимаются исключительно организацией диверсантских групп и их засылкой в Югославию; в первые 6 месяцев этого года радиостанции европейских стран передали только на языках народов Югославии 6 732 антиюгославские передачи» [10]. Тем не менее, вопреки столь мрачной картине, экономическая блокада и «война нервов» не переросли во вторжение.

Несмотря на то, что советская военная акция против Югославии, скорее всего, всё-таки оставалась лишь в сфере эвентуальных действий Кремля, отбрасывать её вероятность американцы не могли. И Москва, и Вашингтон должны были быть готовыми к любому развитию событий. В случае советского военного вмешательства холодная война на Балканах могла быстро перерасти в открытое вооружённое столкновение, грозившее началом нового мирового конфликта. В результате американское отношение к советско-юго-

славскому разрыву должно было быть осторожным и продуманным, так как блокада Западного Берлина уже накалила ситуацию в Европе и привела к обострению без того напряжённых отношений между СССР и США.

До принятия Советом национальной безопасности в 1950 г. директивы СНБ № 68 курс американской внешней политики во многом определяла директива СНБ № 20/4 «Цели США в отношении СССР в деле противодействия советской угрозе безопасности Соединённых Штатов». Она была одобрена президентом Трумэном 24 ноября 1948 г. [11] Директива требовала «усиливать ориентацию на Соединённые Штаты не советских стран, а также оказывать помощь тем из этих стран, которые способны и готовы внести важный вклад в безопасность США, чтобы повысить их экономическую и политическую стабильность и военный потенциал» [12]. После конфликта между ВКП(б) и КПЮ Югославию, руководство которой сохранило приверженность коммунистической идеологии, можно было отнести к «не советским странам». Вопрос состоял в том, был ли Белград в состоянии и желал ли способствовать укреплению американской безопасности.

Джон Кэмпбелл [13], курировавший в 1949–1955 гг. в Отделе Государственного департамента по политическому планированию балканское направление, свидетельствует, что до разрыва советско-югославских отношений американскому посольству в Белграде было крайне трудно убедить Вашингтон в серьёзности конфликта между ВКП(б) и КПЮ и добиться каких-либо серьёзных подвижек в югославской политике Соединённых Штатов. Особенно скептически к конфликту Тито и Сталина относился Чарльз Болен [14], заявивший: «Вор у вора дубинку украл. Хорошо, давайте просто наблюдать за этим. Это нас не касается, и не наше дело вмешиваться в эту ссору» [15]. По свидетельству Кэмпбелла, в югославской политике США «сохранялась сильная инерция, трудно было заставить Госдепартамент изменить хоть что-нибудь. Было совершенно непонятно, что мы можем сделать, потому что югославы не обращались к нам. ...Многие аспекты конфликта... между Советским Союзом и Югославией всё ещё оставались сокрытыми от наших глаз. Соединённым Штатам было нелегко определить, что мы могли сделать в той ситуации, какое заявление с нашей стороны могло дать выгоду. Мы просто должны были ждать, пока не станет ясно, каким образом Соединённые Штаты могли бы использовать эту ситуацию. Но пока, в тех условиях, в Вашингтоне преобладала тенденция не думать об этом» [16]. Даже директиву СНБ № 18/2 от 18 февраля 1949 г., которая сократила торговые ограничения для экспорта в

Югославию, Дж. Кэмпбелл характеризует как «крайне незначительное действие», но при этом подчёркивает, что «её символическая важность была значительна, так как она стала началом всего остального» [17].

Пытаясь вызвать недовольство населения Югославии ухудшением экономической ситуации в стране и тем самым добиться свержения режима Тито, Сталин постепенно, в течение года после начала конфликта, прекратил все контакты стран советского блока с Белградом. Этот процесс завершился в июле 1949 г., когда Польша, единственная из стран Коминформа поддерживавшая торговлю с Югославией, объявила о прекращении всех поставок в Югославию в связи с истечением срока действия существующего торгового соглашения [18]. Впоследствии, в декабре 1950 г. член Секретариата Исполнительного бюро ЦК КПЮ Б. Кидрич заявил в Скупщине, что разрывом инвестиционных договоров СССР и страны народной демократии нанесли ФНРЮ ущерб в 400 млн долл. [19]

Чем жёстче становилась экономическая блокада Югославии со стороны Кремля и его сателлитов, тем меньше у Тито и его окружения было надежд на нормализацию отношений с Коминформом. В ответ Белград начал устанавливать контакты с западными странами и переориентировал свою пропаганду против Советского Союза. Ещё в сентябре 1948 г. Югославия проявила интерес к покупке американского оборудования для бурения нефтяных скважин. Сокращение экономических связей между Югославией и странами Коминформа в конце декабря 1948 г. вынудило Тито заявить, что «югославское правительство должно продать свое сырьё в других местах, чтобы купить необходимое оборудование» [20]. Всё это свидетельствовало не столько об изменении югославской внешней политики, сколько об экономических проблемах, с которыми столкнулся Белград. После плохого урожая 1949 г. югославы попытались избежать экономических проблем путём развития экономических отношений со странами, не входившими в Коминформ.

Администрация США была готова поддержать Югославию, но ждала лояльной позиции Белграда в международных делах. В первую очередь речь шла о греческой проблеме. С самого начала Вашингтон использовал американскую помощь в качестве инструмента политического давления на Белград и обусловил её предоставление прекращением югославской поддержки греческим коммунистам. В мае 1949 г. югославы запросили у Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Экспортно-импортного банка (Эксимбанк) и различных частных учреждений Соединённых Штатов заём в 200 млн долл. [21]

Американо-югославские переговоры о возможности оказания Вашингтоном помощи Белграду продолжались в течение лета 1949 г. 8 июня югославский министр иностранных дел Э. Кардель пытался убедить американского посла К. Кэннона в том, что Белград больше не посылает материальную помощь греческим партизанам [22]. 10 июля, когда исход гражданской войны в Греции был уже очевиден, Тито во время выступления в Пуле объявил о закрытии югославо-греческой границы [23]. Правительство Югославии отказалось пускать на свою территорию партизан ЭДА (Демократическая армия Греции), лишив её важных баз.

Действия Югославии можно рассматривать как уступку или проявление лояльности и готовности к сотрудничеству, совершённые для получения американской поддержки. В. Дедиер позже утверждал, что югославы закрыли границу для греческих повстанцев не под давлением Запада, а потому, что коммунисты Греции поддержали резолюцию Коминформа и вели радиопропаганду против Югославии [24]. Ещё 24 июня поверенный в делах США в ФНРЮ Б. Римс писал госсекретарю Д. Ачесону о своей уверенности в том, что Белград перестал делать поставки греческим партизанам: «Положение Югославии слишком тяжёлое, чтобы помощь, в которой она нуждается, оказывать людям, чей успех может означать лишь окончательное окружение занавесом Кремля вокруг неё же самой» [25]. Таким образом, сложно выявить степень лояльности Тито к Западу, но вполне очевидно, что Белград своими действиями ускорил поражение греческих коммунистов.

8 сентября Эксимбанк удовлетворил просьбу Югославии о предоставлении кредита в 20 млн долл., Международный валютный фонд (МВФ) одобрил кредит на сумму 3 млн долл. для содействия развитию ФНРЮ, также США официально объявили о предоставлении лицензии на строительство металлургического комбината в Югославии [26]. Дж. Кэмпбелл свидетельствовал, что «югославы сначала обратились в частные банки, в частности в “Ирвинг Траст Компани”, и в целом получили положительный ответ на предоставление ссуды, но на меньшую сумму, нежели им было необходимо. Летом 1949 г. они сделали заявку в Эксимбанк, и мы приступили к переговорам с его президентом, убеждая его, что есть веские политические причины для выдачи такой ссуды. Публично было объявлено, что это исключительно коммерческий бизнес и что тем самым оказывается содействие югославской торговле с Соединёнными Штатами для развития американского экспорта. Мы сделали все, чтобы преуменьшить политическое значение этой ссуды, потому что югославы не хотели показывать,

что они повернулись к Западу в политическом смысле» [27].

СССР отреагировал разрывом отношений. 28 сентября 1949 г. Москва направила Белграду ноту, утверждавшую, что «теперешнее югославское правительство находится в полной зависимости от иностранных империалистических кругов и превратилось в орудие их агрессивной политики, что... привело к ликвидации самостоятельности и независимости Югославской Республики».

Все эти факты свидетельствуют о том, что заключенный 11 апреля 1945 г. Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией теперь югославское правительство грубо растоптало и разорвало в клочки.

На основании вышесказанного советское правительство заявляет, что Советский Союз отныне считает себя свободным от обязательств, вытекающих из указанного договора» [28].

Финансовая поддержка, оказываемая Белграду Соединёнными Штатами, позже была дополнена военной помощью. К середине 1955 г. США предоставили Югославии военную и экономическую помощь на сумму почти 1,2 млрд долл., из которых югославы должны были вернуть в форме возмещённых ссуд только 55 млн [29]. При этом Югославия не была включена в План Маршалла, так как, во-первых, Тито стремился избежать любых политических условий при получении займов от западных стран, подчёркивая тем самым, что Белград остался верен духу марксизма-ленинизма; и, во-вторых, администрации президента Трумэна было крайне непросто объяснить американским налогоплательщикам, почему Соединённые Штаты оказывают помощь коммунистической стране. Таким образом, югославское правительство, в отличие от его будущих союзников Греции и Турции, не имело никаких обязательств по демократизации режима, либерализации экономики и оказанию военной помощи Западу в случае необходимости.

Но это вовсе не означало, что американская поддержка Тито не приносила Вашингтону никаких выгод. Москва, нагнетая атмосферу страха перед возможным советским вторжением в Югославию, надеялась, что экономическая блокада Белграда странами Коминформа повлечёт за собой ухудшение ситуации в стране и недовольство населения, что вынудит определённые силы в югославском партийном руководстве свергнуть Тито. Как писал в 1950 г. журнал «Форин Эфеаз», цель Советского Союза в этот период была ясна: «...экономическая блокада приведёт к экономическому краху, которого не могла достигнуть простая политическая пропаганда» [30]. Поэтому американская политика была направ-

лена на исключение подобной возможности, что требовало оказания Белграду экономической помощи. Высокопоставленный сотрудник Госдепартамента Дж. Бим [31], работавший в 1951–1952 гг. советником американского посольства в ФНРЮ, впоследствии вспоминал, что США были заинтересованы не столько в либерализации экономики Югославии, сколько в её независимости от Москвы [32].

Директива Совета национальной безопасности № 18/4 «Политика Соединенных Штатов по отношению к конфликту между СССР и Югославией» от 17 ноября 1949 г. определяла главным следствием «югославской ситуации» улучшение безопасности Запада. Возможная потеря Югославии означала бы потерю политических выгод в холодной войне. Речь шла о том, что «увеличивающаяся зависимость» ФНРЮ от Запада расширяла возможности для урегулирования триестского вопроса и для нормализации отношений с Грецией и Турцией [33]. В свою очередь, советская сторона осуществила очередную пропагандистскую атаку на Белград. 29 ноября 1949 г. была опубликована вторая резолюция Коминформа «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» [34]. Ситуация была накалена до предела, и на Западе не исключали военной акции Кремля против ФНРЮ. Если вопрос оказания Белграду экономической помощи был для американцев делом решённым, то защита Югославии в случае нападения СССР и его сателлитов по-прежнему находилась на стадии обсуждения, никакого рабочего решения пока ещё не было.

В 1950 г. на ход холодной войны оказали влияние два важных фактора. Первым стала директива СНБ № 68 «Цели и программы национальной безопасности Соединенных Штатов» от 14 апреля. Она определила американскую внешнеполитическую стратегию на ближайшие десятилетия. Согласно этому документу, положение Югославии, изгнанной из советского блока за национализм, говорило о возможной уязвимости отношений Кремля с его сателлитами в случае роста национализма в странах Восточной Европы: «Слабым местом политики Кремля являются также его отношения с государствами-сателлитами и их населением. Национализм по-прежнему остаётся самой мощной эмоционально-политической силой. ...При первой же возможности получить независимость, как это было в случае Тито, государство-сателлит, скорее всего, попытается отделиться от Кремля» [35]. Последующие десятилетия показали, что «карта национализма» была неоднократно с успехом разыграна в мировой политике.

Вторым фактором стал начавшийся 25 июня 1950 г. корейский конфликт. В то время, когда

вероятность советского военного вторжения в Югославию оценивалась в Вашингтоне весьма высоко, война вспыхнула в Азии: согласно не вызывающему особого доверия свидетельству Бели Кирая, «Северная Корея начала войну... именно тогда, когда советский блок в Европе был готов начать агрессию против Югославии», «существовала прямая связь между выбором времени корейской агрессии и завершением подготовки к войне против Югославии». Кирай утверждает, что «агрессия против Югославии началась бы в конце 1950 г. или самое позднее весной 1951 г., если бы Соединенные Штаты и Организация Объединенных Наций не вмешались в корейскую ситуацию» [36]. В связи с этим в августе 1950 г. члены Совета национальной безопасности решили, что «можно оказать Югославии чрезвычайную военную помощь согласно Программе взаимной помощи обороне [37]» [38].

29 ноября президент Трумэн официально обратился к Конгрессу для получения санкции на оказание Югославии дополнительной помощи в размере 38 млн долл. для обеспечения продовольственных потребностей югославских военных, подчеркнув, что это имеет большое значение для безопасности НАТО и Соединенных Штатов [39]. Так как ФНРЮ не являлась членом НАТО, требовалось, чтобы Конгресс внёс поправки в Закон о взаимной помощи обороне. Палата представителей и Сенат приняли Чрезвычайный закон о помощи Югославии, и 29 декабря 1950 г. он был подписан президентом [40].

Дж. Кэмпбелл вспоминает, что «для этого требовалось объяснить населению Соединенных Штатов мотивы нашей политики. Неизбежно приходилось сталкиваться с аргументом: “Почему мы должны помогать коммунистам? Мы боремся с коммунизмом, мы сейчас воюем в Корее, и во всем мире уже идёт холодная война. А теперь вы пришли к нам и просите предоставить специальную помощь и отдать нашу пищу, чтобы поддержать коммунистов”.

Все это в значительной степени стало предметом обсуждения общественности, но меня поразило то, что на деле мы не встретили непримиримого сопротивления. Конгресс значительным большинством голосов обеих палат проголосовал за законопроект о помощи югославам. Мы провели множество заседаний в Госдепартаменте, определяя, как нам поступить, и решили, что лучшая линия убеждения общественности – гуманитарная: масштабная засуха в Югославии грозила страшным голодом её народу, страна была отрезана от поставок, которые она могла бы получить из других частей мира» [41].

Таким образом, начало военной поддержки Белграда Вашингтоном было положено с помощью гуманитарного аспекта – продовольствен-

ные поставки югославской армии в условиях грозившего стране голода. В течение следующего года США расширили и укрепили каналы военной помощи Югославии, позволившей не только укрепить обороноспособность НАТО в средиземноморском бассейне и его будущих членов Греции и Турции, но также в некоторой степени «привязать» ФНРЮ к Соединённым Штатам. 16 апреля 1951 г. президент Трумэн объявил о своём решении предоставить Югославии 29 млн долл. в рамках Закона о взаимной помощи обороне для поддержки югославских вооружённых сил [42]. На следующий день, 17 апреля соглашение об этом было заключено в Белграде путем обмена нотами между американским послом Дж. Алленом и заместителем министра иностранных дел ФНРЮ Й. Вильфаном [43]. В мае – июне 1951 г. в Вашингтоне состоялись двусторонние переговоры, включавшие «обсуждение долговременной стратегии». 13 июня глава Отдела планирования армии США генерал-лейтенант К. Эдльман и начальник Генерального штаба югославской армии генерал-полковник К. Попович подписали соглашение о срочной доставке военных грузов в Югославию и консультациях между военными обеих стран [44].

Югославская зависимость от американской поддержки достигла пика с подписанием 14 ноября 1951 г. Соглашения о военной помощи между Соединёнными Штатами и Югославией [45]. Во-первых, на ФНРЮ было распространено действие Закона о взаимной безопасности от 10 октября 1951 г., который санкционировал использование почти 7,5 млрд долл. на оказание военной, экономической и технической помощи американским союзникам, в первую очередь в Западной Европе: «Правительство США предоставит или будет продолжать предоставлять в распоряжение Правительства ФНРЮ оборудование, материалы, услуги или другую помощь в соответствии с... Законом о взаимной помощи обороне 1949 г. и Законом о взаимной безопасности 1951 г.». Во-вторых, Белград брал на себя обязательство поставлять Вашингтону стратегически важное сырьё: «Правительство ФНРЮ предоставляет США взаимную помощь, продолжая содействовать производству и передаче Соединённым Штатам в таких количествах и на таких условиях, которые будут согласованы, сырья и полуфабрикатов, необходимых США в результате недостатка или потенциального недостатка в собственных ресурсах и наличия их в Югославии» [46].

Главным препятствием для американской помощи Белграду и эффективной интеграции Югославии в западную систему обороны стала кампания против распространения коммунизма в США. В эпоху борьбы с коммунизмом в услови-

ях холодной войны одна только мысль об оказании поддержки коммунистической стране и о борьбе с коммунизмом совместно с ней казалась довольно абсурдной. Большинство сотрудников американской дипломатической службы говорили о трудностях поддержки Тито в тот период. Американский посол в ФНРЮ в 1953–1957 гг. Дж. Риддлбергер вспоминал: «Убедить американский Конгресс выделить деньги для коммунистического диктатора... это довольно неприятное занятие. ...Я считаю, Трумэн был абсолютно прав, и я уверен, в этом деле он проявил... много мужества» [47]. Говоря об оказании помощи Белграду, помощник и затем заместитель директора Отдела торговой политики Госдепартамента в 1951–1954 гг. У. Армстронг подчеркнул: «В атмосфере... маккартизма, это было не так-то просто» [48].

Дж. Кэмпбелл указал также юридические препятствия для поставок Белграду, существовавшие до принятия Чрезвычайного закона о помощи Югославии: «Я помню, мы использовали любую лазейку в существующих законах, ни один из которых напрямую не разрешал помощь Югославии. Мы использовали зерно и другие продукты, которые были отправлены в Италию, и передали их из Италии в Югославию. Мы поручили Бучу Фишеру, который был юрисконсультантом, интерпретировать Закон о взаимной помощи обороне таким образом, чтобы с его помощью выбить продовольствие на том основании, что оно необходимо югославской армии. ...Это была весьма сомнительная юридическая интерпретация, я думаю, но, тем не менее, мы были готовы рискнуть, если бы госсекретарь Ачесон тогда одобрил её. Он тоже был готов использовать этот шанс» [49].

Подобно тому, как экономическая помощь Соединённых Штатов Югославии повлекла за собой помощь военную, военные поставки, в свою очередь, расчищали дорогу для стратегического сотрудничества Вашингтона и Белграда в сфере совместной обороны против потенциальной советской угрозы. О вступлении ФНРЮ в НАТО, как это сделали 18 февраля 1952 г. Греция и Турция, речь идти не могла. Во-первых, сами югославы, надеясь получить защиту со стороны Запада, в то же время не желали дать лишний повод для обвинений со стороны мирового коммунистического движения в предательстве идей марксизма. Во-вторых, американцы понимали, что вступление коммунистической страны в НАТО выглядело бы по меньшей мере абсурдно. Тем не менее независимость Югославии от Москвы с военно-стратегической точки зрения давала Соединённым Штатам неоспоримое преимущество перед Советским Союзом, отвечая целям его сдерживания в балкано-средиземноморском районе.

Военное сотрудничество Белграда и Вашингтона было инструментом давления на Кремль, создавая возможную опасность советскому блоку в юго-восточной Европе. В феврале 1951 г. сообщения о присутствии американских и английских боевых самолетов на югославских аэродромах потрясли румынский Генштаб. Болгары тоже постоянно ожидали югославского нападения, строя оборонительные сооружения и готовя войска к его отражению. Они получили из неизвестных источников тревожную информацию, что в случае нападения СССР в Центральной Европе НАТО ответит на Балканах, направив против них югославов, греков и турок [50].

В меморандуме «Возможности войны с Советским Союзом, 1951–1952: использование атомного оружия» от 23 мая 1951 г. член Отдела планирования политики К. Саваж указывал: «Югославия, Греция, Турция. Эти три государства имеют для нас большое значение в борьбе против советского империализма. Они представляют собой грозный бастион против агрессии в районе восточного Средиземноморья. Их совместные военные силы сейчас больше, чем всех европейских членов Североатлантического союза. Кроме того, если нам будет навязана война, мы можем надеяться на наступление против Советского Союза в этом регионе» [51].

Давая оценку возможному развитию ситуации в мире на два года вперёд, аналитики ЦРУ 24 сентября 1951 г. говорили о будущем присоединении «Греции, Турции, Испании, Югославии и Западной Германии» к НАТО, которая «должна быть завершена в предстоящий период» и станет «главным приращением в силе НАТО». При этом автор прогноза сетовал, что «многочисленные политические и психологические препятствия» мешают вкладу последних трёх стран в западноевропейскую оборону [52].

Дж. Кэмпбелл суммировал приоритеты американской стратегии в тот период следующим образом: «Наш подход к военной программе был следующим: во-первых, его основная цель заключалась в повышении обороноспособности Югославии, во-вторых, так или иначе было очень важно начать подключение Югославии к западной обороне в целом. ...Конечно, с точки зрения Пентагона, раз они поставляли югославам военное оборудование, то в случае войны они хотели бы, чтобы югославы помогли защитить определённые места [53] и не отступили в горы, чтобы защищаться в одиночку. Поэтому в умах многих в Соединённых Штатах, кто был связан с югославской политикой, созрела идея каким-то образом постепенно подвести югославов к более тесным связям с НАТО» [54].

Таким образом, мысли о необходимости включения ФНРЮ в западную оборонительную сис-

тему в начале 1950-х гг. были и у американских военных, и у дипломатов. Однако сам Тито был заинтересован в получении защиты западных стран в случае вторжения войск советского блока, но не желал оказаться втянутым в войну между Востоком и Западом. Поэтому Белград стремился избежать любых обязательств перед Вашингтоном и его союзниками. В мае 1951 г. югославский маршал «пояснил, что Югославия не интересуется заключением каких-либо бумажных договоров, и что идентичность интересов – единственная реальная и достаточная гарантия того, что Югославия будет во время войны на стороне Запада» [55].

Поэтому на данном этапе речь могла идти не более чем о развитии сотрудничества Белграда с Афинами и Анкарой. Уже в сентябре 1951 г. Тито подчеркнул, что ФНРЮ «подвергнется опасности в случае нападения на Грецию и Турцию», поэтому с началом агрессии или даже раньше неизбежно возникнет вопрос о сотрудничестве этих стран с Югославией [56]. Так как восприятие внешней угрозы у них было идентичным, отношения между тремя странами быстро улучшались. В течение 1952 г. в ходе постоянных взаимных посещений военных делегаций и политических представителей проходили греко-турецко-югославские переговоры. Американская поддержка укрепления отношений между тремя балканскими государствами была важна, но её проявлению мешало нежелание югославов брать на себя какие-либо обязательства перед Западом и наличие таких обязательств у Греции и Турции, ставших 18 февраля 1952 г. членами НАТО.

6 июня 1952 г. американский посол в Югославии Дж. Аллен согласился с Госдепартаментом, что «следует соблюдать осторожность, чтобы греки или турки не торопили события и не сделали слишком резких шагов в отношении югославов», но подчеркнул, что «очень важно воспользоваться нынешней югославской готовностью к улучшению отношений с обеими этими странами». Посол рекомендовал: «Наш лучший подход, мне кажется, состоит в том, чтобы избежать слишком активного участия в любом ампула, и пусть югославы, греки и турки решат это сами, насколько возможно» [57].

Говоря о вероятности того, что турки и греки могут обратиться к Североатлантическому альянсу с просьбой определить своё отношение к возможному соглашению Белграда с Афинами и Анкарой, госсекретарь Ачесон в ответном послании белградскому посольству подчеркнул: «Есть определённые указания, полученные Госдепартаментом, что ситуация ещё не созрела для того, чтобы предпринимать такие шаги в НАТО». Ачесон объяснил, что «Госдепартамент обеспокоен, как бы возможный отказ стран НАТО не нанёс

ущерба сближению Югославии с Грецией и Турцией на двух- или трёхсторонней основе» [58].

Тем не менее американские военные активизировали свои переговоры с югославами. В середине июля 1952 г. два высокопоставленных чиновника от Министерства обороны Соединенных Штатов, генералы К. Эддлман и Дж. Холмстэд, и затем помощник министра обороны Ф. Нэш посетили маршала Тито в его летней резиденции в Словении [59]. В августе министр армии США Ф. Пэйс осуществил двухдневную поездку в Югославию и «принял участие в военных учениях неподалеку от столицы, перед тем как отправиться в Блед для встречи с маршалом Тито» [60]. Эти визиты позволили американцам более настойчиво вести переговоры с югославами в военной сфере. В ноябре Вашингтон направил в Белград заместителя главнокомандующего Европейского командования США, генерал-лейтенанта Т. Хэнди для обсуждения вопросов обороны и детального определения военных возможностей Югославии. Однако Белград вновь отказался дать какие-либо обязательства, но надеясь получить от Запада необходимую защиту в случае войны. Югославы жаловались грекам на американского генерала: «Он спрашивал много, а говорил мало. Мы не рассказывали Хэнди о своих силах, так как он не рассказывал нам о своих» [61].

На трёхсторонних балканских переговорах ситуация была иной. 24 ноября 1952 г. посол Аллен сообщил в Госдепартамент, что накануне визита греческой военной делегации «югославы говорили об определенных военных обязательствах». В беседе с греческим посланником Капитанидесом Аллен сказал, что «югославы могут рассчитывать на получение косвенных обязательств НАТО путём подписания с греками и турками взаимных гарантий поддержки в случае нападения» [62]. Подключение Югославии к военному планированию НАТО стало предметом дискуссии с декабря 1952 г., когда переговоры трёх балканских стран вышли на уровень подготовки соглашения о сотрудничестве. Однако обязательства Греции и Турции перед НАТО и желание югославов избежать принятия на себя подобных обязательств по-прежнему мешали процессу переговоров, и никакого определённого плана относительно балканского союза пока ещё не было.

Позиция Государственного департамента была изложена госсекретарём 5 декабря в письме в американское посольство в Париже. Ачесон выразил поддержку трёхсторонних переговоров, подчёркнув приоритет интересов Североатлантического альянса: «Соединённые Штаты, позиция которых уже доведена до заинтересованных сторон, выступают за максимальное развитие югославско-греко-турецкого сотрудничества, кото-

рое должно рассматриваться с точки зрения греческих и турецких обязательств в НАТО» [63]. Госсекретарь высказал недовольство политикой Белграда, надеявшегося без взаимных обязательств получить гарантии защиты со стороны Запада в случае советского нападения: «Чем понятнее будет разъяснено Югославии, что её собственные интересы неразрывно связаны с общими усилиями обороны Запада и что ей не позволят натравливать одну державу или группу держав против остальных, тем более вероятным станет достижение наших целей [64]. Исходя из вышеизложенного, глава Госдепартамента выступил за не военный характер готовящегося трёхстороннего соглашения: «В настоящее время мы выступаем за максимально возможный прогресс в случае военного планирования между греками и/или турками и югославами, хотя мы считаем, что сейчас не должно быть никаких военных обязательств. Подобные обязательства должны стать результатом правительственного решения в момент возникновения чрезвычайной ситуации с учётом всех возникших обстоятельств и, по мере необходимости, после консультации с союзниками по НАТО» [65].

Ограничение коллективных действий условием возникновения чрезвычайной ситуации означало, что США в существовавших тогда условиях не считали возможным сотрудничество Белграда с Североатлантическим альянсом. С одной стороны, Вашингтон желал не только оградить Югославию от вторжения войск советского блока, но и ассоциировать её с западным миром. С другой стороны, ожидаемая советская агрессия в случае военного сотрудничества между ФНРЮ и НАТО грозила вооружённым столкновением между Западом и Востоком. Соединённым Штатам в то время хватало Кореи.

Югославы добивались «формального трёхстороннего соглашения с Грецией и Турцией о помощи других государств в случае нападения на любую из сторон». Такое соглашение должно было содержать конкретные планы совместных действий в возможной войне [66]. Расчёт Белграда был очевиден. В случае советского нападения на Югославию, на помощь ему должны были прийти Греция и Турция, которым в рамках союзнических обязательств по Североатлантическому договору окажут поддержку другие члены НАТО. Таким образом, югославы, по сути, получали защиту со стороны всего западного блока. В случае же нападения на Грецию или Турцию, Белград должен был предпринять совместные с ними действия по взаимной обороне, но не имел обязательств по вступлению в войну из-за конфликта Востока и Запада где-нибудь в Центральной Европе или на Дальнем Востоке. Тем не менее американское посольство в ФНРЮ счита-

ло возможное соглашение Белграда, Афин и Анкары о взаимной обороне полезным для Вашингтона. «Расширение сферы переговоров» между Югославией, Грецией и Турцией, по мнению посла Аллена, «побудило Тито начать процесс перемещения под зонтик НАТО» [67].

20 февраля 1953 г. югославская сторона представила свой проект договора о дружбе, который содержал статью 4, гласившую: «Соглашения и рекомендации, касающиеся военного сотрудничества, принятые с общего согласия начальниками генеральных штабов (или их полномочными представителями), должны после утверждения правительствами Договаривающихся Сторон являться частью этого договора». Югославское предложение расходилось с греческим проектом, в котором признавалась важность организации совместной обороны, но предполагались лишь консультации в случае боевых действий, направленных против одной из сторон, и предусматривалось право Греции и Турции избегать действий, которые противоречат Североатлантическому договору или Уставу ООН [68].

За месяц до этого в США завершилась 20-летняя деятельность демократической администрации. На пост президента вступил республиканец Д. Эйзенхауэр, назначивший госсекретарём Дж. Ф. Даллеса. 21 февраля Даллес выразил озабоченность условиями соглашения, предложенными Белградом и Афинами: «Югославский проект (статьи 2 и 4) и в меньшей степени греческий проект (статья 4 и упоминание «взаимопомощи» (в преамбуле) создают большие проблемы, которых все мы стремимся избежать, а именно: придают договору характер пакта о взаимной помощи, вместо того, чтобы ограничить его дружбой и консультациями. Для того чтобы избежать вовлечения НАТО и других последствий, обязательства не должны идти дальше обязательств консультироваться относительно таких общих мер, которые могут потребоваться, и не должны распространяться на обязательства оказывать помощь». Госсекретарь признал, что «политическое соглашение не имеет никакого значения, если оно формально не связано с военными договоренностями», но, подводя черту, резюмировал: «Есть веская причина для разделения двух аспектов: международная политическая атмосфера не такова, чтобы обязательства в этой сфере были заключены в настоящее время» [69]. В итоге подписанный в Анкаре 28 февраля 1953 г. Договор о дружбе и сотрудничестве между Югославией, Грецией и Турцией не содержал некоторых положений, которые обсуждались в ходе предшествовавших подписанию переговоров. Все военные условия были тщательно удалены [70].

Таким образом, Югославия заняла важное место в американо-советских отношениях на на-

чальном этапе холодной войны. Так как отношения Москвы и Белграда с середины 1949 г. фактически были приостановлены, ФНРЮ оказалась в фокусе балканской политики Вашингтона. С появлением резолюции Коминформа американский Совет национальной безопасности попытался использовать советско-югославский конфликт для получения политических выгод в холодной войне, преследуя цель освобождения Восточной Европы от коммунистического контроля. К началу 1949 г. Соединенные Штаты решили помогать Тито расширением торговли и доступа к стратегическому сырью «не потому, что он был оценён как друг или союзник, а потому, что его существование было воспринято как заноза в теле коммунистического сообщества, как потенциальный стимул для разрыва других сателлитов с Кремлем» [71].

Однако в течение года Вашингтон сомневался в серьёзности конфликта Белграда и Москвы. Только летом 1949 г. американцы окончательно убедились в неотвратимости раскола между Тито и Сталиным. С июня 1948 г. по август 1949 г. Кремль прекратил отношения стран формировавшегося советского лагеря с Югославией, надеясь с помощью экономической блокады, жёсткого пропагандистского давления и военных приготовлений на югославских границах либо заставить Тито капитулировать, либо добиться его свержения. Американцы изменили своё отношение к коммунистической Югославии, пытались предотвратить возможное советское вторжение на её территорию. Совет национальной безопасности одобрил возможность оказания широкомасштабной помощи Тито. В обмен на экономическую поддержку Соединённых Штатов Белград согласился на прекращение поставок греческим коммунистам и лишил их баз на своей территории. Полученное в результате завершения гражданской войны в Греции укрепление западной обороны послужило оправданием для увеличения военной помощи Югославии. Сталин тем не менее продолжил «войну нервов» на границах ФНРЮ и предпринял жёсткие меры, чтобы устранить потенциальную оппозицию в странах-сателлитах.

Начало корейской войны в июне 1950 г. ухудшило без того напряжённые отношения между Востоком и Западом, стимулировало новую фазу укрепления западных военных сил и особенно повысило стратегическую важность Югославии. Сохраняя верность коммунистической идеологии и зачастую независимую позицию в международных делах, Белград тем не менее стремился получить помощь и защиту Запада. Интеграция Югославии в западную оборонительную систему была и выгодна, и опасна для США. Она позволяла усилить силы западного блока за счёт юго-

славской армии, но грозила вовлечением НАТО в войну с советским лагерем в случае его нападения на Югославию. Так как американцы не смогли добиться твёрдого обязательства Белграда воевать на своей стороне, они стали препятствовать появлению военных обязательств Греции и Турции – членов Североатлантического альянса – перед ФНРЮ. Как показала история, Тито вёл сложную игру: после смерти Сталина, исходя из перспективы разрядки отношений с советским блоком, он принял решение отдалиться от западных держав. Получив в 1949–1953 гг. огромную экономическую и военную помощь от Запада, югославы много выиграли от советско-американской конфронтации, хотя в тот период для Вашингтона это тоже была временная выгода в его проблематичных отношениях с Москвой.

Политика США по отношению к Югославии в 1949–1953 гг. неизбежно определялась характером советско-американских отношений. В этот период можно выделить две фазы. Первая – развитие экономических и военных связей между США и Югославией. Администрация Трумэна столкнулась с рядом сложностей, избрав курс поддержки коммунистической страны. В 1950 г., с началом маккартизма, Дж. Ф. Даллес прокомментировал ситуацию следующим образом: «Маршал Тито – коммунист. Но его коммунизм отличается от коммунизма Сталина. Он такого типа, который Сталин и другие лидеры советской компартии относят к разряду ереси» [72]. Таким образом, коммунистический характер югославского режима в условиях холодной войны стал иметь второстепенное значение по сравнению с независимостью ФНРЮ от СССР. Американцам было важно не позволить Кремлю восстановить свой контроль над Белградом.

Вторая фаза – переориентация Югославии на сотрудничество с Западом и усилия по включению её в западную оборонительную структуру. С учреждением НАТО потребность расширения сотрудничества с Югославией стала более выраженной, но подвижка в этом происходила очень медленно из-за непростых итало-югославских отношений и обязательств Турции и Греции перед НАТО. Но самое важное, югославы пытались избежать каких-либо политических обязательств перед западными странами, особенно США. Развитие отношений между Белградом, Афинами и Анкарой создавало основу для получения югославами защиты НАТО, но также создавало угрозу конфликта между СССР и США в случае советского вторжения в Югославию. Поэтому на данном этапе Вашингтон воспрепятствовал интеграции ФНРЮ в западную оборонительную систему. Соглашение, подписанное 28 февраля 1953 г. между Югославией и двумя партнерами по НАТО, не содержало никаких во-

енных обязательств между сторонами. Однако это был существенный шаг к будущему военному союзу, который позволил творцам американской внешней политики закрыть или, по крайней мере, нейтрализовать брешь в южном фланге НАТО. 9 августа 1954 г. между Турцией, Грецией и Югославией был заключён Договор о союзе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи, известный как Балканский пакт. Его появление стало возможным только после смерти Сталина, когда ожидаемое советское вторжение в Югославию перестало восприниматься Вашингтоном в качестве реальной угрозы.

Примечания

1. Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть: воспоминания: в 4 кн. Кн. 2. Ч. 4. М., 1999. URL: <http://knigosite.ru/library/read/10542>
2. Хрущев Н. С. Указ. соч. Кн. 2. Ч. 3. URL: <http://knigosite.ru/library/read/57613>
3. Khrushchev Remembers: The Last Testament / ed. & tr. by S. Talbott. Boston, 1974. P. 181.
4. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 11. П. 29. Д. 4. Л. 3, 24.
5. Dedijer V. The Battle Stalin Lost: Memories of Yugoslavia, 1948–1953. N. Y., 1971. P. 207–208.
6. Beloff N. Tito's Flawed Legacy: Yugoslavia and the West: 1939–84. L., 1985. P. 147–148.
7. Kiraly B. The Aborted Soviet Military Plans // At the Brink of War and Peace: the Tito-Stalin Split in a Historic Perspective / ed. by W. Vucinich. N. Y., 1982. P. 273.
8. Кирай Бела (1912–2009) – во время войны служил во 2-й оккупационной армии на территории Украины. В марте 1945 г. попал в советский плен, но сумел бежать. В августе 1945 г. вступил в Коммунистическую партию Венгрии, прошёл проверку и был возвращён в армию, где сделал быструю карьеру. С 1949 г. – командующий сухопутными войсками. В 1951 г. был арестован по обвинению в шпионаже и приговорён к смертной казни, но приговор был заменён пожизненным заключением. Осенью 1956 г. освобождён из тюрьмы и стал военным лидером повстанческих сил, выступивших против просоветского режима. Возглавил вооружённое сопротивление советским войскам, затем бежал в Австрию. В июне 1958 г. на закрытом судебном процессе по «делу Имре Надя и его сообщников» заочно приговорён к смертной казни. С января 1957 г. заместитель председателя Венгерского революционного совета в Страсбурге. Затем переехал в США, где основал Венгерский комитет и Ассоциацию борцов за свободу.
9. Beloff N. Op. cit. P. 147–148, n. 25.
10. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 34. П. 140. Д. 16. Л. 108.
11. FRUS. 1948. Vol. I: General; the United Nations. Part 2. Wash., 1976. P. 662–669.
12. Ibid. P. 668.
13. Кэмпбелл Джон [Campbell, John C.] – в 1942–1946 гг. специалист Государственного департамента по Восточной Европе, политический советник американской делегации в СМВД, на Парижской мирной конференции 1946 г. и Дунайской конференции 1948 г., в 1949–1955 гг. – член Отдела планирования политики, ответственный за балканские дела.
14. Болен Чарльз Юстис [Bohlen, Charles Eustis] (1904–1974) – специалист Государственного департамента по Советскому Союзу. На дипломатической

службе с 1929 г., сотрудник американского посольства в Москве в 1934–1940 гг., затем в Токио, специалист Государственного департамента по делам Восточной Европы и СССР в 1942–1943 гг., в 1944 г. – глава Отдела по делам Восточной Европы, в 1945–1946 гг. – специальный помощник государственного секретаря по связям с Белым Домом, переводчик на конференциях в Тегеране и Ялте, посол США в Москве в 1953–1957 гг. и на Филиппинах в 1957–1959 гг., специальный советник государственного секретаря по делам СССР в 1959–1961 гг., посол во Франции в 1962–1968 гг.

15. *McKinzie R.* Oral History Interview with John C. Campbell, N. Y., June 24, 1974. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>

16. Ibid.

17. Ibid.

18. *Yugoslavia: Political Diaries, 1918–1965. Vol. 4: 1949–1965* / ed. by R. Jarman. Cambridge, 1997. P. 67–68.

19. АВП РФ. 0144. Оп. 35. П. 146. Д. 38. Л. 144.

20. *Yugoslavia: Political Diaries, 1918–1965. Vol. 3: 1938–1948* / ed. by R. Jarman. Cambridge, 1997. P. 846.

21. *Lees L.* Keeping Tito Afloat: The United State, Yugoslavia, and the Cold War. Pennsylvania State University Press, 1997. P. 67.

22. FRUS. 1949. Vol. V: Eastern Europe; the Soviet Union. Wash., 1976. P. 897.

23. U.S. Diplomatic Records on Relations with Yugoslavia during the Early Cold War. 1948–1957 / ed. by N. Ceh. Boulder; N. Y., 2002. P. 101; *Yugoslavia: Political Diaries. Vol. 4. P. 64–65*; *Lees L.* Op. cit. P. 67.

24. *Dedijer V.* Op. cit. P. 270.

25. FRUS. 1949. Vol. V. P. 904.

26. FRUS. 1949. Vol. V. P. 946; Lampe J.; Prickett R.; Adamovic L. Yugoslav-American Economic Relation since World War II. Durham; L., 1990. P. 31; АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 11. П. 29. Д. 4. Л. 16, 19; Оп. 33. П. 134. Д. 13. Л. 1; *Lees L.* Op. cit. P. 71.

27. *McKinzie R.* Oral History Interview with John C. Campbell, N. Y., June 24, 1974. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>

28. Советско-югославские отношения. 1945–1956: док. и материалы. Новосибирск, 2010. С. 462.

29. *Campbell J.* Tito's Separate Road: America and Yugoslavia in World Politics. N. Y., 1967. P. 28.

30. *Bartos M.* Yugoslavia's Struggle for Equality // Foreign Affairs. 1950. № 3 (Apr.). P. 434.

31. Бим, Джейкоб [Beam, Jacob D.] – в 1945–1947 гг. политический представитель в штаб-квартире вооружённых сил США в Германии, в 1947–1949 гг. – глава Центрально-европейского отдела Госдепартамента, в 1950 г. – генеральный консул в Джакарте (Индонезия); в 1951–1952 гг. – советник американского посольства в Белграде, в 1952–1953 гг. – советник посольства США в Москве.

32. *Johnson N.* Oral History Interview with Jacob D. Beam, Washington, June 20, 1989. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/beamjw.htm>

33. FRUS. 1950. Vol. IV: Central and Eastern Europe; The Soviet Union. Wash., 1980. P. 1341–1348; *Lees L.* Op. cit. P. 77.

34. Сопещения Коминформа, 1947, 1948, 1949: док. и материалы. М., 1998. С. 701–704; Советско-югославские отношения. 1945–1956. С. 484–487.

35. FRUS. 1950. Vol. I: National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Wash., 1977. P. 247; National Security Council: NSC 68: United States Objectives and

Programs for National Security (April 14, 1950). URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68-5.htm>; Рус. пер. см.: Холодная война. Директива СНБ-68. (Меморандум Ачесона). URL: <http://www.coldwar.ru/bases/nsc-68.php>; История США в документах. Директива СНБ-68. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/direktiva-snb-68.php>

36. *Kiraly B.* Op. cit. P. 286.

37. Англ. – Mutual Defense Assistance Program. Закон о взаимной помощи обороне был принят американским Конгрессом и подписан президентом Г. Трумэном 6 октября 1949 г. Дополнил экономическую помощь, оказываемую Соединёнными Штатами западноевропейским государствам по Плану Маршалла, помощью военной, направленной на укрепление обороноспособности союзников США. См.: A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941–1949. N. Y., 1968. P. 1356–1364.

38. FRUS. 1950. Vol. IV. P. 1439–1440; *Lees L.* Op. cit. P. 88.

39. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1322. Л. 70; U.S. Diplomatic Records on Relations with Yugoslavia during the Early Cold War. P. 238–240.

40. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1322. Л. 268–269; FRUS. 1950. Vol. IV. P. 1507–1508; *Campbell J.* Op. cit. P. 25, n. 11; *Lees L.* Op. cit. P. 94.

41. *McKinzie R.* Oral History Interview with John C. Campbell, New York, June 24, 1974. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>

42. Public Papers of the Presidents of the United States. Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the Presidents. Harry S. Truman. January 1 to December 31, 1951. Wash., 1965. P. 232.

43. FRUS. 1951. Vol. IV: Europe: Political and Economic Developments. Part 2. Wash., 1985. P. 1783.

44. Ibid. Part 2. P. 1815, n. 2; *Lees L.* Op. cit. P. 105.

45. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 35. П. 144. Д. 14. Л. 121–124; U.S. Diplomatic Records on Relations with Yugoslavia during the Early Cold War. P. 315; FRUS. 1951. Vol. IV. Part 2. P. 1863.

46. Military Assistance Agreement Between the United States and Yugoslavia, November 14, 1951. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/yugo001.asp

47. Hess J. Oral History Interview with James W. Riddleberger, Washington, April 26, 1972. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/riddle3.htm>

48. *McKinzie R.* Oral History Interview with Willis G. Armstrong, Washington, June 12, 1973. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/armstron.htm>

49. *McKinzie R.* Oral History Interview with John C. Campbell, New York, June 24, 1974. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>

50. *Mastny V.* NATO in the Beholder's Eye: Soviet Perceptions and Policies, 1949–56 // Woodrow Wilson International Center for Scholars. Cold War International History Project. Working Paper № 35. Washington, March 2002. URL: <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/ACFB01.pdf>

51. FRUS. 1951. Vol. I: National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Wash., 1979. P. 839; *Lees L.* Op. cit. P. 107.

52. *Lees L.* Op. cit. P. 109.

53. Речь идёт об Эгейской Македонии (территория Греции), оккупация которой вооружёнными силами советского блока позволяла Москве отрезать Турцию от единого фронта с Грецией, выйти в Эгейское море, захватить черноморские проливы и, тем самым,

прорваться в Средиземноморье. Balkanski pakt: 1953/1954: zbornik dokumenata / redakcijski odbor M. Terzic et al. Beograd, 2005. S. 150–152.

54. *McKinzie R.* Oral History Interview with John C. Campbell, N. Y., June 24, 1974. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>

55. Yugoslavia: Political Diaries. Vol. 4. P. 359.

56. Yugoslavia: Political Diaries. Vol. 4. P. 272.

57. FRUS. 1952–1954. Vol. VIII: Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Wash., 1988. P. 594.

58. Ibid. P. 595.

59. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 36. П. 148. Д. 12. Л. 79–80, 109–110, 111; Yugoslavia: Political Diaries. Vol. 4. P. 377.

60. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 36. П. 148. Д. 12. Л. 130–131, 148, 149; Yugoslavia: Political Diaries. Vol. 4. P. 382.

61. FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 601.

62. Ibid. P. 597.

63. Ibid. P. 598.

64. Ibid. P. 599.

65. Ibid. P. 600.

66. Ibid. P. 601.

67. Ibid. P. 603.

68. Ibid. P. 623.

69. Ibid. P. 624.

70. Balkanski pakt: 1953/1954. S. 311–313; Treaty of Friendship and Collaboration Between the Turkish Republic, The Kingdom of Greece, and the Federal People's Republic of Yugoslavia, February 28, 1953. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/eu001.asp

71. *Heuser B.* Western "Containment" Policies in the Cold War: the Yugoslav Case, 1948–1953. L.; N. Y., 1989. P. 85.

72. *Dulles J. F.* War or Peace. N. Y., 1950. P. 153.

УДК 94(73+470+495)"1949/1953"

А. А. Калинин

ПОЛИТИКА США И СССР В ОТНОШЕНИИ ГРЕЦИИ в 1949–1953 гг.*

Статья посвящена анализу американской и советской политики в отношении Греции после окончания гражданской войны. Существенное внимание автор уделяет американской вовлеченности во внутриполитические процессы в Греции. Политика двух сверхдержав рассматривается через призму соперничества США и СССР на Балканском полуострове.

The article is devoted to analyzing American and Soviet policy toward Greece after the end of the Greek Civil War. The author paid considerable attention of the American involvement to internal political processes in Greece. Policy of two superpowers is considered through the prism of rivalry of the USA and the USSR in the Balkan Peninsula.

Ключевые слова: внешняя политика США, советско-американские отношения, Коммунистическая партия Греции, гражданская война в Греции, Организация Объединенных наций, Организация Североатлантического договора, Балканы, холодная война.

Keywords: U. S. foreign policy, American-Soviet relations, the Communist Party of Greece, the Greek Civil War, the United Nations, the North Atlantic Treaty Organization, the Balkans, the Cold War.

Поражение партизанского движения в Греции в августе 1949 г. означало заметное изменение расстановки сил на Балканском полуострове в пользу США и Великобритании. Начинает складываться своего рода равновесие сил на Балканах, когда просоветским государствам «народной демократии» Болгарии и Албании западные державы противопоставили военно-политический союз с Грецией и Турцией, а также процесс сближения Греции, Турции и Югославии, который завершился созданием Балканского пакта. В 1952 г. Греция и Турция были интегрированы в НАТО.

В отечественной исторической науке советско-американские отношения по поводу Греции в 1949–1953 гг. не становились предметом специального исследования. Вплоть до рубежа 1980–1990-х гг. сохранялось негласное «табу» на изучение этой темы вследствие политических причин. В обзорных работах, посвященных послевоенной истории Греции, авторы строго придержи-

* Статья подготовлена в рамках выполнения Тематического плана научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», проводимых по заданию Министерства образования и науки в 2010–2013 гг., регистрационный номер 5.1.10.

вались официальных советских трактовок событий 1949–1953 гг. [1] Руководство Коммунистической партии Греции (КПГ) во главе с Н. Захариадисом подвергалось критике за «сектантскую линию» [2], что было следствием его отстранения от руководства греческими коммунистами по решению Москвы в 1956 г. Публиковавшиеся с Советском Союзе работы историков-марксистов греческого происхождения защищали официальную точку зрения КПГ на события второй половины 1940-х гг. [3] Оценки советской и греческой марксистской историографии разделяли и авторы из стран Восточной Европы. Особый интерес к международному кризису вокруг Греции проявляли по вполне понятным причинам болгарские историки [4].

Первые работы, посвященные советской позиции по Греции в этот период, политике Коммунистической партии Греции, взаимоотношениям КПГ и ВКП(б), появились в начале 1990-х гг. и принадлежали перу Ар. А. Улунына [5]. Проблема вступления Греции в НАТО затрагивается в работах томского историка М. Я. Пелипаса [6].

На западную историографию холодная война также оказала серьезное влияние. Первые работы, публиковавшиеся в 1950–1960-х гг., носили описательный характер и исходили из теории «всемирного коммунистического заговора» [7]. Интерес к политике великих держав в отношении Греции в после окончания Второй мировой войны заметно возрастает в конце 1960 – начале 1970-х гг., что было связано как с интересом международного сообщества к ситуации в стране, так и с заметным расширением источниковой базы. В этот период появляются работы Дж. Иатридеса, который до настоящего времени остается одним из крупнейших специалистов по американской политике в Греции в период гражданской войны [8].

События в Греции привлекали большое внимание историков радикально-критической школы, которые считали, что американцы сделали большую ошибку, поддержав правоконсервативное греческое правительство, что стало одной из предпосылок путча 1967 г. В рамках этих подходов американскую политику в Греции рассматривал Л. Уиттнер. Он выдвинул версию о том, что И. В. Сталин во второй половине 1940-х гг. прилагал серьезные усилия, чтобы остановить греческий конфликт. По его мнению, американцы не поняли, что гражданская война в Греции была спровоцирована не советскими интригами, а имела внутренние причины. В результате «американские высшие чиновники, ослепленные догмой холодной войны, упустили возможность поиска компромисса, который, возможно, закончил бы ужасное кровопролитие» [9]. Работа М. Амена также написана с критических по от-

ношению к американской политике позиций. Особая ее ценность состоит в наличии огромного фактического материала по американской помощи Греции в 1944–1949 гг. [10]

Подходы радикально-критической школы оказали большое влияние на Дж. Джеффри, которая в монографии «Неоднозначные обязательства и неуверенная политика: доктрина Трумэна в Греции», опубликованной в 2000 г., также подвергает критике американский курс в отношении Греции. Джеффри последовательно проводит мысль о том, что политика Вашингтона в этой стране оказалась противоречивой и непоследовательной и вряд ли ее можно считать успешной. Поражение партизан было не столько заслугой США, провозгласивших доктрину Трумэна, сколько следствием слабости самого партизанского движения в Греции. Поэтому, по мнению исследовательницы, крах Демократической армии Греции в 1949 г. нельзя считать «победой» американской политики. Экономическая помощь США также не принесла ощутимых результатов вследствие политики ее сокращения после 1950 г. [11] Следует отметить, что большинство западных историков не согласились с выводами Дж. Джеффри.

Дж. Миллер считает, что Вашингтон допустил ошибку, выступив в поддержку установления в Греции не демократического, а авторитарного режима, что имело долгосрочные негативные последствия для страны [12].

В 1980–2000-е гг. американская и советская политика в Греции, а также советско-американские отношения по проблемам этой страны рассматривались в работах П. Ставракиса, Я. Роубатиса, Д. Клозе, Дж. Кофаса и других авторов [13]. В этих работах представлены более взвешенные оценки американской и советской политики в Греции. Е. Хатзивассилиу в новейшей монографии «Греция и холодная война» отмечает, что публикация документов советских архивов показала необоснованность страхов на Западе относительно возможности возобновления гражданской войны в Греции [14]. Это исследование, написанное в русле подходов «новой истории холодной войны», отличается сбалансированными подходами, использованием широкого спектра источников.

Крупнейшим канадским специалистом по греческой гражданской войне является А. Геролиматос [15]. Опубликовано несколько ценных сборников статей по гражданской войне в Греции [16]. Исследование советско-американских отношений в Греции требует осмысления роли британского фактора. Большим подспорьем для этого служит исследование позиции британского лейбористского правительства по греческому вопросу [17].

Весьма своеобразным сочинением является работа выдающего греческого политика, премьер-министра Греции Андреаса Папандреу «Демократия под дулом пистолета: греческий фронт». В этой работе политика Вашингтона была подвергнута резкой критике. А. Папандреу обвинил американцев в последовательной поддержке правых сил. По его мнению, в результате прихода к власти при активном американском содействии А. Папагоса Греция превратилась в колонию США. По демократическому процессу был нанесен мощный удар [18].

Изучение историографии показывает необходимость дальнейшего исследования советско-американских отношений в Греции, а также международных отношений на Балканском полуострове в 1949–1953 гг. Новые методологические подходы к изучению советско-американской конфронтации, предлагаемые представителями «новой истории холодной войны», заметное расширение источниковой базы исследования, в том числе рассекречивание документов ЦРУ, некоторых материалов отечественных архивов, позволяет заметно обогатить наши представления о политике двух сверхдержав на Балканах. Осмысление новых данных позволит по-новому определить место Балканского полуострова в советско-американской конфронтации в период «апогея» холодной войны.

Место Греции в американской стратегии в 1949–1953 гг. определялось ее значением для обеспечения интересов Вашингтона в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Хотя Турция рассматривалась как более стратегически значимая для США страна, ситуация в ней в отличие от Греции не вызывала опасений. Концептуальной основой американской политики стала директива Совета национальной безопасности (СНБ) № 42/1 «Цели США в отношении Греции и Турции для противодействия советской угрозе безопасности США», одобренная президентом Г. Трумэном 23 марта 1949 г. В документе констатировалось, что «СССР стремится к доминированию в Греции, используя греческие партизанские силы и пропаганду». Партизаны в Греции поддерживаются Советским Союзом и тремя его сателлитами.

Объединенный комитет начальников штабов 24 ноября 1948 г. пришел к выводу, что «с военной точки зрения... до тех пор, пока СССР проводит экспансионистскую политику, безопасность Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока имеет критически важное значение для безопасности Соединенных Штатов. Греция и Турция стоят на пути советской экспансии в этом районе, и, следовательно, в соответствии с нашими национальными интересами безопасности, очень важно, чтобы они не попали под контроль или доминирование СССР».

Совет национальной безопасности констатировал, что военная и экономическая помощь США помешала установлению коммунистического господства в Греции. Вашингтон не был готов направить собственные войска в Грецию, но считал необходимым присутствие британских войск, даже в небольших количествах, ибо они выступают в роли сдерживающего фактора от вторжения в Грецию регулярных войск стран социалистического лагеря. В случае прекращения американской помощи предсказывалось резкое ухудшение экономической ситуации в Греции.

По мнению специалистов СНБ, греческая армия теперь не нуждалась в увеличении численности, требовалось добиться ее большей эффективности. Важной задачей было также повышение управленческой эффективности правительства Греции. С этой целью американский посол поощрял эволюцию страны в направлении большей политической стабильности и уменьшения политического вмешательства в военные дела.

Одной из важнейших проблем по-прежнему являлась помощь греческим партизанам из Албании, Болгарии и Югославии. Наиболее слабым звеном в советской системе после конфликта И. В. Сталина и И. Б. Тито стала Албания, которая оказалась изолированной от государств Коминформа, будучи в то же время небольшим государством и обладая весьма слабой экономикой. Позиция Югославии по греческому вопросу не претерпела после резолюции Коминформа больших изменений, и помощь греческим партизанам продолжалась. Соединенные Штаты, используя заинтересованность Тито в развитии экономических контактов с западными государствами и его стремление проводить отличную от СССР и его сателлитов внешнюю политику, намеревались вступить в более тесные экономические отношения с Югославией, в том числе с целью добиться отказа Белграда от помощи греческим партизанам. Ситуация в Болгарии с позиции интересов США расценивалась как «бесперспективная» и констатировалось, что она подпала под «полное советское господство» [19].

Закрытие границы Югославии и Греции по решению югославского премьер-министра И. Б. Тито стало одним из факторов, который способствовал скорому поражению Демократической армии Греции, хотя значение этого события не следует преувеличивать. К лету 1949 г. греческие партизаны уже находились на грани разгрома, а версия о «предательстве Тито» оказалась удобной лидерам греческих коммунистов, так как позволяла возложить основную ответственность за поражение на югославского лидера.

Впервые о своем решении закрыть границу с Грецией Тито сообщил члену британского парламента Ф. Маклину в июне 1949 г. Вскоре пос-

ле этой беседы Лондон выразил готовность предоставить кредит Югославии [20]. 9 июня глава югославской дипломатии Э. Кардель убеждал американского посла в Белграде К. Кэннона, что Югославия прекратила оказывать помощь греческим партизанам [21]. 10 июля Тито во время выступления в Пуле объявил о закрытии югославо-греческой границы [22]. Заявление Тито было с удовлетворением воспринято в Вашингтоне. В письме министру обороны США Л. А. Джонсону от 4 августа госсекретарь Д. Ачесон положительно оценил публичное заявление Тито о закрытии греческой границы и некоторые шаги югославов к восстановлению отношений с законным правительством Греции [23]. 1 июля состоялась беседа югославского посла в Вашингтоне С. Косановича и Д. Ачесона, на которой обсуждались вопросы американско-югославского экономического сотрудничества. Косанович заверил Ачесона, что Югославия не оказывает материальную помощь греческим коммунистам, а только принимает беженцев из Греции и размещает их в специальных лагерях. Ачесон подчеркнул, что «прекращение югославской помощи греческим партизанам было бы очень полезно для Соединенных Штатов» [24]. Во время беседы с американскими дипломатами в Вашингтоне 16 августа Косанович, характеризуя ситуацию на греко-югославской границе, сослался на речь Тито о закрытии границы [25].

В августе греческим правительственным войскам удалось нанести решающее поражение Демократической армии Греции (ДАГ). Их удачные действия в районе Граммоса и Вици поставили греческих партизан перед угрозой полного окружения и уничтожения. Единственным спасением был переход греко-албанской границы. Н. Захариадис вынужден был отдать приказ об эвакуации ДАГ в Албанию. Последние бои произошли 28–30 августа [26]. Всего в эмиграции оказалось 57 тыс. человек – партизан и членов их семей. Партизаны нашли убежище в Албании и Болгарии, некоторым удалось перейти греко-югославскую границу.

Бойцов ДАГ ожидал в этих странах холодный прием. Они были разоружены и задержаны властями. По данным американской разведки, не предпринималось усилий по восстановлению партизанских формирований. В начале сентября Э. Кардель сообщил американским дипломатам, что «русские уже списали Грецию». Албания же заявила, что интернирует бывших партизан [27].

Непростой оставалась и внутривнутриполитическая ситуация в Греции. 24 июня 1949 г. умер престарелый премьер-министр Греции Ф. Софулис. Смерть авторитетного политика и одновременно компромиссной фигуры усугубила противоречия внутри греческой элиты. Лидер крайне правой Народной партии К. Цалдарис стремился создать

правительство исключительно из членов своей партии, а лидер либералов С. Венизелос заявил о том, что не войдет в правительство с участием Цалдариса. Госдепартамент полагал, что исключительно правое правительство станет объектом сокрушительной критики как внутри Греции, так и за рубежом. Госсекретарь дал американскому послу Г. Грэйди инструкции встретиться с ведущими греческими политиками и побудить их к сотрудничеству. Американский посол встречался с Цалдарисом и Венизелосом и убеждал их сотрудничать в новом правительстве. Вместе со своим английским коллегой Грэйди разработал несколько вариантов выхода из очередного политического кризиса. Давление Вашингтона и Лондона в итоге дало результаты. Место премьер-министра занял нейтральный Александрос Диомидис. Цалдарис сохранил пост министра иностранных дел, а также стал заместителем главы правительства. Венизелос также стал заместителем Диомидиса [28].

Важной задачей американской дипломатии в новых условиях стало «устранение угрозы со стороны партизан, которые нашли убежище в Албании». Их присутствие в районе границы создавало бы постоянную угрозу Греции. По мнению США, только албанское правительство теперь было способно воспрепятствовать реорганизации и перевооружению партизанских отрядов с тем, чтобы они не могли вновь возвратиться на территорию Греции с целью продолжения борьбы [29]. Вашингтон считал, что Албания в силу внутренних трудностей и отсутствия границ с государствами Коминформа весьма уязвима для давления со стороны западных держав и ООН. На Тирану было оказано международное давление с целью не допустить возобновления гражданской войны в Греции. В то же время США выступили против идеи проведения военной операции греческой армии против Албании. Афины дали понять Вашингтону, что изучают такую возможность. При этом Цалдарис заверил США, что в этом случае будут преследоваться только цели уничтожения партизан [30]. 11 сентября военный министр Греции П. Канеллопулос предупредил северных соседей Греции о том, что возобновление поддержки ими партизан приведет к военным действиям с целью ликвидации партизанских баз. Американский посол Грэйди считал, что это заявление может быть предвестником вторжения Греции в Албанию [31].

Лондон также разрабатывал планы смены политического режима в Албании. В соответствии с ними предполагалось создать несколько вооруженных групп из албанцев-эмигрантов, которые должны были захватить какой-либо район Албании и объявить о создании временного правительства. На помощь новому албанскому пра-

вительству пришел бы Запад. Однако эти планы быстро стали известны СССР через агента советской разведки К. Филби. Информация была сразу же передана Э. Ходже и, по-видимому, повлияла на его позицию по греческому вопросу. Албанцы теперь действовали более осторожно и стремились не провоцировать конфликты на границе с Грецией [32].

Американский посол в Москве А. Кэрк призывал Госдепартамент к «предельной бдительности», так как СССР не отказался от своих конечных целей в Греции, осуществление которых было «временно приостановлено поражением партизан и отступничеством Тито». «...Я убежден, – писал посол, – что Советы по-прежнему будут использовать любую политическую или дипломатическую возможность, чтобы поставить своих друзей у власти в Афинах» [33]. Начальник американской Объединенной группы военных советников и планирования (JUSMAPG) генерал-лейтенант Джеймс Ван Флит также считал, что Советский Союз может «возобновить атаку» [34].

16 октября греческие коммунисты официально объявили о приостановке военных действий [35]. Д. Ачесон выпустил по этому поводу специальное заявление, в котором говорилось, что причиной прекращения огня стал полный разгром партизан. Впервые с начала гражданской войны правительственным войскам удалось взять под контроль северные границы Греции, а остатки партизанской армии численностью примерно 2 тыс. человек были рассеяны маленькими группами по всей стране. В заявлении подчеркивалось, что у Госдепартамента нет достоверной информации о том, что партизаны, оказавшиеся на территории Албании и Болгарии, были разоружены или интернированы [36]. Осенью 1949 г. Г. Трумэн дал указание послу США Г. Грэйди оказать давление на греческое правительство с целью не допустить массовые казни заключенных и удержать греков от применения излишне жестких карательных мер в отношении бывших партизан [37].

Соединенные Штаты сочли целесообразным использовать механизмы ООН для окончательного урегулирования греческого кризиса. Этот вопрос был вынесен на обсуждение Генеральной Ассамблеи, которая открылась 20 сентября 1949 г. Итогом обсуждения греческого вопроса на Четвертой сессии Генеральной Ассамблеи ООН стало принятие резолюции от 27 ноября 1949 г., составленной на основании американских предложений. Албания называлась «главным источником материальной поддержки» партизанского движения в Греции. Действия Албании характеризовались как «угрожающие миру на Балканах» и в случае перехода партизанами границы Гре-

ции предполагалось созвать специальную сессию Генеральной Ассамблеи «с целью рассмотрения дальнейших шагов, необходимых для устранения угрозы миру». Резолюция призывала Албанию, Болгарию и другие государства немедленно прекратить какую-либо помощь партизанам, включая и возможность использовать их территорию как базу для подготовки и открытия боевых действий [38]. Албания, Болгария и Югославия со своей стороны заявили, что греческие партизаны, которые вступили на их территории, были разоружены и интернированы.

Острой проблемой стал вопрос о репатриации греческих детей. Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции № 193 (III) С от 27 ноября 1948 г. рекомендовала «возвращение в Грецию греческих детей, в настоящее время находящихся вдали от домашнего очага, в тех случаях, когда сам ребенок, его отец или мать или, в их отсутствие, ближайший родственник выразят в том желание» [39]. Через год ООН вынуждена была констатировать, что ее резолюция не выполняется и греческие дети до сих пор не возвращены домой [40]. В странах Восточной Европы находилось приблизительно 20 тыс. детей из Греции. Свою озабоченность относительно судьбы греческих детей неоднократно выражал президент США Г. Трумэн [41]. Обе палаты Конгресса США также потребовали немедленной репатриации детей [42]. Однако страны советского блока, за исключением Югославии, отказывались исполнять решение Генеральной Ассамблеи ООН [43].

Поражение в гражданской войне означало провал курса Н. Захариадиса на захват власти вооруженным путем. В КПГ нарастали противоречия между руководителями. В октябре в г. Бухаресте состоялся VI Пленум ЦК КПГ, который контролировался Захариадисом и провозгласил перенос центра тяжести «от военной вооруженной деятельности» на «организацию и руководство экономической и политической борьбой всех слоев трудящихся». Ответственность за поражение партизанского движения возлагалась на «предателя Тито» [44].

Угроза интервенции заставила лидера албанских коммунистов Э. Ходжу действовать очень осторожно в своей греческой политике. К тому же в течение 1949 г. нарастали разногласия между руководством КПГ и Албанской компартией. Ходжа считал, что греческие коммунисты допустили серьезные ошибки, начиная с заключения Варкизского соглашения, их стратегия и тактика в годы гражданской войны оказались ошибочными. Руководство КПГ выступило с ответной критикой, на что албанские коммунисты отреагировали высылкой из Албании греческих партизан [45].

Конфликт греческих и албанских коммунистов должна была разрешить ВКП(б). В январе

1950 г. в Москве в рабочем кабинете И. В. Сталина состоялась встреча руководителей компартий трех стран – Советского Союза, Албании и Греции. В ней принимали участие И. В. Сталин, В. М. Молотов, Г. М. Маленков, от Албании Э. Ходжа, М. Шеху, от КППГ – Н. Захариадис и М. Парцалидис [46]. Албанский лидер выступил с резкой критикой руководства КППГ. Как писал Ходжа в своих мемуарах, «Центральный Комитет нашей партии не мог допустить, чтобы Албания стала центром, откуда руководство Коммунистической партии Греции развертывало бы свою деятельность, он также не мог допустить, чтобы в нашей стране организовались и готовились войска для возобновления войны в Греции» [47]. Лидер КППГ защищал стратегию и тактику ДАГ. Основную вину за поражение греческих коммунистов Захариадис возложил на Тито. «Если бы мы знали еще в 1946 году, что Тито станет изменником, то мы не начали бы борьбу против греческих монархо-фашистов», – заявил Захариадис [48]. Сталин выступил в роли «миротворца», но в конечном итоге поддержал позицию Ходжи. Он обратил внимание, что страны советского блока приняли всех греческих беженцев – бывших партизан. Оружие, которое албанцы отобрали у греков «принадлежало албанцам». Принимая партизан, Албания «ставила под угрозу свою независимость» [49]. Таким образом, Сталин выступил против превращения Албании в базу греческих партизан. Эмигранты из Греции были размещены в Советском Союзе в Узбекской ССР (примерно 25 тыс. человек), а также Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехословакии и Югославии.

Окончание гражданской войны позволило американцам поставить вопрос о резком сокращении военных расходов Греции, которые являлись серьезным тормозом ее экономического развития. Посол Г. Грэйди последовательно отстаивал идею сокращения численности греческой армии. Он выступил за ее уменьшение к 1 января 1950 г. на 50 тыс. человек [50]. Позицию посла полностью поддержал Госдепартамент и американские миссии в Греции. 23 октября Грэйди направил соответствующее письмо премьер-министру А. Диомидису. Американский посол ясно дал понять, что США не собираются финансировать одновременно и программу экономической реконструкции Греции, и ее огромную армию, численность которой составляла 260 тыс. человек. Большие военные расходы, отмечал Грэйди, отвлекают финансовые ресурсы от выполнения задач восстановления и реконструкции греческой экономики, делают невозможным достижение сбалансированного бюджета. Диомидис 26 октября объявил о планах греческого правительства сократить армию до 31 декабря на 50 тыс. человек [51].

Американские советники считали эти сокращения только началом. В январе 1950 г. Грэйди потребовал до конца года сократить численность национальной армии до 80 тыс. человек, военно-морского флота – до 7 тыс., воздушного флота до 5 700, а жандармерии – до 23 200. В противном случае, заявлял американский посол, Вашингтон может сократить экономическую и военную помощь стране. Грэйди считал маловероятным возобновление в Греции партизанской войны. По его мнению, Греция могла позволить себе лишь небольшие по численности вооруженные силы [52]. Начало Корейской войны несколько скорректировало первоначальные планы, и Афинам было разрешено сохранить армию численностью примерно 164 тыс. человек. В итоге Греция сохранила многочисленную и дорогую военную машину [53].

К концу 1950 финансового года затраты США на греческие вооруженные силы с 1947 г. составили 458,7 млн долларов, в том числе 112,9 млн – в 1950 г. Численность греческих вооруженных сил к 31 мая 1950 г. была сокращена до 135 400 военнослужащих. Была сокращена и JUSMAPG с 527 до 266 человек. Начало Корейской войны остановило этот процесс [54]. Планировалось урезать ассигнования из бюджета США на военную помощь Греции. 1 июня Г. Трумэн обратился к Конгрессу с предложением сократить военную помощь Греции и Турции в 1951 финансовом году вдвое по сравнению с 1951 г. и выделить на эти цели 120 млн долларов [55].

Нападение Северной Кореи на Южную скорректировало американские планы военной помощи Греции. Уже 1 августа президент обратился с письмом к спикеру палаты представителей Конгресса с просьбой одобрить ассигнование дополнительных 4 млрд долларов на военную помощь иностранным государствам. Греции, Турции и Ирану предлагалось дополнительно выделить 193 млн долларов. Законопроект был одобрен Конгрессом и подписан президентом 23 сентября [56].

Начало Корейской войны также заставило США скорректировать собственные оценки относительно вероятности новой войны на Балканах. В подготовленном помощником госсекретаря по ближневосточным, южноазиатским и африканским делам Г. Макги меморандуме от 22 июля 1950 г. агрессия по корейскому образцу со стороны стран-сателлитов Советского Союза против Греции не исключалось. Озабоченность в Вашингтоне вызвала пропагандистская компания, развернутая Коминформом с конца июня. В статье Н. Захариадиса в газете «За прочный мир, за народную демократию!» от 30 июня говорилось, что «ось» Афины – Белград под руководством Вашингтона и Лондона готовит агрессию против Албании и Болгарии [57]. Соединенные

Штаты оценивали эту пропаганду как возможный сигнал о подготовке агрессии государств Коминформа против Греции. Госдепартамент считал, что предполагаемая угроза со стороны «оси» Афины – Белград может быть использована как предлог для размещения советских войск в Болгарии, которые угрожали бы Югославии, Греции и Турции, не исключалась и вероятность нападения Болгарии на Грецию. В случае агрессии советских сателлитов против Греции США должны были оказать всю возможную военную и экономическую помощь, в случае необходимости отправки наземных сил Вашингтон намеревался возложить это бремя на Великобританию и Турцию [58].

В августе Макги отмечал, что захват советскими сателлитами даже только северных областей Греции Македонии и Фракии означал бы фактическое окружение Югославии и Черноморских проливов, а также получение СССР прямого доступа к Средиземному морю. Министерство обороны США пришло к выводу об уязвимости греческой армии в случае нападения Болгарии с использованием бронетанковой техники. В связи с этим Макги выступил за наращивание американской военной помощи с целью безотлагательного усиления греческих вооруженных сил [59].

Предварительный итог осмысления места Греции в американской стратегии после начала Корейской войны был подведен в директиве СНБ № 73/4 «Позиция и действия Соединенных Штатов в отношении возможных последующих советских шагов в свете корейской ситуации» от 25 августа 1950 г. В документе говорилось, что США должны ускорить перевооружение греческой армии и развернуть вооруженные силы для поддержки страны, которые могут быть предоставлены без ущерба для национальной безопасности Соединенных Штатов [60].

3 октября госсекретарь Д. Ачесон вручил греческому послу в США А. Политису вербальную ноту, в которой предложил Греции принять участие в работе Североатлантического совета, разрабатывавшего планы по защите Средиземноморья [61]. Греческое правительство «с готовностью приняло предложение» [62].

В мае 1951 г. Совет национальной безопасности принял новую директиву СНБ 103/1 «Позиция Соединенных Штатов в отношении Греции». В документе была зафиксирована позиция США о необходимости включения Греции в число полноправных членов Организация Североатлантического договора. Также Вашингтон выступил за более тесное сотрудничество Греции и Югославии. Во внутривнутриполитической сфере приоритетом для американцев оставалась стабилизация политической ситуации в Греции через изменение избирательной системы с целью формирования ус-

тойчивого правительства. СНБ пришел к выводу, что пропагандистская компания Коминформа против Греции как инструмента американско-британского империализма преследует цель подготовить моральное оправдание любой возможной агрессии советских сателлитов и отвлечь внимание народов Болгарии и особенно Албании от нарастания проявлений враждебности в отношении собственных промосковских режимов. Соединенные Штаты очень беспокоило продолжающееся увеличение военного потенциала Болгарии, которая, по данным американской разведки, имела от 500 до 600, а по некоторым сообщениям – 900 танков Т-34, что представляло серьезную угрозу для Греции. В то же время США не видели признаков наличия планов у Кремля начать боевые действия в текущем году, но, говорилось в документе, «нет также никакой гарантии, что такие намерения не существуют» [63]. ЦРУ в собственной оценке советской политики от 2 августа 1951 г. приписывало Кремлю стремление «обеспечить контроль над Грецией и Турцией», но считало вероятность нападения советских сателлитов на Грецию и Турцию невысокой. Аналитики указывали на ограниченность военных возможностей этих государств, а кроме того, эта акция привела бы к вмешательству США и ООН [64]. На сессии Совета НАТО в сентябре 1951 г. в Оттаве было принято решение принять Грецию в НАТО.

В конце 1951 г. между США и Грецией было подписано двустороннее соглашение об участии Греции в программе помощи по обеспечению взаимной безопасности (MDAP) [65]. Протокол о принятии Греции и Турции в НАТО вступил в силу 15 февраля 1952 г. [66] 18 февраля греческий парламент одобрил законопроект о включении Греции в Атлантический пакт. Против голосовали только депутаты от Единой демократической левой партии (ЕДА) [67]. Одновременно продолжалось свертывание британского присутствия в стране. С 13 января 1952 г. английские военная и военно-воздушная миссии прекратили свою деятельность на территории Греции [68].

Период 1950–1952 гг. стал временем активного вмешательства американских дипломатов во внутривнутриполитические процессы в Греции. 5 марта 1950 г. в Греции прошли новые парламентские выборы. По их итогам крайне правая Народная партия получила заметно меньше мест в парламенте, чем на выборах 1946 г., – 62. Либеральная партия во главе с С. Венизелосом завоевала 56 мест, другая центристская партия – Национальный прогрессивный союз центра (ЭПЭК) Н. Пластираса и Э. Цудероса – получила 45 мест, Демократическая социалистическая партия Г. Пандреу обеспечила себе 35 мест. Демократический блок, в работе которого принимала участие

официально запрещенная КПП, получил 9,6% голосов избирателей и 18 мест в парламенте. Новым трендом греческой политической жизни было некоторое уменьшение поляризации политического спектра и усиление влияния центристских и левоцентристских партий.

Переговоры лидеров центристских партий после выборов завершились принятием решения о формировании коалиционного правительства во главе с Н. Пластирасом. США поддержали достигнутую договоренность, так как считали, что она будет способствовать достижению большей политической стабильности и позволит сосредоточиться на решении насущных экономических проблем. 15 марта во время беседы с королем Греции Павлосом I посол США Грейди высказался в поддержку кандидатуры Н. Пластираса на пост премьер-министра Греции и против С. Венизелоса [69]. В Вашингтоне считали, что выборы показали колебание общественных настроений в Греции в пользу умеренных политических сил левого фланга и необходимы «новые лица» в греческом правительстве [70]. Однако Павлос, который не любил республиканца Пластираса, участвовавшего в перевороте против его отца короля Константиноса I, назначил премьер-министром Венизелоса и настоял на аннулировании достигнутого соглашения о формировании коалиционного правительства. Теперь новый кабинет, сформированный Либеральной партией, стал правительством меньшинства. Такое развитие событий вызвало недовольство Вашингтона, так как сохраняло внутривластную нестабильность. Грейди в своих мемуарах не скрывает своего негативного отношения к С. Венизелосу, отметив, что «группа под руководством Венизелоса была озабочена исключительно своей политической судьбой» и ее мало интересовала греческая экономика [71].

31 марта посол Г. Грейди послал письмо новому премьер-министру С. Венизелосу. Через несколько дней, 4 апреля, это письмо было опубликовано в прессе. Деятельность греческого правительства в экономической сфере была оценена как неудовлетворительная. Грейди выступил за создание «стабильного и эффективного правительства, поддерживаемого народом и парламентом», способного проводить долгосрочный курс и эффективно использовать американскую помощь. Американский посол осудил «безответственные разговоры о приостановлении работы парламента или новых выборах», что может «только создать атмосферу политической и экономической неопределенности». Грейди потребовал резкого сокращения правительственных расходов, в том числе на вооруженные силы, установления потолка государственного долга, упрощения и рационализации налоговой системы и

поддержки частных инвестиций. В письме давалось понять, что в противном случае американская помощь Греции может быть прекращена [72]. Грейди писал госсекретарю, что своим письмом он пытается побудить «слабое и безответственное» греческое правительство к действию [73].

Венизелос расценил письмо как косвенную критику своей политической позиции и сразу же ушел в отставку. Греческому королю не оставалось ничего другого как предложить пост премьер-министра Н. Пластирасу. Г. Папандреу стал заместителем премьер-министра. Греческая пресса и сам король расценили письмо Грейди как вмешательство США во внутренние дела Греции. Однако левоцентристское правительство Пластираса также оказалось неустойчивым, подвергаясь постоянным нападкам со стороны королевского двора. В итоге 13 сентября 1950 г. Венизелос вернулся на пост премьер-министра [74].

Внутривластное положение Греции оставалось нестабильным, правительства Пластираса и Венизелоса – Папандреу не располагали собственным большинством в парламенте и находились в зависимости от оппозиционных партий, которые могли вынести вотум недоверия. В связи с этим все большей популярностью в греческой элите пользовалась идея выхода на политическую арену авторитетного военного, который бы мог сплотить политиков правого спектра. Наиболее очевидной кандидатурой на эту роль был герой войны с Италией 1940–1941 гг., победитель партизан в 1949 г. А. Папагос. Кандидатура Папагоса на пост премьер-министра рассматривалась королевским двором еще в 1949 г. Тогда же ему по настоянию короля было присвоено высшее воинское звание «стратег», эквивалентное фельдмаршалу. Соединенные Штаты первоначально относились к Папагосу осторожно, так как он считался сторонником правых сил [75]. Г. Грейди последовательно выступал против такого варианта, который не способствовал бы утверждению в Греции демократической политической системы [76].

Назначенный новым американским послом в Греции Дж. Пьюрифой, имевший более консервативные взгляды в отличие от либерала Грейди, наоборот, склонялся к поддержке Папагоса. 3 ноября 1950 г. состоялась встреча Пьюрифоя и короля Павлоса. Монарх высказал свое мнение, что очередное греческое правительство во главе с Венизелосом недолго продержится у власти и в случае его падения он намерен назначить новые выборы. В качестве кандидата на пост будущего правительства Павлос рассматривал Папагоса, который должен был сформировать блок и имел шансы уверенно победить на выборах. Американский дипломат полностью поддержал планы греческого короля, назвав его решение «опти-

мальным для Греции», и заявил, что король может рассчитывать на полную поддержку посольства [77]. Госсекретарь Д. Ачесон в ответ на запрос Пьюрифоя согласился с мыслью, что в рамках существующего парламента невозможно образование никакой долговременной коалиции, поэтому проведение в ближайшей перспективе новых выборов по мажоритарной системе было бы разумной мерой. Глава Госдепартамента выражал озабоченность относительно позиции королевского двора в отношении ЭПЭК и лично Н. Пастираса, подчеркнув, что Вашингтон выступает против любых решений, которые могут привести к очередному расколу греческой политической элиты [78]. Получение санкции Вашингтона на назначение Папагоса позволило королевскому двору начать подготовку к осуществлению своего плана.

Однако весной 1951 г. неожиданно отношения Папагоса и короля резко испортились. Павлос опасался, что маршал затмит его на политической арене, к тому же влияние Папагоса в армейских кругах продолжало расти при одновременном ослаблении позиций короля. Маршал имел тесные связи с влиятельной тайной праворадикальной офицерской организацией «Священный союз греческих офицеров» (ИДЕА).

Важным событием в политической жизни Греции стали события 30–31 мая 1951 г., когда была совершена попытка военного переворота в связи с отставкой маршала А. Папагоса. 30 мая Папагос подал в отставку с поста главнокомандующего греческой армией, командование вооруженными силами Павлос возложил на себя лично. В ответ в ночь с 30 на 31 мая высокопоставленные члены ИДЕА предприняли попытку путча: подчиненные им войска были выведены из казарм, занят ряд объектов в Афинах. В этой ситуации Папагос рано утром 31 мая прибыл в Генеральный штаб и потребовал немедленно прекратить выступление.

Попытки американцев вернуть Папагоса в армию не увенчались успехом. 6 июня Пьюрифой официально заявил, что Папагос не согласился взять обратно свою отставку и «греческий народ, благодарный маршалу за услуги, оказанные им Греции, воспользуется его услугами и в будущем». Тем самым, как отмечали дипломаты советского посольства, «Госдепартамент США устами своего посла благословил выступление Папагоса на политической арене и показал свое благосклонное отношение к этому варианту» [79].

30 июля 1951 г. был распущен парламент и на 9 сентября назначены выборы. Папагос немедленно объявил о своем решении в них участвовать. Королевский двор развернул кампанию по дискредитации маршала. В итоге Греческий Сбор во главе с Папагосом не смог собрать большин-

ства голосов, получив только 36% и 116 из 258 мест. При этом центристские партии вместе набрали 46%. Новым премьер-министром Греции стал Н. Пластирас. Папагос отказался войти в правительство и потребовал проведения новых выборов. Госдепартамент высказывался в поддержку создания коалиции Венизелоса и Папагоса, которые вместе смогли бы создать устойчивое правительство [80].

Посол США Пьюрифой неоднократно заявлял о том, что греческое правительство предпринимает недостаточно усилий для оздоровления экономики. Американские специалисты выдвинули программу из 6 пунктов: ввести контроль над заработной платой и ценами, рационировать (ввести распределение по карточкам) важнейшие товары потребления, снизить правительственные расходы и увеличить доходы, выработать здоровую программу импорта и капиталовложений, а также реальную сельскохозяйственную политику и ввести контроль над кредитами [81].

Экономическая помощь США Греции в 1951–1953 гг. продолжала снижаться. Если в 1949–1950 бюджетном году эта помощь составляла 287,4 млн долларов, то уже в следующем бюджетном году помощь снизилась до 181 млн долларов и продолжала падать в дальнейшем, составив в 1952–1953 бюджетном году только 80,6 млн долларов [82].

К началу 1952 г. внутривнутриполитическая ситуация в Греции оставалась напряженной. Усиливались разногласия между двумя политическими лагерями – правительством ЭПЭК и либералов, возглавляемых генералом Н. Пластирасом, и оппозиционным Греческим Сбором маршала А. Папагоса. Американский посол Пьюрифой многократно совещался с партийными лидерами и королем Павлосом I с целью донести позицию Вашингтона, что только политическая стабильность и национальное единство будут содействовать оказанию американской помощи [83].

В этой ситуации США окончательно сделали ставку на приход к власти Папагоса с целью быстрого решения проблемы хронической политической нестабильности в Греции. В начале года в Вашингтон через дипломатические каналы и по линии ЦРУ поступили тревожные сообщения о неспособности правительства Пластираса стабилизировать политическую ситуацию, новых интригах королевского двора против Папагоса. К тому же резко ухудшилось состояние здоровья самого Пластираса. Свою озабоченность ситуацией в Греции высказал в беседе с госсекретарем Д. Ачесоном президент Г. Трумэн. Ачесон сообщил президенту о намерении посольства США в Греции оказать давление на короля и греческих политиков с целью включения в правительство Папагоса, а возможно, и проведения новых выборов по мажоритарной системе [84].

С целью ослабления позиций Папагоса король Павлос и С. Венизелос задумали внести изменения в избирательный закон и вернуться к «простой пропорциональной» системе. Посол Дж. Пьюрифой выступил последовательным сторонником мажоритарной системы, основанной на принципе большинства. В марте 1952 г. он публично заявил, что пропорциональная система выборов в стране не будет способствовать стабилизации политического положения. При этом американский представитель аргументировал свое вмешательство возможностью неэффективного использования экономической помощи США. Греческое правительство под давлением американцев вынуждено было отозвать законопроект, уже внесенный в парламент, который предусматривал восстановление «простой пропорциональной» избирательной системы [85]. Во время беседы с американским послом лидер либералов Венизелос вынужден был заверить, что, хотя он и принимал участие в подготовке законопроекта о пропорциональной системе, у него не было намерений внести его в парламент без предварительной консультации с Пьюрифоем. Посол писал в Госдепартамент, что, по его мнению, «есть моменты, когда наше вмешательство в интересах США и американского налогоплательщика должно быть своевременным, твердым и решительным» [86]. Король Павлос впоследствии признавал, что мажоритарная система была принята по настоянию американского посла [87]. Новая избирательная система была утверждена парламентом в сентябре 1952 г. В Греции устанавливалась мажоритарная система, женщины получили право голоса. Одной из задач реформы было прекращение постоянной ротации греческих премьер-министров. США выступили за скорейшее проведение выборов по новой системе [88]. Пьюрифой дал понять, что правительство Пластираса теперь неприемлемо для США [89].

На выборах 16 ноября 1952 г. Папагосу, которого открыто поддерживали американцы, удалось выиграть у центристских партий. Греческий Сбор собрал больше 49% голосов и получил 247 из 300 мест в парламенте. ЭПЭК во главе с генералом Пластирасом, несмотря на то что за него проголосовали 36% избирателей, получил только 51 место. Единая демократическая левая партия получила около 10% голосов, но из-за мажоритарной системы не смогла обеспечить ни одного места в парламенте. По итогам выборов было сформировано первое после гражданской войны однопартийное правительство. Политический расклад резко изменился. Теперь правительство, опиравшееся на парламентское большинство, обрело стабильность, Греция получила сильного премьер-министра, ослабили позиции королевского двора [90]. Таким образом, к власти в

Греции пришло правоцентристское правительство во главе с маршалом Папагосом, приоритеты которого совпадали с американскими.

Правительство А. Папагоса стремилось развивать свободную рыночную экономику и считало своим приоритетом интеграцию Греции в сообщество западных стран. Со своей стороны США осуществляли финансовую и военную поддержку Греции. Папагос провел девальвацию драхмы и принял меры по привлечению в страну иностранных капиталов. С помощью американцев осуществлялись инфраструктурные проекты: строились новые мосты и дороги. Проводимые правительством меры стали предпосылкой экономического бума 1950-х гг., который позволил начать осуществление программы реконструкции страны.

Советский Союз после поражения партизанского движения лишился рычагов воздействия на ситуацию в Греции. Советско-греческие отношения оставались фактически замороженными вплоть до 1953 г., когда уже новое советское руководство пошло на урегулирование отношений с греческим правительством, которое еще недавно именовалось «монархо-фашистским».

В то же время пропагандистское давление на Грецию продолжалось. К середине 1950 г. в Москве была сформулирована собственная «программа» урегулирования греческого кризиса, которая во многом базировалась на предложениях, озвученных еще в мае 1949 г., но была абсолютно неприемлема для западных держав и официальных Афин. В утвержденных 26 июля 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) директивах делегации СССР на V Сессии Генеральной Ассамблеи ООН давались указания возражать против включения в повестку дня вопроса «Угроза политической независимости и территориальной целостности Греции», мотивируя свою позицию тем, что «англо-американский блок» преследует цель отвлечь внимание от непрекращающегося террора в Греции со стороны монархо-фашистского правительства и сохранить этот режим у власти. Советские дипломаты должны были придерживаться прежних установок и заявлять, что в действительности проблема заключается не в угрозе политической независимости и территориальной целостности Греции со стороны ее северных соседей, а в необходимости устранения иностранного вмешательства во внутренние дела греков и вывода из Греции иностранных войск и миссий. Делегаты должны были «разоблачать непрекращающийся в Греции разгул фашистского террора в отношении демократических деятелей и организаций». Советская программа нормализации положения в Греции включала следующие мероприятия:

– «прекращение свирепствующего террора со стороны монархо-фашистского правительства в Греции»;

- объявление в Греции всеобщей амнистии и ликвидация концентрационных лагерей для греческих демократов;

- проведение всеобщих свободных парламентских выборов на основе пропорционального представительства;

- прекращение военного и политического вмешательства в дела Греции со стороны США и Англии;

- установление дипломатических отношений между Грецией и Албанией, а также между Грецией и Болгарией;

- роспуск Специального комитета ООН по Балканам [91].

Глава делегации Украинской ССР А. М. Барановский на заседании Политического комитета ГА ООН 13 ноября 1950 г. утверждал, что «Греция лишь по форме сохранила свою независимость, превратившись на деле в колониальный придаток США. Вмешательство США во внутренние дела Греции захватило все области жизни этой страны» [92]. Советская программа «урегулирования» в Греции была отклонена.

В противовес громкой пропаганде, реальная позиция Советского Союза была более осторожной, советское руководство явно не хотело новой войны на Балканах. В сентябре 1950 г. Кремль одобрил предложение албанского лидера Э. Ходжи о том, что следует воздержаться от переброски в Грецию через албанскую границу активистов КПГ [93]. 9 августа 1951 г. секретарь ЦК ВКП(б) М. А. Суслов и руководитель Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В. Г. Григорьян приняли членов Политбюро ЦК КПГ В. Бардзотаса и Д. Вландаса, прибывших в Москву для получения советов. «Греческим товарищам» было сказано, что переброска вооруженных групп греческих партизан с территории Албании и Болгарии в Грецию нецелесообразна и она «никакого политического эффекта иметь не будет, даст лишь повод к провокациям против компартии Греции и будет способствовать осложнению международного положения Албании и Болгарии». Также Суслов и Григорьян обратили внимание на то, что продолжающиеся передачи радиостанции «Свободная Греция» о готовящемся нападении монархо-фашистской армии на Албанию и Болгарию способствуют осложнению международной обстановки и вызывают нервозность в этих странах [94]. Советский Союз продолжал финансовую помощь греческим коммунистам. Например, осенью 1951 г. КПГ было передано 50 тыс. долларов [95].

Однако внимание американцев было приковано к заявлениям руководства греческих коммунистов, пропаганде радио «Свободная Греция», которые муссировали лозунг о «военной опасности», что делалось во многом из тактических соображений. В декабре 1950 г. появилась новая

статья Н. Захариадиса об американских авантюрных планах на Балканах. В ней утверждалось, что Вашингтон сколачивает два «треугольника». Первый – Афины – Белград – Анкара – направлен против Болгарии, а второй – Афины – Белград – Рим – против Албании. В статье прямо проводились параллели между ситуацией на Балканах и обстановкой на Корейском полуострове до начала войны. Публикация подобной статьи была воспринята серьезно и вызвала озабоченность в американском посольстве в Афинах. Посол США Дж. Пьюрифой в телеграмме госсекретарю от 12 декабря 1950 г. писал: «Госдепартамент хорошо знаком с практикой коммунистов, обвиняющих Запад в якобы существующих у него агрессивных планах именно там, где они сами задумывают провести агрессивные операции... Неизвестно, насколько Кремль считает Грецию такой территорией, но нет никакого сомнения, что провал партизанского движения серьезно озлобляет его и не рассматривается как окончательный. Эти соображения вместе с важными стратегическими преимуществами, происходящими из захвата Греции и политических последствий в регионе Ближнего Востока, аналогичных последствиям на Дальнем Востоке при победе коммунистов в Корее, может побудить Кремль начать здесь наступление силами сателлитов в благоприятное и не столь отдаленное время». Пьюрифой выступил за ускорение поставок американского вооружения в Грецию [96].

В отчете Посольства СССР в Греции за 2-й квартал 1951 г. отмечалось тяжелое экономическое положение «монархо-фашистской» Греции. Огромные затраты на армию обуславливали высокий дефицит греческого бюджета. Подавляющая часть американской помощи, отмечали советские дипломаты, была направлена на военные нужды. Вашингтон «прибрал к рукам греческую армию» и видел в А. Папагосе «удобного человека, через которого они могут осуществлять свои агрессивные планы на Балканах и в восточной части Средиземного моря». Военная помощь США интерпретировалась как осуществление плана по превращению Греции в военный плацдарм «в свете агрессивных планов так называемой обороны Восточного Средиземноморья». «Подчинив себе политическую и экономическую жизнь страны и вооруженные силы, американцы продолжают распоряжаться в Греции как в своей вотчине», – констатировалось в документе [97]. Советские дипломаты традиционно акцентировали внимание на действительных и мнимых англо-американских противоречиях, считая, что Лондон и Вашингтон борются за господство в Средиземном море. Так, в отчете советского посольства в Афинах выдвигалось предположение, что «отставка Папагоса была инспирирована англи-

чанами, которые в борьбе за влияние идут прежде всего по пути дискредитации американцев, создавая для них затруднения и стремясь показать их перед греческим и мировым общественным мнением как неспособных политиков» [98]. Контакты советских дипломатических представителей и греческих официальных лиц сводились лишь к протокольным формальностям [99].

Несмотря на советы Москвы, КПГ продолжала интенсивную пропагандистскую кампанию, обвиняя американцев и «монархо-фашистов» в подготовке новой войны на Балканах. В брошюре «Положение в Греции» от февраля 1952 г. утверждалось, что США «хотят разжечь пожар на Балканах и во всем мире. Военная ось Афины – Белград, несмотря на глубочайшие противоречия между афинскими и белградскими лакеями Уолл-стрита, стала действительностью...». Среди целей Вашингтона в Греции назывались «увеличение поставок пушечного мяса в Корею, усиление военных приготовлений, особенно против народных демократий – Албании и Болгарии». Греческие коммунисты утверждали, что весной 1951 г. американцы и «монархо-фашисты» планировали военное вторжение на территорию Албании (план «Молния») и только «борьба за мир во всем мире под руководством Советского Союза не позволила американским империалистам и монархо-фашистам разжечь военный пожар на Балканах». Расслабляться ни в коем случае нельзя, так как «американцы и монархо-фашисты дожидаются, когда народы Албании и Греции ослабят свою бдительность, чтобы перейти в наступление на Албанию». Греческие коммунисты утверждали, что присоединение Греции и Турции к НАТО «еще больше приближает войну на Балканах и во всем мире» и «по приказам американцев монархо-фашисты... поспешно готовят войну» [100].

В марте 1952 г. Советским Союзом была развернута кампания в защиту приговоренных к смертной казни группы греческих коммунистов, в том числе члена ЦК КПГ Никоса Белоянниса. Советский представитель С. К. Царапкин направлял в секретариат ООН многочисленные телеграммы о недопустимости приведения в исполнение смертных приговоров в отношении Белоянниса и других 7 приговоренных к казни «греческих патриотов» [101]. Однако усилия Москвы оказались тщетны, и 4 из 8 приговоренных к смертной казни, в том числе Н. Белояннис, 30 марта были казнены [102].

Смерть И. В. Сталина стала рубежом в советской политике в отношении Греции. Приход к власти в Москве нового прагматичного руководства привел к корректировке советского внешнеполитического курса. Советский Союз развернул «мирное наступление», при этом наиболее ошутимым оно было на Балканах. Изменение совет-

ской политики греческое руководство восприняло с большой настороженностью. 2 апреля 1953 г. А. Папагос в интервью агентству «Ассошиэйтед Пресс» заявил, что не доверяет советской политике в отношении Запада, особенно по вопросу прекращения войны в Корее. Министр иностранных дел Греции Стефанопулос подтвердил греческую позицию: «Мы следим... с величайшей бдительностью, – говорил чиновник, – за усилениями Москвы, направленными к ослаблению международного напряжения» [103].

Однако к лету «потепление» в отношениях СССР и Греции, а также в отношениях Афин со своими северными соседями становится очевидным. 1 июня было подписано соглашение между Грецией и Венгрией о возобновлении торговых отношений, прерванных во время гражданской войны в Греции [104]. В июне Болгария сообщила Греции, что она принимает предложение создать смешанную комиссию по определению греко-болгарской границы и урегулированию пограничных проблем между двумя странами [105]. Комиссии удалось разрешить спорные вопросы о границе по реке Марица [106]. В сентябре Болгария обратилась к Греции с предложением восстановить дипломатические отношения между двумя странами [107]. 14 октября Румыния также предложила Греции восстановить дипломатические и торговые отношения [108]. Осенью Чехословакия и Венгрия согласились вернуть в Грецию несколько сот греческих детей, увезенных в годы гражданской войны [109]. Тем самым было положено начало процессу репатриации греческих детей.

28 июля 1953 г. между Грецией и Советским Союзом впервые после Второй мировой войны было заключено торговое соглашение [110]. 17 сентября в Афины прибыл советский посол в Греции М. Г. Сергеев. СССР не имел посла в Греции с апреля 1947 г. [111] Осенью возобновился культурный и научный обмен между двумя странами. Отношения Греции и СССР вступили в новый этап.

Проведенное исследование американской и советской политики в отношении Греции позволило сделать следующие выводы. В период «апогея» холодной войны Греция в силу своего географического положения оказалась «на передовой» противостояния двух сверхдержав, что резко повысило ее геополитическое значение. Поражение летом 1949 г. партизанского движения в Греции являлось одним из первых успехов реализации доктрины сдерживания коммунизма и вместе с советско-югославским расколом означало заметное ослабление позиций Советского Союза на Балканах и усиление влияния США.

Безусловным приоритетом для Вашингтона являлось сохранение Греции в западной сфере

интересов. По мнению американцев, с разгромом коммунистических повстанцев летом 1949 г. изменился лишь характер угрозы Греции, но не претерпела изменений цель Кремля – установление контроля над страной. Теперь Вашингтон опасался в первую очередь агрессии со стороны северных соседей – «сателлитов» Советского Союза – Болгарии и Албании. Вероятность возобновления гражданской войны оценивалась как невысокая.

Окончание гражданской войны позволило американцам сосредоточиться на решении экономических и политических проблем страны. Несмотря на постоянно декларируемый принцип невмешательства во внутренние дела Греции, Соединенные Штаты использовали весь доступный арсенал средств воздействия на греческих лидеров с целью добиться проведения «правильной» политики.

Первоначально Вашингтон исходил из того, что Греция должна иметь компактную и хорошо вооруженную армию. Американцы настаивали на сокращении греческих вооруженных сил и оказывали давление на Афины с тем, чтобы греческое правительство предприняло усилия для нормализации своих отношений с северными соседями.

Начало Корейской войны привело к серьезным переменам в американской политике в Греции. Американский истеблишмент интерпретировал нападение Северной Кореи на Южную через призму теории «всемирного коммунистического заговора», и Вашингтон теперь не исключал возможность нападения сателлитов Советского Союза на Грецию. Наращивание военного потенциала Болгарии способствовало тому, что прежде больше гипотетическая угроза начала обретать конкретные очертания в виде болгарской танковой угрозы Греции. В новой ситуации Соединенные Штаты отказались от идеи сокращения греческой армии. Теперь Вашингтон взял курс на превращение Греции в полноценного американского союзника, расположенного «на передовой» холодной войны. Важной составляющей нового американского курса стала интеграция Греции в Североатлантический Альянс и заключение ряда двусторонних американо-греческих договоров о военном сотрудничестве.

Особую тревогу американских дипломатов и советников вызывала внутренняя политическая нестабильность в стране. Пропорциональная избирательная система, пестрота политического спектра приводили к чрезвычайной неустойчивости греческих правительств, сменявшихся с периодичностью порядка полугода. В течение 1950 г. в Греции сменилось 7 правительств. Эта ситуация делала фактически невозможным проведение долговременных реформ, без которых,

как считали американские советники, нельзя было создать прочный экономический фундамент для поступательного развития страны. Поэтому Соединенные Штаты выступили за переход к мажоритарной избирательной системе, позволявшей создать в парламенте устойчивое большинство. США в итоге поддержали приход к власти в 1952 г. популярного маршала А. Папагоса, правительство которого приступило к проведению реформ. Левоцентристское правительство при активном содействии американцев было заменено на правоцентристское.

Советская политика в Греции после поражения партизан оказалась в определенном тупике. В 1949–1950 гг. достигла пика советская кампания обличения «кровавых преступлений монархо-фашистского правительства» Греции. В то же время нет никаких свидетельств того, что Советский Союз вынашивал планы нападения на Грецию или возобновления гражданской войны. Скорее он стремился извлечь из своих кампаний по дискредитации греческих властей пропагандистские дивиденды.

СССР в начале 1950-х гг. ориентировался на сохранение сложившегося «статус-кво» на Балканах. В то же время КПП во главе с Н. Захариадисом, деятельность которой в Греции официально была запрещена, отчаянно боролась за сохранение своего влияния в стране. С этой целью греческие коммунисты развернули шумную кампанию, обвиняя «англо-американских империалистов» и «монархо-фашистское правительство» в подготовке новой войны на Балканах. Таким образом, КПП действовала во многом в собственных интересах, и Москве, не заинтересованной в дальнейшем обострении отношений Востока и Запада, неоднократно приходилось «охлаждать» революционный пыл греческих коммунистов. Соединенные Штаты явно преувеличивали степень сплоченности международного коммунистического движения, придерживаясь концепции «всемирного коммунистического заговора» и считая, что все акции коммунистических партий направляются из единого штаба в Москве. Нагнетая страх по поводу авантюрных американских планов нападения на Албанию, стремления «американских империалистов и монархо-фашистов разжечь военный пожар на Балканах», группа Захариадиса в итоге способствовала увеличению американской военной помощи Греции и ускоренному принятию Греции и Турции в НАТО.

Только смерть И. В. Сталина и приход к власти в СССР «маленьких прагматиков» привели к серьезной корректировке советского курса на Балканах. Москва пошла на нормализацию отношений с греческим правительством и санкционировала аналогичные шаги со стороны других стран народной демократии.

В целом события 1952–1953 гг. стали определенным рубежом в истории послевоенной Греции и международных отношений на Балканском полуострове. В это время были созданы предпосылки для внутривосточной и экономической стабилизации в Греции, которая, наконец, начала преодолевать затяжной национальный кризис. Укрепились международные позиции страны, начался процесс нормализации отношений с ее северными соседями. Наместились контуры новой расстановки сил на Балканском полуострове, которая не претерпела заметных изменений вплоть до конца холодной войны. Также начался процесс ее институционального закрепления, начало которому было положено вступлением Греции в НАТО.

Примечания

1. См., например: *Шеменков К. А.* Греция: проблемы современной истории. М., 1987.
2. Там же. С. 160.
3. *Кириякидис Г. Д.* Гражданская война в Греции. М., 1972.
4. *Боев И.* Балканизм в глобальной политике на САЩ: 1945–1975. София, 1986.
5. *Улуян Ар. А.* Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960 гг. М., 2001; *Улуян Ар. А.* Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории: КИП в Национальном Сопротивлении, Гражданской и «холодной» войнах 1941–1956. М., 1994; *Улуян Ар. А.* Греция и Турция: Взгляд из аппарата ЦК ВКП(б)/КПСС, 1946–1958 гг. (К постановке проблемы) // Сталин и «холодная война». М., 1997. С. 23–43; *Улуян Ар. А.* СССР, страны народной демократии и революционное движение в Греции. 1946–1950 гг. (К истории развития «балканского кризиса») // Россия, СССР и международные конфликты первой половины XX века: сб. науч. тр. М., 1989. С. 186–213; *Uluian A. A.* Soviet Cold War Perceptions of Turkey and Greece, 1945–1958 // Cold War History. Vol. 3. No 2 (Jan., 2003). P. 35–52.
6. *Пелипас М. Я.* Политика США по укреплению позиции американского империализма в Восточном Средиземноморье и вовлечению Греции и Турции в НАТО (1949–1952 гг.) // Исторические и историографические вопросы всеобщей истории: сб. ст. / под ред. Н. С. Индукаевой и др. Томск, 1988. С. 68–87.
7. *Kousoulas D. G.* The Price of Freedom: Greece in World Affairs, 1939–1953. Syracuse, 1953; *Sweet-Escott B.* Greece: A Political and Economic Survey, 1939–1953. L.; N. Y., 1954; *Woodhouse C. M.* The Struggle for Greece, 1941–1949. L., 1976; *Wolff R. L.* The Balkans in Our Time. Cambridge (Mass.), 1956; и др.
8. *Iatrides J. O.* Greece at the Crossroads, 1944–1950 // Greece at the Crossroads: the Civil War and its Legacy / ed. by J. O. Iatrides, L. Wrigley. University Park, PA, 1995. P. 1–30; *Iatrides J. O.* The International Dimension of the Greek Civil War / J. O. Iatrides, N. X. Rizopoulos // World Policy Journal. Vol. 17, No 1 (Spring, 2000). P. 87–103; *Iatrides J. O.* George E. Kennan and the Birth of Containment. The Greek Test Case // World Policy Journal. Vol. 22, No 3 (Fall 2005). P. 126–145; *Iatrides J. O.* Greece and the Origins of the Cold War

// Greece in Transition 1821–1974 / ed. T. Koumoulides. L., 1977.

9. *Wittner L. S.* American Intervention in Greece, 1943–1949. N. Y., 1982. P. 254.
10. *Amen M.* American Foreign Policy in Greece, 1944–1949: These. Frankfurt a. M. etc., 1978.
11. *Jeffery J. S.* Ambiguous Commitments and Uncertain Policies: The Truman Doctrine in Greece, 1947–1952. Lanham (Md.), 2000.
12. *Miller J. E.* The United States and the Making of Modern Greece: History and Power, 1950–1974. Chapel Hill (N. C.), 2009.
13. *Stavrakis P. J.* Moscow and Greek Communism, 1944–1949. Ithaca; L., 1989; *Roubatis Y. P.* Tangled Webs: the U.S. in Greece, 1947–1967. N. Y., 1987; *Roubatis Y. P.* The United States and the Operational Responsibilities of the Greek Armed Forces, 1947–1987 // Journal of the Hellenic Diaspora. Vol. 6, No 1 (April, 1979). P. 39–57; *Shrader, Ch.* The Withered Vine: Logistics and the Communist Insurgency in Greece, 1945–1949. Westport, 1999; *Close, D. H.* Greece since 1945: Politics, Economy and Society. L.; N. Y.; Toronto, 2002; *Kofas J.* Intervention and Underdevelopment: Greece during the Cold War. University Park, PA, 1989.
14. *Hatzivassiliou E.* Greece and the Cold War. Frontline State, 1952–1967. L.; N. Y., 2006. P. 8–9.
15. *Gerolymatos A.* Red Acropolis, Black Terror. The Greek Civil War and the Origins of the Soviet-American Rivalry, 1943–1949. N. Y., 2004; *Gerolymatos A.* Greek Democracy on Trial: From Insurgency to Civil War, 1943–1949 // Democracies and Small Wars / ed. by E. Inbar. L.; Portland, 2003. P. 122–137; и др.
16. The Greek Civil War, 1943–1950: Studies of Polarization / ed. by David H. Close. L.; N. Y., 1993; Studies in the History of the Greek Civil War, 1945–1949 / ed. by Lars Baerentzen, John O. Iatrides, Ole L. Smith. Copenhagen, 1987; The Greek Civil War: Essays on a Conflict of Exceptionalism and Silences / ed. by Philip Carabott and Thanasis D. Sfikas. Aldershot, 2004.
17. *Sfikas Th. D.* The British Labour Government and the Greek Civil War 1945–1949: the Imperialism of 'Non-Intervention'. Keele, Staffordshire, UK, 1994.
18. *Papandreou A.* Democracy at Gunpoint: The Greek Front. Garden City; N.Y., 1970. P. 92–93.
19. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1949. Vol. 6. P. 269–279; *Sale S. L.* The Shaping of Containment: Harry S. Truman, the National Security Council, and the Cold War. Saint James, N. Y., 1998. P. 100.
20. FRUS. 1949. Vol. 6. P. 363–364.
21. FRUS. 1949. Vol. 5. P. 897; FRUS. 1949. Vol. 6. P. 355.
22. U.S. Diplomatic Records on Relations with Yugoslavia during the Early Cold War. P. 101; см. также телеграмму К. Кэннона в Госдепартамент от 13 июля: FRUS. 1949. Vol. 6. P. 368–369.
23. FRUS. 1949. Vol. 5. P. 915–916.
24. FRUS. 1949. Vol. 6. P. 364.
25. FRUS. 1949. Vol. 5. P. 927–928.
26. См., например: *Кириякидис Г. Д.* Гражданская война в Греции. М., 1972. С. 350–353.
27. *Wittner L.* American Intervention in Greece, 1943–1949. N. Y., 1982. P. 279–281.
28. FRUS. 1949. Vol. 6. P. 362–363.
29. Ibid. P. 392–395.
30. Ibid. P. 381–382, 385–386; FRUS. 1949. Vol. 5. P. 321.

31. FRUS. 1949. Vol. 6. P. 418.
32. Улуян Ар. А. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории: КПП в Национальном Сопротивлении, Гражданской и «холодной» войнах 1941–1956. М., 1994. С. 247.
33. FRUS. 1949. Vol. 6. P. 417.
34. Ibid. P. 454–455.
35. Правда. 1949. 21 окт. С. 4; Documents on International Affairs, 1949–1950 / sel. and ed. by M. Carlyle. L.; N. Y.; Toronto, 1953. P. 234.
36. Department of State Bulletin. Vol. 21, № 539. October 31, 1949. P. 658.
37. FRUS. 1949. Vol. 6. P. 427–428.
38. Угроза политической независимости и территориальной неприкосновенности Греции. Резолюция A/RES/288(IV) от 18 ноября 1949 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/288%28IV%29>; Documents on International Affairs, 1949–1950. P. 236–239.
39. Угроза политической независимости и территориальной неприкосновенности Греции. Резолюция A/RES/193 (III) от 27 ноября 1948 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/193%28III%29>
40. Угроза политической независимости и территориальной неприкосновенности Греции. Резолюция A/RES/288(IV) от 18 ноября 1949 г. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/288%28IV%29>
41. Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman: 1950: Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the President, January 1 to December 31, 1950. Wash., 1965. P. 32, 259, 663.
42. Documents on American Foreign Relations (далее – DAFR). Vol. XIII. Boston, 1953. P. 539–540.
43. Ibid. P. 510–511.
44. Улуян Ар. А. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. С. 252–258.
45. Ходжа Э. Со Сталиным: Воспоминания. 2-е изд. Тирана, 1984. С. 181–206.
46. Там же. С. 173–213.
47. Там же. С. 206.
48. Там же. С. 207–208.
49. Там же. С. 210.
50. FRUS. 1949. Vol. 6. P. 431–433.
51. Ibid. P. 440–442.
52. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 335–338.
53. Wittner L. American Intervention in Greece. P. 293; Roubatis Y. P. The United States and the Operational Responsibilities of the Greek Armed Forces, 1947–1987 // Journal of the Hellenic Diaspora. Vol. 6. № 1 (April, 1979). P. 48.
54. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 410–411.
55. Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman: 1950: Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the President, January 1 to December 31, 1950. Wash., 1965. P. 447–448.
56. FRUS. 1950. Vol. 1. P. 352–353.
57. Documents on International Affairs, 1949–1950. P. 239–241.
58. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 382–386.
59. Ibid. P. 398–399.
60. FRUS. 1950. Vol. 1. P. 387.
61. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 426.
62. Documents on International Affairs, 1949–1950 / sel. and ed. by M. Carlyle. L.; N. Y.; Toronto, 1953. P. 80.
63. FRUS. 1951. Vol. 5. P. 485–489.
64. FRUS. 1950. Vol. 1. P. 124–125.
65. Hatzivassiliou, E. Greece and the Cold War. Frontline State, 1952–1967. L.; N. Y., 2006. P. 13.
66. DAFR. 1952 / ed. by C. W. Baier, R. P. Stebbins. N. Y., 1953. P. 166–167.
67. Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 595. Оп. 1. П. 133. Д. 300. Л. 292–294.
68. Там же. Л. 64–65.
69. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 345–347.
70. Ibid. P. 347–348.
71. Jeffery J. S. Ambiguous Commitments and Uncertain Policies: The Truman Doctrine in Greece, 1947–1952. Lanham (Md.), 2000. P. 223; The Memoirs of Ambassador Henry F. Grady. From the Great War to the Cold War / Ed. with an Introduction by John T. McNay. Columbia; L., 2009. P. 149–150.
72. Department of State Bulletin. Vol. 22. № 563. April 17, 1950. P. 600–601; FRUS. 1950. Vol. 5. P. 356; DAFR. Vol. XII. Boston, 1951. P. 599–602.
73. Jeffery J. S. Op. cit. P. 224.
74. The Memoirs of Ambassador Henry F. Grady. P. 151.
75. Papandreou A. Democracy at Gunpoint: The Greek Front. Garden City; N. Y., 1970. P. 82–83.
76. Miller J. E. The United States and the Making of Modern Greece: History and Power, 1950–1974. Chapel Hill (N.C.), 2009. P. 25–26.
77. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 432–433.
78. Ibid. P. 433–434.
79. АВП РФ. Ф. 07. Оп. 26а. П. 59. Д. 13. Л. 7.
80. FRUS. 1951. Vol. 5. P. 517–518.
81. АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 133. Д. 300. Л. 15.
82. Jeffery J. S. Op. cit. P. 215.
83. АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 133. Д. 300. Л. 134.
84. FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 782; см. также: Miller J. E. Op. cit. P. 37–38.
85. АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 133. Д. 300. Л. 457–458, 466; Roubatis Y. P. Tangled Webs: the U.S. in Greece, 1947–1967. N. Y., 1987. P. 115.
86. FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 789–790.
87. Roubatis Y. P. Tangled Webs. P. 115.
88. FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 807.
89. Roubatis Y. P. Tangled Webs. P. 116.
90. Miller J. E. Op. cit. P. 39; Roubatis Y. P. Tangled Webs. P. 113; и др.
91. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 44. Л. 63, 68–69.
92. АВП РФ. Ф. 56–6. Оп. 17. П. 492. Д. 180. Л. 211.
93. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 44. Л. 47, 110.
94. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1192. Л. 20–21.
95. Там же. Л. 35.
96. FRUS. 1950. Vol. 5. P. 438–439.
97. АВП РФ. Ф. 07. Оп. 26а. П. 59. Д. 13. Л. 4–12.
98. Там же. Л. 7, 12–13.
99. Там же. Л. 13.
100. АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 133. Д. 300. Л. 295–297, 300.
101. Там же. Л. 379–382, 386–387, 407–409, 415–418, 435–436.
102. АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 134. Д. 301. Л. 36–39.
103. АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 137. Д. 306. Л. 17–18.
104. Там же. Л. 85, 87.
105. Там же. Л. 125, 126.

106. Там же. А. 280.
107. Там же. А. 296.
108. АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 137. Д. 307. А. 70.
109. Там же. А. 55.
110. АВП РФ. Ф. 595. Оп. 1. П. 137. Д. 306. А. 231, 234.
111. Там же. Д. 307. А. 10.

УДК 94 (437+47+73)

А. В. Зорин

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ФРОНТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ НА РУБЕЖЕ 1940–1950-х гг.*

В статье рассматривается развитие американской политики в отношении Чехословакии в ранний период холодной войны (1949–1953 гг.), анализируются основные подходы и направления деятельности США в борьбе за влияние в этой стране, реакция советского и чехословацкого правительств.

The article examines the evolution of U.S. policy toward Czechoslovakia in the early Cold War period (1949–1953), the main approaches and directions of the United States activity in the struggle for influence in this country, the reaction of the Soviet and Czechoslovak governments.

Ключевые слова: история Чехословакии, история США, холодная война, информационная война.

Keywords: history of Czechoslovakia, history of the USA, Cold War, information war.

Развернувшееся по окончании Второй мировой войны соперничество между СССР и США сосредоточилось в нескольких ключевых регионах, где конкуренция двух держав переросла в борьбу за политическое, экономическое и идеологическое влияние. Чехословацкая республика (ЧСР), располагавшаяся в центре Европы, находилась на границе советской и американской зон влияния. Укоренившиеся в этой стране демократические традиции, историческая ориентация на запад, с одной стороны, и географическая близость к СССР – с другой, делали ее естественным полем столкновения между двумя сверхдержавами, превращая в один из фронтов разгоравшейся холодной войны.

В феврале 1948 г. в результате политического кризиса власть в ЧСР перешла от многопартийного демократического правительства к коали-

ции левых сил, возглавляемой лидером Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) К. Готвальдом. Трагическая гибель в марте 1948 г. министра иностранных дел Я. Масарика, а затем отставка и смерть президента Э. Бенеша, старавшихся сохранить хорошие отношения с западными странами, способствовали постепенной переориентации ЧСР на Москву. Избрание летом 1948 г. Готвальда на должность президента республики и последовавший затем роспуск всех оппозиционных партий [1] ознаменовали окончательный переход Чехословакии в советскую сферу влияния.

В данных условиях целью Вашингтона стало возвращение утраченных позиций в ЧСР с целью пробить складывавшееся вокруг Москвы кольцо сателлитов и остановить дальнейшее расширение советского влияния на запад. Москва же должна была стараться закрепить свое доминирование путем расширения сотрудничества с новым коммунистическим правительством и утверждения в ЧСР советской модели политических и экономических отношений. Ситуация вокруг Чехословакии с этого времени развивалась под влиянием общего состояния советско-американских отношений и развития холодной войны.

Готвальд, вставший на открыто просоветские позиции, отлично понимал, каких именно действий ждет от него советское руководство и как необходимо вести себя в разраставшемся между Москвой и Вашингтоном конфликте. Вместе с тем еще в начале 1949 г. действия чехословацких властей не носили откровенно враждебного по отношению к США характера, поскольку начавшаяся под руководством коммунистов реорганизация системы управления ЧСР носила верхушечный характер. Американский посол Дж. Джекобс, прибывший в Прагу в декабре 1948 г., констатировал наличие различных групп влияния в чехословацком правительстве. Откровенно просоветской группировке работников органов безопасности и членов коммунистической партии, ориентированной на исполнение распоряжений Москвы, противостояла группа чиновников гражданских ведомств, стремившаяся отстаивать национальные интересы. В то время как МИД демонстрировал готовность идти на сотрудничество в спорных вопросах, руководство КПЧ и силовых ведомств способствовало возникновению конфликтных ситуаций. За обострением отношений, по мнению Джекобса, стоял СССР, пытавшийся окончательно подорвать западное влияние в ЧСР [2].

О двойственности, сохранявшейся в Чехословакии в отношении восприятия США и СССР, упоминали советские представители. В мае 1949 г. посол М. А. Силин указывал на распространенность среди населения мнения, «что среди аме-

* Статья подготовлена в рамках выполнения Тематического плана научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», проводимых по заданию Министерства образования и науки в 2010–2013 гг., регистрационный номер 5.1.10.

риканцев много «друзей», чехи будто бы близки по духу американцам» [3]. Об аналогичных настроениях писал в докладе из Праги корреспондент ТАСС В. С. Медов, указывая на сохранение среди значительной части чешского населения антикоммунистических и прозападных настроений, благодаря которым американцы сохраняли широкую базу «для продолжения подрывной деятельности» [4].

Руководство Чехословакии отлично понимало сложность политической ситуации в стране и видело главный путь укрепления своего режима в развитии связей с СССР и заимствовании советского опыта. В то же время лидеры КПЧ не собирались превращаться в марионеток Москвы, желая сохранить определенную самостоятельность [5]. От направленных в ЧСР советников в Москву поступали жалобы на недостаточную активность чехословацких властей в борьбе с «внутренней реакцией» и иностранной агентурой [6]. Лишь после прямого обращения к И. Сталину венгерского лидера М. Ракоши, «выявившего» в рядах КПЧ «англо-американских шпионов», и прибытия в Чехословакию специалистов МГБ СССР здесь началась своя волна громких политических дел [7]. Под удар спецслужб попали министр иностранных дел В. Клементис (член КПЧ) и ряд его коллег из числа лиц, связанных в годы войны с лондонской эмиграцией. Отставка Клементиса должна была нанести урон и по отношениям с США, продемонстрировав недопустимость любых уступок Вашингтону [8]. Новым главой МИДа был назначен В. Широкий (с 1945 г. заместитель премьер-министра), занимавший жесткую позицию в отношении западных стран.

Внутриполитические события 1949 г. не могли не отразиться на восприятии Чехословакии в Вашингтоне. Осенью 1949 г. посла Джекобса заменил кадровый сотрудник Госдепартамента Э. Бриггс, имевший репутацию сильного и жесткого дипломата [9]. Его вступление в должность проходило на фоне нового ухудшения отношений, подчеркнутого жесткой риторикой госсекретаря Д. Ачесона, осудившего волну арестов, нацеленных на «запугивание населения и подавление любого инакомыслия» в ЧСР [10].

Восприятие Чехословакии со стороны США ярко выражено в директиве Государственного департамента, составленной в декабре 1949 г. и отражавшей общую стратегию Вашингтона применительно к странам советского блока. Главной его идеей была необходимость освобождения народов Восточной Европы от коммунистического господства [11]. По мнению сотрудников Госдепартамента, Чехословакия представляла интерес прежде всего как важный стратегический и экономический ресурс. Называя ЧСР

«типичным полицейским государством» и советской марионеткой, участвующей в психологической и дипломатической войне против США, Госдепартамент провозглашал главной целью своей политики подрыв советского влияния и освобождение чехословацкого народа от «тоталитарной тираннии». Вместе с тем специалисты Госдепартамента констатировали, что США не намерены проводить какой-то особой политики в отношении ЧСР, поскольку «борьба за Чехословакию» должна была выступать частью общей борьбы «против советско-коммунистического империализма» [12]. Возлагая надежду на развитие внутреннего движения сопротивления [13], Вашингтон стремился сохранить свое присутствие в ЧСР, избегая разрыва дипломатических отношений [14].

Контроль над происходящими в ЧСР процессами с советской стороны был усилен после прибытия в Прагу летом 1950 г. нового советника МГБ СССР В. А. Боярского, организовавшего продолжение политических процессов. К 1 января 1951 г. было арестовано 895 человек, из них за шпионаж – 247 [15]. Сильно пострадал чехословацкий МИД. Помимо Клементиса в 1950–1951 гг. были арестованы другие ответственные сотрудники, отозваны из-за границы многие дипломатические представители (часть из них отказались вернуться на родину). Чтобы подчеркнуть новый курс чехословацкой внешней политики, в 1950 г. в МИДе было решено организовать особый советский отдел, которому предстояло занять ведущее положение в структуре министерства [16].

Такое положение не могло не сказаться негативным образом на общем развитии чехословацкой внешней политики. Фактически со второй половины 1949 г. американско-чехословацкие отношения начали заходить в тупик. Сокращавшиеся возможности поддерживать официальные контакты с представителями чехословацкой оппозиции и простыми людьми, проявлявшими интерес к западу, заставляли Вашингтон искать иные каналы воздействия на ситуацию в ЧСР. Главным из них должна была стать пропаганда, направленная на подрыв влияния Советского Союза среди чехословацкого населения [17].

Основным орудием информационной войны для США стало радио. Радиостанция «Голос Америки» (Voice of America, VOA), начавшая свое вещание в годы Второй мировой войны, с 1948 г. активизировала работу, получив дополнительное финансирование от Конгресса [18]. VOA работала как официальный канал, представлявший точку зрения Вашингтона на все происходившие в мире события. Госдепартамент принимал непосредственное участие в составлении его программ. Посол Бриггс и его подчиненные давали

свои рекомендации относительно вопросов, которые необходимо было поднять или обсудить по чехословацкой тематике, писали тексты сообщений [19].

В марте 1949 г. в Нью-Йорке по инициативе главы ЦРУ А. Даллеса была создана общественная организация «Национальный комитет за свободную Европу» (НКСЕ), официально не связанная с государственными структурами США, но в действительности находившаяся под контролем ЦРУ. В декабре НКСЕ сформировал специальное подразделение – «Радио Свободная Европа» (Radio Free Europe, RFE), с 4 июля 1950 г. начавшее постоянное вещание на Чехословакию с территории Западной Германии [20]. RFE в силу своего статуса могла работать в более агрессивном формате, ведя прямую критику чехословацких властей. Помимо этого НКСЕ стоял за проведением иных операций (таких, как распространение агитационных листовок с помощью метеорологических зондов). При нем была создана информационная служба, занимавшаяся изучением положения в восточноевропейских странах [21].

Масштабы американской пропаганды в Чехословакии позволяют оценить два документа – сообщение корреспондента ТАСС Медова, и справка «Об англо-американской пропаганде в Чехословакии», составленная секретарем советского посольства Н. И. Семеновым в декабре 1949 г. По сообщению Медова, Чехословакия подвергалась массовой пропагандистской атаке со стороны западных держав. Страна «засыпалась антиправительственными листовками», подвергалась психологической обработке по радио с целью пробудить среди населения традиционный «дух сопротивления». Как замечал советский корреспондент, эта пропаганда строилась со знанием и учетом психологии чехов и словаков, с тем, чтобы убедить слушателей в том, что в Чехословакии установлен полицейский, диктаторский режим и что ею правит «кучка привилегированных лиц», боящихся собственного народа [22]. Справка, подготовленная Семеновым, имела более подробный характер. Советский дипломат проанализировал различные направления американской пропагандистской работы в ЧСР. Особое внимание он уделил работе информационного бюро при посольстве США (входило в структуру Информационной службы – United States Information Service, USIS), связям с чехословацкими эмигрантами, деятельности новостных агентств. Семенов утверждал, что с помощью всех перечисленных средств велась «разнузданная пропаганда против народно-демократического строя, против чехословацкой коммунистической партии и против Советского Союза». Наиболее опасным и эффективным каналом иностранного влияния было названо радио, популярность ко-

торого объяснялась наличием в ЧСР большого количества радиоприемников (около 2 млн). Как заключал Семенов, в Чехословакии «с ее большой прослойкой мелкой буржуазии и интеллигенции, годами воспитываемой и ориентируемой на культуру западных стран, англо-американская пропаганда имеет среди этой части населения немалый успех и стремится проникнуть во все поры чехословацкой жизни» [23].

В целях противодействия информационной политике США и укрепления своего влияния, СССР также пытался осуществлять информационное воздействие на чехословацкое население. Главным органом информационной пропаганды со стороны СССР в Чехословакии являлось Совинформбюро (СИБ), деятельность которого пользовалась полной поддержкой руководства ЧСР. Согласно отчету за 1949 г., СИБ направил в чехословацкую печать 3 746 статей, из которых напечатано было 3506, т. е. 93,6% [24]. Несмотря на эти внушительные цифры, в 1949 г. по распространению советской периодики Чехословакия находилась на последнем месте в ряду всех стран «народной демократии» [25]. Помимо СИБ активно действовали Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) и Общество советско-чехословацкой дружбы.

Чехословацкое руководство стремилось сократить возможность распространения независимой и оппозиционной информации. В 1949 г. был принят закон, запрещающий частным лицам оформлять подписку на западную прессу, а затем были закрыты все частные издательские фирмы [26]. Количество ежедневных газет к 1 января 1950 г. сократилось с 44 до 20 [27]. В январе 1950 г. была введена цензура по советскому образцу [28]. После этих преобразований западные радиостанции и новостные агентства остались единственными каналами распространения альтернативной информации на территории ЧСР. Их деятельность стала одним из постоянных раздражающих факторов в отношениях Праги с западными странами [29].

Пропагандистская война шла с переменным успехом. Особое недовольство со стороны Праги вызывала деятельность VOA и RFE, передачи которых пользовались большой популярностью среди населения. О невозможности заглушить передачи VOA в мае 1951 г. сообщал Силину Широкий [30]. Западные радиостанции активно слушали и обсуждали даже члены КПЧ [31], влияние их во многом объяснялось тем, что VOA и RFE имели возможность получать достоверную информацию через агентурную сеть и эмигрантские организации, оперативно преподнося ее населению [32].

Одним из непосредственных результатов работы этих служб стало усиление случаев побе-

гов чехословацких граждан за границу, к чему открыто призывало RFE [33]. По данным чехословацкого министерства национальной обороны, общее количество бежавших или пытавшихся бежать за границу составило на январь 1951 г. 12 100 человек. Из них 6 726 смогли перебраться за границу, 4 672 были задержаны, 510 задержаны при возвращении в Чехословакию [34].

Пропаганда не была единственным видом деятельности, который США начали широко применять на территории Чехословакии. Эту страну затронула и шпионская война. Еще с 1948 г. Вашингтон активизировал проведение спецопераций в отношении восточноевропейских стран, организуемых силами армейской разведки (Counter Intelligence Corps, CIC), ЦРУ и других ведомств, при участии Государственного департамента. Главной их опорой стали политические эмигранты. В 1948–1949 гг. в США была оформлена законодательная база, позволявшая оказывать открытую государственную поддержку таким лицам, и установлены квоты на их прием [35]. Эмигранты использовались в пропагандистской войне, для сбора сведений, в агентурной работе на территории ЧСР. Но большинство из них вследствие плохой подготовки операций имели мало шансов на успех [36].

В разведывательную деятельность были вовлечены и члены американского посольства. Как вспоминал Бриггс, вскоре после прибытия в Прагу ему пришлось в срочном порядке эвакуировать из Чехословакии нескольких сотрудников, пойманных с поличным во время извлечения капсулы с секретной информацией. Впоследствии посол жаловался на то, что значительную часть его штата составляли чиновники, подчинявшиеся не Государственному департаменту, а другим правительственным службам, прежде всего ЦРУ и военному ведомству [37].

Борьба с этими явлениями с чехословацкой стороны проходила при активной помощи советских специалистов. В декабре 1950 г. по просьбе Праги из СССР была направлена новая группа советников [38]. При их непосредственном участии удалось значительно повысить эффективность работы чехословацких органов безопасности, результатом чего стали регулярные аресты групп, занимавшихся распространением агитационных листовок и сбором информации [39].

С октября 1949 г. СССР приступил к глушению VOA на своей территории [40]. Интерес к этому опыту проявили и чехословацкие власти. При советской поддержке в 1951 г. было организовано глушение в Чехословакии с помощью специально сооруженного мощного радиопередатчика, который своей мощностью перекрывал всю чехословацкую территорию. В Москве было принято решение разместить в ЧСР координацион-

ный центр, контролирующий процесс радиоглушения западных радиостанций во всех соседних странах, и штаб радиообороны, подчиненный чехословацкому министерству госбезопасности. Таким образом, Чехословакия становилась форпостом советской идеологической обороны на западе. Сооружение необходимых объектов планировалось завершить в 1953 г. [41]

Но полностью преодолеть влияние американской пропаганды не удавалось. Не имея возможности ограничить работу VOA и RFE, вещавших из-за пределов чехословацкой территории, Прага решила нанести удар по американскому информационному бюро. 19 апреля 1950 г. чехословацкий МИД потребовал немедленно закрыть действовавшие под эгидой USIS американские библиотеки в Праге и Братиславе и отозвать ее руководителя, пресс-атташе посольства Д. Коларека, обвиненного в причастности к шпионажу. Этот инцидент повлек за собой целую череду взаимных обвинений, окончившихся закрытием не только структур USIS в Чехословакии, но и всех чехословацких консульств на территории США и взаимными сокращениями штатов дипломатических миссий [42]. Как и ранее, американские дипломаты полагали, что за этими действиями стоит Москва, стремившаяся вынудить Вашингтон к окончательному разрыву дипломатических отношений с Прагой [43]. Бриггс возлагал ответственность на советских советников и агентов, которые «стремились продемонстрировать свое рвение в борьбе с империалистами, поджигателями войны и другими врагами народа» [44]. Согласно сведениям чехословацкой разведки, в июне 1950 г. Бриггс ожидал продолжения ухудшения отношений и активно намекал своим коллегам на скорое закрытие американского посольства [45].

16 ноября 1950 г. Бриггс, посетивший Вашингтон, на встрече с президентом Трумэнem доложил о своем видении ситуации в Чехословакии. По его мнению, этой страной правила кучка коммунистов, полностью преданных Кремлю. Несмотря на симпатии многих чехов к Западу, заключал Бриггс, США не должны были рассчитывать на проявление открытого сопротивления с их стороны. Он предлагал сосредоточиться на продолжении уже проводимой политики, прежде всего на поддержке работы VOA [46].

На фоне ухудшения чехословацко-американских отношений советское влияние в Чехословакии продолжало нарастать. По мнению отечественных исследователей, к концу 1951 г. завершилось создание разветвленной системы советского контроля в странах Восточной Европы. С этого времени Москва через МГБ СССР полностью контролировала внутривнутриполитическое развитие каждой из стран региона [47]. Обвинение в

причастности к деятельности «англо-американских империалистов» стало обязательной частью политических процессов. Осуждение внешней политики США регулярно звучало в выступлениях лидеров чехословацкого государства, руководства КПЧ и различных должностных лиц [48].

30 марта 1951 г. Госдепартамент подготовил новые рекомендации относительно основных принципов политики США в странах Восточной Европы. В этом документе, как и ранее, констатировалось, что ЧСР находится под полным советским контролем, осуществляемым КПЧ и обширным штатом советских советников, под руководством которых активно шли советизация и русификация культуры и образования, реорганизация армии по советскому образцу, политическая и идеологическая обработка, расширение экономических связей и торговли с советским блоком. Было замечено, что в Чехословакии полностью отсутствует организованное сопротивление режиму. Определяя дальнейшую тактику работы, специалисты Госдепартамента, по сути, предлагали продолжать прежнюю линию: усиливать пропаганду, уделяя особое внимание работе VOA [49].

Нанеся удар по USIS, чехословацкое руководство продолжало испытывать дискомфорт от работы западных новостных агентств, являвшихся последними открытыми каналами для получения независимой информации о происходивших в ЧСР событиях. Неприемлемое, по мнению чехословацких властей, освещение политических процессов в западной прессе толкнуло Прагу на организацию новой кампании.

23 апреля 1951 г. по обвинению в шпионаже был арестован корреспондент американского новостного агентства “Associated Press” У. Оатис, превратившийся на последующие два года в главную проблему чехословацко-американских отношений. Бриггс, отвергавший любые обвинения против Оатиса, полагал, что его арест являлся продолжением кампании по дискредитации Запада и способом давления на независимых корреспондентов. Посол допускал, что дело Оатиса может быть шагом к изгнанию всех западных журналистов из Чехословакии, а возможно и к разрыву дипломатических отношений с США [50].

Американская пресса и Конгресс высказались единодушно с осуждением акции чехословацких властей, подняв вопрос о скорейшем введении против ЧСР санкций [51]. Это стало неизбежным после завершения судебного процесса, состоявшегося в начале июля 1951 г. На нем Оатис полностью признал свою вину, назвав в качестве своих соучастников не только американских, но и других западных дипломатов и корреспондентов, включая посла Бриггса, и был приговорен к заключению на 10 лет. Госдепартамент ответил

на это заявлением о неправомерности вынесенного приговора и фиктивности самого суда. Бриггс писал, что результаты процесса могут быть использованы для дальнейшего подавления деятельности западных журналистов и новых атак против США. Посол считал, что процесс не был напрямую организован из Москвы, а имел цель продемонстрировать Кремлю эффективность борьбы против западных шпионов [52].

Жестко отреагировал на эти события американский Конгресс. Выпады отдельных его членов в адрес чехословацких властей по своей тональности были выдержаны в крайне враждебной форме. Называя чехословацких руководителей безбожными, беспринципными людьми и гангстерами, нарушавшими фундаментальные принципы Хартии ООН, они требовали разрыва дипломатических отношений с Чехословакией, введения экономических санкций и принятия ответных мер против представителей советской прессы в США. Оатис был представлен как символ свободы прессы, права на честный суд и свободу. В резолюции конгресса от 14 августа 1951 г. была изложена рекомендация в адрес органов исполнительной власти принять все возможные меры для скорейшего освобождения Оатиса [53].

Сотрудники Госдепартамента начали активные консультации о характере ответных санкций. Перечень возможных мер был ограничен следующими мероприятиями: запрет на перемещение чехословацких граждан и самолетов государственной авиакомпании «Чехословацкие авиалинии» через территорию Западной Германии при поддержке этой акции британскими и французскими властями, наложение запрета на американский экспорт в Чехословакию [54]. Понимая, что односторонние акции могут не принести ожидаемого эффекта, американская сторона передала вопрос на обсуждение ООН. В августе дело было рассмотрено в социальном комитете Экономического и социального совета. Большинство его членов поддержали США, однако представители других государств не проявили активности в обсуждении вопроса, а некоторые из американских союзников откровенно давали понять, что допускают справедливость вынесенного против Оатиса приговора [55].

К осени 1951 г. отношения между Чехословакией и Соединенными Штатами опустились до низшей точки. Возможные варианты улаживания конфликта не находили достаточной поддержки как с той, так и с другой стороны. В августе США ввели первые санкции, ограничив объемы торговли с Чехословакией. В скором времени сумма американского экспорта в ЧСР сократилась с 2,5 млн долл. до нуля [56]. Во время состоявшейся 18 июня 1952 г. в Вашингтоне беседы отбывшего из Чехословакии в связи с перево-

дом в Корею Бриггс с Трумэном президент констатировал, что до урегулирования дела Оатиса США не смогут восстановить удовлетворительные отношения с Чехословакией [57]. Таким образом, чехословацко-американские отношения зашли в тупик.

Обострение отношений с Вашингтоном проходило на фоне раскрутки в Чехословакии нового громкого политического процесса, главным участником которого оказался один из руководителей коммунистической партии Р. Сланский. По мнению отечественных исследователей, процесс над Сланским был организован при непосредственном участии советских органов безопасности в рамках общей кампании борьбы с международным сионизмом и американским империализмом [58]. Процесс, проходивший в ноябре 1952 г., активно использовался в пропагандистских целях. Бриггс, упоминая об обвинении Сланского в шпионаже, отвергал их. По его мнению, истинная причина процесса крылась во внутрипартийной борьбе в КПЧ, обострившейся вследствие наблюдавшегося ухудшения экономического положения [59]. Арест Сланского стал прологом к новой волне репрессий, сопровождавшихся подъемом антиамериканской риторики [60].

Перед новым американским послом Дж. Уодсуортом, вступившим в должность 29 декабря 1952 г., стояла сложная задача вытянуть двусторонние отношения из кризиса. Осознавая свои трудности, Уодсуорт занял более гибкую позицию, чем Бриггс. Уже в январе 1953 г. он провел целую серию переговоров, причем не только с чехословацкими должностными лицами, но и со сменившим в 1952 г. Силина на посту посла СССР в Чехословакии А. Е. Богомолловым, которого Уодсуорт охарактеризовал в своем сообщении как советского проконсула в республике. Американский дипломат признавал, что без одобрения Москвы накопившиеся в отношениях между ЧСР и США проблемы не могут быть разрешены. Богомоллову Уодсуорт выразил желание наладить отношения с Прагой, на что получил ответ, что главное для США – не вмешиваться во внутренние дела Чехословакии, а отдельные претензии могут быть урегулированы в двустороннем порядке. Премьер-министр ЧСР А. Запотоцкий также выразил заинтересованность в улучшении отношений, констатируя, что дело Оатиса, явившееся причиной кризиса, превратилось в «вопрос престижа» для обеих сторон и стало ключевым для выхода из него [61].

Разрешение данного конфликта стало возможным только после смены чехословацкого руководства. 14 марта 1953 г., вскоре после смерти Сталина, скончался Готвальд. Его место, с согласия Москвы, занял Запотоцкий. В то же время на посту президента США Трумэна сменил Д. Эй-

зенхауэр. Оба новых лидера явились сторонниками поиска пути скорейшего вывода двусторонних отношений из кризиса. Вскоре американский президент сообщил Запотоцкому, что США в случае освобождения Оатиса готовы начать переговоры с целью комплексного решения проблем, сложившихся в чехословацко-американских отношениях. 15 мая 1953 г. Запотоцкий извещил Эйзенхауэра о помиловании американского корреспондента и его высылке из ЧСР [62], открыв таким образом путь для переговоров. Это не означало устранения всех разногласий или стремления Чехословакии возобновить свою ориентацию на запад. Руководство ЧСР по-прежнему находилось под контролем Москвы. Но теперь и СССР, и Прага понимали бесперспективность дальнейшего нагнетания враждебности и искали путь к нормализации отношений.

Таким образом, в период 1949–1953 гг., явившийся временем продолжения обострения советско-американских отношений, Чехословацкая республика стала одним из участков, на котором разворачивалось соперничество между СССР и США. Несмотря на то, что она не являлась объектом прямых переговоров между представителями двух сверхдержав, борьба за влияние в этой стране велась с обеих сторон. СССР расширял свой контроль над ЧСР, опираясь на аппарат чехословацкой коммунистической партии, сосредоточившей в своих руках власть после февральских событий 1948 г. Политика Вашингтона, утратившего возможность прямого влияния на Прагу, сосредоточилась на подрыве позиций СССР, ведении информационной войны и организации секретных операций. Несмотря на принимаемые меры, США так и не смогли нанести сколько-нибудь ощутимого урона позициям КПЧ и СССР в Чехословакии. Это объяснялось как более сильными позициями Москвы, так и ограниченностью средств и методов, избранных Вашингтоном.

Примечания

1. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн. / отв. ред. В. В. Марьина. Кн. 2. М. 2005. С. 89.
2. U.S. Department of States. Foreign Relations of the United States [далее – FRUS]. 1949. Vol. V. P. 383–385, 390–391, 400.
3. Архив внешней политики Российской Федерации [далее – АВП РФ]. Ф. 0138. Оп. 30а. П. 179а. Д. 18. Л. 7.
4. Российский государственный архив социально-политической истории [далее – РГАСПИ]. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1361. Л. 2–7, 9–18.
5. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: в 2 т. Документы. Т. 2. 1949–1953 гг. М., 2002. С. 191.
6. Там же. С. 289.
7. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. М., 2002. С. 527–534.

8. FRUS. 1950. Vol. IV. P. 537.
9. Briggs E. O. Proud Servant: the Memoirs of a Career Ambassador. N. Y., 1998. P. 270.
10. FRUS. 1949. Vol. V. P. 408–411.
11. Потехин А.В. Дипломатия США в Восточной Европе: 1945–1950 гг. Киев, 1991. С. 119.
12. FRUS. 1949. Vol. V. P. 416–427.
13. FRUS. 1950. Vol. IV. P. 540.
14. Ibid. P. 528–536.
15. Чехия и Словакия в XX веке... С. 106–107.
16. Его создание натолкнулось на серьезные проблемы – См.: Советский фактор... С. 457–459.
17. Потехин А. В. Указ. соч. С. 118.
18. Corke S.-J. US covert operations and Cold War strategy: Truman, secret warfare, and the CIA, 1945–1953. N. Y., 2008. P. 87.
19. Briggs E. Op. cit. P. 292.
20. Corke S.-J. Op. cit. P. 89–90; Mitrovich G. Undermining the Kremlin. America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956. Ithaca, 2009. P. 23.
21. Москва и Восточная Европа... С. 409.
22. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. II. 1949–1953 гг. М., Новосибирск, 1997. С. 107–117.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 73. Л. 121–137.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 76. Л. 10–14.
25. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 164. Д. 43. Л. 95.
26. Москва и Восточная Европа... С. 323, 392.
27. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 164. Д. 43. Л. 95.
28. Восточная Европа в документах... С. 283–284.
29. Москва и Восточная Европа... С. 408.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 607. Л. 68.
31. Восточная Европа в документах... С. 500–504; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 35. П. 228. Д. 29. Л. 24).
32. Москва и Восточная Европа... С. 404.
33. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 186. Д. 109. Л. 43–49; Восточная Европа в документах... С. 327–331; FRUS. 1951. Vol. IV. P. 1415.
34. Москва и Восточная Европа... С. 414.
35. Потехин А. В. Указ. соч. С. 98, 106–107.
36. Corke S.-J. Op. cit. P. 55.
37. Briggs E. Op. cit. P. 279.
38. Москва и Восточная Европа... С. 623–625.
39. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 34. П. 209. Д. 30. Л. 3, 22–23, 37, 43; Оп. 32. П. 69. Д. 10. Л. 7; On the Cold War Front. Czechoslovakia 1948–1956. Exhibition catalogue. Prague, 2009.
40. Corke S.-J. Op. cit. P. 88.
41. Москва и Восточная Европа... С. 408.
42. FRUS. 1950. Vol. IV. P. 548–566.
43. Ibid. P. 552.
44. Briggs E. Op. cit. P. 276.
45. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 186. Д. 109. Л. 122–123, 129, 133–134.
46. FRUS. 1950. Vol. IV. P. 573.
47. Москва и Восточная Европа... С. 632.
48. Как пример можно привести речь Сланского 20 апреля 1951 г. на пленуме ЦК КПЧ (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 31. П. 68. Д. 25. Л. 4–5).
49. FRUS. 1951. Vol. IV. P. 1348–1351.
50. Ibid. P. 1354–1355.
51. Ibid. P. 1353.
52. Ibid. P. 1377–1381.
53. Congressional Record. Vol. 97. P. 6. Washington, 1950. P. 8236, 8282–8283; Ibid. P. 7. P. 9446–9457; Ibid. P. 8. P. 9957–9961, 10536–10541. FRUS. 1951. Vol. IV. P. 1402–1403.
54. FRUS. 1951. Vol. IV. P. 1388.
55. Ibid. P. 1399.
56. Ibid. P. 1391.
57. FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 23.
58. Чехия и Словакия в XX веке... С. 107. Москва и Восточная Европа... С. 554–562.
59. FRUS. 1951. Vol. IV. P. 1430–1433.
60. Москва и Восточная Европа... С. 554–560.
61. FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 34–35.
62. Ibid. P. 55–62.

УДК 94 (497.2)

А. В. Збоев

БОЛГАРИЯ В УСЛОВИЯХ «ВОЕННОЙ ТРЕВОГИ» НАЧАЛА 1950-х гг. НА БАЛКАНАХ

В статье рассматривается период конфронтации советско-американских отношений в начале 1950-х гг. Изучаются действия Москвы и Вашингтона по военно-политическому укреплению своих союзников на Балканах, оценка сторонами наступательного потенциала вероятных противников и перспектив военного столкновения в регионе. Акцент делается на месте и роли Болгарии в сложившейся обстановке и событиях.

The period of Soviet-American confrontation in the early 1950s viewed in the article. Devoted to the actions of Moscow and Washington toward the military and political strengthening of their allies in the Balkans and estimating the offensive capabilities of potential armed conflict in the region. The emphasis is on the place of Bulgaria in those situation.

Ключевые слова: холодная война, военная тревога, планы агрессии, военные поставки, сдерживание.

Keywords: cold war, military alert, plans of aggression, military supplies, containment.

1949 год был знаковым годом в хронологии холодной войны. В этом году геополитические позиции США в мире были подорваны успехами СССР в создании ядерного оружия и победой коммунистов в Китае. Запад, в свою очередь, ответил на рост советской угрозы образованием НАТО и развёртыванием военных баз по всему миру. Противостояние великих держав подходило к критической точке. Широко известны американские «планы» на случай войны с СССР, предполагавшие нанесение массированных авиационных ударов, в том числе с применением ядер-

* Статья подготовлена в рамках выполнения Тематического плана научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», проводимых по заданию Министерства образования и науки в 2010–2013 гг., регистрационный номер 5.1.10.

ного оружия. Американские стратеги предрекали начало нового глобального конфликта в ближайшие годы. Так, разработанный в сентябре 1948 г. план «Флитвуд» прогнозировал развёртывание войны до 1 апреля 1949 г., план «Тройал» – на 1 января 1950 г. [1] В номере журнала «Лайф» за 27 февраля 1950 г. была опубликована статья под заголовком «Война может начаться; будем ли мы готовы?», посвящённая анализу военных потенциалов СССР и США, а также планов возможной советской экспансии [2]. Среди обозначенных в статье главных направлений советских ударов один проходил через Балканы – со стороны Болгарии – на Турцию и далее к Персидскому заливу и Суэцкому каналу [3].

Вероятность превращения Балкан в театр военных действий новой войны была довольно высокой. Полуостров был давним источником международной напряжённости. Вскоре после войны здесь возникли первые конфликты между великими державами. Отсюда начала распространение на европейские страны «доктрина Трумэна», основанная на стратегии сдерживания коммунизма, здесь в 1948 г. впервые произошёл раскол советского блока. Политики не исключали, что множество накопившихся противоречий одна из сторон попытается разрешить силовым путём.

В таких условиях Болгария становилась опорной точкой социалистического лагеря на Балканах. Болгария имела протяжённую общую границу с враждебными Грецией, Турцией и Югославией и не имела при этом общей сухопутной границы с СССР. В глазах кремлёвских политиков это делало её наиболее вероятной потенциальной жертвой Запада, в то время как западные политики видели в Болгарии угрозу своим балканским союзникам.

Тема советско-американской конфронтации и блоковой консолидации в послевоенные годы всегда была популярной у исследователей. В советской и болгарской историографии акцент делался на агрессивной роли империалистических государств на Балканах, их стремлении к вмешательству в дела независимых стран; в то же время подчёркивалась совместная борьба СССР и НРБ за мир и прогресс. Такая концепция присутствовала в трудах А. Накова, Т. Добриянова, Ж. Григоровой, И. Боева [4]. В меньшей степени в литературе отражена тема советской военной помощи в укреплении болгарской армии [5]. В современной российской историографии по-прежнему сохраняется интерес к исследованию проблем военно-политического сотрудничества Москвы и Софии. Стала разрабатываться тема политических чисток и «сталинизации» болгарских силовых структур под руководством и при содействии Кремля [6]. Также болгарский вопрос нашёл освещение в трудах Н. В. Васильевой и

В. А. Гаврилова, Н. Е. Быстровой [7]. Западная историография представлена именами Дж. Кэмпбелла, Б. Коврига, Дж. Митровича, Б. Хьюсер [8].

Для Вашингтона Болгария не была ценным партнёром и воспринималась преимущественно как верный сателлит СССР и вероятный агрессор на Балканах. Соответственно этому США стремились всеми возможными мерами оказывать давление на существующий коммунистический режим и способствовать его свержению [9]. Исходя из общего курса советско-американских отношений и принципов американской политики, курс США в отношении стран народной демократии был конфронтационным. В директиве СНБ-58/2 провозглашалось намерение США способствовать расколу советского блока, в том числе через поощрение «коммунистических ересей» наподобие титоизма [10]. Болгария и Албания в этом смысле подавали некоторые надежды: генерал Дж. ван Флит в донесении от 7 ноября 1949 г. выражал мысль, что непрочное положение правительств этих двух стран может привести к народной революции и их альянсу с Западом [11].

Разработанный в 1950 г. документ «Задачи и программы безопасности Соединённых Штатов», известный также как директива СНБ-68, отличался более решительным тоном и предполагал массированное увеличение военных расходов и поддержки союзников за пределами США, что должно было удерживать СССР от агрессии [12]. Беспрецедентное увеличение военного бюджета, предусмотренное директивой СНБ-68, имело противоречивое значение: удерживая Сталина от агрессии в Европе, меры Вашингтона в то же время усиливали недоверие между двумя сторонами и провоцировали дальнейшее вооружение [13].

Болгарское руководство стремилось подчёркивать, что в противовес агрессивным действиям Запада всегда проводило миролюбивую политику. Г. Димитров на пятом съезде БКП (декабрь 1948 г.) декларировал, что «республика нуждается в длительном мире, насколько это возможно» [14]. Кроме того, в ближайшем окружении Димитрова были и люди, считавшие, что болгарская армия не будет решающей силой в случае войны либо что войны вовсе не предвидится, из чего делали вывод о тщетности проведения оборонительных мероприятий [15].

В официальных выступлениях и декларациях болгарского руководства ответственность за разжигание конфликта на Балканах возлагалась исключительно на политику Запада [16]. 10 февраля 1950 г., незадолго до разрыва болгарско-американских дипломатических отношений, Народное Собрание НРБ приняло Декларацию в защиту мира, провозглашавшую борьбу всего болгар-

ского народа против превращения империалистами Балкан в «пороховой погреб» [17]. 29 декабря 1950 г. болгарским правительством был принят Закон о защите мира, направленный против любого подстрекательства к войне и военной пропаганды [18]. Болгария вместе с СССР подержала т. н. Стокгольмское воззвание [19]. Однако Вашингтон сильно сомневался относительно искренности этих мирных инициатив. Госсекретарь Д. Ачесон в одном из выступлений выражал надежду, что американский народ «не даст себя одурачить» этой «уловкой советской пропаганды в ожесточённом “мирном наступлении”» СССР и его сателлитов [20].

К лету 1950 г. военное напряжение между СССР и США достигало максимального уровня, что было связано с развёртыванием боевых действий в Корее. Существовали опасения, что корейский конфликт является лишь прологом глобальной войны, которая развернётся по всему периметру границ советского блока [21]. Ввиду этой опасности Г. Трумэн велел разведке особенно пристально следить за действиями СССР и Болгарии в отношении Югославии [22].

В Вашингтоне существовали серьёзные опасения насчёт своих союзников на Балканах. И Греция, и Турция, и Югославия, по мнению американцев, были привлекательными мишенями для СССР и его сателлитов, прежде всего Болгарии.

Выход Югославии из-под контроля Москвы в 1948 г. превратил это государство в союзника США. Югославский пример имел большое значение с политической и идеологической точки зрения. Усилиями Тито «железный занавес» был отодвинут на восток, Запад получил дополнительную точку сдерживания коммунистической экспансии на Балканах, не исключалась возможность «титоизации» и других восточноевропейских государств. В таких условиях логично было предположить, что Сталин будет стремиться в ближайшие сроки ликвидировать режим Тито и вернуть Югославию под свой контроль. Ожидалось, что действовать в таком случае Сталин будет руками своих союзников, в том числе Болгарии, где уже размещались тренировочные лагеря, готовившие людей для диверсий на югославской территории [23]. С 1948 г. значительно участились пограничные столкновения на югославских границах, с 1949 по 1952 гг. их было зафиксировано до 5000 [24].

Греция также рассматривалась Западом как один из наиболее вероятных объектов агрессии. Захват контроля над этой страной мог дать Кремлю ряд стратегических преимуществ: получение ключевого пункта на Балканах, выход к морям, турецким проливам и Суэцкому каналу, создание угрозы американским военным базам и коммуникациям в регионе. Поступавшие сведения о

неутешительном состоянии греческой армии подчёркивали неспособность Греции противостоять возможному вторжению с севера [25].

В 1949 г. гражданская война в Греции завершилась поражением коммунистов, однако нескольким тысячам партизан удалось найти убежище на территории Албании и Болгарии, где они представляли потенциальную угрозу для афинского правительства, особенно в случае войны [26]. Существовала на севере Греции и другая проблема. В приграничной Эгейской Македонии активно работала болгарская пропаганда, распространявшая идеи создания независимого македонского государства. Просоветская ориентация македонских коммунистов в таком случае грозила появлением нового союзника Кремля на Балканах и угрожала территориальной целостности Греции, чего не могли допустить ни Афины, ни Вашингтон [27].

Важное место в американской стратегии на Балканах играла Турция, защищающая черноморские проливы. Турецкая армия была достаточно крупной и сильной, однако в отличие от Греции и Югославии она имела общую границу с СССР и Болгарией, что делало её уязвимой для войны на два фронта.

Несмотря на то, что работающие на Балканах американские дипломаты регулярно писали о болгарской и советской угрозе в регионе, уязвимости американских союзников, войска Греции, Турции и Югославии представляли собой значительную силу. Так, численность югославской армии, по данным ЦК ВКП(б), в конце 1949 г. достигала 500 тыс. чел. и была наиболее крупной и мощной армией на Балканах [28]. Греческая армия (по американским сведениям) в ноябре 1949 г. составляла 196 тыс. чел., правда, в январе 1950 г. была сокращена до 150 тыс., а в будущем планировалось сокращение до 80 тыс. [29] Турецкая армия в августе 1950 г. составляла порядка 235 тыс. чел. (при мобилизационном ресурсе в 1 млн чел.) и наряду с югославской была одной из наиболее мощных в регионе, хотя имела проблемы с вооружением [30].

В условиях жёсткой конфронтации, участившихся пограничных инцидентов и военных мероприятий соседних государств укрепление обороноспособности Болгарии было важнейшей текущей задачей советского и болгарского руководства. Сравнительно небольшое по численности (около 7 млн чел. в сер. XX в.) государство, со слабо развитой промышленностью и не готовой к современной войне армией, Болгария во многом зависела от СССР, и это способствовало усилению советско-болгарского военно-политического сотрудничества.

В конце 1940-х – начале 50-х гг. развернулся процесс модернизации и укрепления болгарских

вооружённых сил. СССР поставил в НРБ несколько сотен единиц бронетехники (т-34/85, СУ-76, СУ-100) и несколько десятков новейших реактивных самолётов (МиГ-15, Як-23) [31].

Кремль направлял в страны Восточной Европы своих советников, причём из военных советников почти половина (29 из 61 на 1949 г.) была направлена в Болгарию [32]. Помимо этого множество болгарских офицеров проходили обучение в СССР, а в болгарской армии находились на службе до 3000 советских офицеров [33]. Признаком строительства единой подвластной Кремлю армии американские авторы считали внедрение бывших советских офицеров на руководящие посты в административном и военном аппарате Болгарии и других восточноевропейских государств (правда, при этом американцы не всегда учитывали происхождение этих офицеров) [34].

В отношении своих союзников на Балканах и СССР, и США руководствовались стремлением не допустить решающего перевеса сил в сторону противника [35]. Обращаясь к лидерам стран народной демократии на конференции в январе 1951 г., Сталин призывал их «работать без устали, чтобы заставить империалистов уважать вас и держаться от вас подальше» [36]. Исключительно конфронтационный курс способствовал расширению гонки вооружений, укреплял взаимное недоверие сторон и их уверенность в неизбежности войны.

На повестке дня январской конференции стоял вопрос о численности вооружённых сил для стран Восточной Европы. Постановлено было, что в мирное время советские союзники должны были держать армию в 1 млн 140 тыс. чел. и до 3 млн – в военное. Доля Болгарии в этом общем числе была установлена соответственно в 140 и 400 тыс. чел. [37] Другим решением январского совещания 1951 г. было создание координационного совета для военной кооперации стран Восточной Европы [38].

В начале 1950-х гг. закономерно росли военные расходы стран народной демократии, и этот аспект подмечался американскими авторами. Приводились, в частности, сведения и по Болгарии: с 1948 по 1950 г. её военный бюджет вырос с 10 до 14 млрд левов, в 1951 г. превысил 20 млрд [39].

Росла также численность болгарской армии, несмотря на существующие ограничения, наложенные на неё условиями мирного договора 1947 г., Болгарии разрешалось иметь в составе своих вооружённых сил 65,5 тыс. чел. (для сравнения: венгерская армия ограничивалась 70 тыс. чел., а румынская – 138 тыс.) [40]. Однако в реальности эти ограничения не соблюдались, и в конце 1948 г. число солдат болгарской армии уже достигло 81 тыс. чел. [41] и продолжало расти.

Прогнозы войны на Балканах всё чаще стали поступать в Вашингтон от американских пред-

ставителей в Греции, Югославии и Турции, находивших обильную почву для своих умозаключений. 9 июня 1950 г. поверенный США в Греции Г. Майнор докладывал о напряжённой обстановке в регионе. По сведениям разведки, греческие партизаны, вытесненные на территорию соседних с Грецией стран, концентрируются в Болгарии, чтобы в конце июля возобновить военные действия [42].

22 июля 1950 г. помощник госсекретаря по делам Ближнего Востока, Южной Азии и Африки Дж. Макги в сообщении на имя помощника заместителя госсекретаря Х. Ф. Мэтьюза также высказывал опасения насчёт грядущего конфликта. Он предполагал, что после успеха в Корее СССР будет и на Балканах провоцировать военный конфликт, действуя через своих сателлитов. Наиболее вероятными жертвами первого удара Кремля считались Греция и/или Югославия, наиболее вероятным агрессором – Болгария. В подтверждение своих опасений Макги приводил ряд фактов: размещение партизанских баз на болгарской территории вблизи греческих и югославских границ; продолжающиеся уже несколько месяцев советские поставки для болгарской армии, превышающие потребности той; увеличение болгарской армии до 90–100 тыс. чел. (при резерве в 600 000); воинственная риторика последних сообщений Коминформа. Макги не исключал, однако, что Кремль намеренно раздувал в СМИ тему агрессии Запада, чтобы обусловить ввод в Болгарию советских войск, которые могли бы быть применены как для устрашения болгарских соседей, так и для запугивания собственно болгарского народа, в большинстве своём не симпатизирующего коммунистам [43].

В новом меморандуме от 14 августа Макги рассматривал вероятность нападения Болгарии на Турцию и высказывал предположение о возможности нападения болгарской армии на уязвимую турецкую Фракию. В случае войны болгарские войска (до 85–150 000 солдат и около 400 танков) довольно легко смогли бы оккупировать европейскую часть Турции, однако без советской поддержки Малая Азия по-прежнему оставалась бы для них недоступной [44].

Вопрос о возможности советско-болгарской агрессии на Балканах обсуждался на британско-американских переговорах в сентябре 1950 г. Рассматривались различные варианты нападения Болгарии на Югославию или Грецию, а также возможности этих стран к сопротивлению. В ходе переговоров была, в частности, высказана идея в случае войны действовать по корейскому сценарию – добившись в ООН признания Болгарии агрессором, направить на Балканы воинский контингент США под флагом миротворческих войск ООН [45].

Военная угроза стимулировала увеличение военных расходов США и расширение военных поставок их балканским союзникам. При содействии американских и британских дипломатов руководство и генералитет Греции, Турции и Югославии консультировалось по поводу выработки общей стратегии и объединения оборонительного потенциала. На одном из раундов таких переговоров в конце 1950 г. стороны пришли к выводу, что, несмотря на то что в ближайшие 3–4 месяца военных действий не предвидится, СССР рано или поздно попытается реализовать свои планы в регионе, действуя через своих сателлитов; греко-турецкий пакт в такой ситуации смог бы удерживать Болгарию от агрессии или, по крайней мере, заставил бы её воевать на два фронта [46].

В меморандуме от 20 января 1951 г. начальник восточноевропейского отдела Госдепартамента Ч. Йост отмечал, что позиции Кремля не были достаточно крепкими, поскольку советская система ПВО была ещё достаточно слабой, а атомная промышленность неразвитой. Но проявления «слабости» политик расценивал как очередной повод для советской агрессии: русские со своими союзниками могли попытаться устроить «блицкриг» против стран Европы, пока ещё не окрепли силы НАТО, которые могли бы оказать европейцам оперативную поддержку [47].

Весна 1951 г., как отмечают некоторые исследователи, была самым опасным для Югославии временем [48]. В марте 1951 г. Службой национальной разведки США был выработан документ «Вероятность нападения на Югославию в 1951 г.», где высказывалось предположение, что СССР со своими союзниками готовит нападение с целью свержения Тито и реинтеграции Югославии в советский блок [49]. Б. Хьюсер приводит показания венгерского генерала-перебежчика Б. Кирая о планировании вторжения сил СССР, Венгрии, Румынии и Болгарии в Югославию в конце 1950-го или весной 1951 г. [50]

В конце мая 1951 г. широкой рабочей группой из представителей важнейших ведомств и структур США, в том числе Госдепартамента, министерства обороны, ЦРУ, ФБР, был выработан очередной документ. В нём говорилось, что СССР и его союзники *будут готовы* к развязыванию войны, по крайней мере, лишь через 10 месяцев. Свидетельством идущих военных приготовлений были ускоренное разворачивание системы ПВО в Польше и Чехословакии, усиление авиации сателлитов, передвижения советских войск в Болгарии и Румынии. В Болгарии, помимо прочего, в наибольшем во всей Восточной Европе количестве закладывались аэродромы с длинными взлётно-посадочными полосами, предназначенными для бомбардировщиков [51].

К зиме 1951/1952 гг. наблюдалось значительное превышение вооружённых сил восточноев-

ропейских стран. Б. Хьюсер приводит следующие цифры: венгерская армия достигла 117 тыс. чел. (вместо допустимых 70 тыс.), румынская – 263 тыс. чел. (вместо 138 тыс.). Болгарскую армию исследовательница называет на тот момент самой многочисленной на Балканах – 266 тыс. чел. (к тому же болгарские полицейские силы также были крупнейшими – 120 тыс. чел. к марту 1951 г.) [52]. Болгарская армия также признавалась рядом наблюдателей лучшей на Балканах по выучке и вооружению [53], ЦРУ называло её «наиболее лояльной и стабильной» среди советских союзников [54]. Однако советские военные советники фиксировали большое количество недочётов, делающих армию БНР неготовой к современной войне [55]. Эту же оценку дал британский представитель в Софии Карвелл в 1952 г. [56]

В 1952 г. международная обстановка по-прежнему оставалась крайне напряжённой. Предвыборная президентская кампания этого года в США, вопреки традиционным для этого времени мирным заверениям, отличалась довольно воинственной риторикой. В мае 1952 г. Дж. Даллес в одной из своих речей призвал народы Восточной Европы к борьбе против советского ига, пророча им освобождение уже через 2, 4, 10 лет [57].

Увеличение американского присутствия на Балканах, вооружение американским оружием всё новых дивизий балканских стран в оборонительных целях казались советскому руководству угрожающими фактами готовящейся агрессии афинско-белградско-анкарской «оси» против стран народной демократии. Сообщения, полученные от греческих коммунистов, говорили об агрессивных намерениях греческого и американского правительств в отношении Болгарии и Албании. Рассматривался широкий спектр возможных действий, от организации экономической войны до подготовки «решающего удара» по России и её союзникам [58]. Регулярные визиты на Балканы таких высокопоставленных лиц, как Б. Монтгомери, Т. Финлетера, М. Риджуэя [59], для переговоров с «греческими монархо-фашистами», «реакционными кругами Турции» и «преступной кликой Тито» в болгарской прессе комментировались как сигналы о готовящемся скором нападении на Болгарию с нескольких сторон [60].

Важнейшим событием 1952 г. на Балканах можно назвать принятие Турции и Греции в состав НАТО, вследствие чего позиции Запада в регионе укрепились в ещё большей степени [61]. Теперь нападение на одну из этих стран гарантировало ответный удар со стороны объединённых вооружённых сил Западной Европы и США. Югославия в силу своего политического устройства не могла войти в состав НАТО, а потому привлечение её к военному сотрудничеству с За-

падом осуществлялось в рамках отдельного военно-политического блока. В феврале 1953 г. в Анкаре был подписан договор о сотрудничестве Греции, Турции и Югославии, положивший начало существованию т. н. Балканского пакта [62]. Помимо этого ещё оставался в силе заключённый в 1939 г. на 15 лет англо-франко-турецкий договор о взаимной помощи, хотя и нарушенный Турцией ещё в годы Второй мировой, но представлявший интерес для Вашингтона как дополнительная гарантия безопасности на Балканах [63].

Таким образом, к 1953 г. американским дипломатам удалось проделать большую работу по укреплению балканского фланга западного блока и фактически ликвидировать угрозу нападения на своих союзников, и это в конечном итоге стабилизировало обстановку, хотя не привело к спаду напряжённости в международных отношениях. После смерти Сталина в 1953 г. болгарское руководство предприняло меры по нормализации отношений с соседями. Но в то же время США воспользовались сменой руководства в СССР для дальнейшего укрепления своих позиций на Балканах путём размещения военных баз на территории Греции и организацией блока СЕНТО в 1955 г., включившего в свой состав Турцию.

Период 1949–1943 гг. оказался насыщен событиями, повлиявшими на развитие советско-американских отношений и на стратегическое положение на Балканах. Все эти годы балканские государства находились на грани войны. Однако то, насколько реальной была эта угроза, какие цели преследовали великие державы и их союзники, какие имели для этого возможности, – всегда было спорным вопросом. Так, Б. Хьюсер считала вероятность войны на Балканах высокой и не реализовавшейся только благодаря массивному увеличению военного бюджета США и предпринятию ряда военно-политических мер [64]. Авторы труда «Балканский тупик...», напротив, делают вывод о полной неготовности балканских союзников СССР к войне с балканскими союзниками США, поскольку даже военные действия против одной Югославии были бы с их стороны настоящей «авантюрой» [65].

Большую роль в балканских событиях играл корейский фактор. Некоторые западные политики в своё время считали войну в Корее только репетицией войны на Балканах, и первоначальный успех в корейской войне должен был вдохновлять Москву на развёртывание нового конфликта. Однако среди аналитиков были и такие, которые считали, что текущий конфликт поглощал слишком много внимания Кремля, чтобы развязывать войну на два фронта [66]. Более того, отечественные авторы высказывают предположение, что демонстрация силы Болгарией, Венгрией и Румынией так же, как и Берлинский кризис, могли быть направлены на

то, чтобы отвлекать внимание Запада от событий на Дальнем Востоке [67].

Нагнетание атмосферы болгарской угрозы было также выгодным для правящих кругов Греции, Турции и Югославии, которые таким образом старались привлечь военный, экономический и политический потенциал Запада для укрепления собственных режимов и привлечения финансовых потоков в экономику своих государств. В свою очередь, Вашингтону «болгарская угроза» позволяла оправдывать значительное повышение военных расходов на содержание военных контингентов за границей и поддержку дружественных режимов.

Примечания

1. URL: <http://drsoft.ucoz.ru/publ/4-1-0-10>
2. War can come; Will We be Ready? // Life. 1950. Feb. 27. P. 19–32.
3. Ibid. P. 20.
4. Nakov A. Political Relations between Bulgaria and USSR (1944 – 1958) // Problems of The Transition from capitalism to Socialism in Bulgaria. Sofia, 1975; Григорова Ж. Балканската политика на социалистическа България, 1944–1970. София, 1985; Боев И. Балканите в глобалната политика на САЩ. 1945–1973. София, 1986; Добринов Т. Външната политика на НР България (1949–1956) // Международни отношения и външна политика на България след Втората световна война. Сб. София, 1982.
5. Черневский Е. В. Военно-политическое сотрудничество Советского Союза и Народной Республики Болгария, 1948–1955: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1979; История на военната авиация на България. София, 1988.
6. Зафиров Д. Проникновение советского влияния в болгарских военных силах // България в сферата на съветските интереси = Кръгли маси «Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година», «Коминтернът, Коминформбюро и България», София, 21–23 април 1997 г. София, 1998; Носкова А. В. Возникновение системы советских советников // България в сферата на съветските интереси... 1998; Волокитина, Т. В. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): очерки истории / Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова, Т. А. Покивайлова. М., 2002; Круглов В. А. Кадровая политика БКП в армии в 40–50-е гг. XX в. // Известия АлтГУ. 2007, № 4(3). С. 244–247.
7. Василева Н. В. Балканский тупик? Историческая судьба Югославии. М., 2000; Быстрова Н. Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007.
8. Campbell J. C. American Policy toward Communist Eastern Europe; the choices ahead. Minneapolis, 1965; Kovrig B. The myth of liberation; East-Central Europe in U.S. diplomacy and politics since 1941. Baltimore, Toronto, 1973; Mitrovich G. Undermining the Kremlin: America's strategy to subvert the Soviet Bloc, 1947–1956. Ithaca, [N. Y.], 2000; Heuser B. NSC 68 and the Soviet Threat: A New Perspective on Western Threat Perception and Policy Making // Review of International Studies, Vol. 17, № 1 (Jan., 1991). P. 17–40.
9. Foreign Relations of the United States (Далее – FRUS). 1949. Vol. V. Eastern Europe; the Soviet Union. Wash., 1976. P. 11, 332.

10. FRUS. 1949. Vol. V. P. 51.
11. FRUS. 1949. Vol. VI. P. 453. Генерал Джеймс ван Флит – главный американский советник в Греции в 1946–1949 гг.
12. *Macy C., Kaplan S.* Documents: A Shocking collection of memoranda, letters, and telexes from the secret files of the American intelligence community. N. Y., 1981. P. 19–22.
13. *Heuser B.* Op. cit. P. 17, 39.
14. *Bozinov V.* Bulgarian Foreign Policy (1944–1968) // *Etudes Historiques...* Sofia, 1973. P. 349.
15. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: документы Т. 2. 1949–1953 гг. / отв. ред. Т. В. Володина. М., 2002. С. 21–22, 39–41.
16. АВП РФ. Ф. 74. Оп. 31. Пап. 29. Д. 29. Л. 3.
17. Външна политика на Народна Република България (Далее – ВП НРБ): сб. от документи и материали: в 2 т. Т. 1. 1944–1962. София, 1970. С. 152–154; Российский государственный архив социально-политической истории (Далее – РГАСПИ). Ф. 575. Оп. 1. Д. 134. Л. 75–77.
18. ВП НРБ. С. 168.
19. Стокгольмское воззвание – обращение Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, принятое на его стокгольмской сессии 15–19 марта 1950 г. и требовавшее запрещения атомного оружия, установления контроля за выполнением этого решения и объявления военным преступником правительства, которое первым применит атомное оружие против другой страны. (Большая советская энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/article106497.html>).
20. АВП РФ. Ф. 129. Оп. 34. Пап. 339. Д. 2. Л. 28.
21. FRUS. 1950. Vol. I. P. 377–378.
22. *Heuser B.* Op. cit. P. 31.
23. *Campbell J. C.* Tito's Separate Road; America and Yugoslavia in World Politics. N. Y., 1967. P. 25.
24. *Васильева Н. В.* Указ. соч. С. 255.
25. FRUS. 1951. Vol. V. P. 453.
26. Около 3000 партизан в Болгарии и 8000 в Албании к октябрю 1949 г. (См.: *Kalijarvi T. V., Wilcox F. O.* Recent American foreign policy : basic documents, 1941–1951. N. Y., 1952; В 1950 г. британцы насчитывали уже 5000 партизан в Болгарии и 2500 в Албании: FRUS. 1950. Vol. III. P. 1143.
27. FRUS. 1949. Vol. VI. P. 261.
28. *Васильева Н. В.* Указ. соч. С. 279.
29. FRUS. 1950. Vol. I. P. 1143.
30. FRUS 1950. Vol. V. P. 1289.
31. *Черневский Е. В.* Указ. соч. С. 16; История на военната авиация на България. София, 1988. С. 206.
32. Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 250–251.
33. *Stowe L.* Satellites in Arms. Soviet Russia has been secretly mobilizing the Iron Curtain nations and with one order can send a million extra soldiers to war // *Life*. 17/12/1951. P. 100.
34. *M. P.* The Satellite Armed Forces // *The World Today*, Vol. 7, No. 6 (Jun., 1951). P. 236–237.
35. FRUS. 1951. Vol. V. P. 458.
36. *Cristescu C.* Ianuarie 1951: Stalin decide inarmarea Romaniei // *Magazin Istoric*. 1995. No. 10. P. 15–23. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB14/doc4.htm>
37. Ibid. Польша по этому решению должна была держать армию в 350 тыс. чел. в мирное время и в 900 тыс. чел. – в военное, Чехословакия соответственно – 250 тыс. и 700 тыс., Венгрия – 150 тыс. и 400 тыс., Румыния – 250 и 400, Болгария – 140 и 400. Общая численность – 1 млн 140 тыс., в военное – 3 млн.
38. *Егорова Н. И.* Военно-политическая интеграция стран Запада и реакция СССР (1947–1953 гг.) // Холодная война 1945–1963 гг.: историческая ретроспектива: сб. ст. М., 2003. С. 202.
39. *M. P.* The Satellite Armed Forces // *The World Today*, Vol. 7, No. 6 (Jun., 1951). P. 231 – 232. Приводятся также данные по расходам на оборону в других странах: в Венгрии в 1948 г. – 1,15 трлн форинтов, в 1950 г. – около 2 трлн, в 1951 г. – более 3,5 трлн; в Румынии – в 1948 г. – 30 млрд леев, в 1949 г. – 39 млрд, в 1951 г. – 42 млрд; в Польше – в 1948 г. 34,1 млрд злотых, в 1949 г. – 60 млрд, в 1950 г. – 93 млрд, в 1951 г. – 123 млрд.
40. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1134. Л. 1; Мирный договор с Болгарией (Париж, 10 февраля 1947 г.). URL: http://lostart.ru/ru/documents/detail.php?ID=884#sub_36
41. Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. С. 21.
42. FRUS. 1950. Vol. V. P. 377.
43. FRUS. 1950. Vol. V. P. P. 383–384.
44. Ibid. P. 1289–1292.
45. Ibid. P. 409.
46. FRUS. 1950. Vol. V. P. 1340–1341.
47. FRUS. 1951. Vol. V. P. 447.
48. *Heuser B.* Op. cit. P. 36.
49. FRUS. 1951. Vol. IV. Pt. 2. P. 1755–1758.
50. *Heuser B.* Op. cit. P. 37.
51. FRUS. 1951. Vol. I. P. 85–88.
52. *Heuser B.* Op. cit. P. 36.
53. FRUS. 1950. Vol. V. P. 1290.
54. *Баева И.* Отношения България – САЩ в годините на студената война // *Международни отношения*. 2003. No. 4. С. 87.
55. Советский фактор. Т. 2. С. 21; *Васильева Н. В.* Указ. соч. С. 261.
56. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1134. Л. 162.
57. *Боев И.* Указ. соч. С. 114.
58. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 590. Л. 2, 34, 56, 57.
59. Б. Монтгомери – с 1951 г. – первый заместитель Верховного главнокомандующего Объединенными силами НАТО в Европе. Т. Финлетер – министр ВВС США в 1950–53 гг. М. Риджуэй – с 1952 г. верховный главнокомандующий силами НАТО в Европе.
60. *Крыстев С.* Что кроется за афинскими и анкарскими встречами // *Новая Болгария*. 1952. No. 1. С. 15; *Лачев С.* Базы американских империалистов на Балканах // *Новая Болгария*. 1952. No. 6. С. 14–15; *Он же.* Военные переговоры титовцев в Афинах и Анкаре // *Новая Болгария*. 1952. No. 7. С. 14.
61. Documents on American Foreign Relations. 1951. Vol. XIII. P. 166–167.
62. Documents on American Foreign Relations. 1951. Vol. XIII. P. 286–288.
63. FRUS. 1950. Vol. I. P. 387.
64. *Heuser B.* Op. cit. P. 39–40.
65. *Васильева Н. В.* Указ. соч. С. 259–260.
66. *Егорова Н. И.* Указ. соч. С. 215.
67. *Васильева Н. В.* Указ. соч. С. 280.

ПРАВО

УДК 347.921(410)

Е. А. Устюжанинова

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОСПАРИВАНИЯ РЕШЕНИЙ, ДЕЙСТВИЙ ИЛИ БЕЗДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ

Действия и решения органов публичной власти могут оспариваться в порядке судебного контроля. Нарушение различных публично-правовых принципов может заставить суд сделать вывод, что принявший решение орган действовал незаконно. Все основания для судебного контроля подразделяются на три категории: незаконность, иррациональность и неправомерность в связи с процессуальными нарушениями, каждое из которых подробно рассматривается в данной статье. Исследование основано на значительном количестве судебных прецедентов по данной категории дел.

Public bodies acts and decisions may be challenged before a court by the way of judicial review. The breach of the different public law principles may amount a court to the conclusion that the decision-maker had acted unlawfully. All grounds for judicial review are subdivided into three categories: illegality, irrationality and procedural impropriety, each of them is considered particularly in this article. The investigation is based on a number of judicial review cases.

Ключевые слова: судебный контроль, органы публичного управления, дискреционные полномочия, злоупотребление властью, принципы естественной справедливости, соразмерность, основания для пересмотра, ошибка в праве, ошибка в фактах, незаконность, иррациональность, неразумность, несправедливость, неправомерность в связи с процессуальными нарушениями.

Keywords: judicial review, public bodies, discretionary powers, abuse of power, principles of natural justice, proportionality, grounds for review, error of law, error of fact, illegality (unlawfulness), irrationality, unreasonableness, unfairness, procedural impropriety.

Как бы ни были различны нормы и принципы, при нарушении которых оспариваемое решение, действие или бездействие публичного органа может быть признано в судебном порядке незаконным, все они определяют три категории оснований (grounds) для судебного контроля. Прежде всего, в качестве критерия отнесения много-

численных оснований к той или иной категории выступает их разделение на процессуальные и материальные. Однако имеет значение и характер допущенного нарушения или ошибки, что позволяет говорить либо о незаконности или несправедливости принятого публичным органом решения, либо о его неразумности. Часто орган, принимающий решение, должен следовать определенным статутным требованиям, однако их несоблюдение не обязательно влечет недействительность данного решения. Помимо статутных норм, публичный орган обязан соблюдать нормы общего права, известные как требования естественной справедливости (natural justice).

Исходя из вышеизложенного, выделяют следующие основания, по которым решение, действие или бездействие органа публичного управления может быть оспорено в порядке судебного контроля: незаконность (illegality (unlawfulness)), иррациональность (неразумность) (irrationality (unreasonableness)), и неправомерность в связи с процессуальными нарушениями (несправедливость) (procedural impropriety (unfairness)). Однако те или иные основания могут быть взаимосвязаны и частично совпадать (overlap).

С точки зрения определения принципов, лежащих в основе указанной выше классификации, наибольшее значение имеет дело “*Council of Civil Service Unions v Minister for the Civil Service*” (1985) [1], в котором лорд Диплок (Lord Diplock) назвал незаконность, иррациональность и неправомерность в связи с процессуальными нарушениями в качестве оснований, по которым административные действия подлежат судебному контролю (judicial review), и дал характеристику каждого из них, указав тем не менее, что впоследствии к ним могут добавиться новые. «Незаконность» как основание для судебного контроля, по мнению лорда Диплока, означает, что принимающий решение орган должен правильно понимать закон, который регулирует его полномочия, и исполнять его. «Иррациональность» применяется к решению, которое является настолько странным из-за своего противоречия логике или принятым моральным нормам, что никакой разумный человек не мог бы к нему прийти, и соответствует понятию «неразумности» в смысле, данном ему в деле “*Wednesbury*” [2]. Лорд Диплок предпочел назвать третье основание «не-

правомерностью в связи с процессуальными нарушениями», а не просто несоблюдением основных норм естественной справедливости или действием не в соответствии с требованиями процессуальной беспристрастности, поскольку сюда же входит несоблюдение административным трибуналом процессуальных норм, установленных законодательным актом, предоставляющим полномочия данному органу.

Еще раньше, в деле *“Associated Provincial Picture Houses Ltd v Wednesbury Corporation”* (1948) [3] были выделены принципы, которых должна придерживаться исполнительная власть, осуществляя предоставленные ей дискреционные полномочия, причем в качестве общего принципа признавалась обязанность публичного органа действовать «разумно». Помимо этого утверждалось, что суд должен рассмотреть действия администрации со следующей точки зрения: учитывались ли при принятии решения обстоятельства, которые не должны были учитываться, или, наоборот, не отказался ли орган, принимающий решение, принять во внимание факты, которые нужно было принять во внимание, или не пренебрег ли он ими; не пришел ли он тем не менее к заключению столь неразумному, к какому никогда не могла бы прийти разумная власть; не руководствовался ли принимающий решение орган ошибочным пониманием применимого закона; не осуществлялось ли усмотрение по бесчестным или недобросовестным соображениям; было ли осуществление усмотрения действительным и т. д. Нарушение любого из указанных принципов позволяло оспорить принятое решение, а суду прийти к выводу, что принимающий решение орган действовал «неразумно» (“unreasonably”).

Впоследствии трактовка принципов, при нарушении которых принятое решение, действие или бездействие публичного органа может оспариваться в порядке судебного контроля, была существенно дополнена: полномочия должны осуществляться таким образом, чтобы способствовать достижению статутной цели, для которой они были предоставлены, в строгом соответствии с законом, добросовестно и без какого-либо скрытого мотива, пристрастия или предубеждения [4]. Однако, по существу, все многообразие принципов можно свести к следующей основной концепции: если орган публичного управления действует вне предоставленных полномочий (*ultra vires*) или злоупотребляет своей властью (*abuse of power*), его действия являются незаконными.

По словам П. Кэйна [5], иногда проводят различие между злоупотреблением дискреционными полномочиями (*abusing of discretionary power*) и превышением (*exceeding*) их. Например, если учитываются не относящиеся к делу соображения или власть осуществляется для ненадлежа-

щей цели, можно сказать, что это приводит к злоупотреблению усмотрением, тогда как принятие неразумного решения касается превышения полномочий. Однако, говоря о судебном контроле, данное различие не имеет особого значения, так как злоупотребление дискреционными полномочиями и превышение их пределов ведут к одному и тому же правовому результату – к признанию решения или действия незаконным, или *ultra vires*. Надо также отметить, что на развитие юрисдикции судебного контроля в последнее время оказали значительное влияние принципы, на которых основывается деятельность Европейского Суда по правам человека.

Итак, основаниями для оспаривания решения, действия или бездействия публичного органа в порядке судебного контроля являются следующие.

Незаконность (illegality (unlawfulness))

По общему правилу, принцип законности, действующий в публичном праве, означает, что никакие предоставленные законом полномочия не могут осуществляться в ущерб правам человека или основным принципам, на которых базируется английское право, по крайней мере, если иное не выражено в статуте в ясных выражениях (*plain words*), или нет с необходимостью подразумеваемого положения (*necessary implication*), что таково было намерение парламента [6].

Однако незаконность акта публичного органа как основание для судебного контроля понимается значительно шире: публичный орган может действовать незаконно, если он при вынесении решения принял во внимание не относящиеся к делу соображения, использовал свои дискреционные полномочия не в соответствии с целью, для которой они были предоставлены, а также если была ограничена свобода осуществления его усмотрения, или он действовал недобросовестно.

Ограничение свободы усмотрения (*fettering of a discretion*)

Публичный орган в своей деятельности не может использовать способы, несовместимые с его полномочиями и обязанностями. Более того, даже необоснованная задержка в их осуществлении может быть расценена как отказ от исполнения (*abdication of function*) [7]. Осуществляя свои функции, орган публичного управления должен быть беспристрастным, иметь свое собственное мнение и располагать возможностью изменить его. Соответственно, любое вмешательство, которое привело к ненадлежащему осуществлению возложенных статутным полномочий, является ограничением свободы усмотрения, в результате чего решение публичного органа может быть признано незаконным. Попытка одного публичного органа сформировать точку зре-

ния другого, в результате чего тот действует как марионетка (as a “puppet”) [8], или автоматическое утверждение одним публичным органом распоряжений другого (“rubber-stamping”) [9] являются примерами действия под давлением (acting under dictation).

Об ограничении свободы усмотрения также идет речь в случае ненадлежащей передачи своих полномочий (improper delegation), например, если комитету по персоналу были незаслуженно переданы дисциплинарные функции [10].

Не относящиеся к делу соображения (irrelevant considerations)

Принятое публичным органом решение должно основываться на относящихся к делу доводах. Несущественные обстоятельства учитываться не должны, в противном случае решение будет содержать основания для судебного вмешательства. Точно так же судебному контролю будет подлежать решение, когда не были приняты во внимание относящиеся к делу факты. «Если Государственный секретарь... принимает во внимание или отказывается принять обстоятельства, не относящиеся к его решению, или не принимает во внимание обстоятельства, имеющие отношение к его решению... суд может его решение отменить» [11].

Определить, какие из имеющихся обстоятельств относятся к делу, а какие нет, весьма сложно. Иногда статут упрощает задачу, перечисляя, какие именно обстоятельства должны быть приняты во внимание, но чаще всего суду приходится решать этот вопрос, опираясь на иные источники — делегированное законодательство, подзаконные акты, принципы общего права и т. д. Подход английских судов в указанном отношении является достаточно мягким [12] — они всего лишь решают, должны были или нет отдельные указанные истцом соображения быть приняты во внимание при вынесении решения. Наоборот, так называемый жесткий (“hard-look”) подход предполагает, что орган, принимающий решение, должен показать, что им были приняты во внимание все возможные относящиеся к делу доказательства и что принятое решение, в свете данных доказательств, является разумным способом достижения желаемых политических целей. Учитывая влияние права Европейского Сообщества и признание английским правом некоторых его принципов (например, принципа соразмерности [13]), можно сказать, что в некотором отношении жесткий подход также усваивается английскими судами.

В настоящее время, в связи с принятием Закона о правах человека 1998 г. [14], суды достаточно однозначно трактуют возможность нарушения или нарушение фундаментальных прав как относящееся к делу обстоятельство, которое дол-

жно учитываться при вынесении решения публичными органами [15].

Ненадлежащая цель (improper purpose)

Принимая решение, публичный орган не должен руководствоваться субъективными мотивами и преднамеренно преследовать цель, отличную от той, которая подразумевалась статутом, предоставившим указанному органу определенные дискреционные полномочия. Если данные полномочия используются не для предусмотренной статутом цели, решение может быть оспорено в порядке судебного контроля. Одним из первых прецедентов, в котором было указано на обязанность исполнительной власти действовать законно, в соответствии с целью закона и сферой его применения, стало дело “*Padfield v Minister of Agriculture, Fisheries and Food*” [16], и в настоящее время позиция судов в этом отношении остается неизменной [17]. В случае, если публичный орган преследует несколько целей и не все из них соответствуют статутной, суду необходимо выяснить, какая из них являлась основной при принятии решения. Если превалирующая цель была законной, хотя во внимание были приняты и другие мотивы, решение остается в силе [18].

Недобросовестность (bad faith)

Любой орган, облеченный полномочиями решать тот или иной вопрос в сфере публичного права, должен действовать добросовестно. В отличие от добросовестно, но ошибочно принятого во внимание соображения, не имеющего отношения к делу, недобросовестность в смысле указанного выше дела “*wednesbury*” означает нечестность публичного органа, например, если он действует по скрытым мотивам или злему умыслу. Недобросовестность является особым основанием, при наличии которого действия принявшего решение органа могут быть признаны незаконными, и в ряду других оснований для судебного контроля «стоит особняком» [19]. Решение, принятое недобросовестно, в случае его обжалования в порядке судебного контроля подлежит отмене судом, но истец должен представить «убедительные и неоспоримые» [20] доказательства нечестности органа, принявшего его, что сделать достаточно сложно.

Иррациональность (неразумность) (irrationality (unreasonableness))

Прежде всего, необходимо отметить, что, в отличие от двух других оснований для судебного контроля (незаконность и неправомерность в связи с процессуальными нарушениями), которые затрагивают процесс принятия решения, иррациональность касается существенной стороны решения, т. е. его содержания.

Данное основание часто называют также неразумностью, подразумевая, что решение подлежит отмене, если оно настолько неразумно, что

оно никогда бы не было принято разумно действующим органом. Как уже было сказано выше, определение иррациональности было дано лордом Диплоком в решении по делу *Wednesbury*, однако, впоследствии также предпринимались попытки определить, какое решение является неразумным: например, «...настолько странное, что его автора нужно считать временно помутившимся рассудком. ...«иррациональность» в целом означает в сфере права решение, которое не имеет смысла – в котором, другими словами, есть ошибка обоснования, лишаящая решение логики» [21].

Иррациональность, как и другие основания для судебного контроля, представляет собой сложное понятие, базирующееся на многих принципах, при нарушении которых решение может быть признано незаконным (например, когда решение является нелогичным, противоречивым, неопределенным и т. д.) Однако основное значение имеют допущенные публичным органом ошибки в праве (*errors of law*) и ошибки в фактах (*errors of fact*), различие между которыми заключается в следующем [22].

Принимая решение, публичный орган рассматривает вопросы факта и вопросы права, т. е. решает, применяется ли отдельная правовая норма к конкретной совокупности фактов. Ошибка в праве представляет собой неправильное толкование или применение того, что суд считает вопросом права. Можно также сказать, что ошибка в праве возникает тогда, когда действия принимающего решение органа несовместимы с правовыми нормами, обязательными для него. Надо отметить, например, что с момента введения в действие Закона о правах человека 1998 г. ошибкой в праве могут быть признаны действия государства, несовместимые с требованиями Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод [23].

Что касается ошибки в фактах, то о них может идти речь, например, когда принимающий решение орган приходит к недопустимому фактическому заключению [24] или если его заключение не подтверждено доказательствами [25], а также когда не уделяется должного внимания относящимся к делу фактам [26] или во внимание приняты обстоятельства, не имеющие отношения к делу.

Таким образом, допущенные публичным органом ошибки в праве или в факте могут свидетельствовать о наличии оснований для судебного контроля и привести к признанию решения незаконным.

Соразмерность (пропорциональность) (proportionality)

Говоря о несоразмерности решения как основания для судебного контроля, обычно подра-

зумевают, что публичный орган при вынесении решения применил не соответствующие законной цели средства. Другими словами, данная цель могла быть достигнута соразмерными (т. е. умеренными и необходимыми) средствами. Для характеристики этого принципа часто используют выражение «взять кувалду, чтобы разбить орех» (“taking a sledgehammer to crack a nut”). Принцип соразмерности принят в праве Европейского Сообщества. Английские судьи традиционно относятся к нему с осторожностью, поскольку, признавая решение публичного органа несоразмерным, они слишком близко подходят к тому, чтобы заменить это решение своим собственным [27].

Понятия несоразмерности и иррациональности решения тесно связаны, и вопрос о признании пропорциональности отдельным основанием для судебного контроля остается открытым. Однако сейчас, когда Закон о правах человека 1998 г. инкорпорировал Европейскую Конвенцию в английское право, суд может признать решение незаконным по данному основанию, если вопрос касается права Европейского сообщества или нарушения основных прав человека, в остальных случаях судьи по-прежнему предпочитают использовать такое основание, как неразумность в смысле *Wednesbury* [28].

Неправомерность решения в связи с процессуальными нарушениями (несправедливость) (procedural impropriety (unfairness))

Публичный орган, принимая решение, должен соблюдать определенные процессуальные нормы, которые могут быть предусмотрены статутом. Они могут также относиться к требованиям естественной справедливости (*natural justice*), основными из которых являются следующие: «никто не может быть судьей в собственном деле» [29] и «выслушай другую сторону» [30]. Первое из них известно как «правило против предвзятости» (“rule against bias”), второе – как «правило справедливого слушания» (“fair hearing rule”).

Решение может быть признано процессуально неправомерным, например, если публичный орган вел себя несправедливо по отношению к лицам, которых касается решение, не следовал процедуре, предусмотренной законодательством, или им не были предприняты разумные меры для получения относящейся к делу информации [31]; если дело рассматривалось в течение чрезмерно длительного срока [32], и т. д.

Правило справедливого слушания (“fair hearing rule”)

Данное требование понимается многоаспектно и означает не только предоставленную сторонам возможность надлежащим образом изложить свое дело и обязанность суда выслушать их, но и целый комплекс иных процессуальных прав и обязанностей: право на рассмотрение сво-

его дела в разумный срок без необоснованной задержки, предоставление сторонам достаточного времени для подготовки к делу, надлежащее уведомление о дате и времени рассмотрения дела и т. д. Применительно к органам публичной власти данное правило часто понимается как их обязанность действовать справедливо (*duty to act fairly*) [33].

Другим важным процессуальным требованием, обеспечивающим справедливое слушание дела, является обязанность публичного органа приводить мотивы своего решения (*reasons*), которая приобретает все большее значение с точки зрения осуществления юрисдикции судебного контроля. Данная обязанность может быть возложена на публичный орган статутом. Общим правом она в качестве общего принципа не установлена [34], но необходимость адекватного объяснения действий или решений публичной власти может возникать, например, в интересах процессуальной справедливости, когда изложение мотивов является «административно-правовым аналогом требования общего права, что правосудие не только должно свершиться, но также должно быть очевидно, что оно свершится» [35], или если решение настолько необычно, что запрашиваются выводы о его необоснованности [36], и т. д. В целом тенденции развития административного права свидетельствуют о том, что обязанность приводить мотивы своих решений становится скорее правилом, чем исключением [37].

Предвзятость (bias)

Публичный орган, принимающий решение, не должен иметь личной заинтересованности в его результате. Подобная заинтересованность может присутствовать, если данный орган сам является стороной в деле или имеет прямой интерес (например, финансовый) в его разрешении определенным образом. При наличии факторов, указывающих на существование предубеждения, лицо подлежит автоматической дисквалификации (*automatic disqualification*), т. е. отстраняется от слушания дела. Для дисквалификации не имеет значения, действительно ли данные факторы повлияли на решение судьи, достаточно того, что они существуют [38]. В настоящее время не имеет значения, относится ли данное правило к судебным или административным органам [39], – в любом случае решение должно быть принято независимым и беспристрастным органом, что является одним из основных принципов публичного права [40].

Решения, вынесенные с предубеждением и оспоренные в порядке судебного контроля, подлежат отмене.

Решение публичного органа может быть также признано несправедливым в связи с допущенными процессуальными нарушениями, если оно

вынесено *за пределами процессуальных полномочий* (*procedural ultra vires*), т. е. когда публичный орган не соблюдает процедуру, предусмотренную соответствующим законом. Чаще всего речь идет о нарушении данным органом обязанности перед принятием решения провести консультации с определенными физическими или юридическими лицами [41]. Статут может также возложить на публичный орган обязанность излагать мотивы своих решений [42], и в случае невыполнения данного требования решение также может быть признано вынесенным за пределами процессуальных полномочий [43].

Таким образом, выделяют три главных основания, по которым действия и решения публичных органов могут быть оспорены в порядке судебного контроля – незаконность, иррациональность и неправомерность в связи с процессуальными нарушениями. Однако принципы, при нарушении которых действия и решения публичной власти могут быть признаны незаконными, весьма многочисленны, тесно связаны между собой и в некоторых случаях частично совпадают, что необходимо учитывать при предъявлении исков о судебном контроле.

Примечания

1. Council of Civil Service Unions v Minister for the Civil Service [1985] AC 374, 410D-411B.
2. См. ниже.
3. Associated Provincial Picture Houses Ltd v Wednesbury Corporation [1948] 1 KB 223, 229, 233-234.
4. R (Corner House Research) v Director of the Serious Fraud Office [2008] UKHL 60 [2008] 3 WLR 568 at [32].
5. *Cane P.* Administrative Law. Fourth Edition. Clarendon Law Series / ed. by P. Birks. N. Y.: Oxford University Press Inc., 2004. P. 191.
6. R v Secretary of State for the Home Department, ex p Pierson [1998] AC 539, 575D; R v Secretary of State for the Home Department, ex p Simms [2000] 2 AC 115, 130D-G, 131E-G; etc.
7. R (S) v Secretary of State for the Home Department [2007] EWCA Civ 546 at [50].
8. R v Secretary of State for Trade and Industry, ex p Lonrho Plc [1989] 1 WLR 525, 538C.
9. R v Metropolitan Borough of Sefton, ex p Healiss (1995) 27 HLR 34.
10. R v Secretary of State for Education, ex p Prior [1994] ELR 231.
11. R (Alconbury Developments Ltd) v Secretary of State for the Environment Transport and the Regions [2001] UKHL 23 [2003] 2 AC 295 at [50].
12. *Cane P.* Ibid. P. 222.
13. См. ниже.
14. Закон о правах человека 1998 г. (Human Rights Act 1998). URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/42/contents>.
15. См., напр.: R v Human Fertilisation and Embriology Authority, ex p Blood [1999] Fam 151; etc.
16. Padfield v Minister of Agriculture, Fisheries and Food [1968] AC 997, 1030B-D, 1060G.
17. См., напр.: Langley v Liverpool City Council [2005] EWCA Civ 1173 [2006] 1 WLR 375 at [3]; etc.

18. Porter v Magill (1998) 96 LGR 157 (DC), 167d-f. См. также: R v Crown Court at Southwark, ex p Bowles [1998] AC 641, 651F-G; etc.

19. Smith v East Elloe Rural District Council [1956] AC 736, 762.

20. Parpworth N. Constitutional and Administrative Law. Fifth Edition. Core Text Series. Series Editor Padfield N. Oxford University Press Inc., N. Y., 2008. P. 305.

21. R v Parliamentary Commissioner for Administration, ex p Balchin [1998] 1 PLR 1, 13E-F. См. также: R v Bradford Metropolitan Borough Council, ex p Sikander Ali [1994] ELR 299, 308E; etc.

22. См. подробнее: Cane P. Ibid. P. 228–249. См. также: Fordham M. Judicial Review Handbook. Fifth Edition. Hart Publishing Ltd, Oxford, 2008. P. 458–466; Wade W., Forsyth C. Administrative Law. Ninth Edition. Oxford University Press Inc., N. Y., 2004. P. 250–281.

23. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms) // См.: R (Q) v Secretary of State for the Home Department [2003] EWCA Civ 364 [2004] QB 36 at [112].

24. R (Omar) v Chief Constable Bedfordshire Constabulary [2002] EWHC 3060 (Admin) at [40].

25. R (Beresford) v Sunderland City Council [2003] UKHL 60 [2004] 1 AC 889.

26. Begum v Tower Hamlets London Borough Council [2003] UKHL 5 [2003] 2 AC 430 at [7].

27. Parpworth N. Ibid. P. 309.

28. R (Medway Council) v Secretary of State for Transport [2002] EWHC 2516 (Admin) at [47]; R (British Civilian Internees – Far Eastern Region) v Secretary of State for Defence [2003] EWCA Civ 473 [2003] QB 1397 at [32]–[37]; etc.

29. “Nemo iudex in causa sua” (лат.) // Oxford Dictionary of Law. Sixth Edition / ed. by E. A. Martin, J. Law. Oxford University Press Inc., N. Y., 2006. P. 354.

30. “Audi alteram partem” (лат.) // Ibid. P. 46.

31. R v Secretary of State for the Environment, ex p Greater London Council 3rd April 1985 unrep.

32. R v Lambeth London Borough Council, ex p Crookes (1997) 29 HLR 28.

33. Council of Civil Service Unions v Minister for the Civil Service [1985] AC 374, 399A-B.

34. R v Kensington and Chelsea Royal London Borough Council, ex p Grillo (1996) 28 HLR 94, 105.

35. Save Britain's Heritage v Number 1 Poultry Ltd [1991] 1 WLR 153, 170H-171A // Высказывание «Правосудие не только должно свершиться, но также должно быть очевидно и несомненно, что оно свершится» (“Justice should only be done, but should manifestly and undoubtedly be seen to be done”) принадлежит судье лорду Хьюарту (Lord Hewart CJ) по делу R v Sussex Justices, ex p McCarthy (1924) 1 KB 256, [1923] All ER 233.

36. R v Secretary of State for Trade and Industry, ex p Lonrho Plc [1989] 1 WLR 525, 539H-540B.

37. Ibid. 1301A-B, 1300G.

38. R v Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate/ ex p Pinochet Ugarte (No. 2) [2000] 1 AC 119, 132G-133C.

39. R v Secretary of State for the Environment, ex p Kirkstall Valley Campaign Ltd [1996] 3 All ER 304, 325b-c.

40. См. ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

41. См., напр.: ст. 11 Закона о здравоохранении и социальных услугах 2001 г. (s. 11, Health and Social Care Act 2001). URL: <http://www.legislation.gov.uk/>

ukpga/2001/15/section/11. См. также: R v Secretary of State for Health, ex p United States Tobacco International Inc. [1992] QB 353; R (Swords) v Secretary of State for Communities and Local Government [2007] EWCA Civ 795 [2007] LGR 757 at [49];

42. См., напр.: ст. 17 Закона о свободе информации 2000 г. (s. 17, Freedom of Information Act 2000). URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/36/section/17>.

43. Save Britain's Heritage v Number 1 Poultry Ltd [1991] 1 WLR 153.

УДК 331.1+349.2

Н. В. Халдеева

КОЛЛИЗИИ НОРМ ПРАВА В РЕГУЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ РАБОТНИКОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Тема, рассматриваемая в статье, о практике применения некоторых норм в правовом регулировании трудовых отношений работников Крайнего Севера актуальна и содержательна. В ней логично и последовательно излагаются существующие проблемы и предлагаются пути их решения.

The topic about practice of using some norms in legal regulation the labour relations the workers of the Extreme North is topical in the content. The present problems state in the article logically and sequentially. The author proposes the ways of solution of these problems.

Ключевые слова: федеральный закон № 122, права работников, свободы, равенство прав, север, проблемы.

Keywords: The rights of the workers, liberties, quality of rights, the North, federal statute № 122, the problems.

Статьей 26 ФЗ-122 внесены изменения в закон Российской Федерации № 4520-1 от 19 февраля 1993 г. «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» [1]. В соответствии с ними гарантии и компенсации для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях в организациях, финансируемых из федерального бюджета, устанавливаются федеральными законами, в организациях, финансируемых из бюджетов субъектов РФ, – законами субъектов Российской Федерации, в организациях, финансируемых из местных бюджетов, – муниципальными правовыми актами, в организациях, не относящихся к бюджетной сфере, – работодателем, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом.

© Халдеева Н. В., 2011

Кардинальные изменения претерпело *финансовое обеспечение гарантий и компенсаций* для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Теперь гарантии и компенсации, установленные Законом 4520-1 от 19.02.1993 г и иными нормативными правовыми актами РФ, стали являться расходными обязательствами Российской Федерации *только в отношении граждан, работающих в организациях, финансируемых из федерального бюджета*, лиц, обучающихся в высших учебных заведениях, учреждениях начального и среднего профессионального образования, финансируемых из федерального бюджета.

Эти изменения повлияли на целый комплекс социально-трудовых отношений, в том числе на социально-партнерские отношения.

Анализ динамики заключения коллективных договоров в Магаданской области свидетельствует о недостаточном уровне развития системы партнерских отношений, несмотря на увеличение количества заключаемых договоров. Согласно статистическим данным, предоставленным работниками управления по труду администрации Магаданской области, по состоянию на 1 января 2011 г. в области действуют всего 112 коллективных договоров, одно региональное соглашение и три отраслевых тарифных соглашения. Количество работников, на которых распространяется их действие, составляет 20 247 человек [2]. В основном коллективные договоры заключаются в организациях, относящихся к государственной и муниципальной формам собственности, 67 и 55 коллективных договоров соответственно. По данным, предоставленным управлением по труду Магаданской области, всего на территории города и области зарегистрировано 10 403 организации, из них, по данным декабря 2010 г., 7 453 организации с частной формой собственности, в которых они практически не заключаются. Так, на предприятиях с частной формой собственности действуют всего 8 коллективных договоров, охватывающих 912 работников [3].

Практика применения норм статей 325 и 326 Трудового кодекса работодателями, не относящимися к бюджетной сфере финансирования, подтверждает, что начиная с 1 января 2005 г. права работников этих работодателей повсеместно нарушаются.

Это связано и с тем, что нормы части 8 ст. 325 и части 5 статьи 326 Трудового кодекса составлены некорректно: «Размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа (связанных с переездом) лицам, работающим у работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, *устанавливаются* коллективными договорами, локальными норма-

тивными актами, принимаемыми с учетом мнения выборных органов первичных профсоюзных организаций, трудовыми договорами».

Здесь отсутствует основное требование, предъявляемое к норме права, — ее четкость и определенность. Из приведенного смыслового содержания следует, что правовая гарантия может устанавливаться, а может и не устанавливаться. И этот вывод автора подтверждает судебная практика.

Магаданский транспортный прокурор выступил в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц к Федеральному государственному унитарному предприятию «Аэропорт Магадан» о признании незаконными действий по установлению требования к стажу работы на предприятии для получения работниками права на компенсацию расходов, связанных с переездом к новому месту жительства в другую местность, и возложении обязанности по внесению изменений в пункт 3.1 Положения «О размере, условиях и порядке компенсации расходов на оплату стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно для работников ФГУП «Аэропорт Магадан» и компенсации расходов, связанных с переездом к новому месту жительства в связи с расторжением трудового договора», в части установления требования к стажу работы на предприятии, необходимому для получения права на компенсацию расходов, связанных с переездом к новому месту жительства в связи с расторжением трудового договора.

Определением Верховного Суда РФ от 08.10.2010 г. № 93-В10-2 установлено, что Федеральное государственное унитарное предприятие «Аэропорт Магадан» в силу положений статьи 113 Гражданского кодекса Российской Федерации не относится к предприятиям и организациям бюджетной сферы, является унитарным предприятием, основанным на праве хозяйственного ведения (коммерческая организация).

Поскольку действующим федеральным законодательством предусмотрено *самостоятельное определение размера, условий и порядка предоставления компенсаций на переезд и стоимость провоза имущества из районов Крайнего Севера для работодателей, не относящихся к бюджетной сфере*, то требования, заявленные Магаданским транспортным прокурором, не основаны на законе.

Из этого примера видно, что отсутствие минимальных государственных гарантий приводит не только к различному толкованию норм права, но и дает возможность работодателям устанавливать такие правила, которые вызывают вопросы не только со стороны работников, но и органов прокуратуры.

По нашему мнению, самым главным на сегодняшний день является вопрос правомерности неустановления гарантий и компенсаций работодателями, не относящимися к бюджетной сфере в своих локальных нормативных актах.

Исследование таких локальных актов, проведенное автором у работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, показывает, что лишь в одном случае из 10 в них устанавливаются правовые гарантии и компенсации работникам.

Это связано, прежде всего, с отсутствием минимального уровня гарантий, установленных самим Трудовым кодексом, а также несовершенством норм статей 325 и 326 Трудового кодекса.

Поскольку о необходимости установления минимального уровня гарантий мы уже говорили, предлагаем до решения этого вопроса внести изменения в ч. 8 ст. 325 и ч. 5 ст. 326 Трудового кодекса, изложив их в следующей редакции:

– ч. 8 ст. 325 ТК РФ: размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, работающих в организациях, финансируемых из бюджетов субъектов Российской Федерации, *обязаны устанавливаться* органами государственной власти субъектов Российской Федерации, в организациях, финансируемых из местных бюджетов, – органами местного самоуправления, у работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, – коллективными договорами, локальными нормативными актами, принимаемыми с учетом мнения выборных органов первичных профсоюзных организаций, трудовыми договорами;

– ч. 5 ст. 326 ТК РФ: размер, условия и порядок компенсации расходов, связанных с переездом, лицам, работающим в организациях, финансируемых из бюджетов субъектов Российской Федерации, *обязаны устанавливаться* органами государственной власти субъектов Российской Федерации, в организациях, финансируемых из местных бюджетов, – органами местного самоуправления, у работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, – коллективными договорами, локальными нормативными актами, принимаемыми с учетом мнения выборных органов первичных профсоюзных организаций, трудовыми договорами.

Изменение двух слов меняет все смысловое значение данных норм права, что позволит работникам реализовать установленные законом правовые гарантии.

Проблема согласованности, обеспечения единства правового регулирования осложняется недостаточной выверенностью проводимой реформы трудового законодательства, отсутствием стабильности развития его норм. Встраивание в идеологию так называемых рыночных отношений,

базирующихся на снижении государственного регулирования целого комплекса социально-трудовых отношений, не позволяет эффективно сбалансировать механизм обратных связей между управляемым субъектом – работником и управляющей системой – государством, субъектами РФ, органами местного самоуправления и работодателями. *В этих условиях работник может лишь частично реализовать свои трудовые права, несмотря на их законодательное закрепление в Конституции РФ, Трудовом кодексе РФ, иных федеральных законах и подзаконных нормативных правовых актах.*

Поэтому сегодня особенно актуальны принимаемые юридической наукой попытки комплексного осмысления реформаций трудового законодательства на основе сложившейся практики применения его норм, в том числе судебной, а также изучения влияния установленных новелл, закрепленных в нормах трудового права, на права работников. Приходится констатировать, что различия в правовом регулировании социально-трудовых отношений могут быть обусловлены не только дифференциацией трудового права, связанной, в частности, с особой заботой государства о своих гражданах, но и с *дискриминацией*.

Появление в литературе последних лет публикаций о «негативной и позитивной дифференциации», о соотношении таких правовых понятий, как «дифференциация и дискриминация» [4], как нельзя более подтверждают наличие этой проблемы. Приходится констатировать, что в отношении работников Крайнего Севера и приравненных к ним местностей эта проблема имеет самое непосредственное отношение.

Не претендуя на полный и всесторонний анализ заявленной проблематики, в рамках настоящего исследования попытаемся определить некоторые общие проблемы правового регулирования социально-трудовых отношений работников, выполняющих трудовые обязанности у работодателей, не относящихся к бюджетной сфере финансирования, соотнося их с такими правовыми понятиями, как позитивная и негативная дифференциация, дифференциация и дискриминация.

Дифференциация социально-трудовых отношений работников Севера в части установления государственных гарантий и компенсаций в связи с выполнением трудовой функции в экстремальных районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, предназначенных компенсировать негативные природные факторы воздействия на организм, не нарушала конституционный принцип равенства (статья 19, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации), поскольку гарантировала всем без исключения гражда-

нам, работающим в этих условиях, единство правового регулирования и предусматривала различия в правовом регулировании лишь применительно к отдельным субъектам права, подразделяемым на категории в зависимости от такой объективной характеристики, как возраст, работа во вредных или тяжелых (опасных) условиях труда.

А. М. Лушников предлагает следующие отличительные признаки дифференциации в трудовых отношениях [5]:

1) субъектом дифференциации трудовых прав выступает нормотворческий орган или социальные партнеры, имеющие право принимать нормативные правовые или коллективно-договорные акты;

2) дифференциация может носить как «положительный», так и «отрицательный» характер. Отрицательная дифференциация, влекущая за собой снижение уровня гарантий работников, ограничение трудовых прав, может устанавливаться исключительно ТК РФ либо в случаях и порядке, предусмотренных ТК РФ (ст. 252);

3) основаниями дифференциации могут выступить объективные признаки трудовой деятельности (в этом случае она связана преимущественно с производственной функцией трудового права) или субъективные признаки работника, нуждающегося в повышенной защите (в этом случае она связана преимущественно с социальной функцией трудового права);

4) дифференциация осуществляется посредством принятия норм-изъятий или норм-дополнений. Обычно специальная норма имеет приоритет перед общей;

5) дифференциация обеспечивает с помощью особенностей единство правового регулирования, фактическое равенство трудовых прав;

6) общими пределами дифференциации выступают, прежде всего, принципы отрасли трудового права.

Для нас особый интерес представляет высказывание ученого, обосновывающего, что дифференциация обеспечивает с помощью особенностей *единство* правового регулирования, *фактическое равенство трудовых прав*.

С этим нельзя не согласиться, поскольку именно это является основным предназначением дифференциации трудовых отношений. Если при дифференциации не будет равенства трудовых прав одних работников по отношению к другим, то такая дифференциация является *мнимой*, поскольку не выполняет отведенной ей функции.

Работники работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, оказались за рамками государственного правового регулирования, поскольку его должен осуществлять их работодатель. Он в коллективных договорах, локальных актах и трудовых договорах в соответствии с ч. 8 ст. 325

и ч. 5 ст. 326 ТК РФ должен устанавливать размер, условия и порядок компенсации расходов, связанных с предоставлением правовых гарантий по компенсации расходов на оплату проезда к месту использования отпуска работника и обратно, и компенсации, связанной с переездом работника. Как отмечалось, указанные нормы права составлены некорректно – они не предусматривают обязанности работодателя эти правила устанавливать. В результате работники работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, остались и за рамками государственного и за рамками локального регулирования, что привело к их фактической дискриминации.

Здесь мы имеем, на наш взгляд, *коллизии норм права*, где, с одной стороны, государство берет на себя обязанность обеспечивать уровень трудовых прав, свобод и гарантий работников, включая дополнительные гарантии отдельным категориям (ч. 1 абз. 3 ст. 6 ТК РФ), и государственные гарантии и компенсации работникам Крайнего Севера и приравненных к ним местностей (ч. 1 ст. 313 ТК РФ), что соотносится с таким принципом, как равенство прав и возможностей работников.

С другой стороны, государство снимает с себя обязанность обеспечивать уровень трудовых прав, свобод и гарантий работников, включая дополнительные гарантии отдельным категориям (ч. 8 ст. 325 и ч. 5 ст. 326 ТК РФ), и не предоставляет государственные гарантии и компенсации работникам Крайнего Севера и приравненных к ним местностей (ч. 8 ст. 325 и ч. 5 ст. 326 ТК РФ), что никак не соотносится с таким принципом, как равенство прав и возможностей работников. Такую коллизию норм права следует признавать негативной коллизией.

Коллизия норм в негативном юридическом смысле – это такой юридически значимый результат одновременного фактического наличия нескольких норм *взаимоисключающего действия* [6].

Из данного определения следует, что такая негативная коллизия исключает их применение, поскольку каждая из данных норм в отдельности может быть применена к одному и тому же субъекту права.

В этом случае, указывает А. С. Еременко, подлежит применению только та норма, которая имеет высшую юридическую силу либо является общей нормой по отношению к остальным нормам [7].

Значит, в связи с тем что социально-трудовые отношения работников северных районов страны, выполняющих свою трудовую функцию у работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, не урегулированы в своем большинстве локальными нормативными актами, следует применять общие нормы, которые гарантируют им

государственные гарантии и компенсации. Но здесь приходится констатировать, что общие нормы Трудового кодекса не содержат правовых гарантий работникам Крайнего Севера по компенсации оплаты проезда к месту использования отпуска и обратно и компенсации, связанной с переездом, предусматривая лишь общие положения о равенстве прав и возможностей и государственном обеспечении уровня трудовых прав, свобод и гарантий. Однако если для федеральных государственных служащих установлены эти права и гарантии, следовательно, необходимо по аналогии с ними (поскольку именно эти гарантии представляют собой определенный минимальный уровень) предоставлять правовые гарантии тем работникам, работодатели которых не отнесены к бюджетной сфере финансирования.

Негативная коллизия норм способна породить такое правоприменительное состояние, когда к одному и тому же спорному отношению может быть применено несколько норм различной, не обязательно равной юридической силы, которые при одних и тех же параметрах времени и пространства исключают действие друг друга [8].

Противопоставительное взаимоисключение норм ч. 8 ст. 325 и ч. 5 ст. 326 Трудового кодекса означает невозможность их применения, так как последствия реализации предусмотренных в них правил входят в логическое и юридическое противоречие с последствиями реализации правил, предусмотренных в нормах 2, 6, 313 и остальных Трудового кодекса.

В связи с этим к работникам работодателей, не отнесенных к бюджетной сфере правового регулирования, должны применяться нормы, которые устанавливают минимальные гарантии прав работников Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, установленные для работников организаций, финансируемых из федерального бюджета (ч. 1–7 ст. 325, ч. 1–3 ст. 326 ТК РФ).

А. С. Еременко справедливо полагает, что коллизия норм в отрицательном смысле является

фатальным следствием законодательной ошибки, юридико-техническим казусом, которые устраняются путем законодательной инициативы и последующим изданием нового закона, исправляющего возникший *lapsus*, либо посредством судебного толкования, нацеленного на придание содержанию спорных норм положительной семантики, снимающей логически противоречивый законодательный контекст [9].

Примечания

1. О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4520-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 16. Ст. 551; № 26. Ст. 957; Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 220; 2001. № 1. Ст. 3; № 33. Ст. 3413; 2002. № 1. Ст. 2; 2003. № 2. Ст. 160.

2. Официальный сайт администрации Магаданской области. URL: <http://www.asdg.ru/news/2008/1/31122244.htm> (дата обращения: 17.05.2011).

3. Официальный сайт администрации Магаданской области. URL: <http://www.asdg.ru/news/2008/1/31122244.htm> (дата обращения: 23.04.2011).

4. См.: Лушников А. М. Проблемы дифференциации в правовом регулировании отношений в сфере труда (докл. на Пятой Междунар. науч.-практ. конф. 27–30 мая 2009 г.) // Юридическое образование и наука. 2009. № 3. С. 30–38; Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: актуальные аспекты теории и методологии // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 50–57; Кузнецова М. Богатые тоже заплачат // ЭЖ-Юрист. 2010. № 11. С. 2–3; Назарова Е. В. Понятие юридической ответственности как социального феномена // Социальное и пенсионное право. 2007. № 4. С. 6–10; и др.

5. Лушников А. М. Проблемы дифференциации... С. 30–38.

6. Еременко А. С. Теоретические вопросы коллизии норм гражданского права // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 7–9.

7. Там же. С. 8.

8. Там же. С. 9.

9. Там же. С. 9–10.

А. В. Сучков, М. В. Чиннова

**О НЕОБХОДИМОСТИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ
ОБЯЗАННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ
ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ПРИ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
СЛЕДСТВИЯ ЗА ПРОКУРОРОМ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ
УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ**

В работе авторы рассматривают вопрос о необходимости законодательного закрепления обязанности составления обвинительного заключения при окончании предварительного следствия за прокурором, осуществляющим уголовное преследование. Раскрывая тему работы, авторы обращаются к работам российских ученых-криминалистов, процессуалистов, а также к судебной-следственной практике. Не останавливаясь на анализе действующего законодательства, положений научных работ, посвященных теме исследования, авторы определяют пути решения проблемы.

In work authors considers a question on necessity of legislative fastening of a duty of drawing up of the bill of particulars at the preliminary investigation termination for the public prosecutor who is carrying out criminal prosecution. Opening a work theme, authors addresses to works of the Russian scientific criminalist and also to judicial-investigatory practice. Not stopping on the analysis of the current legislation, positions of the scientific works devoted to a theme of research, authors defines ways of the decision of a problem.

Ключевые слова: анализ, расследование уголовного дела, прокурор, надзор, обвинительное заключение.

Keywords: analysis, investigation of criminal case, the public prosecutor, supervision, the bill of particulars.

Одной из существенных проблем принятия законного и обоснованного решения судом по уголовному делу является вопрос о должностном лице, которое обязано составлять обвинительное заключение по уголовным делам.

Бесспорна точка зрения Т. А. Гуменова, с позиции которого «актуальным представляется изучение единого завершённого механизма составления обвинительного заключения как процессуально-правового института, имеющего своей целью обеспечение эффективного расследования уголовного дела, доступа к правосудию и постановления законного и обоснованного приговора» [1].

Проблемам, возникающим при составлении обвинительного заключения в уголовном судопроизводстве, посвящены работы ученых-процес-

суалистов: В. Азарова, А. С. Барабаша, М. С. Быкова, А. М. Володиной, Б. Я. Гаврилова, А. П. Гуськовой, Т. А. Гуменова, А. И. Гришина, А. В. Грищенко, М. С. Дьяченко, З. Д. Еникеева, С. П. Ефимичева, П. С. Ефимичева, Н. Н. Ковтуна, Ю. В. Кореньевского, П. А. Лупинской, А. Н. Масленниковой, Е. А. Рубинштейна, Н. Г. Стойко, И. Я. Фойницкого, М. Л. Шифмана, А. Г. Халиулина, И. Чердынцевой, А. А. Юнусова, Н. А. Юркевича.

Анализ статистики направления уголовных дел прокурору для утверждения обвинительного заключения и дальнейшего направления уголовного дела в суд, а также возвращенных судом прокурору уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ позволяет сделать вывод, что суд не устраивает содержание обвинительных заключений, составленных следователями органов предварительного следствия (ОПС).

Подтверждение этому мы находим и в работе Т. А. Гуменова, посвященной обвинительному заключению [2].

Согласно данным, приведенным Т. А. Гуменовым в своей работе, «41,7% анкетированных судей высказали свое недовольство составленным обвинительным заключением» [3].

Таким образом, с позиции автора, современное законодательно закрепленное положение о составлении следователем обвинительного заключения по уголовному делу, направляемому в суд:

- во-первых, нарушает принцип состязательности сторон [4];

- во-вторых, противоречит ряду норм УПК РФ и ФЗ «О прокуратуре» [5].

Прежде чем привести аргументы, позволившие озвучить данную проблему, проанализируем современное состояние правовой природы обвинительного заключения (обвинительного акта).

Упоминание об обвинительном заключении мы наблюдаем в ст. 37 ч. 2 п. 14, ст. 162 ч. 2, ст. 215 ч. 1, ст. 220, ст. 221, ст. 222 УПК РФ. Однако, несмотря на это, решения поставленного вопроса мы не находим, так как упоминания законодателем об обвинительном заключении не раскрывают его правовой природы, что в свою очередь, в совокупности с анализом других норм УПК РФ и ретроспективного анализа процессуальных прав и обязанностей участников уголовного процесса позволяет сделать вывод о спорности вопроса, касающегося органа и должностного лица, обязанных составлять обвинительное заключение (обвинительный акт) по уголовным делам.

Свое формирование институт обвинительного заключения начинает в далеком прошлом. Естественно, что понятие «обвинительное заключение» пришло к указанному институту гораздо

позже. В начале становления данного института речь шла о так называемых «повестках». Так, первое упоминание об итоговом решении предварительного следствия встречается в Псковской и Новгородской судных грамотах. Этот документ носил название «повестки», в которой перечислялось, в чем именно обвиняется лицо и какие доказательства это подтверждают. В Судебнике 1497 г. мы наблюдаем закрепление положения о так называемом «докладном списке». Само решение не записывалось в докладной список, а оформлялось специальной «правовой грамотой». В Соборном уложении 1649 г., в книге «Разбойных приказов» мы находим указание на судные грамоты, по своей сути выступавшие итоговыми документами розыска. Согласно Указу от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» в ходе процесса велись специальные тетради, в которые записывали «ответчиков ответ», «истцовы или доносительны улики». Период с 1864 г. по 1917 г. – судебно-реформаторский. В Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. впервые за всю историю развития российского судопроизводства мы наблюдаем документ, имеющий название «заключение о существе дела». Заключение давал прокурор.

Таким образом, «мнение» прокурора излагалось в форме заключения.

Дальнейшее развитие указанного института мы не приводим, в силу ограниченности объема статьи, отметим лишь, что еще очень интересный факт мы наблюдаем в период с 1960 г. по 2001 г. в УПК РСФСР. Так, согласно ст. 199 УПК РСФСР: «Производство предварительного следствия заканчивается составлением обвинительного заключения...». При этом прокурор мог «составить новое обвинительное заключение, а ранее составленное – из дела изъять и возвратить... следователю с указанием обнаруженных неправильностей» (п. 5 ст. 214 УПК РСФСР) [6].

Поводом для постановки вопроса о целесообразности наделения прокурора обязанностью составлять обвинительное заключение на современном этапе развития института предварительного следствия являются следующие обстоятельства.

Во-первых, Уголовно-процессуальный кодекс РФ [7], как и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, не содержит дефиниции термина «обвинительное заключение», что не позволяет четко определить его правовую природу и должностное лицо, уполномоченное его составлять. В ст. 220 УПК РФ законодатель лишь перечислил элементы содержания обвинительного заключения.

Во-вторых, согласно требованиям ст. 37 ч. 1 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от име-

ни государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

С точки зрения законодателя уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (ст. 5 п. 55 УПК РФ).

Что касается понятия «надзор», то законодатель не дает его определения. Лишь в ст. 29 ФЗ «О прокуратуре» [8] мы находим дефиницию понятия «предмет надзора». То есть с точки зрения законодателя предметом надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

В современном экономическом словаре мы находим определение понятия «надзор». Так, «надзор – разновидность контроля, в котором преобладают наблюдательные функции» [9].

Учитывая изложенное, прокурорский надзор это – надзор, в котором преобладают указательные-действенные функции, что в свою очередь не позволяет говорить о надзоре с точки зрения наблюдения. Скорее всего, следует говорить о компетенции прокуратуры по расследованию уголовного дела.

В таком случае следователь будет выполнять роль исполнителя, которому отведено место исполнителя указаний прокурора по расследованию уголовного дела. С позиции государственного обвинения такое закрепление прав прокурора оправданно, целесообразно и отвечает целям и задачам уголовного судопроизводства.

В таком случае принятие решения о достаточности собранных по делу доказательств и принятия решения о привлечении лица к уголовной ответственности (предъявление обвинения и составления обвинительного заключения) логично должно быть передано прокуратуре. К тому же на практике так и существует, следователь, перед тем как предъявить обвинение, представляет прокурору проект постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и после корректировки предъявляет обвинение.

В-третьих, с точки зрения Т. А. Гумерова, принятие решения об окончании предварительного следствия и составлении обвинительного заключения осуществляется на основе объективно-субъективного критерия, состоящего:

– из внутреннего убеждения;

– достаточности [10] собранных доказательств для составления обвинительного заключения.

С точки зрения ст. 215 ч. 1 УПК РФ следователь уведомляет обвиняемого, об окончании следственных действий, признав, что собранных доказательств достаточно для составления обвинительного заключения.

При этом, согласно требованиям ст. 171 ч. 1 УПК РФ при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, следователь выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. Окончательное обвинение должно быть предъявлено с учетом всех собранных по делу доказательств. Иначе, обвиняемый (подозреваемый) согласно требованиям ст. 47 (46) УПК РФ имеет право представлять доказательства по предъявленному ему обвинению (подозрению).

Ознакомление с материалами уголовного дела дает обвиняемому (подозреваемому) возможность реализовать это право и заявить ходатайство о производстве дополнительного следствия, а следователь принимает решение об удовлетворении заявленного ходатайства или об отказе в удовлетворении.

На наш взгляд, такая позиция необоснованна, так как уголовное преследование осуществляет прокурор, а не следователь.

Кроме того, прокурор наделен правом давать указания о производстве следственных действий, что также выходит за рамки дефиниции понятия «надзор».

Из вышеизложенного следует, что решение о достаточности собранных доказательств принимает прокурор, а не следователь. В связи с этим позиция государственного обвинителя должна быть изложена самим государственным обвинителем в обвинительном заключении, составленном им (прокурором), а не следователем.

К тому же следует отметить существование точки зрения, согласно которой «содержательно-состязательный характер обвинительного заключения, на наш взгляд, проявился бы более четко, если изменить порядок составления обвинительного заключения путем внесения в действующее законодательство изменений, предполагающих передачу обвинительного заключения стороне защиты для ознакомления и выражения мотивированного мнения, которое впоследствии вместе с обвинительным заключением, с согласия руководителя следственного органа, направляется бы прокурору для утверждения» [11].

Лишение следователя права составлять обвинительное заключение ни в коей мере не отразится

на его процессуальном положении, согласно которому он уполномочен собирать доказательства.

Исходя из требований современного Закона (УПК РФ), прокурор наделен полномочиями «контролирующего следователя».

Указанные в ст. 37 ч. 2 УПК РФ полномочия дают прокурору возможность получать через следователя и дознавателя доказательства, необходимые для осуществления государственного преследования. К тому же законодатель в ст. 86 ч. 1 УПК РФ четко отметил, что собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем-следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ.

Учитывая изложенное, логичным было бы внести изменения в УПК РФ в ст. 162 ч. 1, ст. 215 ч. 1, ст. 220 ч. 1, посредством чего лишить следователя, непосредственно производившего предварительное следствие, обязанности составлять обвинительное заключение, наделив при этом прокурора, осуществляющего уголовное преследование обязанностью составлять обвинительное заключение.

Примечания

1. Гумеров Т. А. Обвинительное заключение: Правовая природа, содержание, процессуальные последствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 4.

2. Там же.

3. Там же.

4. В работе, посвященной обвинительному заключению, Т. А. Гумеров указывает на четкую взаимосвязь обвинительного заключения и принципа состязательности сторон. См.: Гумеров Т. А. Обвинительное заключение... С. 5.

5. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 07.02.2011) «О прокуратуре» // Российская газета. 1992. 18 февр.

6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2011) // Российская газета. 2001. 22 дек.

8. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 07.02.2011) «О прокуратуре» // Российская газета. 1992. 18 февр.

9. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь (ИНФРА-М, 2006) // ИПБ КонсультантПлюс.

10. См.: Гумеров Т. А. Обвинительное заключение... С. 20. Однако автор так и не указывает точного исполнителя, обязанного составлять обвинительное заключение.

11. Там же. С. 4.

О. Н. Бармина

О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ

В статье обсуждается многоаспектность понятия «злоупотребление правом», его отраслевые характеристики и практика применения норм о злоупотреблении правом. Основная идея статьи – определить безусловные признаки злоупотребления правом в контексте современного законодательства. Публикация также посвящена проблемам законодательного закрепления злоупотребления правом.

The problem of “abusing of the law” is discussed in the article, its branch characteristics and practice of application of norms about abusing of the law. The main idea of this article is to determine unconditional signs of the abusing of the law in a context of the modern legislation. The article also is devoted to the problems of legislative fastening of the abusing of the law.

Ключевые слова: злоупотребление правом, судебная практика, обязательные признаки.

Keywords: the abusing of the law, judicial practice, obligatory signs.

Ни в науке, ни в практике нет единого мнения о том, какой критерий и какие признаки определяют такое многогранное понятие, как «злоупотребление правом». В теории злоупотребление правом рассматривается в разных плоскостях: и как правовая категория, и как реальное явление правовой действительности, и как сложный многообразный юридический феномен. Вместе с тем злоупотребление правом представляет собой такое негативное явление правовой природы общественных отношений, при котором субъект, реализуя свое право (права), вступает в конфликт с высшими ценностями и идеалами права. Механизм определения и раскрытия понятия «злоупотребление правом» с точки зрения теории права самым правильным и теоретически обоснованным мы находим в цивилистике. Гражданское право исходит из принципов стремления к добру и справедливости, поскольку регулирует правоотношения между различными субъектами права и направлено в первую очередь на поддержание нормальных рыночных отношений, не отдавая преимущество одним и подавляя интересы других. Субъект гражданского права, достигая своего собственного блага, не должен забывать об интересах других лиц, связанных с ним какими-либо обязательствами, поскольку в смысле гражданского права добром является разумное сочетание своих интересов и общества без эгоистических побуждений. Система законодательства правового государства ни-

когда не поставит как нечто определяющее такое взаимодействие норм, при котором субъективные права могут быть использованы в качестве средства для злоупотребления правом. Во все времена юристы уделяли большое внимание вопросу о соотношении права и морали. Так, в традиционных учениях о естественном праве границы между правом и моралью как бы не существуют, поскольку цель закона – реализовать справедливость. Справедливость и добросовестность – понятия, свойственные моральным установкам, однако законодатель всегда стремится их воплотить в нормы права, в связи с чем идеальный образ сочетания права и добросовестности представляет высшую ценность добра и справедливости. Естественно, что не является добром намерение субъектов права нарушить закон или использовать его таким образом, чтобы причинить вред другим лицам. Подобное поведение по нормам любой отрасли права недопустимо. Известный древнегреческий юрист Ульпиан отмечал, что «изучающему право надо прежде всего узнать, откуда происходит слово «право» (jus); оно получило свое название от правосудия (justitia)... право есть наука (ars) о добром и справедливом» [1]. В. И. Гойман злоупотребление правом определяет как «основанное на эгоистических побуждениях поведение управомоченного субъекта, противоречащее природе права, закрепленной в его нормах цели, либо связанное с привлечением неправовых средств для ее достижения» [2]. Указанное позволяет говорить о том, что само по себе «злоупотребление» означает осуществление права с изменением его социальной функции и использованием неправовых методов. В связи с этим возникает вопрос: имеет ли какое-либо отношение «зло» к понятию «злоупотребление правом». Действительно, при осуществлении прав и исполнении своих обязанностей субъектом права должен соблюдаться баланс между своими правами и интересами других участников правоотношений. Вместе с тем при злоупотреблении правом субъектом могут быть использованы вполне правовые методы для причинения вреда третьим лицам. Именно поэтому полагаем, что понятие злоупотребление правом при установлении истинной цели сопряжено с такими категориями, как «добро» и «зло».

По мнению И. В. Сазановой [3], для устранения путаницы целесообразно переименовать статью 10 Гражданского кодекса Российской Федерации «Пределы осуществления гражданских прав» в «Злоупотребление гражданским правом». Полагаем это суждение совершенно не обоснованным и нелогичным, поскольку в данной статье отражены не только рамки, в которых должен действовать субъект при реализации своего субъективного права, последствия злоупотре-

ния правом, но и презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений; сами же пределы осуществления гражданских прав намного шире, и определяются они законодателем. В пределах осуществления гражданских прав недопустимо злоупотребление правом, результат которого находится за пределами права. Попытка уяснить содержание действующей статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, используя выводы В. П. Грибанова, оставляет большое количество вопросов без ответа. В. П. Грибанов выделяет пределы осуществления субъективных гражданских прав, поскольку считает, что злоупотребление правом является следствием нарушения пределов осуществления гражданских прав, то есть правонарушением. Следуя теории В. П. Грибанова [4], для квалификации действий лица в качестве злоупотребления правом необходимо определить их противоправность. Следовательно, такие действия изначально являются запрещенными. Согласно же статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации «не допускается... злоупотребление правом», а не нарушение пределов осуществления права, отсюда следует вывод, что лицо, злоупотребляющее правом, фактически может действовать и действует в пределах, установленных законодателем, но их результат выходит за пределы права. Более того, нельзя говорить о том, что злоупотребление правом может совершаться за пределами права вообще, поскольку тот, кто действует за пределами права, в принципе не обладает субъективными правами. Однако в каждом конкретном случае определить границы правоосуществления представляется крайне сложным, поскольку злоупотребление правом может не быть правонарушением и не правомерным деянием одновременно.

Вместе с тем в современном праве требования добросовестности имеют большое значение и находят отражение во многих действующих нормативных правовых актах: не только в Гражданском кодексе Российской Федерации (пункт 3 статьи 10), но и в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (часть 1 статьи 35), в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (часть 2 статьи 41), в Семейном кодексе Российской Федерации (часть 4, 5 статьи 30).

Римский юрист Ульпиан указывал на то, что «обход же закона бывает тогда, когда закон хотя и не желает, чтобы что-либо было совершено, однако не запрещает совершенно этого и это совершается; и как отличается сказанное от задуманного, так различаются обход закона с тем, что совершено против закона» [5]. Павел дал следующее определение обхода закона: «Поступает против закона тот, кто совершает запрещенное законом; поступает в обход закона тот, кто, сохраняя

слова закона, обходит его смысл» [6]. В связи с этим считаем необходимым рассматривать наличие цели «обход закона» в качестве составляющего компонента такого многоаспектного понятия как «злоупотребление правом».

С учетом изложенного можно сделать вывод, что такие признаки злоупотребления правом, как совершение деяния управомоченным субъектом при реализации права, а также наличие заведомо недобросовестной цели обхода закона и(или) причинения вреда правам и интересам другого лица (других лиц), являются обязательными.

Уголовному законодательству также известна такая категория, как «злоупотребление». Однако злоупотребление полномочиями, вводимое Уголовным кодексом, является наказуемым преступлением, квалифицирующие признаки которого четко определены. Статья 201 (Злоупотребление полномочиями), статья 202 (Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами), статья 285 (Злоупотребление должностными полномочиями) Уголовного кодекса Российской Федерации под признаками злоупотреблений подразумевает: использование лицом своих полномочий вопреки законным интересам; наличие цели извлечения указанным лицом выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам; причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Злоупотребление, используемое в уголовном праве как дефиниция преступлений, предусмотренных определенными статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, позволяет говорить о том, что законодательный смысл конструкций данного явления зависит от отрасли права, в которой оно применяется.

В части 2 статьи 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации говорится о том, что злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные кодексом неблагоприятные последствия. При этом не раскрываются содержание рассматриваемого явления и характер причиняемого его совершением вреда. На основании части 2 статьи 111 арбитражный суд вправе отнести все судебные расходы по делу на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами или не выполняющее своих процессуальных обязанностей, если это привело к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта. Стоит отметить, что практика применения возложения судом обязанности по возмещению судебных расходов на сторону за злоупотребительные процессуальные дей-

ствия не находит своего широкого распространения в отечественных судебных актах. Вероятнее всего, это связано с тем, что представительство лиц, участвующих в деле, осуществляется не всегда квалифицированными юристами. Однако существующие нормы процессуального права о возможности возложения обязанности по возмещению судебных расходов на лицо, злоупотребляющее процессуальными правами, имеют превентивный характер и применяются судами только при очевидном затягивании судебного разбирательства [7].

Злоупотребление правом в сфере семейного права – это не только правовая, но и социальная проблема. Именно поэтому статья 19 Конвенции о правах ребенка (1990 г.) предписывает, что государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке.

В силу статьи 77 Таможенного кодекса Российской Федерации действие лицензии может быть приостановлено на срок до трех месяцев при наличии достаточных оснований полагать, что владелец свободного склада злоупотребляет своими правами. Статья 52 основного Закона государства (Конституция Российской Федерации) предусматривает, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Нормы о запрете злоупотребления закреплены также и в других нормативно-правовых актах: федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации»; федеральный закон «О защите конкуренции»; закон Российской Федерации «О средствах массовой информации»; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Только если в цивилистике запрет на злоупотребление действует как провозглашенный государством принцип-норма, то, например, в уголовном и административном праве любое злоупотребление, отвечающее признакам диспозиции их норм, – это правонарушение.

Практика применения злоупотребления правом в цивилистике сводится к следующему: норма статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации может применяться как в отношении истца, так и в отношении ответчика [8]; отказ в защите права со стороны суда допускается лишь в случаях, когда материалы дела свидетельствуют

о совершении гражданином или юридическим лицом действий, которые могут быть квалифицированы как злоупотребление правом, в частности действий, имеющих своей целью причинить вред другим лицам [9]; суд вправе по своей инициативе отказать в защите права злоупотребляющему лицу, что прямо следует и из содержания пункта 2 статьи 10 ГК РФ [10].

Между тем в судебной практике нет единообразия в применении норм о злоупотреблении правом, особенно в тех квалифицирующих признаках, которые составляют смысл данной правовой категории [11]. Кроме того, суды по-разному подходят к решению правовых вопросов о том, является ли высокий процент по договору займа злоупотреблением правом [12]; является ли установление высокого процента за пользование коммерческим кредитом злоупотреблением правом [13] и реализуется ли право на защиту или имеет место злоупотребление правом [14].

К изложенному выше стоит лишь добавить справедливое замечание В. И. Крусс: «...не критикует действующую статью 10 Гражданского кодекса РФ разве что ленивый» [15], поскольку законодатель в этой статье объединил классическую шикану с дословным воспроизведением текста нормы параграфа 226 Германского гражданского уложения, иные формы, а также использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции. Кроме того, имеющая место норма об иных формах злоупотребления правом в отечественной практике вовсе неприменима.

Примечания

1. Дигесты Юстиниана: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А. Л. Кофанов. М.: Статут, 2004. С. 111.
2. Гүйман В. И. Правонарушение и юридическая ответственность. Общая теория права и государства: учебник. М., 2002. С. 288.
3. Сазанова И. В. Квалификация поведения субъектов как злоупотребление гражданским правом: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 19.
4. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992. С. 36–44.
5. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. М.: Статут, 2002. С. 113.
6. Там же. С. 113.
7. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 09.12.2009 по дел № А21-2806/2007 // «КонсультантПлюс».
8. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 2. (пункт 5).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9.

10. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 2. (пункт 3).

11. См., например, постановление арбитражного суда апелляционной инстанции от 04.02.2011 по делу № А28-8142/2010-226/1; решение Арбитражного суда Кировской области от 22.03.2011 по делу № А28-11622/2010-332/1; постановление арбитражного суда апелляционной инстанции от 15.01.2010 по делу № А28-14149/2009-441/35//www.kirov.arbitr.ru (официальный сайт Арбитражного суда Кировской области).

12. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 26.09.2006 по делу № А43-3546/2006-4/74 – установление высокого процента за пользование заемными средствами является злоупотреблением правом, при котором суд может уменьшить размер процента; постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 28.01.2008 № А10-2382/07-Ф02-9946/07 по делу № А10-2382/07 – установление высокого процента за пользование заемными средствами не является злоупотреблением правом.

13. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 26.09.2006 по делу № А43-3769/2006-23-60 – установление высокого процента за пользование коммерческим кредитом является злоупотреблением правом, поэтому суд может уменьшить размер процента; постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 28.01.2008 № А10-2382/07-Ф02-9946/07 по делу № А10-2382/07 – установление высокого процента за пользование коммерческим кредитом не является злоупотреблением правом, поэтому суд не вправе уменьшить размер процента. Вместе с тем общая тенденция практики применения возможности снижения неустойки исходит из следующего: в соответствии с пунктом 2 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.07.1997 № 17 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» основанием для применения статьи 333 ГК РФ служит явная несоразмерность неустойки последствиям нарушения обязательств. Критериями для установления несоразмерности в каждом конкретном случае могут быть: чрезвычайно высокий процент неустойки, значительное превышение суммы неустойки суммы возможных убытков, вызванных нарушением обязательств, длительность неисполнения обязательств и др. Как следует из разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации, данного в определении от 21.12.2000 № 263-О, применяя статью 333 ГК РФ, суд обязан установить баланс между применяемой к нарушителю мерой ответственности (неустойкой) и оценкой действительного (а не возможного) размера ущерба, причиненного в результате конкретного правонарушения, поскольку предоставленная суду возможность снижать размер неустойки в случае ее чрезмерности по сравнению с последствиями нарушения обязательств является одним из правовых способов, предусмотренных в законе, которые направлены против злоупотребления правом свободного определения размера неустойки.

14. См. подробнее по вопросу квалификации злоупотребления правом постановление ФАС Волго-Вятского округа по делу № Ф01-2156/2010 от 26. 08.2010. Названное постановление отменено постановлением

Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.05.2011 № 15025/10 по мотивам неправильного применения статей 222, 247 Гражданского кодекса Российской Федерации.

15. Крусс В. И. Злоупотребление правом: учебное пособие. М: Норма, 2010. С. 24.

УДК 349.6:346.9

А. В. Кожин

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ

Статья посвящена исследованию эффективности работы прокуратуры России при осуществлении надзора за исполнением законов в сфере экологии с 2005 по 2010 г.

Article is devoted research of overall performance of Office of Public Prosecutor of Russia at realization of supervision of execution of laws in sphere of ecology with 2005 for 2010.

Ключевые слова: прокурор, сфера экологии, полномочия прокурора, эффективность надзора.

Keywords: the public prosecutor, sphere of ecology, power of the public prosecutor, effectiveness of supervision.

Проблемы экологии в России актуальны всегда.

О современном состоянии окружающей среды сказано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [1] и Климатической доктрине Российской Федерации [2].

В указанных выше документах дана низкая оценка деятельности государственных контролирующих и надзирающих органов, уполномоченных в сфере экологии.

Проблемы прокурорского надзора, эффективность деятельности прокуроров в сфере экологии являются предметом исследования настоящей статьи.

Начиная с 2005 г. природоохранная деятельность российской прокуратуры активизировалась. Наиболее эффективно прокуроры на данном направлении трудились в 2008 г.

Объективными причинами роста показателей являются:

во-первых, совершенствование экологического законодательства путем принятия ряда новых законов [3];

во-вторых, выделение надзора за исполнением экологического законодательства Генеральным прокурором Российской Федерации в число приоритетных;

© Кожин А. В., 2011

в-третьих, накопление прокурорами положительного опыта работы в природоохранной сфере;

в-четвертых, совершенствование взаимодействия прокуроров с органами представительной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, специально уполномоченными государственными органами в области охраны окружающей среды, правоохранительными органами и общественностью;

в-пятых, появление методических пособий, разработок, указаний по обеспечению природоохранной деятельности (Винокуров А. Ю., Голиченков А. Г. и др.) [4];

в-шестых, улучшение научного обеспечения природоохранной деятельности прокуратуры, в том числе и в форме подготовки диссертаций (Агеев А. А., Виноградов В. П., Червякова Ю. Г. и др.) [5];

Все это способствовало достижению большей координации в работе, исключению дублирования, сосредоточению усилий прокуратуры и других органов на решении экологических задач.

Как положительное явление следует рассматривать более активное использование прокурорами права поручать проведение проверок исполнения экологического законодательства органам, наделенным функцией экологического надзора. Сказанное вовсе не говорит о том, что прокуроры в полной мере использовали возможности других органов в сфере борьбы с экологическими правонарушениями и их предупреждения.

В ежегодном докладе Генерального прокурора Российской Федерации Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 20.04.2011 о результатах деятельности за 2010 год не прозвучали показатели работы органов прокуратуры по надзору за исполнением законов в сфере экологии. Почему этого не было сделано, покажет приведенный ниже анализ статистических показателей.

Количественные и в определенной мере качественные показатели природоохранной деятельности прокуратуры видны из показателей, взятых из официальных форм статистической отчетности, характеризующих работу прокуроров.

Анализ статистических данных о работе прокуроров в данной сфере за последние 5 лет свидетельствует о росте числа выявляемых прокурорами экологических правонарушений с незначительным снижением их числа в 2010 г.: 2005 г. – 130 599, 2006 г. – 205 548, 2007 г. – 241 133, 2008 г. – 290 317, 2009 г. – 286 577, 2010 г. – 258 787 (см. таблицу).

Как видно из приведенных данных, число выявленных прокурорами нарушений за анализируемый период выросло на 97,7% (2005 г. – 130 599, 2010 г. – 258 787); на 44,6% увеличилось число выявленных ими незаконных правовых актов (2005 г. – 4 916, 2009 г. – 9 421, 2010 г. – 7 112). В среднем по протестам прокуроров отменено или приведено в соответствие с законом около 90% незаконных правовых актов. На 52,6% за этот период увеличилось число выявленных прокурорами представлений (2005 г. – 28 072, 2009 г. – 46 960, 2010 г. – 42 841). По представлениям прокуроров все большее количество лиц привлекается к дисциплинарной ответственности. Так, в 2005 г. по представлениям прокуроров к дисциплинарной ответственности привлечено 9 972 лица, в 2009 г. – 28 625, в 2010 г. – 27 944, т. е. их число за этот период увеличилось на 180%. На 98,7% за это время выросло число лиц, наказанных по постановлениям прокуроров в административном порядке (2005 г. – 18 989, 2009 г. – 44 439, 2010 г. – 37 730); в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства значительно снизилось число возбужденных по направленным прокурорами материалам уголовных дел (2005 г. – 1 762, 2009 г. – 3 169, 2010 г. – 1 411), или на 24,8%.

В связи с тем, что в 2010 г. несколько снизилось общее количество выявленных экологичес-

Основные показатели прокурорского надзора за исполнением законов в экологической сфере в 2005–2010 гг.

Показатель	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Выявлено нарушений законов,	130 559	205 548	241 133	290 317	286 577	258 787
в том числе незаконных правовых актов	4916	8258	10 667	10 383	9421	7112
Принесено протестов	4317	7599	9209	9880	9162	6783
По удовлетворенным протестам отменено и изменено незаконных правовых актов	3933	6743	8255	8834	8308	6197
Внесено представлений	28 072	36 933	41 958	49 017	46 960	42 841
По представлению прокурора привлечено к дисциплинарной ответственности, лиц	9972	13 487	16 989	24 542	28 625	27 944
По постановлению прокурора наказано в административном порядке, лиц	18 989	33 291	38 334	45 920	44 439	37 730
Возбуждено уголовных дел	1762	3286	2530	2608	3169	1411

ких правонарушений по сравнению с 2009 г., снизились и некоторые показатели прокурорского надзора в изучаемой сфере: на 24% выявлено меньше незаконных правовых актов (2009 г. – 9 421, 2010 г. – 7 112); снизилось на 8,8% общее число внесенных прокурорами представлений (2009 г. – 46 960, 2010 г. – 42 841); на 2,3% снизилось количество лиц, привлеченных по представлению прокуроров к дисциплинарной ответственности: 2009 г. – 28 625, 2010 г. – 27 944; на 9,5% уменьшилось количество исков, направленных прокурорами в суды (2009 г. – 35 654, 2010 г. – 32 293); несмотря на это, суммы, предъявляемые по искам, выросли на 4,6% (2009 г. – 1 904 432 руб., 2010 г. – 1 992 115 руб.); на 15% снизилось число лиц, привлеченных по постановлениям прокуроров к административной ответственности (2009 г. – 44 439, 2010 г. – 37 730).

Сокращение числа лиц, привлеченных к административной ответственности по постановлениям прокуроров, объясняется повышением требовательности к контрольной деятельности органов специальной компетенции, наделенных контрольно-надзорными функциями, в части полноты принятия мер ответственности к нарушителям экологического законодательства, а также тем, что в настоящее время не установлена административная ответственность для должностных лиц, контролирующих природоохранных органов за непринятие мер по устранению нарушений экологического законодательства.

Так, в связи с напряженностью ситуации с качеством питьевой воды и состоянием поверхностных водных объектов исполнение законов в данной сфере находится на постоянном контроле у органов прокуратуры.

Прокурорские проверки исполнения водного законодательства, проведенные в Хабаровском крае, Брянской, Магаданской, Сахалинской областях, в Волжском и ряде других регионов, в части обеспечения граждан питьевой водой показали, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления не принимают должных мер по охране источников питьевого водоснабжения, восстановлению централизованных систем (водопроводов) городских и сельских поселений, внедрению современных технологий подготовки питьевой воды. Повсеместно отмечается недофинансирование водоохранных мероприятий, приводящее к критическому положению в области обеспечения населения качественной питьевой водой.

Государственный надзор в указанной сфере практически отсутствует. К примеру, проверкой обеспечения доброкачественной питьевой водой жителей Супоневского сельского поселения Брянского района установлено, что источниками во-

доснабжения населения являются 12 артезианских скважин, качество воды в которых не соответствовало требованиям безопасности по железу, мутности, а также бактериальным показателям, которые превышали нормативы от 3,6 до 5,3 раза. Программа производственного контроля качества питьевой воды отсутствовала, зоны санитарной охраны первого пояса артезианских скважин не огорожены. В целях устранения выявленных нарушений, помимо иных мер прокурорского реагирования, в суд было направлено исковое заявление о понуждении органов местного самоуправления принять меры по обеспечению граждан доброкачественной питьевой водой. Все требования прокуроров были удовлетворены.

Особую значимость это направление деятельности имеет в Волжском регионе, где Волжской межрегиональной природоохранной прокуратурой проводится последовательная и целенаправленная работа по выявлению и пресечению нарушений водного законодательства при сбросе сточных вод хозяйствующими субъектами в р. Волгу. Так, в 2009 г. в результате принятых прокуратурой мер была решена проблема сброса неочищенных канализационных стоков всего г. Вольска Саратовской области в р. Волгу. Волжской прокуратурой для решения данной проблемы в арбитражный суд был направлен иск о признании недействительным договора на прием сточных вод от хозяйствующих субъектов г. Вольска в систему канализации Вольского водоканала, который не имел очистных сооружений. В ходе рассмотрения данного иска по требованию прокуратуры хозяйствующие субъекты прекратили сброс сточных вод практически без всякой очистки прямо в реку и перевели стоки в пруды-испарители. В результате принятых Волжской прокуратурой мер утвержден график строительства канализационных очистных сооружений в г. Вольске, а Правительством области принято решение об увеличении финансирования на их строительство, и к 2010 г. проблема сброса неочищенных сточных вод в Волгу должна быть решена полностью.

Кроме того, прокуратурой проводится постоянная работа по восстановлению нарушенных конституционных прав граждан на свободный доступ к водным объектам в стране. Так, Волжской межрегиональной природоохранной прокуратурой в Сергачском районе Нижегородской области был установлен факт продажи водного объекта «Бездонное озеро», представляющего собой естественный водоем площадью более 20 тыс. м² и имеющего особое историческое и культурное значение, жителю г. Москвы за 100 тыс. руб. В защиту интересов Российской Федерации и граждан данного района направлен иск

в суд о признании недействительным данного договора купли-продажи, и в апреле 2009 г. Сергачский районный суд Нижегородской области удовлетворил требования прокуратуры, признав недействительной сделку по продаже объекта (географическое название «Бездонного озера» – Тепсескуль) местной администрацией.

Следует отметить, что только в результате принятых по требованию Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры мер в Волжском бассейне построено или строится более 60 объектов водоснабжения и водоотведения, отремонтировано 140 объектов очистных сооружений; на контроле прокуратуры находятся 197 крупных предприятий-загрязнителей. Систематически осуществляемый этой прокуратурой надзор за сохранением экосистемы р. Волги (включая ее водосборную площадь) позволил добиться от хозяйствующих субъектов этого региона проведения комплекса природоохранных мер (внедрения современных технологий, оборотного водоснабжения, водоочистки и т. д.), сокращения сбросов и выбросов загрязняющих веществ в окружающую среду и, в конечном итоге, повышения качества воды Волги.

Одной из наиболее серьезных проблем в Российской Федерации является проблема обращения отходов производства и потребления. Скопившиеся на территории страны отходы и свалки, захоронения высокотоксичных и ядовитых веществ следует рассматривать как накопленный за многие десятилетия экологический ущерб. Общий объем накопленных неутилизованных отходов оценивается приблизительно в 82 млрд т. На территории Российской Федерации насчитывается около 11 тыс. полигонов и свалок. При этом уровень вторичного использования отходов производства составляет 35%, твердых бытовых отходов (ТБО) – 3–4%. В связи с этим прокуратурой проводится на постоянной основе работа по надзору за исполнением законодательства об отходах производства и потребления.

Анализ материалов прокурорских проверок показывает, что среди нарушений данного законодательства наибольшее распространение имеют: массовое распространение несанкционированных свалок, непринятие муниципальными органами мер к их ликвидации; принятие органами местного самоуправления не соответствующих федеральному законодательству правовых актов; отсутствие у хозяйствующих субъектов проектов нормативов образования отходов и лимитов на их размещение, а также лицензий на деятельность по сбору, использованию, обезвреживанию, транспортировке и размещению опасных отходов, паспортов отходов; отсутствие профессиональной подготовки у должностных лиц, осуществляющих деятельность по обращению с отхо-

дами; невнесение платы за негативное воздействие на окружающую среду; сокрытие (умышленное искажение) или несвоевременное сообщение полной и достоверной информации в области обращения с отходами и др. Все нарушения в данной сфере носят распространенный и массовый характер. При этом следует иметь в виду, что в целом по стране не хватает обустроенных полигонов для захоронения отходов и заводов по их переработке. В связи с этим следует считать наиболее важным направлением деятельности прокуратуры работу по взаимодействию с органами власти субъектов Российской Федерации в целях выделения бюджетных средств на создание полигонов ТБО с современной технологией по их переработке. Так, по инициативе Волжского межрегионального природоохранного прокурора, прокуратуры Ульяновской области с участием Правительства этой области, а также представителей контролирующих органов, органов местного самоуправления утверждена муниципальная целевая программа г. Ульяновска «Чистый город на 2008–2010 годы», а также схема генеральной очистки г. Ульяновска; в 2009 г. введен в эксплуатацию новый полигон ТБО; отведен земельный участок для строительства еще одного полигона ТБО и мусороперерабатывающего завода в районе с. Красный Яр (Ульяновская область). Прокурорами проводится определенная исковая работа по укреплению законности и правопорядка в данной сфере правоотношений. Так, по иску Свердловского межрайонного природоохранного прокурора в интересах неопределенного круга лиц к ООО «Сити-Строй» ликвидирована несанкционированная свалка ТБО (включая строительный мусор) общей площадью около 301 644 м², которая была расположена рядом с жилыми домами, школой и детскими садами. Также в Красноярском крае в 2009 г. прокурорами в суд направлено 484 исковых заявления о понуждении органов местного самоуправления и хозяйствующих субъектов (собственников земельных участков) к ликвидации около 600 несанкционированных свалок, надлежащей организации сбора, вывоза и утилизации отходов, приведению действующих полигонов в соответствие с требованиями закона. Судом удовлетворено 462 иска.

Кроме того, в соответствии со ст. 33 федерального закона от 30.12.2008 № 309-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 федерального закона “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», ст. 12 федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» с 1 января 2010 г. запрещается размещение отходов на объектах, не внесенных в Государственный реестр объектов размещения отхо-

дов, в который вносятся только объекты, отвечающие экологическим и санитарно-эпидемиологическим нормам и правилам. Таким образом, вышеуказанные свалки с 1 января 2010 г. подлежат закрытию.

На основании изложенного всем главам городских округов и муниципальных районов объявлены предостережения о недопустимости нарушения с 1 января 2010 г. законодательства в сфере обращения с отходами производства и потребления. Указанное обстоятельство вызвало увеличение объявленных предостережений в 2009 г. в данной сфере правоотношений.

В связи с критической ситуацией, сложившейся в сфере охраны и использования водных биоресурсов, Генеральной прокуратурой Российской Федерации с участием прокуратур субъектов Российской Федерации ежегодно проводятся проверки исполнения законодательства не только об охране и использовании водных биоресурсов, но и проверки законности осуществления контрольно-надзорных полномочий органами исполнительной власти в субъектах Российской Федерации. В ходе проверки, проведенной в органах власти субъектов Российской Федерации и территориальных органах Росрыболовства, в 2009 г. установлены многочисленные нарушения экологического законодательства в части коррупционных проявлений. Так, распоряжением Правительства Республики Саха (Якутия) «О мероприятиях по воспроизводству водных биологических ресурсов на территории Республики Саха (Якутия) на 2007–2011 годы» в нарушение ст. 15 федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» исполнителем работ по воспроизводству водных биологических ресурсов без проведения конкурсных мероприятий среди хозяйствующих субъектов в данной сфере был определен ГУП «Чернышевский рыбообразный завод», что привело к устранению всех конкурентов изначально. Данное распоряжение оспорено прокуратурой в судебном порядке.

Кроме того, прокурорами в ходе проверки выявлены факты отсутствия правовой регламентации по целым направлениям реализации контрольно-разрешительных функций. Так, прокуратурой Республики Дагестан установлено, что в нарушение действующего законодательства в республике отсутствует орган, уполномоченный определять границы рыбопромысловых участков и, соответственно, отсутствуют перечни таких участков, без которых невозможно заключение договоров на осуществление промысла водных биоресурсов, что способствует росту числа нарушений в данной сфере. По всем выявленным фактам нарушения экологического законодательства в сфере рыболовства в части коррупционных

проявлений прокурорами приняты исчерпывающие меры реагирования.

Прокурорскими проверками установлено, что ежегодно не осваиваются квоты, выделенные для осуществления рыболовства не только в научных целях, но и в целях рыбоводства и воспроизводства. Особенно неблагоприятное положение с освоением квот, выделенных в целях воспроизводства осетровых видов рыб, сложилось в ФГУ «Дагестанский» и ФГУ «Запкасрыбвод». Невыполнение задания по выпуску молоди осетровых в течение последних лет связано с невозможностью заготовить качественных производителей для ресурсного обеспечения работ по воспроизводству осетровых в результате их полного отсутствия как в реках Терек и Сулак, так и в устьевой прибрежной части Каспийского моря. За последние годы рыбзаводом при наличии квоты на добычу осетровых не заготовлен ни один производитель для заготовки икры для выращивания мальков, что свидетельствует о практически уничтожении осетровых видов рыб в Каспийском регионе, в связи с чем для их спасения просто необходим полный запрет на вылов и оборот осетровых.

Органами Росрыболовства не всегда должным образом осуществляются возложенные на них полномочия по государственному контролю и надзору в сфере охраны и использования водных биоресурсов. Так, в их деятельности в Волжском бассейне выявлено 346 нарушений законодательства. В целях их устранения внесено 43 представления. По требованию прокуроров к дисциплинарной ответственности привлечено 27 должностных лиц этих органов. Возбуждено по переданным прокуратурой материалам 3 уголовных дела. Только в результате организованного по инициативе Волжской прокуратуры сплошного мелиоративного траления основных рыбоходных каналов дельты р. Волги был полностью очищен от браконьерских рыболовных снастей основной рыбоходный канал, по которому рыба осетровых видов движется к зимовальным ямам вверх по течению. Однако данный эффективный способ борьбы с браконьерством органами рыбоохраны не используется.

Также органами прокуратуры в 2009 г. осуществлялся комплекс мер, направленных на предупреждение, выявление и раскрытие правонарушений, совершенных в лесопромышленном комплексе. Проводились проверки исполнения лесного законодательства, в том числе законодательства о пожарной безопасности в лесах. Как показывают прокурорские проверки, в связи с реорганизацией органов управления и контроля ослаблена работа по выявлению незаконных порубок лесов и направлению соответствующих материалов в правоохранительные органы. Про-

курорами особое внимание обращалось на исполнение планов декриминализации лесной отрасли, в том числе на обмен информацией и организацию совместных мероприятий с заинтересованными министерствами и ведомствами.

С целью повышения эффективности исполнения переданных субъектам Российской Федерации полномочий в соответствии со ст. 83 Лесного кодекса Российской Федерации прокуратурой регулярно проводились проверки соблюдения лесного законодательства. Так, в ходе выездной прокурорской проверки соблюдения лесного законодательства в деятельности казенного предприятия Приморского края «Приморское лесохозяйственное объединение» установлено, что его подрядными организациями лесному фонду причинен ущерб на сумму более 6 млн руб. По данному факту материалы проверки переданы в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Управлением лесного хозяйства края по постановлениям природоохранного прокурора указанное казенное предприятие привлечено к административной ответственности по ст. 8.25 КоАП РФ.

В течение года прокурорами также выявлялись факты неисполнения лесного законодательства по договорам аренды лесного фонда и самовольного занятия лесных участков. Так, в 2009 г. Приморской межрайонной природоохранной прокуратурой выявлен факт самовольного занятия ООО «Инвест Групп» лесного участка, расположенного в Чугуевском филиале КГУ «Приморское лесничество», под строительство охотбазы. Кроме того, данным обществом для проведения биотехнических мероприятий неправомерно произведены распахка полей, посев сельскохозяйственных культур. При этом ООО «Инвест Групп» допущена незаконная рубка лесных насаждений, нарушения правил пожарной и санитарной безопасности в лесах, в том числе загрязнение почвы горючесмазочными материалами. По данным фактам прокурором возбуждено 5 дел об административных правонарушениях, после рассмотрения которых на ООО «Инвест Групп» наложены административные штрафы. По фактам незаконных порубок на основании постановлений прокурора в порядке ч. 2 ст. 37 УПК РФ возбуждено 2 уголовных дела по признакам преступлений, предусмотренных ст. 260 ч. 3 УК РФ. Также генеральному директору ООО «Инвест Групп» внесено представление с требованием об устранении нарушений закона, в том числе об освобождении самовольно занятого лесного участка и приведении его в первоначальное состояние. Подготовлено 2 исковых заявления о взыскании с ООО «Инвест Групп» ущерба, причиненного лесному фонду.

Анализ состояния законности в лесной сфере свидетельствует о том, что в целом работа по выявлению и пресечению преступлений несколько активизирована. Однако остаются актуальными проблемы отсутствия лесной охраны, адекватного государственного надзора в сфере лесопользования, реального возмещения ущерба, причиненного лесным ресурсам, выявления организованных преступных формирований, занимающихся незаконной заготовкой, переработкой, оборотом леса и лесоматериалов и их легализацией, что требует усиления прокурорского надзора на данном направлении.

От эффективности работы природоохранных органов во многом зависит правопорядок в экологической сфере. Прокурорскими проверками установлено, что территориальные структуры федеральных органов исполнительной власти не в полном объеме проводят проверки, не принимают исчерпывающих мер для устранения нарушений, а также мер по возмещению ущерба, привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности. При выявлении нарушений законодательства данные органы, как правило, ограничиваются лишь внесением предписаний, контроль за исполнением которых осуществляют слабо.

Кроме того, и сами органы государственного надзора допускают нарушения законов. Так, имеют место случаи создания различных административных барьеров при реализации организациями своих прав (в том числе введения не предусмотренных законодательством процедур и запретов, сборов и платежей, оказание платных услуг самими контролирующими органами), ограничения конкуренции и предоставления отдельным лицам преференций и привилегий, истребования излишних документов, волокиты при рассмотрении заявлений.

Так, в Волгоградской, Ивановской, Самарской, Саратовской, Тверской, Ярославской областях, Чувашской Республике путем обращения Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры в арбитражные суды пресечена незаконная практика предъявления территориальными управлениями Ростехнадзора требований к юридическим лицам о получении лицензии на обращение с опасными отходами. При этом данные предприятия деятельностью по обращению с отходами не занимались, а лишь накапливали их для дальнейшей передачи по возмездным договорам специализированным предприятиям, имеющим соответствующие лицензии.

В Республике Татарстан отделы Управления Ростехнадзора наделялись полномочиями по осуществлению государственного надзора и контроля за соблюдением предприятиями и организациями, должностными лицами и гражданами

требований в области охраны окружающей среды, в то время как Ростехнадзор лишен данных полномочий. По результатам проверки Волжской межрегиональной природоохранной прокуратурой в адрес руководителя Управления Ростехнадзора по Республике Татарстан принесено 5 протестов, которые рассмотрены и удовлетворены.

Кроме того, в 2009 г. в ходе прокурорских проверок исполнения законодательства отделами судебных приставов по исполнению исполнительных документов о взыскании ущерба и административных штрафов в сфере лесопользования органами прокуратуры выявлены многочисленные нарушения порядка производства исполнительных действий (нарушение сроков совершения исполнительных действий, необоснованного окончания исполнительного производства, ненаправления или несвоевременного направления сторонам исполнительного производства копий постановлений о возбуждении исполнительного производства и окончании исполнительного производства, нарушения сроков распределения взысканных денежных средств и др.). По всем фактам выявленных нарушений прокуратурой приняты меры прокурорского реагирования.

Неполнота и неэффективность мер, принимаемых судебными приставами, вызвана как слабым ведомственным контролем и недостаточным спросом со стороны руководителей служб, так и отсутствием достаточных знаний экологического законодательства для исполнения решений судов, обязывающих ответчиков обеспечить нормативную очистку выбросов в атмосферный воздух и сбросов загрязненных сточных вод, устранить нарушения при обращении с отходами производства и потребления.

Так, на низкий уровень возмещения ущерба в лесной отрасли влияет тот факт, что расчет ущерба производится с применением таксовой стоимости, что во много раз увеличивает сумму фактического ущерба, в то время как большинство незаконных порубок совершается лицами, имеющими низкие доходы. При принятии мер прокурорского реагирования прокурорами неоднократно указывалось на то, что правоохранительные и контролирующие органы должны быть ориентированы на активизацию применения обеспечительных мер, в том числе в виде наложения ареста на орудия преступления и транспортные средства. Например, в Приморском крае из 100 835 тыс. руб., подлежащих возмещению в 2009 г. по рассмотренным судами искам, фактическое взыскание произведено на сумму 2218 тыс. руб., остальные решения находятся в стадии принудительного исполнения, однако в силу указанных выше причин в 2009 г. указанные суммы не были взысканы. Сходная ситуация характерна для всех «лесных» регионов страны.

Вместе с тем для обеспечения национальной безопасности руководство страны сосредоточивает свои усилия и ресурсы на таких приоритетах устойчивого развития, как экологии живых систем и рациональном природопользовании, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны.

Стратегическими целями обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования являются: сохранение окружающей природной среды и обеспечение ее защиты; ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.

На состояние национальной безопасности в экологической сфере негативное воздействие оказывают истощение мировых запасов минерально-сырьевых, водных и биологических ресурсов, а также наличие в Российской Федерации экологически неблагополучных регионов.

Состояние национальной безопасности в сфере экологии усугубляется сохранением значительного количества опасных производств, деятельность которых ведет к нарушению экологического баланса, включая нарушение санитарно-эпидемиологических и санитарно-гигиенических стандартов потребляемой населением страны питьевой воды, вне нормативного правового регулирования и надзора остаются радиоактивные отходы неядерного топливного цикла.

Нарастает стратегический риск исчерпания запасов важнейших минерально-сырьевых ресурсов страны, падает добыча многих стратегически важных полезных ископаемых.

Для противодействия угрозам в сфере экологической безопасности и рационального природопользования силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества создают условия для внедрения экологически безопасных производств, поиска перспективных источников энергии, формирования и реализации государственной программы по созданию стратегических запасов минерально-сырьевых ресурсов, достаточных для обеспечения мобилизационных нужд Российской Федерации и гарантированного удовлетворения потребностей населения и экономики в водных и биологических ресурсах.

Примечания

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.
2. Климатическая доктрина Российской Федерации: утв. распоряжением Президента РФ от 17.12.2009 № 861-рп // Российская газета. 2009. 17 дек.

3. Кожин А. В. Развитое природоохранное законодательство – гарант эффективной борьбы с правонарушениями в сфере экологии, фактор экологического возрождения России // Актуальные вопросы права и законности: материалы «круглого стола» студентов и аспирантов 18.03.2010. М.: Изд-во МосГУ, 2010. С. 49.

4. Винокуров А. Ю. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об охране окружающей природной среды: учебное пособие. М.: Изд-во МНЭ-ПУ, 1996. С. 63–85 и др.; Винокуров А. Ю. Некоторые

вопросы совершенствования методического обеспечения прокурорского надзора // Проблемы совершенствования прокурорского надзора: материалы науч.-практ. конф. М.: Изд-во НИИ Прокуратуры, 1997. С. 152–156; Юличенков А. К. Экологический контроль: теория, практика правового регулирования. М.: Изд-во МГУ, 1992.

5. Агеев А. А. Природоохранная деятельность органов прокуратуры Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 882(09)

Н. М. Ильченко

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ КАК ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ О РУССКОЙ ДУЭЛИ

Особенностью «поединка чести» в России является дефицит источников. В статье рассматриваются романтические повести, в которых мотив дуэли стал сюжетообразующим. Строгие правила, своеобразный кодекс, дуэльный ритуал и др. нашли своеобразие художественное освещение в произведениях русских писателей 30-х г. XIX в.

The specifics of Russian "fight of honor" is the lack of sources. In this article we consider romantic novels in which the motive of duel is the plot building. Strict rules, unique codex, ritual, etc. were presented in a peculiar artistic way by Russian novelists of the 30-s of XIX century.

Ключевые слова: дуэльный кодекс, конфликт, дуэльный ритуал, вершинная композиция, идея рока, исповедь.

Keywords: duel rule code, conflict, ritual of duel, top composition, concept of doom, confession.

В каждой из европейских стран дуэль имеет свою историю и свои традиции. «Для русских дуэли являлись иностранной диковинкой, позаимствованной в Западной Европе» [1]. В XVIII в. дуэли в России были редким явлением, причем их участниками становились чаще всего иностранцы. Царствование Александра I называют «золотым веком русской дуэли». В России активно формируется дуэльная традиция, а дуэль становится главным регулятором отношений дворянской чести. «Дворянская культура, хотя и была вполне самостоятельным, замкнутым историческим феноменом, считала себя наследницей аристократической и воинской традиции Европы в целом» [2]. Кодекс дворянской чести предписывал соблюдение определенных правил, предъявляемых к благородному человеку, которые исполнялись на уровне инстинкта. Даже осознавая нелепость дуэли, дворяне не отказывались от нее, поскольку заботились о своей репутации. Большинство дуэлянтов, выходя на поединок, даже не задумывалось о его нецелесообразности. Честь как условность цивилизации ценилась выше жиз-

ни. Лучшим подарком молодому человеку первых десятилетий XIX в. были стволы мастеров Лепаж или Кухенрейтера. Вместе с тем дворянская честь, которая защищалась с помощью дуэли, вступала в противоречие с общечеловеческими нормами и государственной политикой: дуэль противоречила православию, а с точки зрения государства была уголовным преступлением [3].

В России не был выработан дуэльный кодекс, хотя строгие (неписанные) правила проведения поединков существовали. Русская дуэль была более жестокой, чем в европейских странах [4]. В Европе стреляли, в основном, с 20–30 шагов, в России – с 10, а иногда с 3, то есть дуэль превращалась в своеобразное ритуальное убийство.

Особенностью русских дуэлей является дефицит источников: запрещалось упоминание в прессе при Николае I, практически нет упоминаний в переписке. Поэтому значение исторического источника приобретает русская романтическая повесть. Ее особая важность связана и с тем обстоятельством, что пик дуэльной активности в России падает на первые десятилетия XIX в.

В русской романтической прозе мотив дуэли был одним из самых часто встречающихся: он давал возможность показать поведение яркого характера через незаурядное событие. Мотив дуэли присутствует в произведениях А. А. Бестужева-Марлинского, А. Ф. Вельмана, Е. А. Ган, В. Ф. Одоевского, Н. Ф. Павлова, Е. П. Ростопчиной, В. А. Соллогуба и др., а также А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Предмет нашего внимания – пять романтических повестей: «Испытание» (1830) Бестужева-Марлинского, «Именины» (1835) Павлова, «Эротиды» (1835) Вельмана, «Поединок» (1839) Ростопчиной, «Большой свет» (1840) Соллогуба. Авторы этих повестей, кроме Николая Филипповича Павлова (незаконнорожденного сына помещика Грушецкого), принадлежали к дворянскому сословию, поэтому моральный кодекс дворянина ими был воспринят с детства. Принцип чести заставлял их в жизни руководствоваться представлением о дуэли как «ритуале, не допускающем между благородными людьми неблагоприятных отношений» [5]. Участниками дуэли не раз становились Александр Александрович Бестужев-Марлинский и Владимир Александрович Соллогуб. Бестужев-Марлинский и Александр Фомич Вельман были военными, а известно, что дуэли чаще всего в России

проходили между гвардейскими офицерами. Соллогуб и Евдокия Петровна Ростопчина – представители высшего света, который считался хранителем условной этики дуэли.

В основе романтических повестей – конфликт исключительной личности с окружающей средой. Герои всех анализируемых произведений – люди страсти. Подполковник Гремин («Испытание» Бестужева-Марлинского) просит своего друга, отправляющегося в Петербург, проверить глубину любви графини Звездич. Неожиданно для всех участников этого своеобразного театрализованного действия между майором Стрелинским и Алиной Звездич возникает настоящая любовь. Героиня Вельтмана Эротида (из одноименной повести) переодевается в форму офицера Мамоновского полка, чтобы узнать причину измены ротмистра Г...ъ. Внешность и поведение полковника Велевича («Поединок» Ростопчиной) отличаются загадочностью: он буквально гипнотизирует окружающих тайной прошлого. Романтический облик героев повести Соллогуба «Большой свет» подчеркивается через изображение пустоты и фальши окружающего их общества: «В Петербурге почти все молодые люди похожи друг на друга: у всех одинаковые привычки, одинаковые ухватки, один и тот же портной, одна и та же прическа, те же разговоры, то же образование, почти тот же ум» [6]. На этом фоне выделяются Леонин – своей искренностью и незнанием светских законов и Сафьев – скептицизмом и проницательностью. Судьба героя повести «Именины», имя которого не называется Павловым, а обозначается первой буквой С., близка создателю. В судьбе автора повести – бывшего крепостного, ставшего известным писателем и критиком – много необыкновенного. Его герой – тоже бывший крепостной; за храбрость и героизм во время русско-турецкой войны он получает офицерский чин и Георгиевский крест. В штаб-ротмистре С. бросается в глаза его непохожесть на других: на своего, как выясняется в дальнейшем, счастливого соперника он производит впечатление «недюжинного» человека.

Важное место в повествовании занимает любовь: она в конечном счете и определяет развитие событий. Гремин был уверен, что его друг Стрелинский «не предаст» их многолетней дружбы. «Но когда на него полились новости о близком браке Валериана с графиней Звездич, – он был огулен и раздражен этим водоворотом. Ревность его пробудилась» [7]. Георгиевский кавалер Павлова рассказывает случайному попутчику Н. свою историю любви. Вскоре становится понятно, что его возлюбленная утаила увлечение юности и стала женой Н. За свою любовь вступает Эротида (повесть Вельтмана). Только героев «Поединка» Ростопчиной и «Большого

света» Соллогуба нельзя назвать участниками любовной драмы: чувство Велевича к Юлии и Леонина к графине Воротынской не является глубоким. Однако и они своими поступками провоцируют дуэль.

В каждой из этих повестей конфликт разрешается с помощью дуэли. Герой Ростопчиной говорит: «В мое время они были случаем обыкновенным, насчитывались десятками и отнюдь не останавливали внимание» [8]. Защищая честь женщины или вступая в соперничество из-за женщины, герои романтических повестей руководствовались оскорбленным самолюбием. Так, князь Гремин («Испытание» Бестужева-Марлинского) приходит в бешенство: «...удача Стрелинского, которую он величал изменой и коварством, вызвала его месть» [9]. Герой Ростопчиной признается, что не любил Юлию, но «душа моя была потрясена до основы – ее терзало оскорбленное самолюбие... поклялся отомстить...» [10]. Нанесенное оскорбление смывалось кровью, причем иногда достаточно было, чтобы пуля слегка задела соперника [11]. В романтических повестях слово «кровь» и производные от него обычно используются в эпизодах, связанных с мотивом дуэли. Гремин обвиняет недавнего друга в лицемерии: «Ложь! – вскричал Стрелинский, задыхаясь от гнева. – Ложь! Одна кровь может смыть это слово!» [12]. В повести «Испытание» можно найти авторский комментарий подобных ситуаций. Бестужев-Марлинский пишет: «Так-то злонаправленные страсти и художественные правила чести превращают самые благородные существа в кровожадных зверей» [13].

Дуэль могла состояться только между благородными людьми. В анализируемых повестях, как было отмечено, один герой не дворянского происхождения: бывший крепостной музыкант за службу дворянский титул за храбрость (штаб-ротмистр – это чин кавалерии, равный штабс-капитану). Дуэль обычно проходила между молодыми людьми; чаще всего ее участниками были военные. Большинство дуэлянтов романтических повестей – холостые военные: подполковник Гремин и майор Стрелинский («Испытание» Бестужева-Марлинского), ротмистр Г...ъ и переодевшаяся в офицера Мамоновского полка Эротида («Эротида» Вельтмана), штаб-ротмистр С. и помещик Н. («Именины» Павлова), гвардейские офицеры Велевич и Дольский («Поединок» Ростопчиной), гвардейский офицер Леонин и князь Щетинин («Большой свет» Соллогуба).

«Поединок – это бой между двумя соперниками на благородном смертоносном оружии, происходящий в присутствии секундантов по заранее установленным правилам, составленным в соответствии с кодексом или традицией» [14]. Поединок включает в себя качества ритуала: стро-

гую упорядоченность проведения, повторяемость, ролевой характер (он касался всех участников; в романтической повести особо выделяется значимость образов секундантов и доктора).

Вызов на дуэль в рассматриваемых повестях осуществляется без какой-либо устойчивой формы. Так, разгневанный на Валеви́ча Дольский, вступивший за честь Юлии, делает это следующим образом: «Завтра. Чем свет, прошу вас требовать удовлетворения, должного вам за мои слова. Стреляться, резаться – что хотите – я на все согласен – скорее, скорее и без шума!» [15]. «Дело чести» обычно начинается с обиды. Причины разные: зависть, дерзкая интонация, резкое движение и др. Леонин, случайно услышавший обидный для себя диалог графини Воротынской и Щетинина, назвавшего его «сантиментальным» господином де Грандисоном, дрожащим от гнева голосом говорит: «Князь, в романе господина де Грандисона недостает одной главы – поединка. Вы знаете, что романы теперь без поединка не обходятся. Не угодно ли вам будет дополнить этот недостаток?» [16]. За публичным оскорблением следует вызов. Во всех анализируемых повестях он следует немедленно, произносится устно и требует исполнения в течение суток.

Секунданты воплощали социальный смысл дуэли [17], следили за соблюдением всех формальностей, выступали в роли своеобразных блюстителей ритуала. Так, в повести «Большой свет» секундантом Леонина становится Сафьев, а Щетинина – граф Воротынский. Отношение к дуэли было серьезным, поэтому граф не смеет отказаться от роли секунданта. Он переживает, что оказался «замешанным в подобную историю» [18], «из людей значащих и горделивых он вдруг делался мальчиком, шалуном, секундантом на дуэлях молодых людей» [19]. Он оказался в положении, когда «идти – глупо, не идти – страшно» [20]. Другой секундант Сафьев несколько раз повторяет фразу о глупости дуэли, разъясняя свою позицию: «Нет ни одного человека, который бы стрелялся с отменным удовольствием: обыкновенно оба противника ожидают с нетерпением, чтоб один из них первый струсил; а потом, к чему это ведет?...» [21]

Во всех рассматриваемых произведениях в качестве оружия избираются пистолеты. Секунданты в повести Бестужева-Марлинского «Испытание» рассматривают две пары пистолетов: одна – Кухенрейтера, другая – Лепаж. Кухенрейтерские пистолеты берет ротмистр Г... в «Эротиде» Вельтмана. О технических вопросах – мелкозернистом или полированном порохе, о размере пули, о шнеллерах и др. – рассуждают секунданты в повести «Испытание». «Выстрел – самый остроумный ответ на дерзости... А пуля – самая лучшая награда коварству» [22].

Поединок обычно проходил рано утром в безлюдном месте. Итальянцы, которые ввели дуэль, называли ее «поединком в кустах» (поскольку она проводилась в уединенном месте) или «схваткой хищников» (из-за стремления сразиться до смерти).

В рассматриваемых повестях секунданты оговаривают условия дуэли: когда и где. «Ровно в полдень» «за Выборгской заставой» встречаются герои повести «Испытание»; в шесть утра в Хиршеншпрунге недалеко от Карлсбада стреляются герои «Эротиды», в седьмом часу за Волковым кладбищем хотели стреляться Щетинин и Леонин. В других повестях время и место носят условный характер. Дуэли обычно происходили утром за городом, в малолюдном месте.

Важным был вопрос о расстоянии, с которого стрелялись участники поединка. В России оно, как отмечалось, было минимальным, что делало условия боя суровыми. Так, в «Эротиде» Вельтмана противники стреляются в четырех шагах, на пять шагов от барьера должны отойти Леонин и Щетинин (Соллогуб. «Большой свет»).

Если учитывать все вызовы на дуэль, то смертельный исход был нетипичен. Так, А. С. Пушкин был участником двадцати одной дуэли. Однако в анализируемых произведениях (дуэли состоялись в трех из пяти повестей) дуэли заканчиваются убийством. Так, в «Поединке» Ростопчиной после первых выстрелов герои были слегка ранены, но «снова зарядили – снова знак, снова выстрелы»: Валеви́ч ранен в руку, а Дольский убит [23]. Результат дуэлей в повестях Павлова: «Оба вместе упали. Он не встал, я хромаю» [24]. Ротмистр Г... убивает молодого человека, который оказался его прежней возлюбленной.

В описании хода дуэли важным является поведение. В основном участники лишаются воли и автоматически играют роль. «Нас поставили. Шаги отмерены. Оружие готово, курки взведены, выстрелы раздались», – так вспоминает сам поединок Валеви́ч; в его речи используются неопределенно-личное и двусоставные нераспространенные предложения, что совсем не характерно для других фрагментов исповеди [25]. Стилистически схожее описание дуэли у Вельтмана: «Пистолеты заряжены, шаги отмерены... Г... навел курок, молодой человек также. Он подошел к самому барьеру... Г... не выдержал, спустил курок...» [26]. Построение предложений в данном случае передает механистичность движений, участники дуэли действуют автоматически, находясь «в плену» ритуала.

В анализируемых повестях приводится еще один порядок хода дуэли, построенного на соотношении понятий воинственная храбрость – великодушие к противнику. Благородство по отношению к Валеви́чу проявляет Дольский: он зара-

нее готовит и передает секунданту подписанную бумагу, в которой сообщает, что он погиб по неосторожности. Часть дуэльного ритуала связана с подведением итогов в бессонную ночь перед поединком. Участники стремились обезопасить противника и секундантов в случае своей гибели.

Дуэли не происходят в двух из пяти анализируемых повестей. Графиня Воротынская в повести Соллогуба «Большой свет», испугавшись предстоящей дуэли, сообщает о ней генералу, а Сафьев, узнав, что и ситуация намеренно спровоцирована, делает все, чтобы предотвратить дуэль Леонина и Щетинина, и даже готов стреляться сам с другим секундантом (по правилам такой порядок дуэли был возможен). Ольга Стрелинская в повести Бестужева-Марлинского «Испытание» уберегает от дуэли своего брата и его лучшего друга (дуэль между друзьями – распространенное явление). Героиня нарушает традиционный порядок дуэли, жертвуя при этом своей репутацией. Предотвращение дуэли – результат вмешательства близких людей. Повесть «Испытание» единственная из пяти анализируемых повестей заканчивается счастливой развязкой: предстоят две свадьбы – Стрелинского и Звездич, Ольги и Гремينا.

Характерная черта романтической повести – исповедь, являющаяся обычно средством самовыражения главного героя. Функцию исповеди выполняют также письма и записки. Во всех анализируемых повестях используется данная форма изложения. В «Именинах» Павлова это – рукопись, полученная от Н., «небольшая тетрадь», в которой описано «странное приключение» [27]. В «Эротиде» Вельтмана хозяин дома читает гостям по тетрадке, вынутой из конторки, «быль о том, на что женщина может решиться из любви» [28].

Развернутая исповедь представлена в повести Ростопчиной «Поединок». Валеви́ч называет ее «мрачной повестью», которая произносится в качестве «урока», «бедственного примера». В пределах исповеди приводится письмо его противника, предчувствующего свою гибель. Дольский называет дуэль преступлением, недостойным благородного человека, и предупреждает Валеви́ча, как человека совестливого, о «нестерпимом раскаянии», которое будет его мучить [29]. Осознание поединка, закончившегося гибелью одного из участников, как преступления характерно для большинства участников.

Для всех анализируемых повестей характерна вершинная композиция: выделяются те эпизоды, которые «продвигают» развитие романтической коллизии. Дуэль здесь выступает как своеобразное испытание. Сюжетообразующее значение дуэль имеет в повести Ростопчиной «Поединок». Здесь в исповеди Валеви́ча звучат сле-

дующие слова: «Поединок – это испытание, где сильный непременно попирает слабого, где виновный оправдывается кровью побежденного, где хладнокровие бездушия одолевает неопытную пылкость, ослепленную страстью и заранее обезоруженную собственным волнением...» [30]. Испытание проходят все участники дуэли-поединка, стремящиеся восстановить честь, смыть кровью оскорбление [31].

В развитии интриги этих повестей огромную роль сыграла идея рока. В «Именинах» Павлова случай сводит мрачным осенним вечером в рязанской гостинице двух интересных друг другу людей, которые окажутся соперниками. Леонин в «Большом свете» Соллогуба в течение двух лет ухаживает за графиней Воротынской, замужней женщиной, хотя предназначенная ему девушка жила рядом (младшая сестра графини, пока не выезжавшая в свет), но свою ошибку герой осознал слишком поздно. Идея рока может иметь и конкретное воплощение. Кольцо с надписью «Эротиды, 1811 года» стало причиной любовной драмы, закончившейся дуэлью, в повести Вельтмана. В «Поединке» Ростопчиной убитый на дуэли Дольский нарушил клятву, данную матери: никогда не драться на поединке. Еще в детстве цыганка нагадала ему смерть на поединке (возможно, этим объясняется значение фамилии героя – Дольский: от доля – участь, судьба).

Таким образом, писатели-романтики представляли в своих произведениях публичное освещение официально запрещенного ритуала. Все герои – участники дуэли – продемонстрировали свою солидарность с дворянским кодексом чести, но при этом осудили дуэль как дело, «противное всем правилам нравственности» [32], называли дуэль «кровавым предрассудком» [33], а поединок – «убийством дневным, руководствуемым правилами» [34].

Во второй половине XIX в. дуэлей стало значительно меньше. 13 мая 1894 г. был издан документ, легализующий дуэли. С его помощью надеялись возродить дух офицерства в армии [35]. После революции дуэль стала восприниматься как пережиток царского режима.

Однако все-таки можно утверждать, что в России дуэльная идея прижилась [36]. История русских поединков чести по протяженности во времени была короче, чем в других европейских странах, но о ее интенсивном наполнении свидетельствуют произведения русских писателей, в том числе А. А. Бестужева-Марлинского, Н. Ф. Павлова, В. А. Соллогуба, А. Ф. Вельтмана, Е. П. Ростопчиной.

Примечания

1. Хоптон Р. Дуэль. Всемирная история / пер. с англ. А. Колина. М., 2010. С. 370.

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ
СИМВОЛЫ И МИФОЛОГЕМЫ
МАСОНСКОЙ ПОЭЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
МАСОНСКИХ ЖУРНАЛОВ 1770–1780-х гг.)**

В статье исследуется поэзия масонских журналов XVIII в. «Утренний свет», «Вечерняя заря», «Магазин свободномасонский». Объектом анализа являются концептуальные пространственно-временные образы и мифологемы масонской поэзии, отражающие философию «свободных каменщиков». Выделяются мифологемы пути, храма, временного земного и вечного небесного бытия, «внутреннего» и «внешнего» человека, топос уединения. Одним из ведущих приемов изображения становится прием антитезы, символизирующий борьбу света и мрака, добра и зла во внешнем мире и во внутреннем пространстве человеческой души.

In the article the author analyzes the poetry of the masonic magazines of the XVIII century "Morning light", "Evening dawn", "Magazin of free-masons". The object of the analysis are conceptual spatial-temporal images and myths of the masonic poetry, reflecting the philosophy of "free masons". Myths of the way, the temple, the time of the earthly and eternal heavenly being, the "internal" and "external" man, the topos of privacy are allocated. One of the leading methods of the image becomes the method of the antithesis, symbolizing the struggle between light and darkness, good and evil in the world and in the inner space of the human soul.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII в., масонская поэзия, мифопоэтика, пространственно-временные художественные образы и символы

Keywords: Russian poetry of the 18th century, the masonic poetry, myphopoetics, spatial-temporal images of art and symbols.

Литература последней трети XVIII – начала XIX в. не может рассматриваться в отрыве от масонской культуры, и в особенности это касается поэзии, на что указал В. И. Сахаров: «В сфере "художеств" и, прежде всего, в поэзии это образное, глубоко идеалистическое, романтическое мирозерцание неизбежно порождало особый творческий метод, постепенно объединивший очень разных писателей в литературную школу, в целостное направление – масонскую литературу. Поэзия занимает в ней главное место, оттеснив еще не развившуюся прозу и слишком зависимую от деспотического классицистического театра драму <...> на второй план» [1].

Огромный пласт русской поэзии XVIII в., связанной с масонским направлением, долгое время оставался неизученным, несмотря на то что с этой линией русской литературы связаны почти все яркие фигуры нашей словесности последней трети

2. Востриков А. Книга о русской дуэли. СПб., 2004. С. 13.

3. Первый антидуэльный указ в России был издан в 1702 г.: за участие в дуэли предусматривалась смертная казнь. В 1787 г. при Екатерине II вышел «Манифест о поединках». Правда, сведений, подтверждающих применение этого закона, нигде не зафиксировано. За все время в России никто не был казнен за участие в дуэлях.

4. Гордин Я. А. Дуэли и дуэлянты. СПб., 1996; Рейфман И. Ритуализованная агрессия. Дуэль в русской культуре и литературе / пер. с англ. Е. А. Белоусовой. М., 2002.

5. Востриков А. Книга о русской дуэли. С. 11.

6. Соллогуб В. А. Большой свет // Дуэль. Повести русских писателей. М., 1990. С. 207.

7. Бестужев-Марлинский А. А. Испытание // Дуэль. Повести русский писателей. М., 1990. С. 60.

8. Ростопчина Е. П. Поединок // Дуэль. Повести русских писателей. М., 1990. С. 152.

9. Бестужев-Марлинский А. А. Испытание. С. 60.

10. Ростопчина Е. П. Поединок. С. 165.

11. Мафченко Н. Быт и нравы пушкинского времени. СПб., 2005. С. 322.

12. Бестужев-Марлинский А. А. Испытание. С. 64.

13. Там же. С. 60.

14. Востриков А. Книга о русской дуэли. С. 13.

15. Ростопчина Е. П. Поединок. С. 175.

16. Соллогуб В. А. Большой свет. С. 246.

17. Востриков А. Книга о русской дуэли. С. 176.

18. Соллогуб В. А. Большой свет. С. 232.

19. Там же. С. 233.

20. Там же. С. 249.

21. Там же. С. 232.

22. Бестужев-Марлинский А. А. Испытание. С. 65.

23. Ростопчина Е. П. Поединок. С. 175.

24. Павлов Н. Ф. Именины // Павлов Н. Ф. Сочинения. М., 1985. С. 26.

25. Ростопчина Е. П. Поединок. С. 175.

26. Вельтман А. Ф. Эротика // Русская романтическая повесть. М., 1980. С. 305.

27. Павлов Н. Ф. Именины. С. 7.

28. Вельтман А. Ф. Эротика. С. 282.

29. Ростопчина Е. П. Поединок. С. 176.

30. Там же. С. 153.

31. Ю. М. Лотман употреблял понятия дуэль и поединок как синонимы: «Дуэль (поединок) – происходящий по определенным правилам парный бой, имеющий целью восстановление чести, снятие с обиженного позорного пятна, нанесенного оскорблением» // Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 164.

32. Ростопчина Е. П. Поединок. С. 152.

33. Бестужев-Марлинский А. А. Испытание. С. 65.

34. Ростопчина Е. П. Поединок. С. 153.

35. В сборнике «Дуэль. Повести русских писателей» / сост., вступ. ст. Н. П. Утекина; посл. В. В. Дорошевича (М., 1996. 552 с.) через произведения, расположенные в хронологической последовательности, прослеживается эволюция темы дуэли.

36. О формировании нового варианта дуэльной традиции свидетельствуют, в частности, кинофильмы «Дуэль» (основан на современном прочтении романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; режиссер Д. Ахунзаде, 2011 г.) и «Сатисфакция» (режиссер А. Матисон, 2011 г.).

столетия. Даже Г. Р. Державин, хотя и не являлся членом масонской ложи, тем не менее испытал на себе влияние масонской культуры, о чем свидетельствует не только его личное тесное общение с представителями масонских лож, но и тот факт, что имя Державина входит в список подписчиков, напечатанный в третьей части журнала «Утренний свет» за 1779 г. (год, переломный в творческом определении поэта!), когда переиздавались вышедшие ранее, в 1777 и 1778 годах, номера. Безусловно, специфическая символика и образность масонской поэзии находят отражение в творчестве самых разных писателей и оказывают влияние на изменения в литературном процессе. Все это свидетельствует о необходимости изучения этой важнейшей составной части русской литературы.

Наиболее яркое представление о содержании масонской поэзии дают журналы масонского направления, издававшиеся вначале в Санкт-Петербурге, а затем при Университетской типографии в Москве: «Утренний свет» (1777–1780), «Вечерняя заря» (1782), а также журнал «Магазин свободнокаменщической», издававшийся в типографии И. Лопачина в Москве в 1784 г. Как правило, произведения публиковались в этих журналах анонимно. Авторство многих текстов легко установить по выходявшим впоследствии авторским сборникам (например, М. М. Хераскова), но авторы некоторых произведений до сих пор неизвестны. Тем не менее в русле исследования масонской символики и образности важно включить в сферу анализа все произведения, независимо от того, известен их автор или нет. Одной из задач, решаемых в представленном исследовании, является выделение значимых пространственно-временных топосов и мифологем масонской поэзии, отражающих масонское мировоззрение.

Поэтические тексты масонских журналов тесно связаны с философскими представлениями «вольных каменщиков»: мир невыносим вне идеи Бога, который раскрывает себя через натуру, в том числе и через человека. Человеку, сотворенному, как и весь мир, из безграничного Божественного милосердия и любви, предначертана особая миссия, в соответствии с которой человек создан «по образу и подобию Божьему», чем выделен из всего тварного мира. Человеку дан Разум и свободная воля, чтобы он стремился в своем земном бытии «реализовать заложенную способность достижения «обожения»» [2], то есть уподобиться Творцу. Но человек одновременно принадлежит духовному и плотскому миру, поэтому в человеке выделяется два уровня: внешний и внутренний, плотский и духовный, которые находятся в постоянном состоянии противоборства, что стало возможным в связи с грехопадением

первого человека Адама, разрушившим изначальную гармонию в природе.

В масонских поэтических произведениях обнаруживаются многочисленные образы, топосы и мифологемы, отражающие важнейшие идеи масонской философии. Наиболее важными для масонского мировоззрения, по нашему мнению, являются мифологемы пути и храма, широко представленные в поэзии. Безусловно, здесь отмечается тесное взаимодействие с символикой и образностью библейских текстов и с духовной христианской поэзией. Истинный путь в соответствии с осознанием высокого предназначения человека, призванного уподобиться Богу, – это духовный путь возвышения, «обожения». В оде «Бог», опубликованной в октябрьском номере «Утреннего света» за 1777 год, М. М. Херасков пишет: «О смертный! К достиженью Бога / Тебе назначена дорога, / Ищи ее в душе твоей!» [3].

Авторы масонских стихотворений противопоставляют истинный путь движения души к Богу ложным путям, отвлекающим человека от его основного предназначения: «Не все одним путем на свете сем идут; / Незлобие одни, порок другие чтут», – пишет неизвестный автор в «Размышлении» [4]. Стремление к богатству, жестокость, прочие пороки, развращающие душу, лишают человека божественного света и истинной человеческой сущности: «Иль добр будь, иль не смей ты человеком зваться!» (М. М. Херасков. *Сельская муза*) [5].

Семантика образа пути тесно связана с идеей духовных исканий. Так, в «Оде ищущим мудрости» В. И. Майкова мифологема пути становится сквозным образом. Премудрость, вещающая в собрании масонских братьев, убеждает, что ни один жаждущий истины не останется без Божьей помощи: «Всем ищущим меня являюсь; / Толкущим отверзаю дверь»; «Просящим простирая руку, / Во храм пресветлый мой веду» [6]. Подчеркивается, что путь истины труден («Сей путь весь тернием усеян»), но тот, кто искренне ищет духовного сближения с Творцом, преодолевает с Его помощью все препоны и окажется в светлом храме Премудрости. Сам автор тоже призывает братьев идти вслед за Премудростью:

Держайте вслед ее тещи,
Грядите, путь свой окончайте,
Победой подвиг увенчайте
И мне пролейте света луч!
Меня не ночь страшит глубока:
Я стану ждати от Востока
Конца мой взор мрачивших туч [7].

Эта финальная строфа стихотворения В. И. Майкова насыщена масонской символикой и раскрывает смысл наименования журнала «Утренний свет»: мрак непросвещенности, тьма заблуждений и ошибок должны развеяться с пер-

выми солнечными лучами, открывающимися братьям, стремящимся к духовной близости с Богом.

Жизнь земная ассоциируется в масонской поэзии с пространством мрака, изгнания, узами, ограничивающими свободный полет светлой души к Богу: «Во мраке смертные родятся, / Во мраке свой проводят век, / И истины не зная, дивятся, / На что родится человек!» [8]. Путь земной жизни воспринимается масонскими поэтами как путь к смерти, освобождающей и ведущей к вечному бытию в гармоничном Божественном пространстве. Наиболее ярко эта идея выражена в стихотворении неизвестного автора «Размышление стремящегося к вечности», опубликованном в «Вечерней заре»:

А жители земли в изгнании своем
Скучают, мучатся злосчастливым житием.
Увы! Сколь бедны дни, дни жития земного!

В них мука, грусть, тоска, от них сокрыто благо <...>

Я нищ и изгнанный, оставлен на земли!
Во горный град меня, о Боже, преседи!
Гоненью моему пошли освобожденье,
Отраду грусти дай, недугам облегченье [9].

И в этом, и во многих других стихотворениях масонов, связанных с размышлениями о смерти, отражается кодекс правил поведения (или обязанностей) вольного каменщика, в котором один из пунктов предписывает любовь к смерти. Как отмечает С. В. Аржанухин, описывающий метафизику и нравственную философию масонов, это правило связано с осознанием того, что «смерть не есть небытие». Масон должен часто размышлять о смерти, посещать страждущих, ходить на погребения, чтобы познать, что смерть – не внезапное и нечаянное событие земной жизни, но известное и ожидаемое, что смерть – «подательница Света», а Свет – «реальный аспект Божества» [10].

«Любовь к смерти» выражается в многочисленных поэтических противопоставлениях земной жизни Божественному небесному миру, ночи плотского бытия духовному свету вечности. В «Надгробной песни Перуанцев» земная жизнь представляется небольшой ладьей в бурном море, а смерть – безопасной пристанью:

От бури ладью в волнах несому зри;
Спасенна, в пристани, спокойна, безопасна.
Подобну морям жизнь и бурю вообрази:
Да будет жизнь тебе, не смерть твоя ужасна [11].

В этой же «Песни» жизнь ассоциируется с криком младенца, оставленного матерью, а смерть – с нежными объятиями матери, в жизни земной человек – «узник нужд, поверженный в неволе». Автор произведения учит любить смерть, ведь «оковы снимет смерть», «через смерть познать себя Творец нас научает», «смертию пой-

дешь ты в вечное блаженство», «Устроил смерть тебе и так Создатель рек: / Чрез смерть твой чистый дух со Мною соединится» [12].

Наиболее ярко противостояние небесного и земного миров выражается через антитезу света/тьмы, являющуюся важнейшей не только в масонской поэзии, но и в религиозно-духовной литературе в целом. Как отмечалось выше, названия изданий «Утренний свет» и «Вечерняя заря» тесно связаны с данной символикой. Хромотопичные образы вечерней и утренней смены дня и ночи отражают переходное состояние души вольного каменщика, стремящейся из мрака греховного земного мира к свету Божественного бытия.

Наряду с предписанием воспитывать в себе «любовь к смерти» масону необходимо неустанно познавать Бога. Размышлениям о Божественном бытии посвящены многие масонские поэтические тексты. Божественное пространство представляется в образе храма, чертогов, горнего града, «непреходящее где благо обитает, где слава вечная, где вечный свет сияет» (*Размышление стремящегося к вечности*) [13]. Но в земной жизни человек не может войти в небесный горный мир, поэтому на земле Бог может познаваться через Его творение: природу и созданного по Его образу и подобию человека. Немало произведений посвящено прославлению величия Бога, являющего себя через природу. Наиболее ярко эта идея представлена в текстах, принадлежащих М. М. Хераскову, в частности в его оде «Мир» и в стихотворении «Сельская муза».

Сквозная идея оды «Мир» – представление величественной природы, во всех явлениях и элементах которой, в том числе и в человеке, пребывает Бог. Как верно замечает исследовательница творчества М. М. Хераскова О. Н. Руднева, Херасков в своих духовных одах «включает своего лирического героя в систему мироздания, в божественное бытие, что рассматривается как великое благо и не противоречит христианской концепции. Таким образом <...> Херасков приходит к пониманию единства мира, его Божественной осмысленности и “встроенности” человека в этот мир» [14]. Такое понимание мира и человека несколько расходится с ведущей концепцией масонов, установившейся в русской литературе в 1780-е гг. Так, Н. И. Николаев пишет: «Итак, осознание полной противоположности человека миру лежит в основе мировоззрения многих русских писателей-масонов 80-х гг. XVIII в.» [15] Человек в поэзии Хераскова в идеале есть часть Божественного мира, а природа – Божественный храм, о чем пишет поэт в стихотворении «Сельская муза»: «Вступая на луга, вхожу как в некий храм; / Натура, мнится, там раскинула порфиру / И пиршество всему пригото-

ляет миру...» [16] Обожествленной предстает природа и в оде М. Н. Муравьева «Утренние размышления», напечатанной в декабрьском номере «Утреннего света» за 1778 г.

Наряду с воспитанием в себе любви к смерти и осмыслением Божественного бытия масонская духовная работа состоит также в познании и совершенствовании самого себя. Масонские заповеди предписывают:

Познайте таинства Природы,
Познайте и ея Творца,
И в краткие сей жизни годы
Старайтесь знать свои сердца [17].

Масон «самого себя познание / Чтя за важнейший предмет, / Познает, что он создание / Бога, давшего всем свет» [18]. Но познание себя – наиболее трудная задача, так как препятствием на этом пути оказывается сам человек, наделенный страстями, мешающими обретению гармонии («Знать самого себя претрудная наука! / Для воли и страстей несносна эта мука! / Добро всегда творить, пороки истребля, / Владеть собою есть знать самого себя» [19]). Осмысление противоречий человеческой души и поиск способов их преодоления – одна из важнейших тем масонской поэзии. Основным топосом в произведениях, связанных с этой тематикой, становится внутреннее пространство человека. Появляется этот топос в «Размышлении стремящегося к вечности»:

Я внутренних врагов, о Творче мой, имею,
Над ними одержать победы не умею.
О сколько брани я во внутрь себя терплю!
Небесного ищу, небесное люблю:
Но свойством тела я к земному преклоняюсь,
Стремлюсь ко Господу, но скоро отторгаюсь [20].

Автор «Молитвы к Богу о ниспослании благодати» размышляет о борьбе света и мрака в душе человека («Но темный некий мрак сей разум затмевает, / Он ложь со истиной в затмении мешает», «Свет истины пред ним покрыт сгущенным мраком» [21]), но душа стремится к Богу, внимает его заповедям. Душа, согласно масонской терминологии, «внутренний человек», понятие это проникает и в поэтическую «Молитву» неизвестного автора:

И се, о Боже мой! все то, что Ты изрек,
Внимает внутренний лишь только человек!
Он заповедь Твою в себя впечатлевает,
Он истину и свет, и святость ощущает,
Изобличает нас во злобе и грехах... [22]

«Внутренний человек», чувствующий пороки «внешнего», плотского человека, раскрывающий ему его грехи – это одновременно и совет: «Меня свидетель мой всегдашний наказует, / Всю внутренность мою твой правый суд волнует» (*Песнь покаяния*) [23]. Человеку, всей душой стремящемуся к свету Божественной любви, труд-

но овладеть своими страстями, поэтому ему необходима помощь Бога в борьбе с грехами, влекущими его «к долу» вместо небесных чертогов. Неоднократно во многих текстах звучат обращения к Богу о помощи в направлении души на путь истины.

Близость с Богом дает ощущение счастья: «Где Ты, там жизнь, где Ты, там тысячи отрад! / Где нет тебя, там смерть, тоска и самой ад» (*Размышление о том, что Бог всем любящим Его паче всего и во всем сладок есть*) [24]. Наиболее близкий путь к Богу – общение с Ним наедине, в связи с чем топос уединения становится одним из концептуальных в масонской поэзии. Уединенным размышлениям о величии Творца предается лирический субъект стихотворения М. М. Хераскова «Сельская муза», наслаждающийся каждой мельчайшей деталью тварной природы. Один из Стансов, напечатанный в «Вечерней заре» в мартовском номере, обращен непосредственно к прославлению уединения: «О ты, приятное мое уединенье! / Ты гонишь от меня тщету мирских сует» [25]. Уединение дает возможность обратиться напрямую к Богу, направить свои размышления «во светозарный тот божественный чертог, / Где жизни вечная вкушать блаженства чаю / И где мне свет и жизнь всещедрый будет Бог» [26]. Уединение освобождает от «тяжких оков» плотских страстей. В Стансе «Презрение страстей» из апрельского номера «Вечерней зари» страсти воспринимаются как «источник горести, несчастья, напасти», «цепь», «оковы», «узы». Стремление к земным утехам – это «суета суетств и всяческая суета», закрывающая дорогу к блаженству.

Во многих масонских произведениях светское городское пространство, влекущее человека «к напастям», противопоставляется уединенному пространству, сельской тишине, красоте природы. Уединение в мире природы становится средством спасения от ложных земных сует, способом ощутить сердечную радость от общения с Богом. Тема противопоставления шумного города сельской тишине звучит в Стансе «О град! ты пышностью своей не величайся...» [27] и в стихотворении «Кому приятен здешний свет?»: «Кто градской пышности и шума убегает, / И в сельской тишине среди полей живет, / В Природе кто Творца вселенной примечает, / Конечно, для того приятен здешний свет» [28].

Непосредственно с масонскими обрядами связан топос масонского храма как аналог защищенного пространства, в котором, в отличие от всего окружающего мира, царят истинная дружба, добродетель и любовь:

Любезны братья! Днесь
Колико мы блаженны,
Когда все купно здесь

Во храме затворены;
Не видим мы сих бед,
И их мы не трепещем,
Нам правый светит свет,
Согласно да воспоем! [29]

«Что в свете дружба, добродетель, / То знаем только мы одни», – поют масоны в своей песне [30]; тот же мотив звучит и в другой песне: «Любовь, надежда и покой, / Здесь чистых душ блаженство, / Они для кротких совершенство, / Они блаженный век златой» [31].

Таким образом, в масонской поэзии представления о Божественном бытии и Божественном пространстве выражаются символическими образами, связанными с солярной мифологией, топосами рая, храма, горнего града, высокого и безграничного небесного пространства. Движение души человека к Богу отражается через мифологемы пути, топос уединения. Переменчивость и непредсказуемость земной жизни соотносится с бурным морем, тяжкими оковами, а обретение спокойствия и слияния с Богом – с образом желанного берега, освобождением. Борьба плотского и духовного начал в человеке, антиномичность мира и человека, потерявших гармонию в результате грехопадения Адама, выражаются, как правило, антитезами света и тьмы, противопоставлением сельского и природного естественного пространства пространству города. Взгляды масонов на прошлое, настоящее и будущее каждого человека в отдельности и человечества в целом также находят отражение в поэзии, в которой рисуются картины Страшного суда, создаются образы небесных чертогов, вечного блаженства души, соединившейся с Божественным духом, проповедуется «любовь к смерти». Сама смерть ассоциируется с образами дверей к блаженству, ворот к вечности. С масонской обрядностью связан образ защищенного пространства масонского храма, в котором, в отличие от бурного и полного пороков и зла окружающего мира, царят спокойствие, добродетель, истинная дружба и любовь.

Примечания

1. Сахаров В. И. Русская масонская поэзия (к постановке проблемы) // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. / под ред. В. И. Сахарова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 76.

2. Аржанухин С. В. Философские взгляды русского масонства: по материалам журнала «Магазин свободнокаменщической». Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. С. 143.

3. Утренний свет. СПб., 1777. Октябрь. С. 157.

4. Утренний свет. СПб., 1778. Май. С. 68.

5. Утренний свет. СПб., 1777. Сентябрь. С. 45.

6. Утренний свет. СПб., 1778. Февраль. С. 186.

7. Там же.

8. Магазин свободнокаменщической. М.: В тип. И. Лопухина, 1784. Ч. II. С. 124.

9. Вечерняя заря. Ежемесячное издание. М.: Университетская тип. у Н. Новикова, 1782. Декабрь. С. 306–307.

10. Аржанухин С. В. Указ. соч. С. 176–177.

11. Утренний свет. СПб., 1779. Март. С. 190.

12. Утренний свет. СПб., 1779. Март. С. 191, 194–195.

13. Вечерняя заря. М., 1782. Декабрь. С. 306.

14. Руднева О. Н. Поэтическая индивидуальность М. М. Хераскова: философские и эстетические искания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004. С. 18.

15. Николаев Н. И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1997. С. 114.

16. Утренний свет. СПб., 1777. Сентябрь. С. 44–47.

17. Магазин свободнокаменщической. М., 1784. Ч. II. С. 123.

18. Магазин свободнокаменщической. М., 1784. Ч. II. С. 129.

19. Вечерняя заря. М., 1782. Август. С. 303.

20. Вечерняя заря. М., 1782. Декабрь. С. 308.

21. Вечерняя заря. М., 1782. Ноябрь. С. 231.

22. Там же.

23. Вечерняя заря. М., 1782. Ноябрь. С. 225.

24. Вечерняя заря. М., 1782. Ноябрь. С. 226.

25. Вечерняя заря. М., 1782. Март. С. 200–202.

26. Вечерняя заря. М., 1782. Март. С. 200.

27. Утренний свет. СПб., 1778. Май. С. 71–73.

28. Утренний свет. СПб., 1778. Май. С. 75.

29. Магазин свободнокаменщической. М., 1784. Ч. II. С. 126.

30. Там же. С. 125.

31. Там же. С. 127.

УДК 028

Е. С. Романичева

СОВРЕМЕННЫЙ ШКОЛЬНИК – КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ И/ИЛИ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЧТЕЦ?

В статье последовательно показано, что формирование школьника как квалифицированного читателя и как стратегического чтеца надо рассматривать не по принципу противопоставления, а по принципу дополнительности. Решение этой двуединой задачи должно стать основным направлением в современном школьном образовании.

The article consistently shows that the forming of a schoolboy as a skilled reader and as a strategic reader should not take place in opposition but one should complement the other. Realization of this “one in two” goal should become the main direction in modern school education.

Ключевые слова: квалифицированный читатель, стратегический чтец, технологии приобщения к чтению, традиционная и новая модели детского/подросткового чтения.

Keywords: skilled reader, strategic reader, technologies of accustoming to reading, traditional and modern models of children's and teenagers' reading.

...Читателей должна готовить средняя школа, читателей, размышляющих над прочитанным и умеющих поделиться в живом слове плодами своего чтения и размышления.

В. П. Шереметевский

Вхождение России в мировое образовательное пространство, внимание к проблемам чтения современных детей и подростков поставило перед профессиональным сообществом (учителями, вузовскими преподавателями, методистами, библиотекарями) вопрос: мы должны сформировать в школе ученика как квалифицированного читателя или стратегического чтеца?

На первый взгляд, ответ очевиден. В традициях отечественного литературного образования было формирование ученика в первую очередь как квалифицированного читателя. Учителя-словесники и методисты справедливо полагают, что «квалифицированный читатель – это человек, умеющий осмыслить сложную, возможно, противоречивую информацию, данную в тексте, уловить позицию автора, его мотив, намерения, цели – явные и скрываемые; человек, способный нравственно и духовно самосовершенствоваться, учиться на чужих примерах и задумываться над смыслом жизни; наконец, это человек творческий (чтение и творчество – вещи взаимосвязан-

ные)» [1]. Абсолютно понятно, что формирование школьника как читателя проходило по ведомству *литературы* как учебного предмета, который к тому же нес немалый груз общественных и идеологических «нагрузок». Именно этому мы были обязаны и статусом предмета, и вниманием к проблемам преподавания литературы (а не русского языка, например) со стороны общества, и приверженностью к сочинению как форме традиционного экзамена на аттестат зрелости.

Наступивший XXI век, век информационных технологий, которые во многом стали определять как экономический, так и жизненный уклад, существенно изменил ситуацию. Чтение как способ проведения досуга вступило в жесткую конкуренцию с другими способами (просмотр телепередач, кино, компьютерные игры, «тусовка» в социальных сетях) и проиграло им. Социологи стали говорить о смене «модели» чтения. Схематично традиционную и новую модель можно представить в табл. 1.

Если к сказанному добавить, что чтение с листа как традиционная практика стало конкурировать с чтением с экрана и чтением-слушанием, что на пути к чтению встали определенные барьеры, к числу которых, безусловно, можно отнести:

- консервативные традиции современного литературного образования (изучаем литературоведение, а не литературу, нет научных критериев отбора текстов, потому что не решена проблема отбора содержания по предмету *литература*, в практике преподавания предмета преобладают традиционные уроки, не разработаны новые «форматы» школьных учебников по литературе, отсутствует «свободное чтение»);

- ЕГЭ по русскому языку и литературе, который подчиняет цель филологического образования мнимому результату (успешной сдаче ЕГЭ и возвращает в школу «натаскивание», а не формирование навыков чтения и свободного письма);

- мифы о чтении и не-чтении, которые живут в обыденном сознании;

- неумение профессионального сообщества искать партнеров в привлечении детей к чтению;

- незнание технологий решения проблем и/или деление технологий на «свои» и «чужие»,

то станет абсолютно понятно: задача формирования квалифицированного читателя становится трудновыполнимой. К тому же мы пока не можем осознать: сегодня насущнейшей задачей становится не *руководство чтением*, а *приобщение к чтению* (это не простое жонглирование терминами, не переярлычивание (Панов), а отражение социокультурных процессов, происходящих в обществе), что важнейшей проблемой методической науки становится не поиск новых путей и форм анализа текста на уроках, а разра-

ботка эффективной методики обучения смысловому чтению.

Справедливости ради надо признать: шаг по пути преодоления указанных противоречий сделан: в новых ФГОС для средней школы по-новому расставлены приоритеты, в частности введена надпредметная программа «Чтение: работа с информацией», задача обучения стратегиям чтения отнесена к числу актуальных. Однако вопрос о ценности чтения в жизни подрастающего поколения пока только продекларирован, ценностный аспект чтения «прописан» только в отношении предмета литература. Возможно, это произошло потому, что Россия, пережившая вслед за другими странами в начале XXI века PISA-шок, недавно была ошеломлена цифрами гигантского разрыва между читательской грамотностью выпускников начальной и средней школы. Этот разрыв был зафиксирован с помощью тестов PIRLS и PISA [2] (табл. 2).

Анализ этих цифр привел к печальному выводу о том, что на этапе перехода от начальной школы к средней происходит потеря школьника как читателя: он перестает читать, потому что относится к чтению не как к удовольствию и способу проведения досуга, а исключительно как к получению информации.

К сожалению, не желая расставаться с иллюзиями и мифами, профессиональное сообщество в массе своей заговорило о некорректности тестов PISA, о приверженности традициям российского образования в области изучения литературы, предупреждая об «опасности» подхода к чтению, принятого во всем мире. Самое печально,

что для подавляющей массы учителей-словесников результаты PISA оказались неизвестными, а пути преодоления кризиса стали искать не ученые-методисты и учителя-практики, а библиотекари. Именно под натиском РШБА (Российской школьной библиотечной ассоциации) и РАЧ (Русской ассоциации чтения) стали говорить о необходимости подготовки новых специалистов, востребованных в школе сегодня: библиотекаря-педагога и учителя-методолога чтения.

Думается, что будет правильным, если мы рассмотрим российский (формирование школьника как квалифицированного читателя) и западный (формирование школьника как стратегического чтеца) подходы к обучению чтению не по принципу противопоставления, а по принципу дополнительности. Убеждает нас в этом хотя бы тот факт, что читательская грамотность в исследованиях PISA-2009 трактуется как «способность человека понимать и использовать письменные тексты, размышлять о них и заниматься чтением для того» (выделенного не было в предыдущих трактовках этого термина. – Е. Р.), чтобы достигать своих целей, расширять свои знания и возможности, участвовать в социальной жизни» [3]. Именно поэтому достоянием самого широкого учительского сообщества должны стать разработанные в России и в мире технологии приобщения к чтению, которые направлены на комплексное использование ресурсов семейного чтения, чтения в школе и в библиотеке. К их числу можно отнести:

– технологии и читательские программы международного проекта «Школа, где процветает

Таблица 1

Традиционная модель	Новая модель
– Любовь к чтению как способу проведения досуга – Высокий статус чтения в обществе – Престиж в обществе человека читающего – Небольшая доля «чтива» в общем репертуаре чтения – Наличие домашней библиотеки, частое посещение общественной – Преобладание в чтении книг, а не периодики – Ориентированность круга чтения на «золотое ядро» детской/юношеской литературы, классики – Общение со сверстниками и взрослыми по поводу прочитанного – Литературный герой – пример для подражания	– Отторжение чтения как досуговой деятельности у подростков – Преобладание «делового» чтения – Чтение «модных» текстов – Изменение круга чтения в сторону развлекательной литературы – Отсутствие домашней библиотеки, редкое посещение общественной – Наличие гендерных различий в чтении – Преобладание в чтении периодики, а не книг – Слабое знакомство с современной литературой, непонимание классических текстов – Разрыв межпоколенческих и внутриспоколенческих связей как следствие изменения круга чтения

Таблица 2

Формат исследований	Низкий уровень читательской грамотности	Средний уровень читательской грамотности	Высокий уровень читательской грамотности
PIRLS	2%	37%	61%
PISA	35%	54%	11%

грамотность» (куратор – РАЧ, внедрен в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске),

- технологии проекта «Успешное чтение» (Санкт-Петербург, РГПУ имени А. И. Герцена),

- технологии проекта «Литературный венок России» (Москва),

- технология «педагогические мастерские» (Е. О. Галицких, Киров),

- технологии Детского книжного автобуса «Бампер» (И. Тихомирова, Москва),

- социально-педагогические технологии поддержки и сопровождения семейного и детского чтения: научно-практический семинар «Детские книги в круге чтения взрослых», «Литературная детская», «Педагогическое досье», «Летний список» и др. (Москва, МГПИ),

- библиотечные технологии: «навигация в мире книг», стратегии продвижения книг и др.

Однако сотрудничество школы, семьи и библиотеки в области приобщения будет успешным тогда, когда будет поддержано всеми учителями-предметниками, в том числе и в «части» формирования школьника как стратегического чтеца.

Стратегический чтец (*опытный* (С. К. Фоломкина), *гибкий* (О. Д. Кузьменко, Г. В. Рогова), *идеальный* (И. В. Усачева) – чтец, «который (1) осознает и выбирает цель чтения в зависимости от искомой информации и характера читаемого текста; (2) подбирает, если необходимо, источники информации; (3) владеет приемами, стратегиями чтения; (4) правильно подбирает их в соответствии с целью, проявляя читательскую гибкость» [4]. Думается, излишне говорить о том, что работа с текстами идет на всех уроках и каждый предметник заинтересован в том, чтобы ученик понимал те тексты (сплошные и несплошные), которые могут быть предложены ему в процессе освоения темы. Овладение стратегиями чтения – важнейшая образовательная задача. Не будем забывать: «Стратегические процессы во многом противоположны процессам алгоритмическим, или управляемым правилами. Примером последних является порождающая грамматика, дающая структурное описание предложения с помощью правил синтаксического анализа. Процесс может быть сложным, долгим, утомительным, но он гарантирует успешное достижение цели, если правила верны и применяются корректно. В стратегическом процессе такого гарантированного успеха нет, как нет и единого представления текста. Применяемые стратегии похожи на эффективные рабочие гипотезы относительно правильной структуры и значения фрагмента текста; дальнейший анализ может их и не подтвердить. Стратегический анализ зависит не только от текстуальных характеристик, но и от характеристик пользователя языка, его целей и

знаний о мире. Это значит, что читатель пытается реконструировать не только предполагаемое (*intended*) значение текста, выраженное автором различными способами в тексте или в контексте, но и значение, наиболее релевантное с точки зрения его интересов и целей.

Стратегии – это часть нашего общего знания: они представляют собой знание о процессах понимания» [5]. Последовательное применение стратегий чтения, а их на сегодняшний день разработано и описано более 100, последовательно меняет методику проведения урока и позволяет как работать в ситуации «невыполненного домашнего задания» (ведь большая часть вопросов и заданий предлагается ученику после основного «Прочитайте текст (художественный, учебный, научный) и ответьте на вопросы». Невыполнение домашнего задания сводит на нет тщательно подготовленный урок и превращает его в лекцию учителя), так и при разработке инновационных уроков, в рамках которых по-новому организуется работа с новым материалом. Использование предтекстовых и текстовых стратегий на этапе освоения нового позволяет организовать работу с незнакомым учащимся текстом, причем максимально дифференцировать, индивидуализировать и интенсифицировать процесс обучения, так как большая часть стратегий предусматривает индивидуальную, парную работу и работу в малых группах.

К сказанному остается добавить: никаких специальных текстов для обучения стратегиям не нужно. Обучение стратегическому чтению, как утверждают исследователи, наиболее эффективно, если оно идет на материале реальных художественных, научно-популярных, учебных текстов, но при этом методика работы с ними должна носить трансактивный и интерактивный характер.

Таким образом, формирование квалифицированного читателя и стратегического чтеца – это двуединая задача школьного образования, но решена она может быть только тогда, когда технологиями приобщения к чтению и стратегиями чтения будет владеть любой учитель-предметник. А это произойдет тогда и только тогда, когда в вузовские курсы предметных методик и программы подготовки/переподготовки педагогических кадров будет включен соответствующий раздел. Его научно-методическое оснащение разрабатывается отечественными исследователями, методологами чтения (в первую очередь Н. Н. Сметанниковой, работы которой во многом и вдохновили автора на перевод проблемы чтения в «методическую» плоскость) и методистами [6]. Это произойдет тогда, когда педагогические коллективы школ осознают: создание в школе культурно-образовательной среды, обеспечивающей

приобщение к чтению и поддержку его, изменит сам характер обучения, а школа, где они работают, станет школой развития и творчества.

Примечания

1. Кабачек О. А. Чтение и творчество в контексте психологии развития // Чтение как увлечение / сост. О. А. Кабачек. М.: Школьная библиотека, 2007. С. 58.
2. Цукерман Г. А. За границами PIRLS: что происходит с читателем между четвертым и шестым классом // Неожиданная победа: российские школьники читают лучше других / под науч. ред. И. Д. Фрумкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. С. 251.
3. Цит. по: Цукерман Г. А. Оценка читательской грамотности: материалы к обсуждению. URL: http://www.centeroko.ru/public.htm#pisa_pub
4. Сметанникова Н. Н. Обзор методик обучения чтению (на материале английского языка) // Номо легенс-3: сб. статей. М.: Школьная библиотека, 2006. С. 295.
5. Дейк Т. А. Ван Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm>
6. Пранцова Г. В. Современные стратегии чтения и понимания текста: учебное пособие / Г. В. Пранцова, Е. С. Романичева. М.; Пенза: МГПИ – ПГГУ им. В. Г. Белинского, 2011; Сметанникова Н. Н. Обучение стратегиям чтения в 5–9 классах: как реализовать ФГОС: пособие для учителя. М.: Баласс, 2011; Сметанникова Н. Н. Стратегический подход к обучению чтению. М.: Школьная библиотека, 2005.

УДК 821.161.1-15:27-312.47

А. У. Звонарева

ОБРАЗ БОГОРОДИЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА-ПЕДАГОГА СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

В статье прослеживается эволюцию образа Богородицы в виршах писателя-просветителя Симеона Полоцкого (1629, Полоцк – 1680, Москва), утверждая, что Богоматерь была постоянной героиней поэзии и драматургии поэта-иеромонаха. Во время учебы в Киево-Могилянской коллегии и Виленской иезуитской академии молодой стихотворец отдавал предпочтение образу Девы Марии, каким его изображали авторы-католики. После переезда в Москву в 1664 г. и постоянного общения с православными прихожанами, иконописцами и литераторами Симеон Полоцкий в изображении образа Богородицы несколько меняет акценты. Утверждается, что поэт-педагог оказал влияние и на творчество своего друга – известного иконописца Симона Ушакова, в соавторстве с которым им был написан трактат «К люботщущимся иконным писаниям». Автор делает вывод, что Симеон Полоцкий был первым в ряду великих старцев, осмелившихся учить сильных мира сего добру и красоте.

The article observes the evolution of Our Lady's icon in verses of writer-enlightener Simeon Polotsky (1629, Polotsk – 1680, Moscow). the author considers that the Virgin was a permanent heroine in hieromonk's poetry and drama. While a student of Kiev-Mogilyansk College and Vilno Jesuit Academy the young poet preferred the sacred image of the Virgin as represented by the catholic authors. After contacts with orthodox parishioners, icon-painters and men of letters in Moscow Simeon Polotsky depicted Our Lady somewhat differently. It is affirmed that the poet-teacher exerted on his friend Simon Ushakov's creative work when they both had been writing the treatise "To those who desire icon-painting". Simeon Polotsky was the first who dared to teach the powers Good and Beauty – is the author's conclusion.

Ключевые слова: эволюция образа, писатель-просветитель, смена акцентов, влияние на творчество, сакральный образ.

Keywords: the evolution of Our Lady's icon, writer-enlightener, depicted Our Lady somewhat differently, exerted on creative work, sacred image.

В 1980 г. имя восточнославянского писателя, проповедника, иеромонаха Симеона Полоцкого – Самуила Гавриловича Петровского-Ситняновича (1629, Полоцк – 1680, Москва) по решению ЮНЕСКО было внесено в календарь международных дат великих деятелей славянской культуры. В его текстах находим убедительное доказательство того, что образ Богородицы привлекал особое внимание поэта в течение всей жизни и даже до его пострижения в монахи Полоцкого Богоявленского монастыря, состоявшегося 8 июня 1656 г.

Один из первых поэтических опытов начинающего стихотворца, написанный на польском языке, – переложение «Акафиста Пресвятой

Деве», помеченное автором 1648 г. Можно предположить, что в качестве источника этого стихотворного переложения Симеону послужил текст «Акафиста пресвятой Богородице» не ранее 626 года (скорее всего, его латинский перевод), первая редакция которого относится к концу VIII – началу IX веков). В то же время следует отметить, что характер и порядок чинопоследований в данном произведении соответствует характеру и порядку чинопоследований в церковнославянских записях Акафиста.

В Полоцке в 1658 г. (по мнению С. А. Щегловой [1], в 1660) создаст занимавшийся в те годы преподаванием Симеон рождественскую пьесу для учеников полоцкой Богоявленской школы «Беседы пастуския еже ест о воплощении Господа Бога и Спаса нашего И. Х. виденного ими во вертепе, от пречистыя Девы Марии пеленами повита и во яслях положенна», – театральный диалог, типичный для школьной драматургии XVII в.

В финале пьесы перед глазами зрителей предстает идиллическая картина: «Бог невидим от начатку // днес в маленьком отрочатку // Видим есть у Мариа. // Дева своими руками // повеваает пеленами, // во яслях полагает...» [2].

Примерно в то же время, очевидно, написаны пространные «Стихи на Рождество Христово», состоящие из 12 небольших главков. Во второй, пятой и одиннадцатой появляется образ Девы Марии: то с позиции простой констатации происходящего – «Весь двор, вертеп и было, Иосиф, Мариа...» [3], то с восторженными восхвалениями в адрес Пресвятой Девы – «Выводит слонце правды як з облоку // Христа з Марией пречистого боку, // Абы усушило незмерные воды // Лучами свыми без корабля шкоды. // Положил облок Марию девицу, // На ню спозревшы, бы встрымал правицу // От такой казни, з чого се радуйте, // В кораблю церкви часто се знайдуйте» [4], а то с поучениями с адрес подданных: «Смиренных духом до неба взвышает... // Тобе, Марии, Пречистой Девицы, // Падаем до ног Марии царицы» [5]. Сопоставление Девы Марии с кораблем появится и в более поздних стихах – втором стихотворении, включенном Симеоном в цикл «Мариа» в монументальном сборнике «Вертоград многоцветный». Приведем его полностью:

Пресвятая Мариа корабль есть мысленный,
им же гладну миру Хлеб внесеса спасенный.
В день зачатия корабль сей сооружися,
на море мира пущен в день, во нь же родися.
В день благовещения Хлебом исполненный,
егда от Духа Свята Бог есть воплощенный.
В день Рождества Христова корабль изпразднися,
и в дому Хлеба миру Хлеб той предложися.
Хлеб, глаголю, животный – Христос наш Спаситель

от вечна глада верных людей Избавитель.

Ему же честь и слава во вся буди веки,
Над аггелы Владыце и над человеки [6].

В стихах из сборника «Вертоград многоцветный», по словам академика Д. С. Лихачева, высокоученый автор-иеромонах проявил себя не только учителем, но и воспитателем, «который бы не только научил языку, но и внушил бы новые понятия о хорошем и плохом, принятом и непринятом, передел бы мир в новые одежды понятий и образов» [7].

Встречаем образ Богородицы и в русско-польских «Стихах на счастливое возвращение его милости царя из-под Риги». Осада Риги русскими войсками началась 23 августа 1656 г. и продолжалась до начала октября. 2 октября осажденные под командованием рижского губернатора графа Магнуса Делагарди предприняли отчаянную вылазку, нанеся серьезное поражение осаждавшим. Эта неудача, усиленная восстанием местных крестьян, истреблявших русских фуражиров, и слухами о поджидаемом шведами подкреплении, заставила царя снять осаду и отступить в Полоцк. Стихотворение написано в жанре декламации изысканной формы в духе макаронической (сочетающей несколько языков) поэзии. Прославляя царя Алексея Михайловича, Симеон явно преувеличивал успехи его военной политики.

В середине октября 1656 г. царь Алексей Михайлович, после взятия Дерпта (ныне – эстонский город Тарту) русскими войсками 12 октября, снова посетил Полоцк и мог вновь обратить внимание на усердие и дарования молодого белорусского поэта. Симеон явно специально к его приезду написал стихотворную декламацию «Приветствие на взятие Дерпта», осаждавшегося русской армией с августа.

Оба стихотворения имеют ощутимый политический подтекст. В своих ранних стихах, адресованных царю Алексею Михайловичу, Симеон активно выдвигал мысль о том, что главная цель русского царя в войне с Польшей и Швецией – не расширение владений за счет захвата новых земель, а миссионерское радение за чистоту православной веры.

В заключительных, написанных на латыни, строфах «Стихов на счастливое возвращение...» появляется образ Девы Марии, которой не поклоняются протестанты, и потому скоро, по мнению поэта, будут покорены русской армией: «Где Солнце во Льве чаще снег давало, // Чем именем Марии наполнялось, // Там, по твоему старанию, чаще ей теперь воспеваются // Хвалы, чем дуновения ветра бывают. // Таким образом, крест и Мария, тобой восстановленные, // Будут помощью, оградой и защитой. // Крест море разводит, а Мария воды // Удерживает, дабы ты,

как ковчег, шел беспрепятственно... // Крест склоняет загривки гордости высокомерной: // Даст Бог, вскоре будут покорены // Те, которые Марии не поклонялись, // Служа ей, тебе будет кланяться» [8, перевод В. К. Былинина].

В финале «Приветствия...» автор осторожно намекает на дерзкие планы проведения русскими военной экспедиции [9] из Финского залива морем на Стокгольм: «Пройдеш море... // справит то Мария, бо она водами, поветрием владает навет и небами...» [10].

В этих двух макаронических декламациях поэт напоминал слушателям о традиционном представлении о Деве Марии как патронессе моряков, обусловленном общими ее сакральными свойствами – «Царицы Небесной», «скорой Заступницы».

В 1663 г. в форме плача-«лямента» пишет Симеон элегию «Апрель 27. Взенто образ насвентшэй Богородицы з Полоцка до Москвы». В этом стихотворении переживания религиозные – по поводу повторного переноса чудотворной иконы Полоцкой Богородицы в Москву – сопряжены с высокими гражданскими чувствами поэта, любящего свой родной город. Автор искренне встревожен тем, что на какое-то время его земляки лишились помощи «главной Заступницы».

Чудотворную икону Богородицы в первый раз царь Алексей Михайлович взял в Москву в 1657 г., а вернул через два года – в 1659 г. Литературную молитву – «Прилог к Преподобной матери Ефросинии» – обращал Симеон и к святой патронессе Полоцка, преподобной Ефросинии Полоцкой. Он вдохновенно молит Преподобную Ефросинию о скорейшем возвращении в его родной город чудотворной иконы Богородицы: «Ибо толико град наш украшает // Девы образ и везде вславляет... // Моли прилежно и Деву Марию, // Да проявит нам милост свою сию, // Да не небрежет отчинно ти града // И не оставит правоверна стада» [11].

В тяжелую минуту Симеон постоянно обращался к Богородице, именно у нее прося помощи, защиты и поддержки. Не случайно ей адресованы пронзительные и искренние строки литературной молитвы-элегии «Молитва в скорби сущего и клевету терпящего»: «Ты, Царица Небесная, Мать Христова, // Изволь свою помощь мне дать быть готова, // Подай ее днесь, Мать, чтоб о милостях твоих // Я миру говорил в течение всех моих дней. // Упроси своего Сына, чтоб Он невинности // Не давал бы страдать от злого сына беззаконности» [12, перевод с польского В. К. Былинина].

Первоначально «Молитва...» была написана молодым стихотворцем в Полоцке на польском языке. Уже после переезда в Москву автор перевел ее с незначительными отступлениями на цер-

ковнославянский и включил в сборник «Вертоград многоцветный».

Даже в виде стихотворной загадки «рака» – курьезной поэтической формы, читаемой польски справа налево и слева направо одинаково, иеромонах-стихотворец загадывает имя Девы Марии: «Что мне Мария? – это опора и мощь. // Что в ней? – и мир, и брани плод (т. е. слава)» [13].

Симеон Полоцкий учился в Киево-Могилянской коллегии и Виленской иезуитской академии у авторитетных европейски известных профессоров, что позволило ему стать одним из образованнейших людей своего времени. Благодаря универсальной просвещенности, личному знакомству с русским царем, поддержке влиятельных придворных, чьи дети также будут «набираться учености» у белорусского иеромонаха, вскоре после переезда в Москву в 1664 г. Симеон Полоцкий занял высокий пост учителя царских детей (царевича Федора и царевны Софьи) при дворе царя Алексея Михайловича.

В мемуарном романе-документе «Нас было трое» восьмидесятилетний литературовед, автор известных работ о творчестве и духовном пути Н. В. Гоголя И. П. Золотусский отмечал ощутимую разницу в особенностях почитания Богородицы в России и в Европе: «У нас (в России. – Л. З.) ее любят, как могут любить только мать. В протестантских храмах (в Германии, например) Пречистая Дева всегда одна, почти бесплотна, стоит, опустив глаза. В России, на иконах, она нежно прижимает к себе младенца. Она живая женщина, а не бесплотная тень» [14].

Образ Девы Марии постоянно встречается в стихах Симеона Полоцкого белорусского периода. Заметно, что в ранних стихах молодой иеромонах явно находился под влиянием европейской традиции в изображении образа Богородицы. Это, в первую очередь, глубоко почитаемая им Дева Мария, восхищающая стихотворца своим целомудрием.

В более поздней христианско-дидактической поэзии иеромонаха Симеона московского периода этот образ пережил некоторую эволюцию и усложнился. С этой точки зрения интересно стихотворение «Мария», открывающее цикл стихов, посвященных Богородице, в сборнике «Вертоград многоцветный». Приведем его полностью:

Мария Дева – град царя велика,
в ней бо поживе всех сущих Владыка.
На превысоких горах основася,
ибо доброты над весь мир превзася.
Славная о ней глаголанна быша,
яже ум всякий зело удивisha.
Первая слава – бысть без мужа Мати,
кроме семени плод може создати.
Вторая – яко, егда плод ношаше,
тяготы кроме природныя быше.

Третья – яко, егда Сын родися,
не зна болезни, но здрава явися.
Четвертая есть, Отцу си бысть Мати,
ибо Творца си достойна раждати.
Пятая – яко, Его же родила,
того дщерь она по зданию была.
Сих слов что может преславнее бытии?
И Богу несть лет паче прославити
Твари Своя тем Тя, Дево Мати,
имамы присно песнми прославляти [15].

В монументальной поэтической книге Симеона «Вертоград многоцветный», завершённой по-этом-иеромонахом уже в Москве – в 1678 г., за несколько лет до его ранней смерти в 1680 г., Симеон посвятил Деве Марии большой самостоятельный цикл стихотворений. Главная тема почти всех, без исключения, стихов из этого цикла – непорочное зачатие: «Господь с тобою», «Мария безгрешна», «Затвор», «Жен близость», «Плод безмужний», «Зачатие Христово», «Мария Дева», «Иисус», «Образ».

По мнению публикатора сборника «Вертоград многоцветный» А. И. Сазоновой, «стихотворная интерпретация догматического положения соединяется с проповедью чистоты девства и монашеского идеала – «с полом противным не житии» («Жен близость»), с мыслью о благотворном воздействии на грешников изображения Богородицы («Образ»)» [16]. Симеон Полоцкий так и не успел издать «Вертоград многоцветный», выпуская в организованной им, после вступления на престол его ученика молодого царя Фёдора Алексеевича, глубоко почитавшего своего учителя «старца Симеона», в царском дворце «Верхней типографии» книги первой необходимости – стихотворный учебник для малолетнего царевича Петра «Букварь языка славенскаго», сборники собственных проповедей «Обед душевный» и «Вечеря душевная».

В гигантскую поэтическую энциклопедию (в ней около 3 тысяч рукописных листов) включены автором несколько зарифмованных рассказов церковно-легендарного характера, где главной героиней также становится Богородица. Она активно участвует в повседневной жизни людей – спасает, прощает или карает.

В стихотворении «Блуд со сродником» Богородица приняла младенца у монахини, согрешившей, но раскаявшейся. Главный герой другой стихотворной новеллы из этого сборника – «Око избоденно образу» – человек, который выколол око на иконе Богородицы, и за это был наказан тем же. В стихотворении «Казнь хулы» оскорбившая Деву Марию роженица наказана рождением мертвого черного поросенка вместо живого младенца.

А. И. Сазонова подчеркивает: «Создавая в стихах своего рода кодекс нравственных пред-

писаний, автор не только рисует желанный идеал, но и отклонения от него, поскольку этот идеал никогда не находит абсолютного воплощения в жизни: совершаются преступления против Бога – люди богохульствуют («Мария Дева»)» [17].

В стихотворении «Икона Богородицы» Дева Мария протягивает руку из написанного на стене образа и этим спасает благочестивого, «Божией Матери молебнo» вручившего себя иконописца от верной смерти во время его падения с высоких деревянных лесов, подстроенного врагом рода человеческого: «И простре образ руку, мужа похищая, // от падения смертна чюдне свободяя. // Падоша вси подставы, зограф же висяше, // Держим рукою Девы. Оле чудо бяше!» [18].

Симеон Полоцкий в течение всей жизни снова и снова, в различных контекстах возвращался к образу Богородицы. Таким путем поэт-иеромонах подводил венценосных слушателей и читателей к пониманию тщетности и бессмысленности жизни, не отмеченной искренней христианской верой, а также благими поступками на пользу просвещения и будущих поколений.

Очевидно, постоянное обращение Симеона к образу Богородицы повлияло и на творчество его друга и единомышленника, двадцать лет возглавлявшего иконописную мастерскую Оружейной палаты изографа Симона Ушакова. Знаменитая многофигурная икона Симона Ушакова «Древо государства Московского» (ныне хранится в Государственной Третьяковской Галерее) имеет авторское название – «Владимирская Богоматерь». На иконе изображены взывающие к покровительству Богородицы дети-наследники царя Алексея Михайловича и богомольная царица, уже покойная в то время, Мария Ильинична (урожденная Милославская) – высокородные адресаты многих стихов Симеона Полоцкого из сборника «Рифмологион».

Симеон Полоцкий доказал саму возможность выражения при помощи силлабических стихов и проповедей всего многообразия богословских, духовных, нравственных, общественно-политических, педагогических и эстетических проблем. Он смог сделать это лишь благодаря активному использованию достижений современной ему и предшествующей славянской и латиноязычной поэзии Великого Княжества Литовского, Польши, Украины, опыта школьной ученой поэзии, всего богатства жанров, использовавшихся восточнославянскими просветителями и европейскими гуманистами в XVI – первой половине XVII в.

Ренессансная художественная культура открыла в природе и общественной жизни идеальное, гармоническое начало. Просветители и общественные деятели следующего поколения (Сымон Будный, Василий Тяпинский, Беньш Будный,

Мелетий Смотрицкий) обнаружили трагическое несоответствие реального идеальному.

Симеону Полоцкому удалось синтезировать в деятельности и творчестве эти достижения в духовном и интеллектуальном осмыслении мира, подчеркивая и обличая в сатирических произведениях и проповедях недостатки реальной жизни, вновь и вновь обращаясь к заступнице «в скорби сущих и клевету терпящих» Богородице. В панегирических виршах поэт-иеромонах рисовал образ идеального монарха, защитника православной веры, просветителя народов, предвещающий царственных героев программных панегириков классицистов.

Иеромонах Симеон Полоцкий стал первым российским литератором, взявшим на себя роль «советника царя», позволившего себе поучать власть и российское общество. Вслед за ним явились другие – А. Н. Радищев, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, Ф. М. Достоевский, А. И. Солженицын.

Примечания

1. Щеглова С. А. Русская пастораль XVII века: «Беседы пастуские» Симеона Полоцкого // Старинный театр в России XVII–XVIII вв. Пг., 1923. С. 82–92.

2. Симеон Полоцкий. Вирши / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина, А. У. Звонаревой. Минск: Мастацкая літаратура, 1990. С. 84.

3. Там же. С. 46.

4. Там же. С. 47.

5. Там же. С. 49–50.

6. Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный / составление, подготовка текстов, комментарии Л. И. Сазоновой и К. Хиппсли. Предисловие А. Д. Лихачева. Т. 1, Кельн, 1996. С. 286–287.

7. Там же. С. 9.

8. Симеон Полоцкий. Вирши. С. 390.

9. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 2-е изд. Т. X, кн. 2. СПб., 1896. Стлб. 1697.

10. Симеон Полоцкий. Вирши. С. 38.

11. Симеон Полоцкий. Там же. С. 78.

12. Симеон Полоцкий. Там же. С. 192.

13. Симеон Полоцкий. Там же. С. 193.

14. Золотусский И. П. Нас было трое. СПб., 2011. С. 78–79.

15. Сазонова Л. И. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого: история создания, поэтика, жанр // Вертоград многоцветный. Т. 1. Кельн, 1996. С. 286.

16. Сазонова Л. И. Там же. С. 29.

17. Сазонова Л. И. Там же. С. 20.

18. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / сост., пред., коммент. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 46.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 812

И. Е. Фадеева

КОД КУЛЬТУРЫ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

В статье рассматриваются серьезные изменения культурных кодов в ситуации современности. Исходя из глубинных оснований кода как семиотического «моста» между человеческим сознанием и текстом, автор рассматривает фундаментальные основания кода: визуальное – вербальное, значение – смысл, символ – знак.

The author considers the serious changes of cultural codes, which occurs in the contemporary situation. On the basis of understanding of code as a semiotic “bridge” between consciousness and texts the author reveals the fundamental bases of any codes: visual – verbal, value – sense, symbol – sign.

Ключевые слова: код культуры, визуальное – вербальное, интерпретация, символ, коммуникация.

Keywords: cultural codes, visual – verbal, interpretation, symbol, communication.

Несмотря на всеобщепотребительность и широкое распространение понятия «код», в современной семиотике и культурологии нет его однозначного понимания. Научное описание кодов культуры представляет не только теоретическую значимость. Актуальность его подтверждается очевидными проблемами, существующими в современном образовании: введение ЕГЭ и вызванное им прекращение социально-культурной трансляции текстов культуры заставляет обратить внимание на природу коммуникативных и семиотических процессов. Фактически целью образования всегда была интериоризация учащимися кодов культуры, и от того, как мы понимаем код – как систему более или менее однозначных соответствий знака и значения – или как то, что производится индивидуальным сознанием в процессе восприятия текстов, зависит и результат образования, и его качество. Не касаясь собственно лингвистических определений, рассмотрим культурно-семиотические аспекты понятия кода, оттолкнувшись от тех положений, которые представляются базовыми для данной проблемы. В соответствии с «персонологическим поворотом»,

который наблюдается в современном гуманитарном знании и который базируется на феноменологических, герменевтических и собственно культурологических подходах, рассмотрим антропологию и персонологию культурного кода, понимая его в качестве одного из универсальных механизмов культуры.

Код – понятие, широко используемое в современной семиотике. Начиная с Р. О. Jakobsona, понятие кода прочно утвердилось в теории коммуникации, заменив в ряде случаев понятие языка: как относительно самостоятельная, дискретно выделяемая сущность – условие первичного понимания сообщения, конкретизируемого в контексте, код обрел устойчивое место в модели коммуникативного акта. Недостаточность такого понимания кода была отмечена в отечественной семиотике и герменевтике, всегда персонологически ориентированной и текстоцентричной. В частности, противопоставляя код и язык, М. М. Бахтин говорит о коде как о техническом средстве передачи информации, не имеющей познавательного творческого значения. Семиотика, занятая «передачей готового сообщения с помощью готового кода» [1], как и кодовые трансформации во внутренней речи индивида, пишет Бахтин, упускает из вида живое функционирование языка. Негативная оценка кода в данном случае понятна: советская система, загоняя сознание человека в жесткие рамки «готовых» идеологических штампов, формировала систему однозначных интерпретаций, не предполагавших не только индивидуальных коннотаций, но и сколько-нибудь ощутимых «сдвигов» значений и смыслов. Основанный на идеологических доктринах и догматически понятый, код, навязывая систему интерпретаций, создавал параллельные реальности, текстовые симулякры или социально-эстетические утопии. Такой социально-эстетической утопией стала система кодовых корреляций значений и смыслов, навязываемая советской школой в рамках гуманитарных и общественных дисциплин. Мифологизация трех этапов освободительного движения на уроках литературы или мифологема «развитого социализма» создавали симулякрные смыслы, коррелирующие с предлагаемой учащимся системой репрезентаций, но не коррелирующие с живым историко-культурным процессом. Социально-эстетической утопией стал, на наш взгляд, и советский кинемато-

граф 30-х гг., когда в фильмах Г. В. Александрова, И. А. Пырьева, Г. М. Козинцева был фактически создан мир, параллельный реальной советской действительности ГУЛага и тоталитарной мясорубки. Семиотика этого мира – созданного талантливыми художниками и потому эстетически суггестивного – была основана на однозначной системе соответствий знака (художественного образа) и идеологически заданного значения. Что, впрочем, искупалось музыкой И. Дунаевского, экспериментами, начатыми С. Эйзенштейном в области пластической формы, глубинным интертекстом, позволяющим увидеть за однозначной семантикой мерцающий иной смысл. Сквозящий сквозь идеологически закрепленные штампы иной мир – мир американского мюзикла и джаза, мир фильмов Чарли Чаплина и мелодраматических сюжетов – выявлял иной культурный код, вполне в соответствии с философией смеха и смеховой культуры М. М. Бахтина, очевидно не совпадавший с официальной догматикой. «Готовый» код явно вступал в противоречие с кодом, конструируемым в процессе восприятия. Возможность участия в коммуникации – в данном случае художественной – не одного, а, по крайней мере, двух кодов, описанная Jakobson посредством введения понятия субкода, вела к теоретическим проблемам, представляющим отнюдь не академический интерес. В частности, актуализация того или иного субкода, зависящая от личного тезауруса воспринимающего, помещала понимание текста в перспективу свободы интерпретационной деятельности и индивидуального сознания.

Отечественная гуманитарная мысль 30-х гг. вырабатывала идеи, исподволь разрушающие семиотическую однозначность культурных кодов советской системы. В частности, исследования внутренней речи Л. С. Выготским, как и его мысль о первичности речи («речемысли») по отношению к языку, переакцентировали проблему с изучения внешних форм речи и поведения на внутренние процессы, происходящие в сознании и психике индивида. Центр внимания исследователей оказался смещенным с языка на речь, приводя, в конечном счете, к размежеванию понятий языка и кода. Позднее, противопоставляя язык и код, Ю. М. Лотман выявил их расхождение в плане историчности. Код, представляя собой идеальную модель, элиминирует историческую протяженность, органичность языка [2]. Если исходить из этого, код не может быть условием понимания, поскольку вместе с исторической протяженностью он элиминирует и исторически релевантные контексты. К тому же активный, интеллектуально-личностный (в соответствии с теорией позднего Ю. М. Лотмана) характер текста не позволяет использовать устойчивую систему корреляций знаков и значений при интерпрета-

ции, каждый раз сдвигая значения и смыслы и обращаясь к индивидуальному опыту воспринимающего. Иными словами, понятый как *система*, код вообще не может быть условием понимания – более того, он становится условием непонимания, если не коррелирует с экзистенциальным опытом индивида; именно экзистенциальный опыт становится основанием *собственного проекта интерпретации: версии кода культуры* как семиотического «моста», связывающего интерактивные значения и личностный смысл. При этом следует уточнить: личностный смысл не является прерогативой повседневного опыта индивида – он связан с непсихологически понимаемой субъективностью, основанной на диалоге. «Смысл, – пишет М. М. Бахтин, – персоналистичен», но «это персонализм не психологический, а смысловой» [3].

Между тем системность кода как универсального коммуникативного механизма, его абстрактность и семантическая устойчивость дают основания связывать код с идеологическими доктринами. Именно связь кода и «идеологии», причем во всем спектре ее понимания – от идеологических тоталитарных доктрин до, по У. Эко, «предзнания», «последней коннотации всей совокупности коннотаций» [4] – заставляла теоретиков и практиков искусства видеть в нем условность, совокупность навязанных обществом, властью или традицией штампов, не дающих возможности непредвзятого видения реальности. Так, своего рода опыт «отказа от кода» можно обнаружить в европейском кинематографе «новой волны». Ж.-Л. Годар в интервью, данном в 1969 г. для телепередачи «Что такое режиссура?», возражая против «культурного империализма» как совокупности приемов, выражающих «империалистическую идеологию», противопоставил им «истинное изображение». Вопреки техническому прогрессу «истинное изображение («образ») осталось прежним, обращенным к Богу, создаваемым людьми набожными, иногда при этом иконоборцами, хотя и не осознанными», – говорит Годар [5]. «Уже две тысячи лет мы находимся в одной и той же идеологии изображения», поэтому нужно «делать совершенно другие вещи с людьми, которых не учили правилам грамматики» [6]. Однако нарочитый отказ от «правил грамматики» – иллюзия документальности, видимая бессюжетность, случайность кадров – становится основанием новой грамматики: не случайно фильмы Годара, как правило, насыщены многочисленными цитатами и аллюзиями (музыкальными, кинематографическими, литературными), в том числе и самоцитатами. Прорыв к экзистенциальному опыту индивида (как, например, в киноленте Годара «На последнем дыхании»), не поддающемуся «кодированию» и внешним реп-

резентациям, становится основанием принципиально иного – парадоксального кода, основанного на «чужих» культурных кодах и образах. Но эти «чужие слова» асимметричны выражаемому смыслу.

Иными словами, разрушение любого кода как условности, насквозь пропитанной идеологическими штампами, характерное для любого «левого» искусства, ведет тем не менее к формированию новых культурных кодов или к воспроизведению элементов старых – пусть в беспорядочном или пародийном варианте. Ситуация царя Мидаса, под руками которого все превращалось в золото, преследует человека: прикосновение к любой сущности обращает ее в знаки и коды культуры. Попытка прорваться за пределы «готового кода» становится, особенно в современной культуре, попыткой прорваться к «доречевому субъекту», к телесности, к внетекстовой реальности, однако прорыв в зазеркалье становится новой версией кода, не менее условной и «идеологичной», чем предшествующие. Показателен, например, документальный фильм «Киногид извращенца» (2006 г., режиссер С. Файнс), где роль интерпретатора принадлежит С. Жижеку. Помещенный в иллюзорное пространство известных кинолент и открывающий «реальность» бессознательного за уже легитимированными визуальными кодами («умерщвленными» контекстами) кинематографа, знаменитый философ как бы вскрывает подлинную реальность, обращающуюся на деле иным интерпретационным кодом, уже тоже легитимированным постмодернистским психоанализом. Что, впрочем, вполне согласуется с мыслью самого Жижека о том, что «отражение реального субъективного опыта возможно только в виде вымысла» [7].

Таким образом, краткий экскурс в историю и социокультурное функционирование понятия «код» показывает не только его различные трактовки, но и объясняет их наличие как результат изменения художественных и социальных практик, очевидно происходящих на протяжении XX в. Можно утверждать, что в интеллектуальном пространстве современной культуры код является столь же функционально и семантически подвижной единицей, как и текст или его окружение – контекст. Включенный в процесс взаимопревращения текста и кода, кода и контекста, затвердевания контекста в кодах, код в результате теряет свое тождество с самим собой. Каждый раз заново конструируемая индивидом абстрактная модель интерпретации – код – основана на *асимметрии* как отсутствию тождества знака и значения, когда обозначающее и обозначаемое скользят «по наклонной плоскости реальности» [8]. И напротив, «готовый» код, используемый при интерпретации, может привести

к абсурду и семиотическому «скандалу». Ирония подобной ситуации замечательно показана У. Эко в романе «Маятник Фуко», когда герои рассуждают о пропорциях египетской пирамиды, несущих глубокий эзотерический смысл, – но эти пропорции скандально повторяют пропорции цветочного ларька [9]: математический код радикально асимметричен смыслу.

Согласно У. Эко, помещенный в пространство между «риторикой» и «идеологией», с одной стороны, и, с другой – между «полем свободных интерпретаций» и «полем несвободы» означающего [10], код обретает неустойчивый, «мерцающий» характер, распадаясь на ряд субкодов, связанных как с отправителем, так и с получателем сообщения, каждый из которых включает в интерпретацию собственные – весьма разнообразные и неоднозначные коннотации, образующие в совокупности разные «идеологии». Зависимость кода от сознания и субъекта определяет его постоянный выход за собственные пределы: сознание асимметрично себе, не совпадая «само с собой в полной тождественности» [11]. Код – семиотический мост, перекидываемый от сознания к тексту и от текста к реальности, является мостом между неопределенностями (знака, значения и смысла), поскольку опирается на постоянно изменяющиеся величины. Отсутствие тождества сознания, каждый раз трансцендирующего свои смыслы в знаки и тексты, и отсутствие тождества текста помещают код в промежуточное пульсирующее пространство: код включает в себя антропологические и персонологические характеристики.

Рассмотрение кода с точки зрения системы коммуникации в результате оказывается недостаточным: системности коммуникации противостоит более сложная система – общение [12]. С одной стороны, диалог субъектов общения предполагает наличие кода – устойчивого смыслового и понятийного «ядра», обеспечивающего понимание и основанного на прежних контекстах употребления знаков. Код строится из «чужих» знаков – «чужих слов»; это «нарочито установленный, умерщвленный контекст» [13]. С другой стороны, согласно антропологии (персонологии) текста М. М. Бахтина, событие текста разворачивается «на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [14]. В результате код, несущий в себе «чужие» интенции и затвердевшие («умерщвленные») контексты, формируется как результат смыслового и этического взаимодействия субъектов. Парадоксальность феноменологии кодов культуры, или, тем более, ее универсального кода, связана с несамотождественностью сознания, определяемой диалогом как его базовой характеристикой. Расщепленный, внутренне незавершаемый характер «я» заключается в необходимости «от-

сылки к себе», в зависимости «я» от акта идентификации. Противопоставляя свое понимание субъекта как онтологической идентификации существующего логической идее идентичности как тождества, Э. Левинас, фактически продолжая экзистенциальную персонологию М. М. Бахтина, отмечает внутренне расщепленный характер «я», включающего наряду с идентичностью как состоянием логического тождества – сам акт идентификации. Идентичность «я» – это позиция «бытующего в лоне анонимного, поглощающего бытия» [15], появление субъекта связано с распадом тавтологии и тождества, с превращением тавтологии в «драму» – добавим, в процессе семиотической деятельности.

Помещая текст, контекст и код в перспективу экзистенциальной персонологии, мы обнаруживаем парадоксальность кода, включающего в себя как двойственность, несовпадение с собой, определяемые природой создающего и формирующего его субъективного сознания, каждое мгновение своей жизни, открывающее творением *ex nihilo*, так и устойчивость, самотождественность, необходимость которых связана с необходимостью первичного понимания. Можно говорить о двойкой направленности кода: от несамотождественного сознания – к событию текста как рубежа сознаний и от текста – к контекстам, каждый раз заново формируемым в процессе понимания и интерпретации. Но в то же время – и с парадоксальностью знака – в частности, с парадоксом значения и смысла, который, особенно в культуре XX–XXI вв., становится условием эстетической значимости или научной эвристичности текста. *Смысл* при этом обусловлен несовпадением сознания с собой; *значение* – в идеале – тождеством как «абсолютной монолитностью». Несовпадение значения и смысла, выражая имманентный сознанию и кодам культуры парадокс, становится основанием эстетической и интеллектуальной осмысленности (нетавтологичности) текста. Наиболее крайним проявлением его, особенно в культуре XX столетия, является абсурд, эстетическая и интеллектуальная значимость которого основана на внутренне присущем текстам кодовым «мерцаниям» и «пульсациям»; изменение кода в процессе восприятия и состояние игры между его версиями определяет завораживающий, провокативный характер текста. Парадоксальность культурных кодов, их неустойчивый, пульсирующий характер становится ощутимым препятствием для их типологии, и существующие типологические описания каждый раз заново конструируются в зависимости от ракурса исследования.

Архитектоника смыслов и текстов каждой культуры предполагает в качестве условия своего существования наличие *кода* культуры как

универсального механизма ее существования, причем кода не в качестве жесткой корреляции знака и значения, что для культуры невозможно, или «идеологии» и «риторики» – что для нее, в конечном итоге, губительно. Важно, что типология культурных кодов и выявление доминирующего – универсального для данной культуры кода может стать убедительным основанием для понимания исторической и национальной типологии культур [16]. Выделим следующие пары понятий, позволяющие, на наш взгляд, выявить своего рода кодовую «матрицу», соотношение сторон которой определяет доминирующие культурные коды и типологию культур в их исторической динамике: значение – смысл, символ – знак, вербальное – визуальное. При этом полярные части указанных оппозиций являются не взаимоисключающими, а *взаимодополнительными*, а часто и вступающими в сложные контаминации в формах художественного синтетизма, интермедийности, пространственности вербальных текстов, визуализации и т. д. Ключевое значение принципа дополнительности Н. Бора, вполне коррелирующее с законом асимметрического дуализма С. Карцевского, заключается в признании необходимости, по крайней мере, двух (или более) языков для описания реальности: дополнительность культурных кодов – следствие непрерывного характера реальности, смысловой и аксиологической неопределенности (часто амбивалентности), расщепленности сознания.

Одной из универсальных оппозиций в пространстве культурных кодов является оппозиция визуального и вербального. Ее универсальность основана, прежде всего, на свойствах человеческого сознания в его отношении к окружающему и возможностях функционирования информации. В 60-е г. XX в. Алланом Пайвио была предложена идея двойного кодирования языковых смыслов в сознании человека посредством визуальных и вербальных кодов [17]. При этом Пайвио констатирует нечеткий, неуловимый характер визуальных образов, отмечая, что в процессе переработки информации наблюдается взаимодействие и трансформации одного способа кодирования в другой. Следует обратить внимание, однако, не столько на переводимость визуального и вербального кодов, сколько на их сущностное *несовпадение*: нетранзитивность кодов как механизмов деятельности *сознания* приводит к их многочисленным репрезентациям в *кодах культуры* и, соответственно, в текстах. Вырастающая из единства символического/мифологического образа мира, дихотомия визуального/вербального определяет начало семиозиса [18], поскольку символ, являясь архаической протосемиотической формой, знаменует «онтофанию» возникновения сознания, разрыв природного и

культурного. Однако ни визуальные, ни вербальные коды не исчерпывают символических смыслов: смысл символического оказывается за пределами визуальной или вербальной образности (знаковости), задавая векторы дальнейшей эволюции кодов, текстов и знаков. В иронически-парадоксальной форме это показано У. Эко в романе «Баудолино», когда усилия школяров построить дворец пресвитера Иоанна по образу Небесного Иерусалима, в свою очередь воплощенного в Иерусалимском Храме Соломона, в свою очередь – описанном Иезикилем, оказываются тщетными. При этом и обращение к иному культурному коду – иудейским толкователям Писания – не решает проблемы. Асимметрия значения и смысла, визуального и вербального – ни в отдельности, ни в совокупности не сводимых ни к символическому («Глас Божий запечатлевает изображения в сердце пророка»), ни к реальному («постройка разваливалась каждые две минуты»), определяет невозможность их «перекодирования». Это задача «не для ученого», а «для каменщика», – читаем у Эко [19], то есть – для формирования нового кода интерпретации.

Современная культура демонстрирует не только стремительное увеличение области визуального, но и взаимопроникновение визуальных и вербальных культурных кодов, когда вербальное становится все более визуализированным, интермедийным, а визуальное – виртуальным, дематериализованным, все более приближаясь к ментальным зрительным образам. Не только вербальные репрезентации чувственного опыта асимметричны этому опыту, что позволяет выстраивать цепочки синонимичных (или, что более точно, а-синонимичных) выражений, но и визуальные образы вербальных знаков альтернативны, множественны, а-синонимичны друг другу. В области современных визуализированных форм такая асимметрия и а-синонимия активно применяются в рекламе, когда для продвижения того или иного товара используются музыкальные и визуальные ряды традиционно «высокого» искусства, возвращая нас к практике абсурда и парадокса как одной из фундаментальных для художественной культуры в целом. Парадокс значения и смысла в перспективе постоянно набирающей обороты «визуализации» современной культуры расширяет свои границы, становясь парадоксом визуальных – вербальных и, добавим, аудиальных (музыкальных) кодов.

В культурах классического типа (культурах, выстраивающих видимую ценностную шкалу и, соответственно, ее кодовые корреляты) парадокс значения и смысла, визуального образа и вербального выражения, музыкального и визуального приводят к приращению смысла. В варианте коммерческой – массовой – культуры с пре-

обладанием прагматического аспекта происходит «свертывание» семантики в энтропийные (континуальные) псевдосимволические формы. Но между «элитарной» классикой и неэлитарным масскультом остается незаполненное пространство современности, не укладываемой в прокрустово ложе уже ставшей тоже классической оппозиции. И дело не только в пресловутом соединении элитарного и массового в рамках постмодернистской ментальной и художественной парадигмы – дело в качественных изменениях сознания современного человека и, соответственно, в качественных изменениях культурных кодов. Парадоксальность современных кодов культуры заключается во все более очевидном разрыве значения и смысла, в преобладании символического над знаковым, в трансформации базовой для культуры дихотомии визуального/вербального, которая «снимается» их виртуализацией. Возрастающая художественная и философская рефлексивность современной культуры, позволяющая увидеть способ бытия сознания как, говоря словами Ж.-П. Сартра, «двойственность, которая *есть* единство, отражение, которое *есть* свое собственное отражение» [20] (курсив Ж.-П. Сартра. – И. Ф.), определяет нацеленность текстов культуры на поиски «дорефлексивной» подлинности. Код как семиотический мост между «идеологией» и «риторикой» становится мостом между исчезающими краями ввиду отказа от первого и отсутствия второго; «поиски бытия» определяют поиски его новой семиотизации.

Примечания

1. Бахтин М. М. Из записей 1970–1971 годов // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 352.
2. Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 15.
3. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 372–373.
4. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб.: Symposiо, 2004. С. 140.
5. Философствуя через борьбу. Интервью Жана-Люка Годара 19 марта 1969 года / пер. ст. Дорошенко-ва // Борьба на два фронта: Жан-Люк Годар и Дзига Вертов (1968–1972). Свободное марксистское издательство, 2010. С. 42.
6. Философствуя через борьбу. С. 45–46.
7. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Изд-во «Европа», 2008. С. 44.
8. Карцевский С. О. Об асимметрическом дуализме знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 93.
9. Эко У. Маятник Фуко. СПб.: Simposium, 2005. С. 338–340.
10. Эко У. Отсутствующая структура. С. 140, 143.
11. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. С. 107.

12. Казан М. С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988.
13. Бахтин М. М. Из записей 1970–1971 годов. С. 352.
14. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 285.
15. Левина Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. СПб.: Университетская книга, 2000. С. 54. (Книга света).
16. См., например, Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 400–416.
17. Pavis A. Images in Mind: The Evolution of a Theory. N. Y., L.: Harvester Wheatsheaf, 1991.
18. См. Фадеева И. Е. Народное искусство как пластический фольклор // Советское искусствознание '78. М.: Сов. художник, 1979. С. 284–305.
19. Эко У. Баудолино / пер. с ит. и посл. Е. Косюкович. СПб.: Simposium, 2004. С. 133, 135.
20. Сафр Ж.-П. Бытие и ничто. С. 109.

УДК 316.73

А. С. Москвин

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ, ИЛИ «НИЗОВЫЕ», СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье дается анализ отечественной и зарубежной научной литературы по проблематике альтернативных социально-культурных центров, а также по движению сквоттеров, являющемуся одной из форм такого социально-культурного центра. Литература делится на три группы: историко-культурная ситуация времени зарождения «низовых» социально-культурных центров, движение «новых левых» и «новые социальные движения» как источник происхождения «низовых» социально-культурных центров и литература, в которой непосредственно изучаются «низовые» социально-культурные центры.

There is an analysis of scientific literature of our country and foreign scientific literature about the problematic of alternative social and cultural centres, and the analysis Squatters' movement, which is one of the forms of this social and cultural centre. Literature is divided into 3 groups: historical and cultural situation of origin of the "grassroots" social and cultural centres, "new left" movement and "new social movements" as a source of "grassroots" social and cultural centres and literature where the "grassroots" social and cultural centres are learnt.

Ключевые слова: альтернативные социально-культурные центры, «низовые» социально-культурные центры, сквоттерство, новые социальные движения, новые левые, коммуны хиппи.

Keywords: alternative social and cultural centres, "grassroots" social and cultural centres, squatting, new social movements, "new left" movement, hippie commune.

В современном российском культурном пространстве все больше становится популярен феномен *социально-культурных центров*. Что это такое? В нашем понимании, это, прежде всего, социально-культурная деятельность определенного сообщества людей, реализуемая в специально арендованном или незаконно захваченном помещении. Направленность этой деятельности может быть разнообразной, и, исходя из этого, мы выделяем две разновидности социально-культурных центров.

Во-первых, это «официальные» социально-культурные центры, главной особенностью которых является то, что их деятельность *исходит от власти*, от государственных органов. Они могут предназначаться для большого спектра услуг: досуга детей, для медицинской помощи, помощи престарелым и т. п. Примером такого центра может служить областное государственное учреждение «Социально-культурный центр «Семья» в городе Кирове, целью деятельности которого является «организация и проведение мероприятий в поддержку семейных традиций и ценностей» [1]. Такие государственные учреждения существуют во многих городах России [2], и их цели могут варьироваться от благотворительных до коммерческих.

Во-вторых, это «низовые», или *альтернативные* (то есть негосударственные), социально-культурные центры, которые создаются людьми «снизу» — без участия в этом государственных органов, что в научной литературе получило название «Grassroots» по аналогии с ботаникой (от англ. «корни травы» — *простой народ*). В данном контексте термины «низовой» и «альтернативный» используются как синонимы. Эти социально-культурные центры являются независимыми от власти и зачастую противопоставляют себя ей, являясь протестными по своей сути. Очевидной характеристикой таких центров является некоммерческая направленность деятельности. В данной статье нас интересует лишь вторая разновидность центров, речь о которых пойдет ниже.

Хотелось бы отметить, что термин «низовой» социально-культурный центр используется в научной литературе впервые.

Для того, чтобы начать разговор о «низовых» социально-культурных центрах, необходимо разобраться с ещё одним явлением, тесно связанным с ними. Это явление — *сквоттерство*. Сквоттерство понимается нами как акт незаконного, самовольного заселения людей в неиспользуемое и незанятое помещение. Интересен этот феномен еще и потому, что сквоттерство зачастую является *методом* и *условием* создания альтернативного социально-культурного центра. Следовательно, когда «низовой» социально-культурный центр организуется с помощью сквоттиро-

вания, тогда термины «низовой» социально-культурный центр и сквот (здание, полученное методом сквоттирования) являются *синонимами*.

Научные работы по теме альтернативных социально-культурных центров в современной культурологии крайне малочисленны, поэтому изучение данного феномена требует привлечения работ, посвященных широкому кругу смежных проблем. И в этом смысле корпус исследований достаточно богат. В связи с этим постараемся объединить отечественные и зарубежные работы в три основных направления: историко-культурная ситуация времени зарождения «низовых» социально-культурных центров, движение «новых левых» и «новые социальные движения» как источник происхождения «низовых» социально-культурных центров и литература, в которой непосредственно изучаются альтернативные социально-культурные центры.

В связи с тем, что названные объекты исследования получили развитие в эпоху постиндустриального общества, характеризующегося такими чертами, как разорванность сознания, оторванность и отчужденность человека от социума, то, *во-первых*, следует выделить блок научных работ, посвященных изучению историко-культурной ситуации середины и второй половины XX в. Такие исследования наглядно демонстрируют направленность *контркультурного протеста*. Так, работа французского философа, социолога и культуролога Жана Бодрийера «Общество потребления» [3] даёт характеристику создавшемуся западному обществу середины XX в., в котором, по его словам, люди «окружены не столько, как это было во все времена, другими людьми, сколько *объектами* потребления» [4]. Против этой оторванности людей, против их отчужденности, атомизации во многом и был направлен протест молодежи 1960-х гг., из среды которой берет начало движение активистов «низовых» социально-культурных центров.

В этом же дискурсе общества потребления рассуждают теоретики франкфуртской школы неомарксизма. Например, Эрих Фромм в работе «Бегство от свободы» [5] дает характеристику капиталистического мироустройства как сообщества, основанного на безразличии одного человека к другому: «Конкретные связи одного индивида с другим утратили ясный человеческий смысл, приобрели характер манипуляций, где человек используется как средство» [6] для прибыли.

С точки зрения изучения протестной деятельности молодежи середины XX в. интересны труды теоретиков «ситуационистского интернационала» Ги Эрнеста Дебора и Рауля Ванейгема. В «обществе спектакля» [7] Ги Дебора человек лишь зритель, потребитель, в нем нет намёка на созда-

ние нового, творческого, есть лишь спектакль – «это непрерывная речь, которую современный строй ведет о самом себе, его хвалебный монолог» [8]. Критика идеологов «ситуационистского интернационала» западного общества сочетается со сменой в их революционной деятельности революционного субъекта – таковым становится молодежь, заявившая о себе в период “sixty rollers” [9] двигателем большинства социальных и культурных преобразований. Послание именно к этой части общества обозначено уже в названии книги Рауля Ванейгема «Революция повседневной жизни. Трактат об умении жить для *молодых* людей» [10].

В изучении оторванности, отчужденности человека от человека небезынтересна работа английского социолога Зигмунта Баумана «Индивидуализированное общество» [11], где исследуется положение отдельного человека в капиталистическом обществе XX в.

«Дисциплинарная концепция» власти, разработанная в работах Мишеля Фуко [12], имеет важное значение для понимания контркультурного процесса в вышеобозначенную эпоху. Власть начиная с XVIII в. и до нашего времени, по мнению Фуко, исходит не от государства, а охватывает области образования, семейных отношений, науки и т. д. Контркультура 1960-х гг. борется посредством антидисциплинарного протеста в «фукианском» смысле, создавая свои собственные, независимые, андеграундные сообщества (в том числе скваты, коммуны хиппи и «низовые» социально-культурные центры). На этот аспект протеста обращает внимание австралийская исследовательница Джули Стивенс в исследовании «Антидисциплинарный протест: радикализм 1960-х и постмодернизм» [13].

Целый ряд исследователей связывает формирующееся информационное общество с процессом *глобализации*, которая имеет большое значение для всей традиции контркультуры начиная с конца 1960-х гг. до нашего времени. Особенное значение процесс глобализации имеет для изучаемого нами явления, так как оно в определенной мере политизировано и противопоставляет себя доминирующей культуре: его участники являются членами *антиглобалистического* и *альтерглобалистического* движений. Вопросы глобализации исследованы в работе немецкого социолога Ульриха Бека «Что такое глобализация» [14].

Вторая группа источников посвящена особенностям функционирования политического направления «новых левых», в рамках которого развивались многие контркультуры, использующие опыт коммунитаризма и партиципаторной демократии, а также анализу «новых социальных движений», одними из которых является движение

«сквоттеров», деятельность которых, как было указано выше, близка к деятельности «низовых» социально-культурных центров.

Достаточно содержательны работы советских авторов о западных «левых» политических движениях в силу антикапиталистической направленности последних. «Новые левые» рассматриваются в работе советского ученого-американиста Э. Я. Баталова «Новые левые и Герберт Маркузе» [15]. Признавая революционный потенциал студенческой молодежи и интеллигенции, советский ученый высказывается резко негативно по отношению к Герберту Маркузе. Ученый не видит будущего у движения «новых левых» ввиду отсутствия единой идеологии и отрицания роли «старых левых» (к которым, как известно, относился и бывший Советский Союз).

Подробную историю майских событий 1968 г. во Франции, а также исторические предпосылки формирования молодежных низовых студенческих протестов, роль политических партий в них исследует А. А. Семенов в работе «Левое студенческое движение во Франции» [16].

«Новые социальные движения» рассматриваются в работах В. Ц. Худавердяна «Современные альтернативные движения (молодежь Запада и «новый иррационализм»)» [17] и «Молодежь запада 80-х» [18]. В этих двух близких по сути книгах описаны альтернативные капиталистическому образы жизни западной молодежи, в том числе, пожалуй, впервые в советской научной литературе охарактеризовано движение сквоттеров и коммунаров хиппи, движение зеленых, тесно связанных с ними, а также других альтернативных движений (которые сейчас мы называем «новыми социальными движениями»).

В сборнике «Новые социальные движения и социокультурные эксперименты» [19] исследуются очень близкие друг к другу движения экологов и жилищные движения, в некоторых статьях сосуществующие как две стороны одной медали. Одна из статей этого сборника под названием «Молодежные жилищные сообщества в ФРГ» обозначает ещё одну сторону жилищной молодежной стратегии, предшествующую коммуна хиппи, сквотам и «низовым» социально-культурным центрам. Это полуофициальные организации (МЖС – Молодежные Жилищные Сообщества. – Авт.), «которые были призваны доказать необходимость предоставления молодежи свободы как непереносимой предпосылки воспитательного процесса» [20].

Опыт изучения контркультурных движений в западной гуманитарной науке, выделение основных подходов к их исследованию рассматриваются в работе Е. А. Здравомысловой «Парадигмы западной социологии общественных движений» [21].

Свою оценку событиям 1968 г. и «новым левым» дает российский культуролог А. Тарасов в статье «1968 в свете нашего опыта» [22]. Автор указывает на нововведения в революционное движение социалистов 1960-х гг. – это городская герилья и контркультура. Но отсутствие строгой теории, помнению исследователя, сводит все эти достижения на нет: «В отсутствие теории, то есть в темноте, на ощупь и к тому же *меньшинство* движения вынуждено было искать новые пути революционной борьбы, что автоматически ставило это меньшинство в *ущербное* положение по отношению к Системе: городская герилья была обречена на то, чтобы захлебнуться <...> контркультура была *слишком пацифична* и слишком открыта для враждебной ей крайне агрессивной “массовой культуры” и примененных Системой методов диверсии (артизация, психоделизация, религиозизация), чтобы выстоять и тем более победить» [23].

Обозначим также зарубежные исследования по названной теме. *Герберт Маркузе*, считающийся теоретиком «новых левых», но сам себя таким не считающий, все же оказал огромное влияние на революционное движение второй половины XX в. Свое отношение к движению и обращение к нему содержится в его статье «К ситуации новых левых» [24]. Маркузе утверждает, что их деятельность – «это совершенно открытая организация, рассыпанная на малые, в высшей степени гибкие и автономные группы, действующие повсюду на местах» [25], что подтверждает *деконструктивный характер эпохи* и дает политическое обоснование деятельности сквоттеров и активистов «низовых» социально-культурных центров.

Особое внимание привлекают работы, написанные самими участниками протестных движений. Они рассматривают проблему с двух сторон – изнутри как участники изучаемых сообществ и снаружи – как исследователи. Помимо этого они обладают обширным эмпирическим материалом. Например, книга участницы событий середины XX в. в ФРГ *Ульрики Майнхоф* «От протеста – к сопротивлению. Из литературного наследия городской партизанки» [26], а также работа «Альтернативный глобализм. Новые мировые движения» [27] французского альтерглобалиста, одного из лидеров этого движения, *Кристофа Агитона*, который обращает внимание на современные модификации социальных движений. Ульрика Майнхоф заявляет прямо в своей работе, а в своей жизни четко следует этому заявлению: «Протест – это когда я заявляю: то-то и то-то меня не устраивает. Сопроtestование – это когда я делаю так, чтобы то, что меня не устраивает, прекратило существование» [28].

Стратегия многих участников новых социальных движений, в частности *движения сквот-*

теров, была основана на идеологии автономизма, прославлявшего тактику «прямого действия», пренебрегая теоретической ее частью. В этом плане крайне интересна и важна работа греческого философа Джорджа Катсификаса «Ниспровержение политики. Европейские автономные социальные движения и деколонизация повседневности» [29], в которой осмысливается практика автономизма в европейском варианте. В исследовании он описывает разницу между студенческими волнениями 1960-х гг. и автономным движением: «Непосредственно “здесь и сейчас” автономисты показывают эффективность “прямого действия”, справедливость горизонтальных связей, возможность реализации Утопии. Феминизм, сексуальное освобождение, равенство с иностранцами и экология – вот основные сферы их деятельности. Автономисты чрезвычайно мобильны. В короткий срок они способны организовать свои разрозненные группы в мощную ударную силу, способную сокрушить безликую повседневность» [30]. В понимании Катсификаса феминистское, антивоенное, антиядерное, антифашистское, *сквоттерское* движения – все это стороны одного большого автономного движения. Политика автономов – это изменение образа жизни, «деколонизация повседневности», выстраивание горизонтальных человеческих отношений, попытка создания неких «оазисов» жизни в капиталистической системе. Сквот, или «низовой» социально-культурный центр, по сути, есть материальный «оазис», который привлекает к себе аутсайдеров, маргиналов, людей, не вписавшихся в структуру господствующей культуры.

Третий и самый обширный круг источников связан непосредственно с изучением деятельности «низовых» социально-культурных центров. Как уже было сказано выше, публикаций по этой теме мало, и в большинстве из них изучаемые явления лишь абрисно упоминаются. И тем не менее они заслуживают внимания, так как задают вопросы исторического, антропологического и методологического характера.

Напомним, что наш предмет изучения тесно связан со сквоттерским движением. Работы, изучающие его, также привлекаются в этот блок исследований.

Начнем с обзора работ о сквоттерстве.

Истоком «низовых» социально-культурных центров являются контркультурные коммуны хиппи, которые могли быть как самозахваченные, так и самовольно занятые. Это могли быть как земельные поселения за городом, так и городские здания, их суть состояла в том, что хиппи в них не просто жили, но обустроивали свою повседневную жизнь.

В зарубежной гуманитарной науке 1970-х и 1980-х гг. существуют исследования [31] поселе-

ний хиппи, в которых рассматриваются исторические предпосылки появления коммун, организационная структура поселений, повседневная жизнь хиппи (наркотики, свободная любовь, хеппинги), отношение к работе. Для нас эти исследования актуальны, так как в современной России начинают появляться подобные субкультурные поселения [32], тесно связанные с «низовыми» социально-культурными центрами.

Самой ранней работой о сквоттерах в российской гуманитарной науке является статья «Сквоттеры в Петербурге: практика захвата и образ жизни» [33] социолога Т. Головы. В статье автор опирается на довольно бедный (по сравнению с Западной Европой) опыт сквоттерства в Санкт-Петербурге, объясняя это сложностью общения и нахождения активистов движения в России. Автор исследует отношения сквоттеров друг с другом, с соседями, с милицией, властями и т. д. Ставится важный вопрос о внутренней структуре коллектива, населяющего сквот, а также выделяется классификация по цели проживания в здании. Описан процесс перехода от сквота к «низовому» социально-культурному центру. Автор использует методы полевой работы и интервьюирования, необходимые при изучении подобных явлений. И в завершение статьи добавляет, что «формирование общности сквоттеров сейчас возможно (если возможно) прежде всего на основе “протестных” сквотов. Появление последних не так уж маловероятно – определенная молодежная среда сейчас политизируется (прежде всего панки), во многом ориентируясь на контркультуры в Западной Европе» [34].

Две статьи [35] отечественного культуролога О. А. Аксютинной останавливаются на аспекте культуры повседневности протестных движений, в особенности на сквоттерской субкультуре. Повседневность для исследователя является важным аспектом, в котором и происходит процесс отделения себя от господствующей культуры: автостоп, путешествия, лагеря протеста, бесплатные магазины, воркшопы, инфошопы и другие формы собственной независимой жизни «здесь и сейчас» в коллективных сквотах или «низовых» социально-культурных центрах.

Диссертация Д. А. Зеленовой, защищенная в 2011 г., под названием «Протестные сквоттерские сообщества в международном контексте движения против неолиберальной глобализации (на примере ЮАР)» [36] рассматривает с точки зрения политологии политическую ситуацию глобального Юга. При этом она актуальна и для исследования на российской почве, так как движение имеет глобальный характер и обмен опытом – это важный аспект для активистов-сквоттеров или активистов «низовых» социально-культурных центров. Исследование также рассматри-

вает феномен в рамках глобализации. Хотя жители ЮАР захватывают дома и земли в связи с материальной нуждой, практика самоорганизации позволяет сквоттерам внедрять в своих землях или зданиях различные культурные и политические инициативы, такие, как детские сады, общественные огороды, пожарные бригады, коллективы по уходу за особо больными, что роднит их с «низовыми» социально-культурными центрами европейского образца. В диссертации показаны принципы, которые объединяют разрозненное движение в одно большое, *глобальное* – это «разнообразие, горизонтальное распределение власти, децентрализованная структура и демократия участия» [37]. Эти принципы характерны также для российских активистов.

Вопросы классификации современного европейского сквоттерства исследуются в работе голландского ученого *Ханса Пруйта* «Сквоттерство в Европе» [38]. Выделяя сквоты по целям заселения, он рассматривает их по следующим характеристикам: классовая принадлежность активистов, внутренняя структурная организация коллектива, тип занимаемых зданий, выдвигаемые требования и способы достижения их, причины окончания сквоттерства. Исследователь выделяет 5 типов заселения, и один из них – «Предпринимательское сквоттерство» – он понимает как проект создания «низового» социально-культурного центра. Данный элемент классификации можно оспорить, так как, во-первых, предпринимательство – это стремление к прибыли, а мы должны понимать, что подобные центры имеют некоммерческую направленность. Также, в понимании Пруйта, «низовой» социально-культурный центр – это лишь часть большего сквоттерского движения. Здесь также можно не согласиться, так как мы в своем исследовании понимаем сквоттерство как разновидность «низовых» социально-культурных центров. Но все же статья дает понимание о разнообразии, яркости явления. Исходя из опыта изучения реалий нашей страны, можно сделать вывод, что за некоторым исключением классификацию Прайта можно использовать и для России.

Ещё одну классификацию (хотя и не такую разработанную), а также характеристику европейского сквоттерства отображает российский политолог *В. Г. Яценко* [39]. Сквоттерство он оценивает как «либертарный бунт в эпоху постмодерна», и также, как и другие исследователи, соотносит его с прочими социальными движениями второй половины XX в. (антивоенным, антиядерным), в том числе с процессом глобализации. Ценность этой работы в том, что она показывает изучаемое явление в связи с крестьянскими восстаниями мексиканских сапатистов, итальянских крестьян послевоенного периода, бразильских, латиноамериканских, индийских крестьян и т. д.

Одна из немногих работ, исследующих сквоттерство в далекой исторической перспективе, опубликована советским историком *Т. А. Павловой* [40]. Оно посвящено лидеру движения *диггеров* («истинных левеллеров») Джерарду Уинстенли. Английские крестьяне-диггеры, выступая против частной собственности на землю и захватывая ее для собственного выживания, по сути, были первыми представителями, прообразом сквоттеров в XVII в. Это явление уникально, потому что происходит на стыке двух исторических формаций, на переходе к капиталистическому укладу, а ведь только в таком обществе проблемы с нехваткой жилого, материального и жизненного, *коллективистского* пространства начинают играть все большую роль. Возрастающую динамику этого процесса мы видим на протяжении XVII–XXI вв., пик которой приходится на современные нам процессы глобализации и неолиберализма.

Семиотические аспекты сквоттерства (изучение их символа – молнии, заключенной в круг), протестный характер субкультуры, а также связь контекста низового протестного политического движения стран Глобального Севера с контекстом низового политического протестного движения стран Глобального Юга, частью которого является сквоттерство (например, вместе с борьбой против апартеида в ЮАР), изучаются в работе бывшего американского активиста движения *Андерса Корфа* «Посторонним вход воспрещен» [41]. В исследовании делается больший упор на американское движение, чем на европейское протестное сообщество.

Что касается исследований, посвященных исключительно «низовым» социально-культурным центрам, следует упомянуть статью канадского социолога *Аниты Лейси*, рассматривающей британские центры в статье «Социальные центры и пространства активистов в современной Британии» [42]. Большой акцент в статье делается на использовании Интернета в качестве метода связи и способа общения активистов в общей антивоенной и антиглобалистической борьбе в рамках протестного движения, частью которого являются и активисты центров. Социолог вводит важный термин *Мишеля Мафессолли* «божественное социальное», за которым скрывается одна из точек зрения на процесс образования подобных сообществ. Основной пафос статьи – это изучение связи, сетей участников названной субкультуры. Для Аниты Лейси сообщество активистов, организующих «низовые» социально-культурные центры – это ризомная сеть, которая состоит из трудноуловимых, а порой и вообще неуловимых связей, она неофициальна, в ней нет обычных, всеми принятых, узнаваемых в мейнстримовой культуре формальностей (например,

членские билеты). Сеть не ограничивается традиционными методами протеста (как митинги, демонстрации забастовки), а в процессе коллективного творчества создает свои собственные методы, которые постоянно обновляются.

Диссертация П. Б. Савинова «Самоуправляемые социальные центры как агенты вторичной социализации молодежи в гражданском обществе (на примере Италии)» [43] рассматривает вопрос с точки зрения социологии и акцентирует внимание на социальные центры Италии. Изучение итальянских центров для современной науки актуально, так как процессы глобализации привносят в российскую действительность аналогичные европейским культурные процессы. В работе процессы сквоттирования и существования социально-культурных центров рассматриваются как взаимозависящие друг от друга процессы и получающие свое развитие лишь в культуре постмодернизма в рамках «новых социальных движений». Даются также положительные оценки феномену сквоттерства как социализирующего элемента в переходе от юношества к взрослости. Данная оценка автора не совсем корректна, и с ней можно не согласиться, так как нужно понимать, что изучаемое явление относится не только к молодежной субкультуре и не для всех является переходной ступенью между двумя возрастными категориями (от юношества к взрослости). Автор ставит вопрос о существовании социальных центров в России и делает вывод, что центров, аналогичных западным, в России не существует [44]. В целом диссертация интересна своим методологическим и эмпирическим материалом.

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение альтернативных социально-культурных центров сходится с парадигмой изучения сквоттерского сообщества, но работ по изучению сквоттерства гораздо больше. Это, в свою очередь, доказывает, что названные явления, зарождающиеся в современном российском обществе, остаются хоть и интересным, но пока ещё малоизученными. Следовательно, они требуют самого пристального практического и теоретического освоения с привлечением, прежде всего, методов полевого исследования и включенного наблюдения.

Примечания

1. Социально-культурный центр «Семья». URL: http://www.ako.kirov.ru/culture/objects/clubs/sk_family.php.
2. Например, Социально-культурный центр РГСУ в Москве. URL: <http://www.rgsu.net/student/culture/>, Социально-культурный центр «Луч» в Архангельске. URL: http://afisha.nordportal.ru/zaved/?ELEMENT_ID=88241 и т. д.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006.

4. Там же.
5. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. Г. Ф. Швейника. М.: АСТ: Астрель, 2011.
6. Там же.
7. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович; ред. Б. Скуратов. М.: Изд-во «Логос», 2000.
8. Там же.
9. «Sixty rollers» в переводе с английского – «бурные шестидесятые».
10. Ванейгем Р. Трактат об умении жить для молодых поколений (Революция повседневной жизни) / пер. с англ. Э. Тханулы. URL: <http://avtonom.org/old/lib/theory/vaneigem/traktat/traktat.html>.
11. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
12. См: Фуко М. Власть и тело // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Изд-во «Ad Marginem», 1999.
13. Stephens J. Anti-disciplinary protest: Sixties radicalism and postmodernism. Cambridge. 1998.
14. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс – Традиция, 2001.
15. Баталов Э. Я. Новые левые и Герберт Маркузе. М., 1970.
16. Семенов А. А. Левое студенческое движение во Франции. М.: Наука, 1975.
17. Худавердян В. Ц. Современные альтернативные движения (молодежь Запада и «новый» иррационализм). М.: Мысль, 1986.
18. Худаверян В. Молодежь Запада 80-х (идеологическая борьба и международное молодежное движение). М.: Знание, 1986.
19. Новые социальные движения в Западной Европе и США: сравнительное исследование. М., 1989.
20. Там же.
21. Здравомыслова Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993.
22. Тарасов А. 1968 в свете нашего опыта. URL: http://sceptsis.ru/library/id_2274.html 1968
23. Там же.
24. Маркузе Г. К ситуации новых левых. URL: http://www.sceptsis.ru/library/id_2570.html
25. Там же.
26. Майнхоф У. М. От протеста – к сопротивлению. Из литературного наследия городской партизанки. М.: Гилея, 2004. (Сер. «Час “Ч”». Современная мировая антибуржуазная мысль).
27. Агитон К. Альтернативный глобализм: Новые мировые движения протеста. М.: Гилея, 2004.
28. Майнхоф У. От протеста к сопротивлению. URL: http://sceptsis.ru/library/id_659.html
29. Катсификас Д. Ниспровержение политики. Европейские автономные социальные движения и деколонизация повседневности / пер. с англ. В. Г. Яценко. Волгоград: Перемена, 2002.
30. Там же.
31. См., например: Кэйбен III. Коммуна хиппи в Хейте // CDROM. Библиотека в кармане. Сер. «Гуманитарные науки». 1996. № 1; Berger B. M. The survival of a counterculture: Ideological work and everyday life among rural communards. University of California press, 1981; Rigby A. Alternative realities: a study of communes and their members. L., Boston, 1974.

32. Например, коммуна «Рассвет» в Воронеже, анархо-колхоз «Новый путь» в Ленинградской области, коммуна «Солнцеград» (более подробная информация – <http://rassvet-altruism.ru/rassvet.html>).

33. Голова Т. Сквоттеры в Петербурге: практика захвата и образ жизни // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ) / под ред. В. В. Костюшева. СПб.: Норма, 1999. С. 128–153.

34. Там же.

35. Аксютин О. Культура повседневности современных протестных движений в Европе // Повседневность как текст культуры: материалы междунар. науч. конф. / под ред. Н. О. Осиповой. Киров: ВятГГУ, 2005. С. 45–56; Аксютин О. Политика повседневной жизни DIY-культур // Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность / под ред. Е. Омельченко, Н. Гончаровой. Ульяновск: Изд-во УГУ, 2006. С. 13–17.

36. Зеленова Д. А. Протестные сквоттерские сообщества в международном контексте движения против неолиберальной глобализации (на примере ЮАР): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011.

37. Там же.

38. Puijt H. Squatting in Europe available at <http://home.hetnet.nl/~Kiebelier/homepage%20Hans/Squatting%20in%20Europe.htm>.

39. Яценко В. Г. Либертарный дух в эпоху пост-модерна. Волгоград, 2002.

40. Павлова Т. А. Закон свободы. Повесть о Джерарде Уинстэнли. М.: Политиздат, 1985; Павлова Т. А. Народная утопия в Англии середины XVII века. Представления о социальной справедливости. М.: ИВИ РАН, 1998.

41. Corr A. No trespassing: Squatting, rent strikes and land struggles world wide. Cambridge, MA: South End Press, 1999.

42. Lacey A. Britain Networked Communities: Social Centers and Activist Spaces in Contemporary // space and culture vol. 8 no. 3, august 2005 286–301 / ed. A. Lacey. August, 2005. P. 286–301.

43. Савинов П. Б. Самоуправляемые социальные центры как агенты вторичной социализации молодежи в гражданском обществе (на примере Италии): дис. ... канд. социол. наук. М., 2004.

44. Это верно для времени написания диссертации автором (2002 г.), сейчас же ситуация в корне изменилась – «низовые» социально-культурные центры в России начинают получать свое развитие.

УДК 316.723

В. С. Габур

ВЛИЯНИЕ МОДЫ НА КУЛЬТУРНОЕ СОЗНАНИЕ МОЛОДЁЖИ: ФЕНОМЕН СТИЛЯГ В СССР в 1940–1960-е гг.

В данной статье автор пытается проанализировать влияние моды на западный образ жизни в Советском Союзе, который стал причиной появления такого движения, как стилиаги, одного из первых примеров молодёжной альтернативной культуры в стране.

In this article author tries to analyze the impact of mode on western lifestyle in USSR, that was a reason of social movement of stilyagi, they were the one of first samples of alternative youth culture in Soviet Union.

Ключевые слова: молодёжная культура, альтернативная культура, стилиаги, СССР, мода.

Keywords: youth culture, alternative culture, stilyagi, USSR, mode.

На сегодняшний день процесс изучения молодёжной культуры является важным инструментом в исследованиях социокультурной проблематики современного общества, которое постоянно испытывает внутренние изменения, влияющие на культурный базис человека. Часто индикатором таких изменений является молодёжь, которая генерирует внутри себя особую культурную среду – молодёжную субкультуру. Одним из основных факторов появления молодёжной субкультуры является обособленное положение молодёжи в обществе: ее маргинальность, относительная свобода выбора и усиливающиеся социальные различия (ярким примером усиления различий служит период 1950–1960-х гг., наступивший после Второй мировой войны).

Молодёжь как социальная прослойка, прежде всего, проходит этап *адаптации к исполнению определённых социальных ролей* в обществе, где на человека одновременно начинают воздействовать ровесники с формирующимся мировоззрением и старшее поколение, уже выработавшее определённые схемы социальных правил. Именно подобное влияние двух социальных векторов часто действует в роли контраста «отцов и детей». Наиболее ощутимый и заметный диссонанс происходит из-за различных моделей будущего функционирования государства и, что особенно важно, *человека в нём*.

Особенно сильными становятся различия в моменты экономических потрясений, политических и идеологических изменений [1]. Младшее

поколение воспринимает модель поведения старшего поколения неработоспособной в новых условиях, а новая модель начинает формироваться в оппозиции «модели отцов». К ситуации принятия или опровержения модели «старших», которая подразумевает «единственный верный путь», суммируется и относительная свобода выбора.

История большинства западных держав показывает, что процессы либерализации и глобализации меняют консервативную модель профессиональной преемственности на свободу выбора пути самореализации. Эти факторы в середине XX в. привели к появлению таких понятий, как молодёжная культура, субкультура и культура альтернативная. Если молодёжная культура ориентирована на включение молодого человека в контекст социума, где господствует официальная культура, то альтернативная культура создаёт ситуацию противопоставления общепринятым стандартам общества.

В общемировой тенденции обособления молодёжи советское общество не стало исключением, ярким примером тому являются социальные изменения 1960-х гг., когда в стране начали относительно свободно распространяться западные идеи и образ жизни. Однако предпосылки для распространения западного образа жизни в изолированном Советском Союзе начали складываться гораздо раньше – в конце 1940-х. Советский Союз оказался в весьма сложной для устоявшейся идеологии ситуации благодаря сближению с западным миром после союзнических военных действий. В СССР всё чаще стали проникать предметы западного происхождения, причём популярностью пользовались не только какие-то вещи из быта, а культурные объекты, такие, как иностранные фильмы, музыка или литература.

В среде молодёжи, которая была менее идеологизирована, чем старшее поколение, прошедшее войну, зарождается культурный конфликт: послевоенный Советский Союз диссонировал с увиденным в иностранных фильмах, ситуацию усугубляла политическая блокада европейских стран, не входящих в социалистический лагерь.

Переломным фактором, который увеличил масштабы проникновения западного образа жизни, стал XX съезд КПСС и последующая десталинизация общества, которая во многом начала менять отношение советского человека к западному миру. Тогда в Советском Союзе начинает распространяться мода на многие западные вещи и в целом на стиль жизни. Это, конечно, обусловлено не только политическими процессами: часто западные вещи и предметы обихода были сделаны более качественно, что и служило основной причиной их спроса внутри союзных республик. Однако остановимся именно на западной моде.

Само понятие «мода» имеет множество трактовок, которые сводятся к периодической смене образцов культуры и поведения [2]. Обычно под модой подразумевают непродолжительное господство определенного типа стандартизированного массового поведения, в основе которого лежит относительно быстрое и масштабное изменение внешнего (прежде всего, предметного) окружения людей [3]. Здесь важно отметить многогранную структуру «окружения», которая включает в себя не только одежду, но и искусство, культуру поведения, язык и многое другое.

Одним из первых и самых ярких проявлений альтернативной культуры на территории современной России стали *стиляги*. Само слово *стиляги* появилось в журнале «Крокодил» в фельетоне Д. Г. Беляева, после чего термин вышел за пределы инструментария пропаганды и воспитательной работы и получил популярность во всем Советском Союзе.

Стиляги, в общепринятом смысле, олицетворяли собой альтернативную молодёжную культуру в СССР, основами которой являлись симпатии к западному образу жизни (сами себя они позже именовали «штатниками» – производное от США) и аполитичность, крайне несвойственная советскому человеку. Наиболее широкое распространение данное движение получило в 1960-е гг. Основной причиной появления стиляг считается политика относительного сближения Советского Союза и стран Запада. Существует весьма логичное объяснение появления стиляг в историческом контексте: XX съезд КПСС, политика «оттепели» ослабила работу пропагандистского аппарата и цензуры, расширение социального лагеря.

Прежде всего социальной прослойке молодёжи, с симпатией относящейся к западному образу жизни, было необходимо обозначить свои чёткие предметные коды, так как «молодёжная культура маркирует особо значимые компоненты... чаще всего выступающие в качестве групповых символов» [4]. Многие исследователи отмечают, что сам феномен стиляг озаменовал собой прогрессивные социальные перемены даже в закрытом Советском Союзе.

Мода стиляг имела весьма чёткую природу происхождения: в стране существовали довольно строгие правила внешнего облика, который у молодёжи ассоциировался прежде всего с образом. Именно поэтому первые стиляги воспринимались как *эпатажная молодёжь* благодаря сатирическим очеркам тех времён: «В дверях зала показался юноша. Он имел изумительно нелепый вид: спина куртки ярко-оранжевая, а рукава и полы зеленые; таких широченных штанов канареечно-горохового цвета я не видел даже в годы знаменитого клеша; ботинки на нем пред-

ставляли собой хитроумную комбинацию из черного лака и красной замши. Юноша оперся о косяк двери и каким-то на редкость развязным движением закинул правую ногу на левую, после чего обнаружили носки, которые слепили глаза, до того они были ярки» [5]. Эти первые проявления альтернативного внешнего вида несли в себе советскую проекцию западного стиля одежды, так как «после Второй мировой войны советское общество некоторое время сохраняло открытость по отношению к Западу. Миллионы советских солдат вернулись домой, и в их рассказах фигурировали впечатления о европейской жизни. Люди еще носили вещи, присланные по ленд-лизу, в кинотеатрах шли трофейные фильмы. Особым успехом пользовались «Серенада Солнечной долины», «Сто мужчин и одна девушка», «Облава» [6].

Важно отметить еще один факт – в закрытой послевоенной советской культуре понятие «иностранец» воспринималось не иначе как «враг». Сложившееся положение начинает меняться в 1957 г., когда проходит шестой международный фестиваль студентов и молодежи, где советские люди смогли вступить в коммуникацию с представителями разных культур (на мероприятии присутствовали делегации от 131 государства). Для многих это событие стало первым шансом пообщаться с иностранцами и узнать больше об их образе жизни.

Официальной целью фестиваля была пропаганда мира, но такая международная встреча прежде всего помогла пробиться западному образу жизни в СССР. На мероприятии было много молодых людей, которые уже тогда интересовались западным стилем жизни, а после встречи с непосредственными носителями инородной культуры на фестивале всё чаще стали появляться так называемые стилиаги. Рассмотрим конкретно, на какие аспекты культурного сознания советского человека начал влиять западный мир.

Прежде всего Европа оказала влияние на внешний вид советской молодежи: узкие брюки и галстуки, «кок» на голове. Все эти детали внешнего вида и гардероба в СССР попали из Великобритании, где так выглядели так называемые «тедди-бойз». Однако советское общество впитало в себя общемировую (зародившуюся на западе) тенденцию альтернативной молодежной моды – «сочетание высокого и низкого стилей» [7]. Молодые люди стали сочетать самые разнообразные атрибуты западной жизни: носили, к примеру, яркие гавайские рубашки с пиджаками.

В 1950-е гг. страна впитала в себя общемировую моду, которая строилась на свободе самовыражения. Во внешнем виде молодежь 1950-х подражала западным (по их мнению) образцам, так как возможность оказаться в другом куль-

турном пространстве была далеко не у всех, то информацию о внешнем виде стилиаг черпали от тех немногих, кто смог побывать за пределами СССР. Но устоявшаяся идеология тех лет не могла оставить безответной такую увлеченность западным внешним видом. Логично, что открытую борьбу с подобным явлением взял на себя аппарат пропаганды, который решил высмеять стилиаг, сделав их главными героями карикатур.

В сатирических зарисовках о жизни стилиаг главенствовали молодые люди, так как женский образ стилиаги был менее «западным»: удлинённый обувной носок, зауженные платья и юбки с длинным разрезом, яркий макияж. Такой образ пришёл к советским девушкам через западные страны социалистического лагеря, а туда – из Англии.

Подразумевая под собой протест против идеологически обоснованной «простоты», образ стилиаг практически целиком концентрировался на западных образцах, доказательством чему является и стремление стилиаг носить именно «фирменный», то есть иностранный предмет гардероба.

Обобщая *образ стилиаги*, укажем на тот факт, что модели внешнего вида брались если не из рассказов людей, бывших за пределами Родины, то из иностранных фильмов, где прообразами стилиаг служили главные герои. Важно отметить, что с западной повседневностью образ советского стилиаги имел мало общих черт.

Другим отражением западного происхождения субкультуры стилиаг в СССР стал собственный *сленг*, большинством слов которого являлись различные англицизмы (многие слова происходили из жаргона американских музыкантов. Словосочетание «хеток оловый» происходило от английского “old hat” и значило «старую шляпу» [8], ботинки назывались «шугами», смореть – «лукать», носки – «соксы» и т. д.). Очевидно, что подобные языковые игры полностью соответствовали «бунту» стилиаг против советской серости и однообразия, а попытка видоизменить свою речь носила не только присущий субкультурам идентификационный характер (через подобные слова можно было понять, имеет ли отношение какой-либо человек к движению стилиаг), в подобных англицизмах находила своё продолжение повальная мода на всё западное.

Телесный язык стилиаг тоже контрастировал с окружающей действительностью: «Стилиаги телесно оформляли себя как люди изысканные, намеренно манерные. Их новые жесты: запрокинутая назад голова, высокомерный взгляд сверху вниз на окружающих, особая “развинченная” походка – свидетельствовали о принадлежности к богеме» [9].

Инородным по происхождению оказалась и музыка стилиаг – джаз. «Джаз рассматривался

как продукт буржуазной культуры, и он мог оказать “тлетворное” влияние на советского человека, так как это – вражеская музыка. Поэтому, хотя на всю страну и существовало для видимости 3–4 якобы джазовых оркестра, их сильно зажимали, не давали ходу и ограничивали в репертуаре» [10]. Джаз здесь следует понимать в широком смысле, то есть со всеми его производными, в частности фокстротом и свингом. Но в СССР джаз и направления, выросшие из джаза, были обслуживающей составляющей танцевальных мероприятий. Гонениям в музыкальной среде подвергались все символы США, например саксофон: «Коммунисты боялись не только фокстротов и танго, но и музыкального инструмента! Жуткий гнев и негодование у них вызывал саксофон! С ним боролись, как с врагом народа, и старались, если уж невозможно запретить его полностью, всячески уменьшить количество саксофонов в оркестре» [11].

Но если некоторые ответвления джаза всё же смогли найти своё место на советских танцплощадках, то наиболее жестокому гонению подвергся один из самых танцевальных жанров музыки тех лет – *рок-н-ролл*. Это направление высмеивали и обличали многие средства массовой информации. Показательным в этом смысле является письмо некой Лены К., пришедшее в редакцию журнала «Юность»: «На этих “вечеринках” не было веселья, а были лишь коньяк, сигареты, “рок” (рок-н-ролл) и... Вскоре она, бывшая отличница, начала страдать на уроках от похмелья, а то и вовсе пропускать занятия» [12]. Такая идеологическая блокада рок-н-ролла весьма очевидна, именно он был самым быстрым из музыкальных жанров тех лет, а в Советском Союзе с середины XX в. наблюдался явный рост популярности именно танцевальной быстрой музыки.

У правящей элиты в руках был один очень важный инструмент – контроль музыкального рынка страны. Музыка существовала на технических носителях, которые требовали весьма сложного технологического процесса производства и сложно копировались (виниловые пластинки). Однако рок-н-ролл смог проникнуть в молодёжную среду бывшего СССР.

Одним из главных достижений стиляг стал так называемый «рок на костях», так как многие виниловые записи производились подпольно на рентгеновских снимках. Логично, что на этих записях была запрещённая музыка западных групп. Борьба с рок-н-роллом продолжалась практически всю историю его существования в стране (причём позднее запрещённые группы подпольно выпускали свои записи уже на магнитной ленте, то есть процесс печати записей на рентгеновских снимках имеет прямое отношение именно к стилягам).

Другим важным проявлением социальной деятельности «модных людей» стало «*фланирование*». Под фланированием принято понимать простую прогулку либо прогулку с целью показать себя. Само по себе фланирование контрастировало с устоявшимся образом честного и работающего советского человека. Стиляги всё же преследовали в подобных выходах определённую цель – это была ещё одна культурная площадка для обмена информацией. Помимо танцевальных площадок молодёжь встречалась друг с другом. Важным аспектом подобных встреч был контроль за другими стилягами: наблюдалось, кто и во что одет; также появлялась возможность продемонстрировать свой внешний вид. Общение на таких вечеринках носило в своём большинстве невербальный характер, так как за скоплениями стиляг строго следили дружинники. Важным здесь является название места для фланирования – «брод». Здесь зашифрована игра слов вокруг двух понятий – «бродить» и «Бродвей». В своём стремлении подражать западной культуре стиляги даже использовали название знаменитой американской улицы. Но, естественно, что «брод» было не просто сокращением от улицы Бродвей, здесь весьма явно фигурирует смысловой оттенок слова «бродить», то есть идти медленно, не придерживаясь определённого направления.

В итоге стиляги оказались сугубо западной моделью молодёжной альтернативной культуры, став одним из первых субкультурных проявлений в СССР. Позже данное движение начинает делиться на «битников» и «штатников» (кстати, тоже американские модели социальных групп). На это есть ряд причин, наиболее явными из которых являются следующие: взросление стиляг и необходимость профессиональной самореализации (большинство стиляг учились в вузах), появление другого веяния западного мира в СССР – хиппи, относительное расширение рамок творческой деятельности и самовыражения.

Стиляги олицетворяли собой протест против устоявшейся идеологии в молодёжной среде в СССР в 1940–1960-е гг. Основой её послужила западная модель поведения, основанная на свободе самовыражения. Именно увлечение молодёжи западным внешним видом, музыкой, досугом и языком повлекло за собой важные социальные процессы либерализации общества. Западная культура, пропущенная через призму советской реальности, послужила толчком к проникновению в изолированный Советский Союз не только западной культуры, но и её достижений в самых разных областях. Конечно, мировая обстановка продолжала быть весьма накалённой, но сразу после стиляг в СССР проходит показ мод от Ив Сен-Лорана, где советский человек

узнал о западной моде не из журналов, а все увидел своими глазами.

Стиляги «виртуозно умудрялись быть свободными в самых неподходящих условиях» [13], тем самым совершая важный для СССР шаг – подготовку и вторжение альтернативной молодёжной культуры.

Мода на западный образ жизни в послевоенное время послужила отправной точкой для дальнейшего развития субкультур в советском обществе. Стиляги первыми на себе опробовали важные субкультурные свойства, на которые потом опирались многие альтернативные культуры: эпатаж, закрытость и оппозиция массовой культуре. Важно отметить, что основой данного движения стала именно *мода на образ жизни*, а не на идеи западного мира. При подробном рассмотрении образа жизни стиляг в Советском Союзе и целей западной молодёжи становится виден контраст между ними – стиляги добивались своим поведением либерализации общественных устоев, а молодёжь в Европе и Америке боролась с капиталистическими ценностями.

Таким образом, в истории и культуре Советского Союза стиляги стали своеобразным субкультурным феноменом, истоки которого кро-

ются прежде всего в желании подражать всему западному – от внешнего вида до музыкальных предпочтений. Именно западный образ жизни и мода на него послужили главным сигналом для обособления молодёжи в самостоятельное сообщество советских стиляг.

Примечания

1. Омельченко Е. Молодёжные культуры и субкультуры. М.: Ин-т социологии РАН, 2000.
2. Культурология. XX век: энциклопедия / гл. ред., сост. и авт. проекта С. Я. Левит; отв. ред. Л. Т. Мильская. СПб.: Унив. кн., 1998. Т. 1: А–Л. С. 427–447; Т. 2: М–Я. С. 428–444.
3. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998.
4. Щепанская Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004.
5. Славкин В. Памятник неизвестному стиляге. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1996.
6. Вайнштейн О. Б. Денди. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
7. Там же.
8. URL: http://www.svobodanews.ru/archive/blog_pomerantsev/20100201/923/2103.html
9. Вайнштейн О. Б. Указ. соч.
10. Петров В. А. Страх, или Жизнь в Стране Советов. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2008.
11. Там же.
12. Юность. 1959. Май. С. 95–97.
13. Вайнштейн О. Б. Указ. соч.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.032

М. Г. Яновская

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД К МЕТОДАМ ВОСПИТАНИЯ

Статья посвящена теоретическому анализу проблемы методов воспитания с позиций эмоционально-ценностного и деятельностного подходов к воспитательному процессу. Смысловая направленность работы – в обосновании авторского подхода к классификации методов воспитания и их характеристикам в контексте эмоционально-ценностного подхода.

The article is devoted to theoretical analysis of upbringing methods' problems from the position of emotionally-axiological and assignment approaches to the educational process. Conceptual set is – to substantiate the author's approach to the classification of educational methods and their characteristics in the context of an emotionally-axiological approach.

Ключевые слова: методы воспитания, активизация эмоциональной сферы, эмоционально-ценностное стимулирование, напряжение мотивационного поля, деятельностный подход, эмоционально-ценностный подход.

Keywords: upbringing methods, affection activation, emotionally-axiological inspiration, conative frame exertion, assignment approach, emotionally-axiological approach.

Конституирующая цель эмоционально-ценностного подхода – активизация эмоциональной сферы учащихся в воспитательном процессе как условие гармоничного влияния на рационально-смысловую и эмоционально-волевую сферы личности.

В психологической науке разработаны теоретические обоснования полифункциональной роли эмоций в жизнедеятельности человека, их спонтанного «вторжения» во все структуры его психической активности. Однако то, что сделано психологами, недостаточно учитывается педагогической наукой и внедряется в опыт педагогической практики.

Глубоко прав В. П. Зинченко, высказав утверждение о том, что нет учебника педагогики, «в котором присутствовала бы глава, посвящённая эмоциям... знания о них считаются как бы избыточными для педагога» [1].

Обоснования необходимости применения эмоционально-ценностного подхода в образователь-

ном процессе и воспитании как его составляющей даны в ряде публикаций автора предлагаемой статьи [2].

Обозначим некоторые ключевые идеи.

Личность целостна. Она воспринимает окружающий мир и себя в этом мире и рационально (интеллектуально-смысловой контекст) и эмоционально (отражательно-оценочный контекст).

Наихудшая практика воспитания – в разрыве рационального и эмоционального компонентов, в превалировании вербализированно-требовательных методов, когда, по образному выражению В. А. Сухомлинского, «торчат педагогические уши».

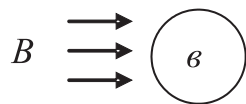
Известно, что личность развивается в деятельности и общении; это одна из закономерностей воспитания. Почему? Потому что и то и другое **потребностно** на протяжении всего школьного возраста. Следовательно, педагогический инструментарий, и прежде всего методы и технологии воспитания, обязательно должны включать **деятельностный** механизм в сочетании с созданием ситуаций **заинтересованного общения**.

Наиболее сложная педагогическая проблема заключена в практическом применении следующей закономерности воспитания – о необходимости перевода **внешнего**, педагогически заданного (смоделированного воспитателем) во внутреннее, личностно значимое (с точки зрения школьника).

Методы воспитания – понятие педагогическое. Педагог-практик, овладев существующим «набором» методов, выбирает прежде всего те, которые в наибольшей мере отвечают педагогической цели (задаче). Но, поскольку педагогическая профессия массовая и основная её функция связана с учебным процессом, при применении методов воспитания нередко допускаются прямые, открытые педагогические воздействия. Например, требование, контроль, групповые и индивидуальные беседы, при которых дети чувствуют себя объектами воспитания.

В ряде современных учебников педагогики уже в самом определении методов воспитания заложены идеи **взаимодействия** (педагога и учащихся), **влияния** (на сознание, чувства, волю, поведение).

Покажем схематично весьма распространённую логику педагогических действий; условные обозначения: «В» – воспитатель, «в» – воспитанник.

Педагогу, выполняющему функции воспитателя, естественнее и проще направлять воспитательные «стрелы» на воспитанника по принципу здравого смысла, но прямолинейной логики: «надо думать и поступать правильно, этому учит семья и школа, которые желают тебе только добра». Как показывает анализ практического опыта, это синдром начинающих воспитателей, а также консервативных «стажистов»

Но вернёмся к нашей схеме. Круг, в который заключён «в» (воспитанник) замыкается; этот круг и есть буква. «О» – объект воспитания. Возникает внутреннее отторжение ребёнком всего того, что связано с воспитательным процессом.

Эта же схема, дополненная и обогащённая конструктивными идеями, «заиграет» по-другому, обретёт иной, позитивный смысл:

Пунктирные стрелы, идущие от «в» (ребёнка) обеспечивают *эффект заинтересованного взаимодействия – общения*. Ребёнок активно обсуждает значимые (с его точки зрения), проблемы, участвует в коллективных творческих делах, вступает в игровые потенциально-воспитывающие отношения, радуется общению со сверстниками. При этом спонтанно возникают ситуации сравнения себя с другими, рефлексивные состояния, которые стимулируют эмоционально-волевые напряжения, ведущие к успеху; преодолевается синдром тревожности, неуверенности в себе.

При такой практике выбора педагогом методов, технологий воспитания и их творческого применения ребёнок не замечает никаких «воспитательных стрел». Всё, что происходит в классе, в школе, для него интересно и важно, это эмоционально значимые фрагменты его жизнедеятельности. Почему? Потому что педагогическая позиция скрыта, она как бы «за занавесом». Воспитательный процесс обогащён эмоциональными компонентами, которые выполняют функции *стимулирования ценностных эмоций* – смыслообразующих и смыслотворческих, «работающих» на эффективность воспитания.

Охарактеризуем кратко тенденции, которые прослеживаются при анализе современных педагогических пособий, адресованных будущим учителям-воспитателям в контексте обозначенных нами положений.

Отметим, что никто из авторов не ставит в качестве самоценной педагогической задачи эмоциональное «наполнение» методов воспитания. Но она так или иначе «высвечивается» из текста. В частности, при характеристике отдельных методов делаются указания на необходимость применения художественных текстов – сказок, притчей, басен и др. с их последующим обсуждением.

При анализе разнообразных классификаций методов воспитания в российской педагогике второй половины XX и начала XXI в. прослеживается динамика от авторитарно-назидательных методов, в основе которых открытая педагогическая позиция (требование, контроль, наказание) к гуманистической – с центрацией педагога на удовлетворении актуальных потребностей школьников. Л. А. Байкова, Л. К. Гребёнкина, О. В. Еремкина отмечают, что педагогика сотрудничества ввела в практику воспитания такие методы, как открытый диалог; метод свободного выбора; коллективного анализа и оценки; «мозгового штурма»; метод самоанализа и самооценки, метод импровизации [3]. Каждый из названных методов основан на творческом общении-взаимодействии, внутренней свободе, раскрепощённости, стимулировании рефлексивно-оценочных состояний. Их психологический механизм и воспитывающий потенциал – в эмоциональной привлекательности для школьника любого возраста; здесь педагогическая позиция максимально скрыта.

Но названные методы более присущи внешкольным детским и молодёжным объединениям, которые работают на основе коллективной творческой деятельности. Как показывает анализ опыта, в массовой практике общеобразовательных школ они чаще всего применяются творчески работающими педагогами. Их включают в традиционные для педагогики школы методы воспитания именно благодаря эмоционально-ценностному потенциалу, удовлетворяющему актуальные потребности школьников.

В учебном пособии для вузов «Теория и методика воспитания» (М. И. Рожков, Л. В. Байбородова) содержится ряд инновационных подходов к методам воспитания. В частности, вводится идея о направленности методов на сущностные сферы личности: интеллектуальную, эмоциональную, волевою; на сферу саморегуляции, предметно-практическую и экзистенциальную. Каждой сфере присуща определённая группа методов. Например, интеллектуальная сфера – убеждение (самоубеждение); мотивационная – стимулирование, т. е. поощрение и наказание (мотивация) [4].

Авторам не откажешь в логической выстроенности такого подхода, но в нём содержится и

ряд спорных положений. Рассмотрим некоторые из них в русле исследуемой проблемы.

Сам факт выделения эмоциональной сферы при характеристике методов заслуживает всяческого внимания и одобрения. Но эмоциональная сфера сопряжена со всеми другими сферами. И более всего – с мотивационной; мотив (мотивация) всегда эмоционально окрашен.

С точки зрения авторов, методами, влияющими на мотивационную сферу, являются поощрение и наказание, которые выполняют стимулирующие функции. Мы полагаем, что это ограниченный взгляд на побуждающий потенциал педагогических стимулов; все методы, направленные на любую из названных сфер, должны быть побуждающими, а не только поощрение и наказание.

Ещё большее возражение вызывает тот факт, что метод, воздействующий на эмоциональную сферу ребёнка, – это внушение и связанные с ним приёмы аттракции. С точки зрения развиваемой нами концепции эмоционально-ценностного подхода к образовательному процессу все методы, направленные на любую из сущностных сфер, «работают» успешно, если стимулируют у ребёнка, подростка, юноши эмоционально-ценностное отношение, переживания, чувства, адекватные педагогическому целеполаганию. То есть каждый метод обязательно должен быть приближен к мотивационно-потребностной сфере школьника благодаря применению эмоционально-ценностных средств.

Такими средствами могут быть *эмоциональные стимулы* (О. В. Гирфанова, Ф. Р. Зевахина, Т. А. Маслов, З. И. Равкин, М. В. Юрьева). В традиционной теории методов воспитания – это *методические приёмы*, которые выполняют разнообразные частные (по отношению к методу) воспитательные задачи, в том числе и функции их эмоционального обогащения.

Интересную, существенно отличающуюся от общепринятой трактовку понятия «приёмы воспитания», мы находим у М. И. Рожкова и Л. В. Байбородовой; приводим её полностью: «Приёмы воспитания – это педагогически оформленные действия, посредством которых на поведение и позицию обучаемого оказываются внешние побуждения, изменяющие его взгляды, мотивы и поведение, в результате чего активизируются резервные возможности человека и он начинает действовать определённым образом» [5].

Проанализируем это определение. Во-первых, это приёмы, организованные педагогом, следовательно *внешние* побуждения; во-вторых *активизация* резервных возможностей человека всегда связана с *внутренними* структурами личности – потребностями, мотивами, эмоциями. С точки зрения современных разработок в области

теории и методики воспитания именно такое «видение» эмоционально-ценностного потенциала методов – через применение разнообразных методических приёмов – и есть наиболее оптимальный путь воссоединения внешнего (педагогически организованного) во внутреннее (личностно значимое). Отметим, что в методических приёмах, которые описывают авторы, именно эта идея является ключевой. Она органично вписывается в развиваемую нами концепцию эмоционально-ценностного стимулирования.

Поскольку теоретические основы концепции изложены в ряде публикаций автора, ограничимся рассмотрением некоторых положений в русле поставленной проблемы.

Прежде всего, речь идёт о педагогическом стимулировании эмоций и чувств, которое направлено на осознание, внутреннее принятие личностью интеллектуально-нравственных понятий и ценностей, практических действий и отношений. Внутреннее принятие будет возможно, если при методической разработке инструментария воспитательного процесса педагог опирается на мотивационно-потребностную сферу ребёнка. Эта мысль лаконично и точно выражена в педагогической литературе: ребёнок берёт лишь то, что хочет и может взять [6]. Вот это «хочет» и «может» и должно быть заложено педагогом в содержании, формах, методах, технологиях.

В русле высказанных теоретических положений мы рассматриваем воспитание как целенаправленный процесс взаимодействия педагогов и учащихся, ориентированный на мотивационно-потребностную сферу воспитанников, стимулирующий их к самовоспитанию и саморазвитию при овладении социокультурными ценностями.

Сравнительно недавно вошло в педагогику понятие «напряжение мотивационного поля» (Л. И. Новикова, А. В. Мудрик, В. Е. Зябкин и др.).

Под напряжением мотивационного поля понимается усиление личностно значимой мотивации, которую можно рассматривать в двух взаимосвязанных ракурсах: процессуальном и результативном. Процессуальный аспект означает необходимость введения педагогом в воспитательный процесс эмоционально-ценностных средств, стимулирующих у воспитанников переживания, отношения или действия, мотивирующие его на внутреннее «приятие» социокультурных норм и ценностей. Когда говорят о результативном аспекте напряжения мотивационного поля, имеется в виду усиление личностно значимой мотивации, определяющей линию поведения школьника, студента. Это могут быть, например, такие мотивационные образования, как цели, идеалы, ценностные ориентации, высокий уровень притязаний и др.

Приводим модель, характеризующую эмоционально-ценностный подход к образовательному процессу (см. рисунок).

Деятельностное функционирование модели благодаря воссоединению двух блоков «А» и «Б» создаёт эмоционально-благоприятное мотивационное поле для стимулирования у учащихся всех ипостасей потребностного «само».

Эмоциональные стимулы – понятие гибкое, динамичное. В зависимости от конкретной педагогической ситуации они могут быть:

- а) *видами деятельности* – игровой, художественной, познавательной;
- б) *формами* воспитательного процесса;
- в) *методами* воспитания;
- г) воспитательными *приёмами*.

Проникая в другие педагогические явления, как бы сливаясь с ними, эмоциональные стимулы в любых ситуациях остаются в статусе **эмоциональных** побудителей. Ибо их основная функциональная нагрузка – в обеспечении эмоционально-ценностного наполнения коллективной и групповой деятельности, конкретных форм воспитательного процесса, методов, приёмов.

Эмоциональные стимулы полифункциональны: это педагогические средства, обеспечивающие усиление мотивационного поля воспитания и прежде всего его методов; это самоценное педагогическое понятие в русле концепции эмоционального стимулирования; это основа эмоционально-ценностной технологии образовательного процесса; это «набор» внешних, педагогически организованных приёмов, который обеспечивает эмоционально-ценностное наполнение методов воспитания.

Фигурально логику воспитательного процесса можно было бы выразить таким образом: корень древа воспитания – психолого-педагогические закономерности и принципы, то есть его истоки; цели, содержание и методы воспитания – это ствол, то есть основы воспитательного процесса; эмоциональные стимулы – это листва, идущая от ствола и переливающая в него жизненные соки. Как ствол без листвы – засыхающее дерево, так и метод, примененный педагогом, может быть сухим, оголенно-назидательным, скучным, внутренне отторгаемым детьми.

Известно, что в теории воспитания советского и постсоветского периодов разработаны десятки классификаций методов воспитания (мы не ставим задачу их анализа, поскольку это сделано другими исследователями).

Каковы сущностные признаки понятия «классификация»? Если рассматривать это понятие в русле системного подхода, то классификация – это система, состоящая из взаимосвязанных компонентов (методов), в результате взаимодействия которых образуется новое качество, то есть позитивные «прибавки» в свойствах личности.

Системообразующий признак – ключевая идея, вокруг которой группируются методы.

Так, в основе классификации методов воспитания, разработанной Г. И. Щукиной и изложенной в учебнике педагогики (1977 г.), – идея о целостности воспитательного процесса, о единстве целевой, содержательной и процессуальной сторон методов воспитания.

Именно эта классификация (с различными авторскими ремарками, дополнениями) предла-

гается будущим учителям-воспитателям в современных учебниках.

Суть её заключается в том, что взаимосвязанные методы воспитания дифференцируются на три группы:

- методы, направленные на формирование сознания личности (беседа, рассказ, диспут, лекция, пример);

- методы организации деятельности и формирования опыта поведения (требование, приучение, упражнение, поручение, создание воспитывающих ситуаций);

- методы стимулирования поведения и деятельности (поощрение, наказание, соревнование).

В более поздний период были внесены некоторые изменения, а именно:

- расширено количество методов каждой группы;

- в свете усиления личностно-ориентированной направленности методов воспитания выделена идея об их бинарности (М. И. Рожков, А. В. Байбородова, П. И. Пидкасистый и др.);

- предложена и обоснована необходимость выделения четвёртой группы методов – контроля, самоконтроля и самооценки (В. А. Сластёнин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов).

Приняв за основу исходные позиции Г. И. Щукиной, а также их развитие современными учёными, выскажем некоторые соображения в русле заявленной проблемы.

С нашей точки зрения, требует переосмысления положение о функциональной направленности методов, ориентированных на взаимодействие педагога с коллективом и группой с позиций деятельностного и эмоционально-ценностного подходов.

Деятельностный подход означает, что в каждом методе воспитания потенциально должен быть «заложен» механизм, стимулирующий у школьников активность, творческий поиск, потребность в рефлексивной самокоррекции. В основе деятельностного подхода при воспитании – *принцип синтеза взаимопроникающих видов деятельности*. Этот принцип детерминирован природосообразной потребностью ребёнка и подростка в постоянной «пробе сил», быстрой смене разных видов деятельности и одновременно их взаимопроникновении, слиянии. Именно поэтому при применении методов воспитания творчески работающие педагоги в основной вид деятельности – носителя смыслообразующей функции – вводят сопутствующую – игровую, художественную, творческую, то есть привлекательный, эмоционально окрашенный мотив, «работающий» на смыслообразующий. Тогда возникают ситуации воссоединения «надо» с «интересно», «хочу», «могу», «добьюсь», то есть гармонизация рационального, эмоционального и волевого.

Деятельностный подход при педагогической разработке и применении методов воспитания особенно эффективен в сочетании с эмоционально-ценностным.

Остановимся на некоторых авторских позициях в контексте вышеизложенных положений.

Рассмотрим группу методов, направленных на формирование сознания. Многие исследователи их называют методами убеждения, что, с нашей точки зрения, требует уточнения: речь идёт об убеждении *словом*. Но убеждает, как известно, не только слово, но и дело.

С точки зрения содержательно-процессуальной их можно отнести к словесной группе методов, направленной на формирование взглядов, суждений, оценок, понятий, которые и составляют основу убеждения.

Как показали наши исследования, эффективность методов данной группы существенно возрастает, если познавательная деятельность органично воссоединяется с другими видами деятельности – игровой, художественной. Такая интеграция ставит учащихся в позицию заинтересованного общения; школьники, студенты активно и творчески участвуют в процессе «добывания» культурных ценностей. Диалоговые ситуации, самостоятельные игровые оценки, художественные фрагменты приносят в познавательную деятельность и проблемность, и творчество, и спонтанно возникающий дух соревнования – если, например, несколько групп выполняют одно и то же задание.

Таким образом, методы, главная функция которых – убеждение словом, в русле деятельностного и эмоционально-ценностного подходов могут быть названы *словесно-деятельностными*. В их основе – принцип воссоединения и слияния разных видов деятельности, а психологический механизм – познавательный интерес, стимулирующий у учащихся творческую активность.

Методы, направленные на организацию деятельности и формирование опыта положительного поведения по сути своей можно назвать *деятельностно-практическими*.

В их основе – дело, опыт совместной деятельности; психологический механизм – эмоционально-волевые напряжения в сочетании с рефлексией; результат – устойчивая готовность личности к систематическому воспроизведению социально ценных норм, нравственных привычек в любых жизненных ситуациях.

Во всех возрастных группах в структуру применения методов данной группы включаются различные модификации коллективной творческой деятельности.

Анализ практического опыта воспитания позволяет констатировать, что наибольшие методические сложности вызывает применение мето-

дов приучения и упражнения (младшие и подростковые возрастные группы). В некоторых учебниках педагогики также фиксируется этот факт. Авторы отмечают, например, что в самом названии метода – «приучение» – заключён некий механизм принуждения. Общеизвестно, что при применении метода упражнения, без которого невозможно результативность приучения, педагогу важно укреплять мотивацию, а не следовать логике наращивания количества упражнений в выполнении воспитательных форм поведения.

Эти проблемы успешно решаются введением в воспитательный процесс таких эмоциональных стимулов, как игра, соревнование, эмоционально-образный и оценочно-рефлексивный. Эти стимулы, в их различных сочетаниях, при соблюдении педагогических условий [7] снимают тенденции педоцентризма, а интересно организованная коллективная деятельность способствует воссоединению и слиянию «взрослых» и «детских» целей [8].

В русле эмоционально-ценностного подхода требует переосмысления метод создания воспитывающих ситуаций.

Впервые этот метод был обоснован и охарактеризован Т. Е. Конниковой в 70-е гг. Авторы современных учебников педагогики включают его в группу деятельностно-практических методов.

Если принять за основу, что воспитывает прежде всего личный опыт ребёнка, а педагог лишь создаёт условия, при которых ребёнок ставится перед необходимостью решать конкретные проблемы, выполняющие функции «социальных проб» [9], то, безусловно, этот метод может быть отнесён только к группе деятельностно-практических. С другой стороны, в русле концепции эмоционального стимулирования правомерно рассматривать феномен «создание воспитывающих ситуаций» не только как отдельный метод, но и как синтез наиболее благоприятного сочетания организованных обстоятельств, эмоциональных стимулов, педагогических средств, которые могут пронизывать любой метод. Ситуация потому и называется воспитывающей, что личность к ней чувствительна, восприимчива, эмоционально отзывчива. С. А. Рубинштейн даёт методологическое обоснование понятия «воспитывающая ситуация», связывая его с мотивационно-потребностной сферой личности. Он говорит о том, что в иерархии её ценностей и потребностей на передний план выступают то одни, то другие. При этом... «ситуация всегда» содержит что-то данное, но в ней есть всегда как бы пустые, незаполненные места [10]. «Пустые, незаполненные места» при применении, например, словесно-деятельностных методов, направленных на формирование сознания, «заполняются» организованным педагогом напряжением интелек-

туально-эмоционального поля. Благодаря вариативности и творчеству, заложенному в различных сочетаниях воспитывающих ситуаций, пронастроенных эмоциональными стимулами, у школьника постепенно формируются нравственные убеждения.

Организованные педагогом воспитывающие ситуации всегда сопряжены с эмоциональным отношением ребёнка и к самой ситуации, и к самому себе – успеху или неудаче собственных действий.

Специфика создания воспитывающих ситуаций в нашем опыте заключалась в том, что жизнедеятельность каждого первичного коллектива была пропитана различными сочетаниями эмоциональных стимулов, направленных на мотивационно-потребностную сферу подростков. Коллективная деятельность, основанная на положительной мотивации, должна была существенно облегчить подростку с отклоняющимися от нравственных норм характеристиками личностную переориентацию, переоценку ценностей, коррекцию поведения, эмоциональное благополучие в коллективе.

Для этого важно было в общей системе эмоционального стимулирования прогнозировать конкретные варианты педагогических действий, состоящих из цепочки воспитывающих ситуаций типа «авансирование успеха», «признание достоинств», «атмосфера добра и понимания». Такие ситуации легче и естественнее создавались и спонтанно возникали в процессе эмоционального стимулирования, ориентированного на коррекцию поведения, нравственное развитие личности [11].

Остановимся кратко на третьей группе, в которую традиционно учёные включают поощрение, наказание и соревнование.

Мы уже высказали суждение о том, что термин «стимулирующие методы воспитания» не вполне корректен, ибо все методы должны быть стимулирующими, направленными на мотивационную сферу.

Поощрение, наказание и соревнование содержат общий механизм: в их основе лежит *внешняя* оценка действий, поступков, линии поведения ребёнка. Оценка всегда сопряжена с *переживанием* либо положительных, либо отрицательных эмоциональных состояний. Поощрение, как известно, вызывает эмоции радости, внутренней удовлетворённости, стимулирует ребёнка к сохранению успеха и дальнейшим эмоционально-волевым напряжениям.

Наказание вызывает отрицательные переживания: стыда, раскаяния, недовольства собой, но одновременно выполняет стимулирующие функции (имеются в виду школьники с адекватной самооценкой). У проблемных подростков оно часто вызывает чувство озлобленности, агрессив-

ное поведение. У школьников с заниженной самооценкой или низким реальным статусом в коллективе наказание вызывает переживание тревожности, беспокойства, безысходности, отчаяния.

Наказание – особенно тонкий инструмент прикосновения к личности ребёнка, поэтому педагог должен пользоваться им тонко и осторожно.

Воспитательная эффективность методов поощрения и наказания зависит от соблюдения педагогических условий, которые достаточно полно и основательно разработаны в теории и методике воспитания.

Соревнование, начиная с 70-х гг., большинством исследователей рассматривается в группе стимулирующих методов. Действительно, во всех характеристиках соревнования фиксируются его активизирующие, стимулирующие функции.

Одним из обоснований о необходимости применения этого метода в воспитании некоторые исследователи считают проблему формирования конкурентоспособной личности. С нашей точки зрения, такая социально-педагогическая цель учитывается, но она ни в коем случае не должна быть «на поверхности», ибо может культивироваться тип нравственно ущербного человека с тенденцией к эгоцентрированному поведению. Важнее другой – социально-психологический – аспект соревнования, заложенный в самой его сущности: сам процесс взаимодействия – общения школьников – стимулирует спонтанно возникающий соревновательный мотив.

Известно, что стержневые «механизмы» соревнования – коллективная оценка и сравнение результатов; и то и другое – явления эмоциональные. Эмоциональная природа заключена также и в самооценности для подростка соревновательной деятельности; она детерминирована возрастными потребностями: сравнение себя с другими, самооценка, самовыражение и самоутверждение. При этом факт коллективного анализа, сравнения и оценки всегда воспринимается подростком остро эмоционально, ибо отвечает сензитивному периоду его нравственного развития (А. И. Божович, Т. Д. Драгунова, Т. Е. Конникова, В. Крутецкий и др.).

В русле развиваемой нами концепции эмоционально-ценностного подхода к воспитанию мы рассматриваем соревнование как эмоциональный стимул, направленный на усиление мотивов, активизацию социально-ценной деятельности и самосовершенствование личности. При этом не отрицается и его статус метода, но вспомогательного, дополнительного.

Соревнование, включённое в организованный образовательный процесс, двухмодально. С одной стороны, обладая эмоциогенными свойствами, оно стимулирует активность, создавая естественные ситуации эмоционально-волевого напря-

жения личности, группы коллектива. Но именно ярко выраженные эмоциогенные свойства соревнования могут дать и отрицательные результаты [12].

Когда мы говорим о дополнительном методе или стимуле, то имеем в виду конкретную педагогическую ситуацию, в которой необходимо:

а) активное включение подростков в какую-либо трудную, непривычную или, наоборот, слишком обыденную, но необходимую для них деятельность;

б) когда надо помочь завершить работу, снять утомление;

в) когда надо дополнить интересную по содержанию деятельность личностно значимым мотивом группового первенства («Разной», «КВН» и др.).

Следовательно, с введением соревнования в воспитательных целях возникает двойная мотивация: «мотив-стимул» активизирует и формирует «знаемый», но ещё не ставший реально действующим, смыслообразующим (пункт «а»). Показания к соревнованию в ситуациях, обозначенных «а» и «в», даже в тех случаях, когда речь идёт о кратковременном соревновании типа «КВН», выполняет функции относительно длительного эмоционального стимулирования: коллектив готовит команды, создаётся атмосфера заинтересованного общения, что, несомненно, способствует формированию чувства «мы – коллектив!»

Соревнование в статусе эмоционального стимула может применяться в группе словесно-деятельностных методов; при этом чаще всего соревновательные ситуации возникают спонтанно, когда дети внутренне, «про себя», переживают, сравнивают и оценивают успехи – неудачи высказываний, разыгрывания ролевых сценок и др.

Длительно функционирующий соревновательный стимул, организованный педагогом (часто в сочетании с игровым), вводится и в деятельность-практические методы воспитания – приучение, упражнение, поручение, создание воспитывающих ситуаций. Как показали наши исследования, именно организованное педагогом при взаимодействии с детьми эмоциональное «наполнение» методов этой группы повышает их воспитывающий потенциал.

Между тем в учебных пособиях по педагогике, адресованных будущему учителю-воспитателю, этот блок методической компетентности вовсе обойдён вниманием.

В русле вышеизложенных положений стимулирующие методы воспитания – поощрение и наказание – следует отнести к группе *оценочно-вспомогательных*, усиливающих положительную мотивацию в усвоении школьниками культурно-нравственных ценностей.

Соревнование в качестве эмоционального стимула, включённое в основные группы методов, основанное на сравнении и оценке, правомерно рассматривать как дополнительный, сопутствующий мотив, направленный на повышение результативности смыслообразующего. Именно благодаря введению соревновательного мотива, особенно в сочетании с игровым и эмоционально-образным, усиливается эмоциональная составляющая методов воспитания.

Таким образом, эмоционально-ценностный подход к методам отвечает идеям, заложенным в гуманистической парадигме воспитания, приближая методы как педагогический инструмент к интересам и потребностям школьников разных возрастных групп. Эмоциональные стимулы, включённые в методы, ставят детей и подростков в деятельностную позицию заинтересованного общения, изменяя функции педагога: от воздействия к диалогово-творческому взаимодействию и стимулированию потребности школьников к самосовершенствованию, самокорректровке.

Примечания

1. Зинченко В. П. Аффект и интеллект в образовании. М.: Тривола, 1995. С. 29.
2. Яновская М. Г. Эмоциональный фактор в процессе формирования интеллигентности будущего специалиста. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008; Яновская М. Г. Эмоциональные аспекты нравственного воспитания. М.: Просвещение, 1986; Яновская М. Г. Эмоционально-ценностный подход в образовательном процессе // Вестник ВятГГУ. 2009. № 4(1); Яновская М. Г. Эмоционально-ценностные технологии нравственного воспитания. Киров: Изд-во ВятГГУ, 1998.
3. Теория и практика воспитания: учеб. пособие / под ред. Л. А. Байковой, Л. К. Гребёнкиной, О. В. Ерёминой. Рязань: Изд-во ГГПУ, 1997. С. 14.
4. Рожков М. И., Байбородова Л. В. Теория и методика воспитания: учеб. пособие для студ. высших учеб. завед. М.: Изд-во ВЛАДОС – ПРЕСС, 2004. С. 189–201.
5. Там же. С. 201.
6. Бефулава М. Н. Гуманизация образования: направления и проблемы // Педагогика. 1996. № 4. С. 24.
7. Яновская М. Г. Эмоциональные аспекты нравственного воспитания. С. 105–129.
8. Яновская М. Г. Эмоциональный фактор в процессе формирования интеллигентности будущего специалиста. С. 34.
9. Рожков М. И., Байбородова Л. В. Указ. соч. С. 199.
10. Рубинштейн С. А. Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 362.
11. Яновская М. Г. Эмоционально-ценностные технологии нравственного воспитания. С. 64–69.
12. Яновская М. Г. Эмоциональные аспекты нравственного воспитания. С. 105–137.

УДК 371.3:53

Г. П. Стефанова, И. А. Крутова

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ФИЗИКЕ

В статье описан способ рациональной интеграции компьютерных и педагогических технологий для формирования познавательной активности учащихся при обучении физике. Рассмотрена методика обучения школьников применению физических знаний в жизненных ситуациях с применением новых дидактических средств, позволяющих управлять этой деятельностью.

In article the way of rational integration of computer and pedagogical technologies for formation of informative activity of pupils at training to the physicist is described. The technique of training of schoolboys to application of physical knowledge in reality situations with application of the new didactic means is considered, allowing to operate this activity.

Ключевые слова: усвоение физических знаний, познавательная деятельность, компьютерные технологии, дидактические средства по физике.

Keywords: mastering of physical knowledge, informative activity, computer technologies, didactic means on the physicist.

Главная задача современного обучения – достижение высокой эффективности учебного процесса. На уроке необходимо создать такие условия, при которых полноценное усвоение физических знаний было бы доступно каждому ученику и поддавалось контролю со стороны учителя. Развитие компьютерных технологий и приход их в школу существенно расширяет возможности учителя в управлении познавательной деятельностью школьников.

Преподавание физики, в силу особенностей самого предмета, представляет собой благоприятную сферу для применения современных информационных технологий. Информационные технологии применяются учителями как при проведении уроков, так и в организации внеурочной деятельности учеников.

Информационные технологии на уроках физики можно применять в следующих направлениях: мультимедийные сценарии уроков или фрагментов уроков; подготовка дидактических материалов для уроков; использование готовых программных продуктов по своей дисциплине и многое другое.

Каждый человек обладает свойством – все знания, умения и качества личности он приобре-

тает только сам, в процессе собственной деятельности. Если учитель лишь объясняет материал, то ученики, в лучшем случае, могут воспроизвести понятие или формулировку закона, научного факта, но не осознают, каково содержание деятельности по созданию данного физического знания, и не умеют использовать его в ситуациях, которые встречаются в жизни. В этом случае говорить об усвоении знаний не приходится: знание, которое не используется в конкретной деятельности, быстро забывается.

Знания, полученные при изучении русского языка, английского языка, математики, используются человеком в жизни потому, что постоянно возникает потребность говорить, писать, считать. Физика же наука «недеятельностная», и учитель физики вынужден искусственно создавать ситуации, побуждающие учащихся к выполнению определенной деятельности. На наш взгляд, физическое знание можно считать усвоенным только в том случае, если ученик овладел деятельностью по его «созданию» и применению в любой конкретной ситуации.

Для разработки технологии обучения школьников применению физических знаний в определенных жизненных ситуациях наиболее эффективным представляется использование деятельностного подхода в обучении, основные идеи которого нашли отражение в работах психологов Л. С. Выготского, В. В. Давыдова, П. Я. Гальперина, А. Н. Леонтьева, Н. Ф. Талызиной. Выделим положения деятельностной теории, которые могут быть положены в основу разработки методики обучения учащихся познавательной деятельности, связанной с применением физических знаний в конкретных ситуациях.

1. В педагогической практике под познавательной деятельностью понимается любая деятельность учащихся в процессе учения. В рассматриваемой теории понятие «познавательная деятельность» значительно уже. Под познавательной деятельностью понимается деятельность, целью которой является не накопление суммы научных фактов, а овладение способами получения и применения знаний в любых практических ситуациях.

Знания нужны человеку не сами по себе, а для решения задач, возникающих в практической и теоретической деятельности. Однако задачи, с которыми человек может встретиться в ходе своей деятельности, крайне многообразны, и научить решению всех их невозможно. Достичь этого можно единственным способом: обучение учащихся решению конкретных задач сделать средством для выделения обобщенного способа деятельности, а затем научить их применять обобщенный способ для решения задач в любой новой ситуации.

2. Исследования психологов показали, что все знания и умения приобретаются учеником толь-

ко в соответствующей деятельности. Все виды деятельности имеют свою структуру и состоят из определенной системы действий, выполнение которой обеспечивает достижение цели деятельности. Совокупность условий для успешного выполнения действий называют ориентировочной основой деятельности (ООД). П. Я. Гальперин выделяет три типа ООД и соответственно три способа ориентировки, предопределяющие три типа учения [1].

Ориентировочную основу первого типа составляют образцы действия и его продукт. Никаких указаний на то, как нужно выполнять действие, не дается. Ученики ищут пути выполнения задания вслепую, методом проб и ошибок. Действия для ученика остаются неосмысленными: изменение несущественных условий ведет к значительному нарушению действия. Перенос знаний и умений на новые задания очень ограничен.

Ориентировочная основа второго типа содержит не только образцы действий, но и все указания на то, как их правильно выполнять. Эти указания даются ученикам в готовом виде и в конкретной форме. В этом случае обучение идет быстро и без ошибок. Однако перенос на новые задания ограничен наличием в их составе элементов, идентичных элементам уже освоенных знаний.

Ориентировочная основа третьего типа отличается тем, что ориентиры предоставляются ученику в обобщенном виде, характерном для целого ряда явлений. Для каждого случая ориентировочная основа действия составляется учеником самостоятельно на основе обобщенного метода. Сформированное таким образом действие обнаруживает свойство широкого переноса на выполнение многих задач.

Таким образом, существует три типа учения: методом проб и ошибок, путем действия по образцу и путем применения обобщенного метода. Формируемое действие имеет наилучшие характеристики при организации обучения по третьему типу.

Чтобы сделать человека независимым от условий, в которых он будет действовать, необходимо сформировать у него какую-либо деятельность в обобщенном виде. Для этого специальным образом подбираются задания, количество которых зависит от сложности действия и составляет 8–10 заданий по каждому действию. При этом подбираемые ситуации должны быть различными.

3. Отличительным признаком любой человеческой деятельности является то, что она всегда начинается с постановки цели, руководство которой позволяет получить конечный продукт с требуемыми свойствами. Наличием идеального плана деятельности человек и отличается от жи-

вотного. При этом деятельность только тогда позволяет получить продукт с заранее заданными свойствами, если цель этой деятельности сформулирована самим человеком на основе возникшей у него потребности (такую цель называют сознательной). Поэтому этапу составления ООД должен предшествовать мотивационный этап, который позволяет человеку принять цель данного действия и сформулировать ее. Для того чтобы у учащихся возникла потребность в решении учебной задачи, должна быть создана ситуация, побуждающая к формулированию цели деятельности (в виде познавательной задачи), и организован соответствующий анализ этой ситуации.

По общему признанию психологов, изначальным (пусковым) моментом познавательной деятельности является стремление узнать неизвестное. «Мышление всегда начинается с проблемы или вопроса, с удивления или недоумения, с противоречий. Этой проблемной ситуацией объясняется вовлечение личности в мыслительный процесс, он всегда направлен на разрешение какой-то задачи» [2].

Вопрос о способах создания ситуаций, побуждающих учащихся к познавательной деятельности, – один из важных для современной психологии, педагогики и частных методик. Ученые, педагоги, учителя предлагают различные способы создания у учащихся ситуативного интереса. Однако четкого ответа на вопрос, как создать ситуацию, в которой у учащихся возникла бы внутренняя познавательная потребность, пока не найдено. Деятельностный подход в обучении позволяет предопределить возможный путь решения этой проблемы: так как человек осознает только то, что составляет содержание его деятельности, ситуация только тогда вызовет познавательную потребность, если она возникает в собственной деятельности ученика и является для него значимой.

4. В качестве основных критериев усвоения действий и понятий в деятельностной теории выступают следующие характеристики:

1) *обобщенность понятий и действий* – способность учащихся применять сформированные понятия и действия в условиях, в той или иной степени отличающихся от условий обучения, широта переноса;

2) *сознательность усвоения* – способность ученика правильно действовать в конкретной ситуации и правильно аргументировать свои действия;

3) *прочность сформулированных действий* – способность учащихся использовать полученные ими знания и умения как сразу после обучения, так и спустя некоторое время;

4) *сокращенность действия и мера его освоения* – способность обучаемого выполнять каж-

дое следующее действие с большей скоростью, чем предыдущее [3].

Сравнение трех типов учения позволяет выдвинуть предложение, что разрабатываемая методика обучения учащихся познавательной деятельности по применению физических знаний будет наиболее результативной, если выбрать путь, соответствующий организации обучения по третьему типу.

Рекомендации психологов позволяют определить число ситуаций, в которых ученику необходимо выполнить определенную деятельность, чтобы физическое знание было усвоено. Число ситуаций должно быть порядка десяти. Это соответствует данным психологических исследований, согласно которым для овладения деятельностью её необходимо выполнить не менее 8–10 раз. В рамках разрабатываемой методики под контрастными заданиями будем понимать ситуации трёх типов: а) обладающие всеми признаками понятия, под которое они подводятся; б) не обладающие некоторыми признаками; в) имеющие неопределённые признаки. При этом ситуации должны описывать такие условия, в которых человеку когда-либо придётся эту деятельность выполнять, и не только в школьном возрасте.

Выделенные психологами критерии усвоения действий и понятий могут быть использованы для оценки результативности разработанной методики обучения учащихся познавательной деятельности, связанной с применением физических знаний.

Усвоение учащимися знаний темы осуществляется с применением задач-упражнений. Задачи-упражнения являются новым дидактическим средством и представляют собой задания, в которых описаны конкретные ситуации с реальными объектами, а требование соответствует виду деятельности, в котором это знание используется: распознавание или воспроизведение физического явления, физического объекта; нахождение значения физической величины; составление уравнения и др. Задачи-упражнения выполняются с опорой на физическое знание, подлежащее усвоению. Они могут быть представлены как словесно, так и в виде рисунков, графиков, таблиц, а также предполагать возможность выполнения предложенной деятельности с реальными объектами и приборами.

Эффективность этапа применения знаний повышается, если учителем создается потребность в данном виде деятельности. Для того чтобы учащиеся сами сформулировали задание по применению знаний, учитель обращается к ним с вопросом: «В каких видах деятельности может быть применено знание, полученное нами на сегодняшнем уроке?» Учащиеся предлагают свои варианты, после корректировки которых учитель фор-

мулирует задание. После этого школьникам предлагается разработать в обобщенном виде способ выполнения этого задания и записать его в тетрадях в виде программы действий. Затем организуется деятельность учащихся по выполнению задания в каждой ситуации с опорой на разработанный способ действий.

Таким образом, подготовительная работа учителя физики к организации деятельности школьников на этапе применения знаний предполагает выполнение следующих действий: 1) формулировка цели, побуждающая школьников к выполнению деятельности с опорой на физическое знание; 2) составление программы достижения поставленной цели; 3) подбор или составление ситуаций, которые позволяют сформировать данную деятельность; 4) выбор оптимального вида представления для описания каждой ситуации; 5) проверка соответствия составленного набора ситуаций представленным выше требованиям.

Для управления познавательной деятельностью школьников по усвоению физических знаний нами разработано новое дидактическое средство, в котором сформулированы задания по применению знаний, к каждому заданию подобрано не менее 8 конкретных ситуаций, выделены способы выполнения заданий в обобщенном виде. Оно называется «Рабочая тетрадь по физике» и предназначено для усвоения учащимися основных физических понятий, законов и научных фактов [4]. Название пособия подчеркивает, что оно используется учеником на уроке, не заменяя при этом тетрадь по физике, в которой ученик ведет записи во время получения новых физических знаний, выполнения практических работ. В данном пособии ученик выполняет иные виды деятельности: составляет программу выполнения задания в обобщенном виде, многократно тренируется в её исполнении

при распознавании и воспроизведении конкретных ситуаций, решении задач-проблем, объяснении явлений. Все эти виды деятельности выполняются с опорой на физические знания и позволяют ученику усвоить их прямо на уроке без специального заучивания.

Ситуации заданий интересны для учащихся, так как позволяют применить знания по физике для решения практически значимых проблем. Неоценимую помощь в создании таких дидактических средств предоставляет компьютер, в котором создается банк задач-упражнений по всем темам школьного курса физики. Это облегчает подготовительную работу учителя физики, так как имеется возможность быстрого доступа к дидактическим средствам, позволяющим организовать процесс усвоения физического знания.

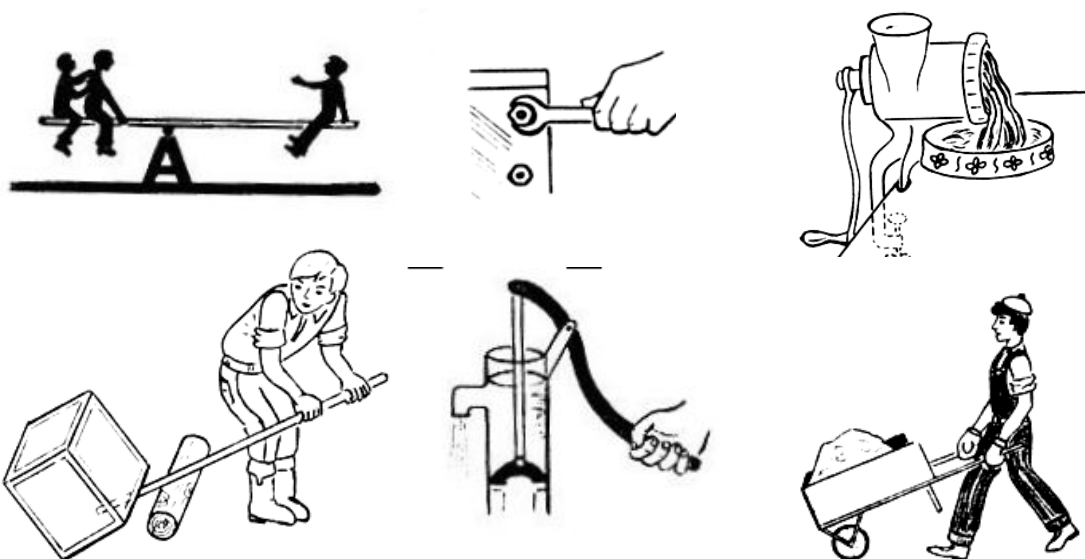
Приведем пример одного задания из «Рабочей тетради по физике».

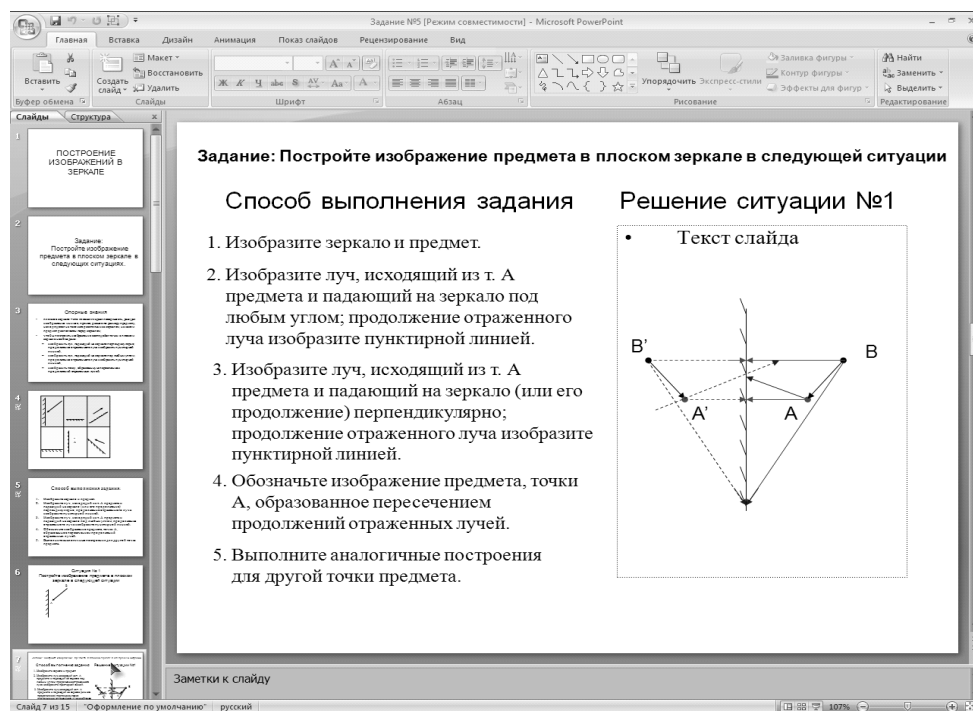
Задание. Выделите рычаг и изобразите действующие на него силы в следующих ситуациях. Разработайте способ выполнения задания (см. рисунки).

Такие умения, как планирование и выполнение деятельности по распознаванию и воспроизведению конкретных ситуаций, соответствующих знанию, должны контролироваться не в конце изучения темы, а на контрольных этапах цикла усвоения знаний и действий.

Для организации деятельности по применению знаний учителем разрабатывается презентация, состоящая из следующих слайдов: формулировка задания, описание восьми ситуаций, программа выполнения задания – последовательность действий, выполнение которых приводит к достижению цели, поставленной в задании.

Способ выполнения задания разрабатывается учащимися самостоятельно с опорой на «создан-

Вид слайда презентации, предназначенной для обучения школьников построению изображения в плоском зеркале

ное» на уроке знание. В процессе обсуждения с учащимися действий, последовательное выполнение которых приводит к достижению цели деятельности, поставленной в задании, по мере предложения ими правильного ответа способ появляется на экране. Далее она многократно применяется в конкретных ситуациях. Описание каждой новой ситуации (в виде текста, рисунка, графика и т. п.) появляется на экране только после того, как все учащиеся класса реализовали действия способа и получили правильный ответ в предыдущей ситуации (см. рисунок).

Остановимся подробно на разработанном нами электронном образовательном ресурсе, позволяющем управлять деятельностью школьников на этапе применения знаний. Он включает в себя систему презентаций по каждой теме школьного курса физики. Каждая презентация состоит из слайдов, на которых приведены:

- формулировка задания;
- физические знания, с опорой на которые возможно достичь цели деятельности, сформулированной в задании;
- описание конкретных ситуаций;
- способ выполнения задания;
- описание ситуации, способа деятельности в обобщенном виде, решение данной ситуации;
- формулировка ситуаций для контроля за усвоением знаний.

Например, для обучения учащихся деятельности по построению изображений в плоском

зеркале используется презентация, один из слайдов которой приведен на рисунке.

Каждому ученику предстоит выполнить построение изображения предмета или источника света в восьми конкретных ситуациях.

Способ выполнения задания разрабатывается учащимися самостоятельно с опорой на выделенные физические знания. Способ выполнения задания – последовательность действий, выполнение которых приводит к достижению цели, поставленной в задании. В процессе обсуждения с учащимися действий способа по мере предложения ими правильного ответа он появляется на экране. Разработанный способ многократно применяется в конкретных ситуациях.

Рациональная интеграция педагогических и информационных технологий позволяет учителю эффективно управлять процессом усвоения учащимися физических знаний.

Примечания

1. Гальперин П. Я. Основные результаты исследований по проблеме «Формирование умственных действий и понятий». М., 1965. С. 82.
2. Иванова А. А. Активизация познавательной деятельности учащихся при изучении физики. М.: Просвещение, 1983. С. 289.
3. Талызина Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 160–185.
4. Стефанова Г. П., Крутова И. А. Физика: рабочая тетрадь для учащихся 7 класса: учеб. пособие. Астрахань: Изд. дом «Астрахан. ун-т», 2011.

УДК 37.013.75

Н. П. Мурзина

ИННОВАЦИОННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ ФГОС

Требования новых Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) ориентируют педагогов не только на формирование фундаментальных знаний в рамках образовательных областей, но и на формирование универсальных учебных действий – в системе общего образования, ключевых компетенций – в системе профессионального образования. Развитие личности и деятельности обучающихся возможно только при условии их активной позиции в процессе познания, коммуникации и других видах деятельности в образовательном процессе. Средством, которое позволит развивать учеников, воспитанников, студентов, выступает инновационное содержание образования. Оно способствует достижению современных целей образования, т. е. является личностно и деятельностно ориентированным, развивающим, вариативным, смысловым; интегрирует сильные стороны формально-знаниевого и личностно-деятельностного подходов в образовании. Вместе с тем существует ряд противоречий в стандартизации и вариативности содержания образования, что затрудняет внедрение ФГОС нового поколения. Анализ современной ситуации в этом вопросе позволит частично разрешить проблемы освоения ФГОС.

Requirements of new Federal state educational standards (FGOS) focus teachers not only on formation of fundamental knowledge within the limits of educational areas, but also on formation of universal educational actions – in system of the general education, key competentia – in vocational training system. Development of the person and activity trained probably only under condition of their active position in the course of knowledge, communications and other kinds of activity in educational process. As means which will allow to develop pupils, pupils, students the innovative maintenance of formation acts. It promotes achievement of the modern purposes of formation, i. e. is focused on the basis of theories about the person and activity, developing, having variants, semantic; integrates strengths formally-znanieвого and lichnostno-deyatelnostnogo approaches in formation. At the same time there is a number of contradictions in standardization and variability of the maintenance of formation that complicates introduction ФГОС of new generation. The analysis of a modern situation in this question will allow to resolve problems of development ФГОС partially.

Ключевые слова: Федеральный государственный образовательный стандарт, образовательные результаты, универсальные учебные действия, интегративные качества, развитие познавательной активности, субъектная позиция, уровни содержания образования, стандартизация содержания образования, вариативность содержания образования, инновационное содержание образования.

Keywords: the Federal state educational standard, educational results, universal educational actions,

интегративные качества, развитие информативной активности, субъектная позиция, уровни содержания образования, стандартизация содержания образования, вариативность содержания образования, инновационное содержание образования.

Внедрение новых федеральных государственных образовательных стандартов на всех ступенях образования обозначило проблему их освоения педагогами и возможности развития познавательной активности обучающихся.

В педагогической литературе исследователи, обозначая место и роль содержания образования, определяют его как средство развития личности и формирования его базовой культуры (В. А. Сластенин, С. А. Смирнов и др.), фундамент культуры личности (О. С. Гребенюк). В проведенном исследовании подчеркивается значение инновационного содержания образования в развитии личности обучающегося, формировании его субъектной позиции в процессе обучения. Инновационное содержание образования мы определяем как фактор, что означает, согласно справочной литературе, созидатель, множитель, наиболее существенное обстоятельство в процессе образования личности, «определяющее продвижение деятельности» (В. И. Слободчиков). Можно предположить, что при наличии этого фактора создаются условия для формирования позиции обучающегося (и школьника, и студента) как субъекта. Термин «формирование» означает придание определенной формы, в словаре по психологии понятие «формирование» соотносится с понятием «развитие» и выступает его фактором. По мнению А. Н. Леонтьева, формирование личности представляет процесс, состоящий из непрерывно сменяющихся стадий, качественные особенности которых зависят от конкретных условий и обстоятельств.

Данные положения позволяют понять, почему обучающийся выступает как субъект учебно-познавательной деятельности (В. В. Давыдов, И. С. Якиманская), субъект жизни (С. Л. Рубинштейн, С. В. Кульневич) и его субъектная позиция проявляется не только в том, что он познает внешний мир, но в том, что воздействует на него с целью саморазвития, самореализации, самоопределения в различных видах деятельности, в том числе и в учебной.

Н. Е. Щуркова раскрывает характеристику обучающегося как субъекта собственного развития, способного к самостоятельному выбору жизненного пути и образа жизни, достойного человека, умеющего нести ответственность за свой выбор.

В. В. Сериков считает, что педагог должен создать «личностно-ориентированную педагогическую ситуацию», которая «ставит воспитанника в новые условия, трансформирующие привыч-

ный ход его жизнедеятельности, востребующие от него новую модель поведения, чему предшествует рефлексия, осмысление, переосмысление сложившейся ситуации» [1].

По мнению Н. А. Алексеева, проектирование дидактической системы в рамках личностно-ориентированного образования, которая, по сути, представляет собой педагогическую технологию личностно-ориентированного обучения, позволит развивать личностные и деятельностные качества ученика [2].

Таким образом, важными характеристиками субъекта деятельности выступают самостоятельная, предметная, совместная и творческая деятельности, то, что и формируется, и развивается в них (В. А. Петровский, С. А. Рубинштейн, В. И. Слободчиков и др.). Позиция обучающегося как полноценного субъекта деятельности проявляется в осуществлении всех ее этапов: целеполагание, планирование, реализация цели, самоконтроль и самооценка результата.

В данной статье мы попытаемся проследить, как изменения в содержании образования на современном этапе развития нашего общества могут способствовать формированию субъектной позиции обучающихся и как это в свою очередь должно отразиться на развитии их познавательной активности.

Современное образование определяет познание и знание основными средствами решения различных жизненных проблем и трудностей. Связующим звеном между этими категориями выступает активность личности.

Активность – всеобщая характеристика живых существ. Активность личности проявляется в способности человека производить общественно значимые преобразования в мире, в его активной жизненной позиции в этом процессе, она соотносится с деятельностью и выступает ее условием и свойством. В справочной литературе активность часто определяется как синоним понятия «деятельность».

Теоретические вопросы, связанные с исследованием феномена познавательной активности личности, были раскрыты в различных психологических исследованиях (К. А. Абульханова-Славская, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, С. А. Рубинштейн, Е. А. Сорокоумова и др.), развития познавательной активности личности – в концепциях развивающего, личностно-ориентированного образования (В. В. Давыдов, Л. В. Занков, С. В. Кульневич, И. С. Якиманская и др.).

Познавательная активность школьника (обучающегося) – важнейший фактор обучения. Л. В. Занков включил этот принцип в основу своей системы развивающего обучения. Свою концепцию он выстраивал на основе закона, открытого Л. С. Выготским, который определил, что обуче-

ние влечет за собой развитие, так как личность развивается в процессе деятельности. А. Н. Леонтьев видел внутриличностные источники активности в потребностно-мотивационной сфере. А. В. Петровский, разрабатывая проблему активности, также утверждал, что активность проявляется в реализации потребностей личности.

Б. Ф. Ломов отмечал, что активность – это особое качество субъекта деятельности, состоящее в интеграции его психологических возможностей, способностей, знаний и их направленности на достижение цели. Автор еще раз подчеркивает взаимосвязь активности и деятельности и выделяет основные компоненты активности.

Е. А. Сорокоумова выделяет в структуре познавательной активности две основные стороны – деятельностную и личностную. Деятельностная сторона обеспечивает развитие и функционирование познавательных процессов при ведущей роли мышления, личностная сторона включает мотивы познавательной деятельности, интересы к познанию окружающего мира, других людей и самого себя. Данный подход позволяет определить показатели развития познавательной активности учеников. И. С. Якиманская определяет основные источники развития этих качеств и свойств: 1) обучающее воздействие (программы, учебники, учитель); 2) личностный опыт самого ученика, который включает в себя опыт его индивидуального взаимодействия с миром и результаты предшествующего опыта.

Познавательная активность – это стремление человека самостоятельно мыслить, находить свой подход к решению задачи (проблемы), желание самостоятельно «открыть» знания, способность критически относиться к суждению других и независимость собственных суждений.

Именно эти способности личности сегодня определены как основные в целях образования на всех его уровнях.

В век стремительной информатизации всех сфер жизнедеятельности человека развитие познавательной активности обучающихся – одна из важных задач процессов обучения и воспитания. Но долгое время этот процесс был, в основном, в поле профессиональных интересов психологов и педагогов-практиков. Психологи достаточно успешно исследуют закономерности, механизмы этого процесса на каждой возрастной ступени развития личности. Педагоги-практики пытаются отобрать содержание обучения, для того чтобы решить развивающие задачи урока, и каждый их решает так, как понимает. В идеале эта ситуация протекает следующим образом: если в школе, детском саду есть педагог-психолог, то он обследует состояние развития психических процессов у детей, передает результаты педагогу, который в свою очередь включает в урок, если

позволяет время, задания по развитию внимания, памяти и других мыслительных процессов, при этом потребности в таком развитии существуют прежде всего у учителя. А ребенок принимает задачи педагога в силу полного подчинения взрослым. Насколько эффективна эта работа, можно судить по итогам последних международных исследований PISA.

Одним из источников развития познавательной активности обучающихся выступает содержание образования. Она может развиваться при наличии такого содержания образования, которое будет способствовать включению их в деятельность на основе потребности в «новом» знании и в способности его «открывать», по сути, это инновационное содержание образования.

Современная ситуация в образовании демонстрирует стремление государства решить проблему развития познавательной активности обучающихся средствами содержания образования.

Отечественные педагоги, занимающиеся изучением структуры и содержания общего образования, выделяют целый комплекс направлений его отбора и конструирования: единство и вариативность содержания образования; интеграция; преодоление диспропорции между научными знаниями и способами их получения; увеличение роли учебной деятельности; согласование содержания с запросами общества и потребностями личности.

Для данной работы важно рассмотреть, как инновационное содержание образования решает проблему развития познавательной активности обучающихся.

Термин «содержание образования» впервые был введен в работах И. Я. Лернера и В. В. Краевского. Они расширили это понятие и представили концепцию содержания образования, определили его как «педагогически адаптированную систему знаний, навыков и умений, опыт творческой деятельности и опыт эмоционально-волевого отношения, усвоение которого призвано обеспечить формирование всесторонне развитой личности, подготовленной к воспроизведению (сохранению) и развитию материальной и духовной культуры общества». В ней авторы впервые раскрыли сущность, состав, структуру, функции данной научной категории [3].

Заслугой авторов является и то, что они еще 30 лет назад рассматривали содержание образования на основе культурологического подхода и определили направления его совершенствования на основе его модели.

Содержание образования, по мнению В. В. Краевского, представляет собой сложную многоуровневую систему. Исследователи считают, что оно выступает «решающим фактором, который при определенных условиях формирует общую и функциональную грамотность человека, влияет на его

учебный и жизненный опыт, отношение к образованию, к людям, миру, к себе» [4].

Анализ подходов к конструированию содержания образования как к многоуровневой системе показал, что в его разработке внимание исследователей уделяется, прежде всего, «проектируемой части» (теоретический уровень, уровни учебного предмета и учебного материала). Это то, что предлагается ученику извне как социальный опыт, адаптированный к возрасту обучающегося – «внешний компонент» содержания образования (А. В. Хуторской). Менее всего уделялось внимание обновлению той части, которая реализует этот опыт в деятельности педагога и обучающегося и делает его личностно значимым для обучаемого, т. е. «внутреннему компоненту».

Такое понимание тоже было обосновано идеологией общества того времени. Но наука и практика доказали несостоятельность и противоречивость сформулированной образовательной цели.

Необходимо признать, что и в науке, и в практике за основу берется общепринятое определение содержания образования, данное В. В. Краевским: «Педагогически адаптированный социальный опыт человечества, тождественный по структуре (не по объему) человеческой культуры, взятой в данном аспекте во всей структурной полноте». Концепция этого ученого трактуется содержание образования как многоуровневую систему (*теоретический уровень, уровень учебного предмета, учебного материала, педагогической действительности, личности ученика*). На каждом уровне состав представлен взаимосвязанными и взаимодействующими структурными элементами: «...опыт познавательной деятельности, фиксированной в форме ее результатов – знаний; опыт осуществления известных способов деятельности – в форме умений действовать по образцу; опыт творческой деятельности – в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях; опыт осуществления эмоционально-ценностных отношений в форме личностных ориентаций» [5]. Эти элементы на теоретическом уровне раскрываются в учебном плане, на уровне учебного предмета – в учебных программах, на уровне учебного материала – в учебниках, учебно-методических комплексах (УМК), на уровне педагогической действительности – в образовательных технологиях, на уровне личности ученика – в процессе его учебной деятельности. Представленная авторами система позволяет проанализировать инновационные процессы на каждом из уровней содержания образования.

На *теоретическом уровне* решаются задачи отбора и конструирования содержания образования базисного учебного плана. В связи с нача-

лом реформирования образования, с середины 80-х гг. и до начала 90-х гг. прошлого столетия, творческими коллективами Э. Д. Днепров, В. С. Леднева, О. Е. Лебедева и А. П. Тряпицыной были разработаны подходы к отбору, конструированию содержания образования.

В то же время возникла проблема вариативности и стандартизации образования. Вопрос о конструировании образовательных стандартов возник не случайно, а как следствие формирования личностно-деятельностного подхода в теории содержания образования. Середина 90-х гг. прошлого столетия характеризуется появлением массы вариантов учебных программ, учебников и учебных пособий, образовательных систем, ориентированных на личность ученика, его развитие. Для решения задач непрерывности и преемственности в образовании возникла необходимость в создании единого образовательного пространства средствами содержания образования.

Вариативность образования предполагает разный уровень личностно психологической зрелости, уровень подготовки, знаний, способностей их применять. *Стандартизация* образования – процесс по созданию стандартов, включающих систему социальных норм и положений и определяющих основные требования к содержанию и результатам обучения и воспитания, установленных государством с целью создания единого образовательного пространства и получения равных возможностей в получении дальнейшего образования.

Процесс стандартизации содержания образования на всех его уровнях и внедрение компетентностного подхода в эту сферу определили развитие познавательной активности дошкольников, школьников, студентов как планируемый результат образования.

Ценным в новых образовательных стандартах является то, что впервые определены планируемые результаты и сформулированы не только предметные результаты, но и такие: на уровне дошкольного образования – интегративные качества в процессе освоения образовательных областей; на уровне общего образования – предметные, метапредметные, личностные результаты; на уровне профессионального образования – общекультурные, универсальные, профессиональные компетенции. Это свидетельствует, что и государству и обществу нужен думающий гражданин, способный самообразовываться на протяжении всей жизни.

На теоретическом уровне содержания образования планируемые результаты дошкольного образования определены в документе «Федеральные государственные требования к основной общеобразовательной программе дошкольного образования» (ФГТ к ООП), на уровнях общего –

«Федеральный государственный образовательный стандарт» (ФГОС). Необходимо отметить, что в ФГТ, по непонятным причинам, авторы содержание образования назвали содержанием психолого-педагогической работы по освоению детьми образовательных областей. Тем самым определили ребенка как объект, а не субъект образования. Это противоречит заявленным в документе принципам дошкольного образования и общепринятому пониманию элементов содержания образования на любом его уровне.

Рассмотрим планируемые результаты образования на каждой ступени.

Дошкольное образование: планируемые итоговые результаты каждой образовательной области ООП – интегративные качества ребенка дошкольного возраста: физически развитый, овладевший основными культурно-гигиеническими навыками; любознательный, активный; эмоционально отзывчивый; овладевший средствами общения и способами взаимодействия со взрослыми и сверстниками; способный управлять своим поведением и планировать свои действия на основе первичных ценностных представлений; способный решать интеллектуальные и личностные задачи (проблемы), адекватные возрасту; имеющих первичные представления о себе, семье, обществе, государстве, мире и природе [6].

Начальное общее образование: требования к результатам освоения основных образовательных программ:

- предметные результаты (знания и умения, опыт творческой деятельности в рамках учебного предмета);

- метапредметные результаты (способы деятельности, освоенные на базе одного или нескольких предметов, применимые как в рамках образовательного процесса, так и при решении проблем в реальных жизненных ситуациях) – универсальные учебные действия – регулятивные, познавательные, коммуникативные;

- личностные результаты (система ценностных ориентаций, интересы, мотивации, толерантность) [7].

Анализ интегративных качеств личности дошкольника, метапредметных результатов образования младшего школьника, формируемых в процессе освоения образовательных областей, показывает, что содержание дошкольного и начального образования направлено на развитие и деятельность и личностной составляющих познавательной активности.

Планируется, что развитие познавательной активности у детей дошкольного возраста будет осуществляться в процессе организации психолого-педагогической работы по освоению всех образовательных областей: «Познание», «Физическая культура», «Здоровье», «Безопасность»,

«Социализация», «Труд», «Коммуникация», «Чтение художественной литературы», «Музыка», «Художественное творчество».

Но при этом формулировки не отражают ориентацию на результат и не раскрывают специфику интегративных качеств каждого возрастного периода. А следовательно, не могут выступать ориентирами для воспитателей при проектировании образовательного процесса и критериями оценки достижения этих результатов.

На ступени начального общего образования разработана Программа формирования универсальных учебных действий (УУД), в которой выделены три основные группы действий: регулятивные (умения учиться); познавательные; коммуникативные.

Познавательные действия характеризуются общеучебными умениями по формулированию познавательной цели и поиском и выделением необходимой информации; знаково-символическими, необходимыми при моделировании объектов, процессов, явлений – преобразовании их из чувственной формы в модель; универсальными логическими действиями, которые помогут решать учебные задачи с помощью операций анализа, синтеза, классификации, сравнения и др.; а также умением формулировать проблему и самостоятельно создавать способы решения проблем творческого и поискового характера.

В Программе УУД определены уровни их формирования: научиться и получить возможность научиться. Но так же, как и в документе для дошкольников, не описаны ориентировочные характеристики УУД для каждой возрастной ступени. Понятно, что у каждого ученика будут свои показатели сформированности УУД, но учителю сложно самому выстроить прогноз в формировании метапредметных результатов по классам, учитывая тот факт, что ставки психологов в образовательных учреждениях сокращены. Эту задачу могут решить только научные исследования в области возрастной, детской, педагогической психологии. Ряд исследователей возрастной психологии описали общую психологическую характеристику детей дошкольного и младшего школьного возраста (В. С. Мухина и др.), разработали подходы к описанию социально-психологического статуса первоклассника (М. Р. Битянова). Но педагогам-практикам нужны четкие инструкции с описанием качеств, действий, которые ребенок может продемонстрировать на каждой возрастной ступени, и не в учебниках, а в методических рекомендациях к ФГТ и ФГОС по работе с каждой возрастной группой. Это вызвано тем, что в большинстве своем педагоги прочитали учебник по возрастной психологии перед экзаменом в вузе или колледже и забыли о нем. Наблюдения, тестирование на курсах повышения квалификации

учителей, воспитателей показывают, что способности к саморазвитию и самообразованию у них сформированы на среднем и низком уровне (75%). Этот факт нельзя не учитывать разработчикам методических материалов стандартов.

Сегодня отсутствие психологического сопровождения развития обучающихся создает затруднения у педагогов при создании ООП.

В концепции нового стандарта **учебный предмет** строится как система знаний и существенных свойств и отношений, характерных для определенной предметной области, которые осваиваются в ходе целенаправленно организованной учебной деятельности. Такой подход задает направления для разработки методического аппарата УМК.

Изменение подходов к построению содержания образования на уровне учебного предмета нашло отражение и в исследованиях Е. С. Заир-Бек, Е. И. Казаковой, посвященных разработке требований к построению учебных программ.

В проекте новых стандартов рамочные ориентиры задает основная образовательная программа, которая содержит регламентирующие цели образования и пути их реализации. Примерные программы на уровне начального общего образования уже прошли экспертизу. Критическая ситуация в дошкольном образовании: ни одна из рекомендуемых программ не имеет экспертного заключения. Базисные учебные программы общего образования дополняются программами развития УУД, призванными регулировать различные аспекты освоения метапредметных умений, включая и познавательные действия.

С. В. Кульневич излагает представления о том, что может включать в себя содержание изучаемого предмета, учебного материала (учебника) с точки зрения формирования основ самоорганизации учеников.

Таким образом, на **уровне учебного предмета** инновационное содержание образования должно решать задачи

- по формированию не только предметных, но и метапредметных и личностных образовательных результатов;

- осуществлению внутримпредметных и межпредметных связей в рамках образовательной области для формирования целостной картины мира у обучающихся;

- управлению процессом реализации заданного содержания на основе принципов преемственности и непрерывности содержания образования на всех ступенях общего образования, с учетом принципов фундаментализации и деятельности, дифференциации и индивидуализации.

Уровень учебного материала представлен в учебнике «как развернутой во времени и пространстве содержательной программе деятельно-

сти обучения» [8]. Содержание учебника, по сути, является описанием процесса обучения, воспитания.

При изучении проблем содержания образования на уровне учебного материала (учебника) современные исследователи (Ю. Крупнов, А. А. Леонтьев) констатируют факт несостоятельности многих новых учебников в развитии мотивации учебно-познавательной деятельности, способности «открывать» знания.

А. А. Леонтьевым разработаны психолого-педагогические основы и критерии школьных учебников нового поколения. Автор уточняет понятие «новый» учебник и учебник «нового поколения». Последний ориентирован на реализацию новой образовательной парадигмы. Это прослеживается в увеличении доли продуктивных заданий в учебно-методический комплект.

Основная черта инновационного содержания образования на **уровне учебного материала** – это организация процесса обучения и воспитания в соответствии с идеями личностно-деятельностного и компетентностного подходов к образованию. Таким образом, учебники и УМК позволят развивать личностную и деятельностную составляющие познавательной активности обучающихся.

На **уровне педагогической действительности** (образовательного процесса) и **личности ученика** в системе содержания образования процессы обновления идут не так скоро, как хотелось бы ученым и практикам.

На современном этапе развития образования выделяют несколько концепций обучения, каждая из которых была ответом на вызов определенного типа организационной культуры. При этом каждая концепция обучения, как и тип культуры, не просто меняют друг друга, они существуют параллельно [9].

Концепция традиционного обучения вполне соответствовала требованиям корпоративно-ремесленной культуры – передаче рецептурного знания.

Концепция развивающего обучения представлена системами развивающего обучения Л. В. Занкова и Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова, образовательной системой «Школа 2100». Она направлена на общее развитие ребенка, сопровождение его в учебно-познавательной деятельности, создание ему условия для формирования субъектной позиции в этом процессе, способности к взаимодействию и сотрудничеству.

Основные идеи концепции эвристического обучения, или развития через творчество, – обучение через «открытие» и, как следствие, развитие творческой деятельности.

Как видим, направления совершенствования содержания образования на **уровне педагогической действительности** (образовательного процесса) и личности обучающегося идут в соответствии

с принципами его отбора на теоретическом уровне. В этом вопросе современные исследователи содержания образования (Д. Г. Левитес, А. В. Хуторской, И. С. Якиманская) характеризуют его как «деятельностное», «личностно-ориентированное». Это позволяет рассматривать полученное знание как наполненное личностным смыслом, ставшее личным опытом – опытом субъективных переживаний, как «интериоризированное, знание», «персонально значимое», а процесс учения основан на «переосмыслении», что способствует процессу субъективации, т. е. не только оценке личностной значимости учебного материала, но и осознанию самого себя его субъектом [10].

Таким образом, на **уровне педагогической действительности и личности ученика** инновационное содержание образования, представленное в образовательных технологиях, характеризуется как деятельностное, интегративное, личностно-смысловое, формирующее субъектную позицию обучающегося, развивающее все сферы личности.

Проведенный анализ раскрыл основные направления обновления содержания образования и сущность *инновационного содержания образования как многоуровневой системы адаптированного социального опыта человечества, которая способствует достижению современных целей образования, т. е. является личностно- и деятельностно-ориентированной, развивающей, вариативной, смысловой; интегрирует сильные стороны формально-знаниевого и личностно-деятельностного подходов в образовании* [11].

Выявленные характеристики инновационного содержания образования позволяют сделать вывод о том, что оно является средством развития личности и деятельности обучающихся, их субъектной позиции, познавательной активности, которая проявляется в формировании мотивации учебно-познавательной деятельности, в определении своих затруднений и формулировании учебной задачи, планировании деятельности, в поиске ее решения в процессе выполнения мыслительных операций, а также ее самоконтроле и самооценке.

Примечания

1. Сериков В. В. Образование и личность: теория и практика проектирования педагогических систем. М.: Изд. корпорация «Логос», 1999.
2. Алексеев Н. А. Личностно-ориентированное обучение: вопросы теории и практики. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1996.
3. Лернер И. Я. Болевые точки процесса обучения // Советская педагогика. 1991. № 5 С. 24–29.
4. Краевский В. В. Содержание образования – бег на месте // Педагогика. 2000. № 7.
5. Краевский В. В. Содержание образования: феномен déjà vu // «Школа 2100». Вып. 5. М.: «Баласс», 2001.
6. Федеральные государственные требования к структуре основной общеобразовательной программы дошкольного образования. URL: mon.gov.ru/dok/akt

7. Концепция новых государственных стандартов общего образования – 2007. URL: standart.edu.ru/catalog

8. Зорина А. Я. Программа – учебник – учитель. М.: Знание, 1989.

9. Никитин В. А. Организационные типы современной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Тольятти; М., 1998; Новиков А. М. Методология учебной деятельности. М.: Изд-во «Эгвес», 2005.

10. Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвития личности // Вопросы психологии. 1983. № 2. С. 35–42.

11. Мурзина Н. П. Инновационное содержание образования как фактор развития субъектной позиции обучающегося // Развитие субъектов учебной деятельности в контексте педагогического управления: коллективная монография / под ред. А. А. Шипиловой. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009.

УДК 37.016:51

Н. А. Зеленина, М. В. Крутихина

ПРИКЛАДНЫЕ И УЧЕБНО-ПРИКЛАДНЫЕ ЗАДАЧИ В ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ В КЛАССАХ ХИМИКО-БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

В статье уточняются цели обучения математике в классах прикладных профилей, в частности химико-биологического, и психофизиологические особенности учащихся, выбирающих указанные профили. Формирование прикладного стиля мышления связывается с обучением действию математического моделирования путем использования прикладных и учебно-прикладных задач.

The article specifies educational objectives in teaching mathematics in applied profile classes, in particular, chemical and biological ones, and psychophysiological characteristics of the students choosing these profiles. The development of applied thinking style is connected with teaching mathematical modeling by means of applied and scientific-applied problems.

Ключевые слова: профильное обучение математике, химико-биологический профиль, цели обучения, особенности учащихся, прикладной стиль мышления, математическое моделирование, прикладные и учебно-прикладные задачи.

Keywords: Mathematics teaching profile, Chemical and Biological profile, educational objectives, students' characteristics, applied thinking style, mathematical modeling, applied and scientific-applied problems.

Одной из современных тенденций развития отечественной школы является усиление профильной дифференциации обучения. Существование классов и школ различного типа ставит перед методикой обучения, в том числе и математике, весьма специфические проблемы.

При разработке модели математического образования в условиях профильной дифференциации за основу взяты следующие направления специализации: гуманитарное, прикладное, естественнонаучное. Для отбора математического содержания в рамках каждого направления были предложены разные подходы, основанные на целях обучения, психофизиологических особенностях учащихся, различных характеристиках учебной самостоятельной деятельности школьников и др. [1] При большой потребности общества на современном этапе его развития в квалифицированных кадрах для создания и реализации новых технологий особого внимания, на наш взгляд, требует прикладное направление, ориентированное на применение математики в технике, производстве, экономике, естественнонаучных дисциплинах.

Следует отметить, что на сегодняшний день существуют специальные учебные пособия по математике для гуманитариев и для учащихся, изучающих этот предмет углубленно. Особенности обучения математике для профилей прикладного направления исследованы недостаточно, что проявляется, в частности, в отсутствии соответствующих методических материалов как для школьников, так и для учителей. Причины такого явления объективны. Прежде всего, это многообразие и различный характер профилей, входящих в прикладное направление. К нему относятся экономический, биолого-химический, медицинский, технологический профиль с различными специализациями и т. п. При этом обратим внимание, что количество недельных часов, отводимых учебным планом на изучение математики в этих профилях, значительное. В качестве второй причины отметим тот факт, что прикладной профиль часто выбирают учащиеся, которых нельзя отнести ни к гуманитариям, ни к той категории школьников, у кого ярко выражены математические способности.

Укажем некоторые особенности, характерные для учащихся, выбравших для обучения профиль прикладного направления. Решая задачи с практическим содержанием, эти ученики видят явления, описанные в задаче, и оценивают текст с позиции соответствия реальной действительности. Первоначальный анализ задачи происходит на содержательном уровне, после чего большая часть школьников могут перевести ее на математический язык. Существенным отличием от учащихся математических классов является то, что практически за математическими выкладками не наблюдается потери содержания. Математические рассуждения учащиеся прикладных профилей чаще выстраивают развернуто, хотя и в меньшей степени, чем гуманитарии. Наиболее удачным вариантом мотивации для этих школьников является постановка проблемы на матери-

але профилирующего предмета или имеющегося опыта. Большой интерес у учеников вызывает историко-научный материал, особенно процесс развития самого научного знания и применение математики в других областях человеческой деятельности. Названные особенности, безусловно, влияют и на подбор прикладных задач, и на методику работы с ними.

Выше было указано, что отбор содержания дисциплины при обучении в профиле определяется также целями ее изучения. К наиболее значимым целям изучения математики в рамках прикладных профилей следует отнести:

1. Овладение комплексом математических знаний, умений, навыков, необходимых для изучения дисциплин, наиболее значимых в выбранном профиле, продолжения образования и освоения избранной специальности на современном уровне.

2. Формирование научного мировоззрения, показывающего фундаментальную роль математики в развитии естествознания, экономики и других областей человеческой деятельности.

3. Развитие правильных представлений о характере и специфике описания математикой явлений окружающей действительности, связанных с понятиями математической модели и математического моделирования.

4. Формирование элементов прикладного стиля мышления, который характеризуется некоторыми специальными умениями.

Для достижения названных целей, прежде всего, отметим необходимость явного включения в содержание различных учебных предметов элементов математического моделирования, ознакомления учащихся с современной научной трактовкой понятий модели и моделирования, овладением моделированием как методом научного познания и решения практических задач. Эта необходимость связана с формированием у школьников диалектико-материалистического мировоззрения, с более осмысленной и продуктивной научной деятельностью. Действительно, математическое моделирование в настоящее время становится неотъемлемой частью деятельности специалистов, использующих в своем труде математический аппарат в качестве инструмента при решении тех или иных задач. Понятия «математическая модель» и «математическое моделирование» в явном виде широко используются в современной науке и на производстве. Все это говорит о том, что представления о математическом моделировании как методе решения задач, возникающих на практике, в настоящее время приобрели общекультурную и общеобразовательную ценность. Кроме того, решение прикладных задач показывает применение математики в практической деятельности, что при современном падении

интереса к предмету для многих учащихся является существенным мотивом при ее изучении. Особенно актуальны названные аспекты для классов прикладного направления.

Умения, характерные для прикладного стиля мышления, формируются при решении прикладных и учебно-прикладных задач. Под прикладной задачей мы понимаем задачу, поставленную вне математики и решаемую математическими средствами [2]. Поскольку использование таких задач в курсе математики средней школы в большом объеме затруднительно, представляется целесообразным предлагать учащимся учебно-прикладные задачи, при решении которых процесс математического моделирования выполняется частично.

Рассмотрим некоторые возможности использования прикладных и учебно-прикладных задач при изучении математики в классах химико-биологического профиля.

Прежде всего, отметим, что изучение математики в классах химико-биологического профиля имеет прикладной характер, поскольку, с одной стороны, математика для химиков, биологов, экологов является аппаратом для изучения основных профильных дисциплин, с другой стороны, будет в их профессиональной деятельности инструментом для описания реальных явлений, результатов опытов и экспериментов, а также решения некоторых производственных задач.

Анализ специальной литературы показывает, что в биологии, химии, экологии, медицине важное место занимают количественные описания реальных процессов и соответствующие им количественные модели, а также методы обработки экспериментальных данных. С этой точки зрения представляется важным сформировать у учащихся две группы умений: 1) моделировать реальные процессы (строить математические модели); выбирать алгоритм или математический метод для решения конкретной задачи; 2) корректно проводить экспериментальные исследования; грамотно оценивать и обрабатывать результаты измерений и вычислений.

Существенную роль в формировании умений второй группы играет изучение элементов математической статистики. Умения же первой группы формируются преимущественно в процессе решения прикладных и учебно-прикладных задач.

Решение таких задач «требует определённых умственных навыков, определённого склада ума, который мы в повседневной жизни называем здравым смыслом. <...> Привить здравый смысл и полезные умственные навыки не так уж просто, — но если учителю математики удалось этого добиться, то тем самым он оказал реальную услугу своим учащимся, чем бы они в будущем не занимались» [3]. Одной из особенностей работы над такого рода задачами является привлечение к их

решению так называемых рациональных рассуждений [4]. Такие рассуждения допускают отступление от строгой логики. В них используются нестрогие определения, «размытые» понятия, допускается частичная замена дедуктивных умозаключений умозаключениями, основанными на здравом смысле, аналогии, неполной индукции, физических соображениях. Необходимость в таких рассуждениях определяется различными практическими соображениями, возникающими при решении прикладных задач. Рациональные рассуждения меньше схематизируют и идеализируют действительность, чем дедуктивные умозаключения чистой математики, следовательно, они больше подходят для анализа реальных фактов и ситуаций.

Рациональные рассуждения используются на всех этапах применения математики к решению практических или прикладных задач. Этап формализации напрямую связан с рациональными рассуждениями, поскольку выделение математической сущности исследуемого реального процесса осуществляется на уровне правдоподобия. Математическая модель, по существу, представляет собой гипотезу. Адекватность модели проверяется посредством интерпретации полученных результатов, то есть их сопоставления с исходной реальной ситуацией. Такого рода рассуждения используются и на внутримодельном, то есть собственно математическом этапе. С их помощью добиваются согласованности между степенями точности этапов формализации, внутримодельного решения и интерпретации, осуществляя выбор метода исследования математической модели, производят корректировку уже построенной модели, её уточнение.

При подборе прикладных и учебно-прикладных задач необходимо также учитывать следующие их особенности. Поскольку любая практическая ситуация характеризуется большим количеством условий, то для построения математической модели необходимо осуществить выбор величин и их значений, которые являются существенными для описываемого процесса. Фактически речь идет об использовании задач с лишними и недостающими данными. Желательно, чтобы способы задания исходных величин и источники получения недостающих значений этих величин были различны (график, таблица, справочник, жизненный опыт и т. п.). Больше внимания также следует уделить переводу решения, полученного на внутримодельном этапе, на естественный язык, на котором была сформулирована задача, т. е. интерпретации.

Немаловажной составляющей процесса обучения решению прикладных и учебно-прикладных задач в классах химико-биологического профиля является также специфическое содержа-

ние таких задач. Наибольший обучающий эффект имеют в этом случае задачи, описывающие реальные химические, биологические, экологические процессы как наиболее близкие и понятные учащимся этого профиля.

Приведем примеры некоторых учебно-прикладных задач, которые могут быть использованы при изучении тем «Производная», «Наибольшее и наименьшее значения функции», «Дифференциальные уравнения».

К *первой группе* относятся задачи, которые используются при введении новых математических понятий. Эти задачи отличаются простой моделью и направлены, прежде всего, на умение интерпретировать полученные математическими способами результаты. Примеры следующих задач служат формированию у учащихся представления о производной как о скорости изменения функции в данной точке.

Задача 1. Пусть $m = m(t)$ – количество некоторого вещества, вступившего в реакцию к моменту времени t . Задайте формулой скорость протекания химической реакции в данный момент времени t .

Решение. Скорость v протекания химической реакции в данный момент времени t выражается формулой $v = m'(t)$.

Задача 2. Пусть функция $Q = f(t)$ описывает концентрацию некоторого лекарства в крови в момент времени t . Какую величину будет описывать производная этой функции $f'(t)$ в момент времени t_0 ? Пусть концентрация в крови некоторого лекарства A описывается функцией

$f(t) = 3 - \frac{1}{2}t$. Найдите скорость изменения концентрации A в момент времени t_0 .

$$\text{Решение. } v_{\text{мгн.}} = f'(t_0) = \left(3 - \frac{1}{2}t\right)' = -\frac{1}{2}.$$

Необходимо обсудить с учащимися полученное значение скорости, а именно: что означает тот факт, что скорость не зависит от времени и отрицательна. С точки зрения рассматриваемой

в задаче ситуации полученное значение $v_{\text{мгн.}} = -\frac{1}{2}$ показывает, что концентрация лекарства A в крови убывает с постоянной скоростью.

Задача 3. Пусть $p = p(t)$ описывает размер популяции бактерий в момент времени t , тогда $v = p'(t)$ – скорость роста популяции в момент времени t . Определите скорость роста популяции в момент времени $t_0 = 5$ ч, 10 ч, если популяция в момент времени t насчитывает $p(t) = 3000 + 100t^2$ особей. Сравните полученные значения и сделайте выводы.

Решение. Скорость роста популяции в момент времени t равна $p'(t) = 200t$. При $t_0 = 5$ ч по-

лучаем $v = p'(5) = 1000$ особей в час, при $t_0 = 10$ ч – 2000 особей в час. Со временем скорость роста популяции увеличивается.

Вторая группа объединяет задачи, не требующие построения математической модели, но предполагающие работу с этой моделью. Такие задачи могут быть использованы на этапе закрепления знаний, уроках решения задач, при осуществлении контроля.

Задача 4. В питательную среду вносят популяцию из 1000 бактерий. Численность популяции растёт по закону $p(t) = 1000 + \frac{1000t}{100+t^2}$, где $t \geq 0$ выражено в часах. Найти наибольший размер популяции за сутки.

Решение. Исследуем на наибольшее значение

функцию $p(t) = 1000 + \frac{1000t}{100+t^2}$ на промежутке $[0; 24]$. Найдём производную и критические точки

$$p'(t) = \frac{1000(100+t^2) - 2t \cdot 1000t}{(100+t^2)^2} = \frac{1000(100-t^2)}{(100+t^2)^2}$$

$p'(t) = 0 \Leftrightarrow 100 - t^2 = 0$. Отсюда, $t_1 = -10$, $t_2 = 10$. В заданный промежуток $[0; 24]$ входит критическая точка $t = 10$. Найдём значение функции в критической точке и на концах промежутка: $p(0) = 1000$, $p(10) = 1000 + \frac{10000}{200} = 1050$, $p(24) = 1000 + \frac{1000 \cdot 24}{100 + 576} \approx 1036$.

Таким образом, наибольших размеров популяция достигнет через 10 часов и будет насчитывать 1050 бактерий.

Хотя формально в этой задаче формула, выражающая численность популяции, известна, математическая модель требует уточнения: в тексте в явном виде не указан промежуток, на котором исследуется функция. В некотором смысле эту задачу можно считать простейшей задачей с недостающими данными.

Задача 5. Реакция организма на введённое лекарство может выражаться повышением кровяного давления, уменьшением температуры тела, изменением пульса или других физиологических показателей. Степень реакции зависит от назначенной дозы лекарства. Предположим, что x обозначает дозу назначенного лекарства, а степень реакции y описывается функцией $y = R(x) = x^2(a - x)$, где a – некоторая положительная постоянная. При какой дозе введённого лекарственного средства реакция организма максимальна?

Решение. Найдём первую и вторую производные функции $y = R(x) = x^2(a - x)$. Имеем $R'(x) = 2ax - 3x^2$, $R''(x) = 2a - 6x$. Так как

$x = \frac{2}{3}a$ – корень уравнения $R'(x) = 0$ и $R''(\frac{2}{3}a) = -2a < 0$, то $x = \frac{2}{3}a$ – тот уровень дозы, который даёт максимальную реакцию организма на введение данного лекарства.

При обсуждении задачи и поиске решения необходимо сравнить данную задачу с предыдущей и установить существенное различие: в задаче 5 промежуток, на котором исследуется функция, не задан ни в каком виде. Анализ текста показывает, что таким промежутком будет полуинтервал $[0; +\infty)$. Исследование функции на таком промежутке опирается уже на другую теорему.

Задача 6. Газовая смесь состоит из окиси азота (NO) и кислорода (O_2). Требуется найти концентрацию O_2 , при которой содержащаяся в смеси окись азота окисляется с наибольшей скоростью.

Решение. В условиях практической необратимости скорость v реакции $2NO + O_2 = 2NO_2$ выражается формулой $v = kx^2y$, где x – концентрация NO в любой момент времени, y – концентрация O_2 , k – константа скорости реакции, зависящая только от температуры и не зависящая от концентрации реагирующих компонентов. Концентрацию газов выразим в объёмных процентах. В этом случае $y = 100 - x$ и $v = kx^2(100 - x)$. Очевидно, что $0 < x < 100$. Производная $v'(x) = k(200x - 3x^2)$ между 0 и 100 имеет единственный корень $x = x_1 \approx 66,67$. Далее

имеем $v''(x) = k(200 - 6x)$, $v''(x_1) < 0$, то есть в точке x_1 рассматриваемая функция имеет максимум. Следовательно, скорость v реакции наибольшая, когда $x \approx 66,67\%$ и $y \approx 33,33\%$.

Для решения этой задачи учащимся необходимо воспользоваться сведениями, известными из курса химии, и самостоятельно определить промежуток измерения x . Задачу 6 можно считать прикладной, так она сформулирована таким образом, как обычно это происходит на практике, и содержит в формулировке очень мало данных.

Приведем примеры аналогичных задач, которые могут быть использованы для самостоятельного решения.

Задача 7. Больному делается инъекция в момент времени $t = 0$. Концентрация этого лекарства в крови в момент времени t описывается зависимостью $y(t) = e^{-t} - e^{-3t}$. Какова наибольшая концентрация лекарства в крови была в течение двух первых часов?

Задача 8. Количество бактерий в популяции изменяется по закону $p(t) = 1000 \cdot \frac{e^t}{1 + 0,1e^t}$, где t измеряется в днях. Каково наибольшее и наимень-

шее количество бактерий было в популяции за промежуток времени от нуля до трёх дней?

Третья группа состоит из задач, решение которых требует построения математической модели и соответствующей работы с этой моделью.

Задача 9. Скорость охлаждения раствора на воздухе пропорциональна разности между температурой раствора и температурой воздуха. Температура воздуха равна 20 °С. Известно, что в течение 20 минут раствор охлаждается от 100 °С до 60 °С. Определить закон изменения температуры Θ раствора в зависимости от времени t .

Решение. Согласно условию задачи имеем $\frac{d\Theta}{dt} = k(\Theta - 20)$, где k – коэффициент пропорциональности. Отсюда, $\frac{1}{\Theta - 20} \cdot \frac{d\Theta}{dt} = k$, или

$\frac{d\Theta}{\Theta - 20} = kdt$, и, значит, $\ln(\Theta - 20) = kt + C_1$, что даёт $\Theta - 20 = e^{C_1} \cdot e^{kt}$ и, следовательно, $\Theta = 20 + Ce^{kt}$.

Для определения C используем начальное условие: при $t = 0$ $\Theta = 100$. Отсюда, $C = 80$, поэтому $\Theta = 20 + 80e^{kt}$. Коэффициент пропорциональности k определяем из дополнительного условия: при $t = 20$ $\Theta = 60$. Отсюда, $60 = 20 + 80e^{20k}$, или $e^{20k} = \frac{1}{2}$, и, следовательно, $e^k = \left(\frac{1}{2}\right)^{\frac{1}{20}}$.

Итак, искомая функция $\Theta = 20 + 80 \cdot \left(\frac{1}{2}\right)^{\frac{t}{20}}$.

Задача 10. В культуре пивных дрожжей быстрота прироста действующего фермента пропорциональна наличному его количеству x . Первоначальное количество фермента a в течение 1 ч удвоилось. Во сколько раз оно увеличится через 3 ч?

Решение. По условию задачи дифференциальное уравнение процесса $\frac{dx}{dt} = kx$ ($k > 0$ – коэффициент пропорциональности) с начальными условиями $x = a$ при $t = 0$. Разделяя переменные, а затем интегрируя, получаем $\frac{dx}{x} = kdt$, $\ln x = kt + \ln C$, что после потенцирования даёт $x = Ce^{kt}$. Отсюда, используя начальные условия, находим $x = ae^{kt}$. Коэффициент пропорциональности k определяем из дополнительного условия: при $t = 1$ ч $x = a$. Имеем $2a = ae^k$, или $e^k = 2$. Поэтому $x = a \cdot 2^t$, откуда при $t = 3$ ч $x = 8a$. Следовательно, количество фермента через 3 ч увеличится в 8 раз.

Задача 11. В резервуар, содержащий 10 кг соли на 100 л смеси, каждую минуту поступает 30 л

воды и вытекает 20 л смеси. Определить, какое количество соли останется в резервуаре через t мин, предполагая, что смесь мгновенно перемешивается.

Решение. Пусть x – количество соли в резервуаре в момент времени t , $-dt$ – количество соли, выходящее из резервуара за время dt (знак минус обусловлен тем, что x – убывающая функция времени). Объём смеси в резервуаре в момент времени t равен $v = 100 + 30t - 20t = 100 + 10t$, поэтому концентрация соли (количество соли, содержащейся в одном литре смеси) в

момент времени t будет равна $\frac{x}{100+10t}$. Следовательно, за короткий промежуток времени dt ко-

личество соли уменьшится на $\frac{x}{100+10t} \cdot 20dt$. Получаем дифференциальное уравнение:

$-dx = \frac{20xdt}{100+10t}$, или $-dx = \frac{2xdt}{10+t}$. Разделяя пере-

менные и интегрируя, получаем $\frac{dx}{x} = \frac{2dt}{10+t}$, далее $\ln x = -2 \ln(10+t) + \ln C$, и, следовательно,

$x = \frac{C}{(10+t)^2}$. При $t = 0$ $x = 10$, поэтому $C = 100$.

Таким образом, закон изменения количества соли (кг), находящейся в резервуаре, в зависимости от прошедшего времени t (мин) задаётся формулой $x = \frac{1000}{(10+t)^2}$.

Из последней формулы, зная количество соли, оставшейся в резервуаре (последнее легко установить, измеряя объём резервуара и концентрацию соли в нём), можно определить, сколько времени прошло от начала процесса. На этой идее основано вычисление возраста морей и океанов.

Задачи этой группы, имеющие более сложные модели и требующие, соответственно, более глубокого их осмысления на этапах формализации и интерпретации полученных результатов, можно найти в [5]. Наиболее целесообразной формой работы с задачами этого уровня являются проводимые совместно с учителями естественных уроки одной задачи, которые позволяют путём привлечения знаний учащихся по биологии, химии, экологии, математике более глубоко раскрыть межпредметные связи этих дисциплин, сформировать у учащихся правильные представления о характере и специфике описания средствами математики явлений и процессов окружающего мира.

Примечания

1. Смирнова И. М. Профильная модель обучения математике // Математика в школе. 1997. № 1. С. 32–36; Башмаков М. И. Уровень и профиль школьного математического образования // Математика в шко-

ле. 1993. № 2. С. 8–9; Шкильменская Н. А. К вопросу отбора математического содержания для профильных курсов // Профильная школа. 2009. № 9. С. 19–24.

2. Терешин Н. А. Прикладная направленность школьного курса математики: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1990.

3. Пойа Д. Математическое открытие / пер. с англ. М.: Наука, 1970. С. 313.

4. Овезов А. Особенности рассуждений в приложениях математики // Математика в школе. 1991. № 3. С. 45–49.

5. Баврин И. И. Высшая математика: учебник для студ. естественнонауч. спец. пед. вузов. 3-е изд., стер. М.: Изд. центр «Академия», 2003; Баврин И. И. Начала анализа и математические модели в естествознании // Математика в школе. 1993. № 4. С. 43–48.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.477-057.17

Э. В. Бушкова-Шиклина

ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРА

В статье актуализируется проблема исследования ценностного потенциала менеджеров как составляющей человеческого потенциала организации. Разработка категории «ценностный потенциал», определение его содержания и проявлений в профессиональной деятельности менеджера осуществляется в традициях ресурсного подхода, а также с опорой на результаты авторских эмпирических исследований ценностной сферы менеджеров.

This article studies value potential of manager as a part of human organization. Development of the category of "value potential", the definition of its content in professional manager's activity is carried out in the tradition of the resource approach, and based on the results of empirical studies of the value of copyright scope managers.

Ключевые слова: ценностный потенциал, ценностные ориентации, личностные ценности, человеческий потенциал организации, менеджеры, принятие управленческих решений, ресурсный подход.

Keywords: value potential, value orientation, personal values, organization human value, managers, management decision making, resource approach.

В условиях глобализации и перехода в постиндустриальную фазу развития российское общество становится все более динамичным, усиливается ориентация на управленческий опыт более развитых западных стран, происходит серьезная «проверка» и трансформация сложившихся стереотипов экономического, трудового и организационного поведения. В первую очередь данные процессы затрагивают мотивационно-ценностную сферу менеджеров, ответственных за успешное функционирование вверенных им организаций. Логично предположить, что динамика ценностной сферы менеджеров непосредственно проявляется в изменениях его личности, а также прямо или косвенно сказывается на результатах его профессиональной деятельности; а ценностные образования личности менеджеров могут выступать в качестве важного ресурса развития организации.

В свете развития так называемого «ресурсного» подхода к анализу возможностей различных социальных групп (Г. Беккер, П. Бурдые, В. В. Радаев, Т. И. Заславская, Н. Е. Тихонова, Е. В. Аврамова и др. [1]) и организаций (В. Ф. Анурин, Е. Г. Козлова, С. Д. Резник, С. Г. Климова, Н. В. Воронкова и пр. [2]) активно исследуются такие категории, как «ресурс», «ресурсообеспеченность», «человеческий потенциал», «человеческий капитал», «человеческие ресурсы», а также различные виды ресурсов и потенциалов организации – собственно «организационный потенциал», «интеллектуальный», «социальный», «административный» и пр. При этом в качестве потенциала понимается некоторая совокупность ресурсов социального субъекта – ресурсов разного вида и уровня актуализации, выраженной в логике «ресурс – актив – капитал». Ресурсом, в свою очередь, можно считать множественные характеристики социального субъекта, прямо влияющие на его благополучие, состояние, поведение в более крупной системе, характеризующие его «жизненные шансы» и «угрожающие риски» [3].

В качестве человеческого потенциала организации можно рассматривать совокупность реальных и потенциальных сущностных возможностей работников, которые могут быть задействованы организацией для достижения своих стратегических целей. Основными направлениями развития человеческого потенциала организации становятся действия по повышению качества человеческих ресурсов и совершенствованию организационной культуры [4], что, несомненно, подразумевает работу с целями и ценностями внутриорганизационной среды и менеджмента.

С позиций данного подхода можно говорить о необходимости разработки категории «ценностного потенциала» менеджмента как совокупности ценностных ресурсов разного вида и уровня выраженности, регулирующих особенности становления и развития личности менеджера и реализацию эффективных взаимодействий в профессиональной деятельности – с подчиненными, коллегами, партнерами. В связи с этим появляется ряд вопросов, требующих исследования: каково содержание, уровни и критерии развития, а также возможности эффективного управления и реализации данного потенциала? Каковы особенности взаимосвязи данного потенциала с други-

ми компонентами в структуре, прежде всего, человеческого и прочих потенциалов организации? Для выяснения некоторых из данных вопросов обратимся к результатам ряда авторских исследований.

Тематика данной статьи определяет два основных аспекта ценностного потенциала менеджера – содержательно-личностный и социально-деятельностный. Ниже представлены результаты теоретического анализа указанных аспектов проблемы, дополненные результатами авторских эмпирических исследований, реализованных в выборке 182 менеджеров разного уровня управления в организациях г. Кирова и Н. Новгорода (2006 г.), в выборке 150 менеджеров разного уровня управления и 150 предпринимателей гг. Кирова и Н. Новгорода (2007 г.), в выборке 51 менеджера различного уровня управления и 51 работника-исполнителя в трех организациях г. Кирова (2008 г.). Более подробно особенности выборок и основные результаты данных исследований представлены в [5].

Для характеристики роли ценностных образований, которые могут становиться ресурсами развития личности менеджера, был предпринят анализ работ отечественных психологов, прежде всего, Ф. Е. Василюка, Д. А. Леонтьева, Д. И. Фельдштейна, Л. А. Антиголовой, Е. П. Белинской, О. А. Тихомандрицкой, Н. А. Кирилловой, Н. А. Низовских и др. В результате было показано, что содержание ценностной сферы личности представлено ценностными образованиями различной степени осознанности: субъективными/индивидуальными ценностями, личностными ценностями и ценностными ориентациями/установками. *Индивидуальные ценности* появляются в сознании человека в результате субъективного восприятия им общегрупповых ценностей. *Личностными* же данные ценности становятся по мере принятия и укоренения их индивидом в структуре своего личностно-образующего «ядра». *Ценностные ориентации* представляют собой сложное диспозиционное образование, возникающее в результате осознания и рефлексии личностью имеющихся в ее сознании ценностей и формирования определенного отношения к ним – ценностной установки, реализующейся в поведении и деятельности. Более того, ценностная сфера личности представляет собой многоуровневую систему, наиболее отрефлексированные ценностные образования которой образуют «центр», «ядро», так называемое «ценностное сознание». Основными механизмами функционирования и развития ценностного сознания являются ценностный выбор и ценностное переживание. Ценностный выбор представляет собой процесс и результат осознания личностью мотивообразующих ценностей как критериев выбора альтернативных

мотивационных линий, тем самым это акт познания и принятия этих ценностей личностью, акт личностного роста и индивидуализации субъекта. Ценностное переживание, в свою очередь, становится особой внутренней деятельностью по нахождению оптимального выхода из кризисных ситуаций и определению дальнейшего развития жизненного и профессионального пути. Развитие системы личностных ценностей, возможности осуществления ценностного выбора и ценностного переживания становятся важнейшими факторами динамики ценностного сознания человека [6].

В ходе теоретического анализа также было показано, что ценностные образования менеджеров обусловлены рядом факторов, прежде всего – характером управленческой (административной или предпринимательской) деятельности; позицией менеджера в системе управленческой иерархии (менеджер линейного, среднего, высшего звена); особенностями стадий развития организации, в которой работает руководитель; стажем и опытом управленческой деятельности и т. д. Представим основные выводы по результатам авторских эмпирических исследований данной проблемы.

В исследованиях был предпринят анализ *содержания личностных* (в данном случае – регулирующих сферу межличностных отношений) и *профессиональных ценностей* менеджеров. Так, наиболее предпочитаемыми для менеджеров ценностями в личностной сфере явились «Здоровье», «Порядочность», «Семья», «Профессионализм», «Уважение к родителям», «Любовь», «Независимость», «Безопасность», «Развитие» и др., наименее предпочитаемыми – «Покой», «Равенство», «Согласие», «Милосердие» и др. Среди профессиональных ценностей наиболее предпочитаемыми явились – «Профессионализм», «Порядочность», «Сотрудничество», «Развитие», «Внимание к людям», «Успех», «Образование» и др., наименее предпочитаемыми – ценности покоя, милосердия, надежды и пр.

Несмотря на содержательное различие указанных иерархий, статистический анализ показал, что в сознании менеджеров присутствует тесная связь между профессиональными и личностными ценностями, то есть наблюдается целостность, единство системы ценностей, регулирующих одновременно разные сферы жизни руководителей. Это означает, что убеждения и установки, регулирующие сферу межличностных отношений менеджеров, во многом переносятся ими в сферу профессиональных взаимодействий. Также отмечается *динамика* указанных иерархий ценностей. Показано, что они наиболее чувствительны к изменениям уровня управления и статуса менеджера – при переходе менеджеров

от среднего к высшему уровню, при смене позиции наемного менеджера на позицию (со)владельца организации.

По результатам исследований также составлены и проанализированы иерархии «антиценностей» различных групп менеджеров, составлен «словарь» ассоциаций, отражающих субъективное смысловое наполнение понятий, которыми руководители наделяют наиболее предпочитаемые ими ценности и наиболее отвергаемые «антиценности» (данные словари полностью представлены в [7]).

Аналогичные выводы были получены при сравнении *ценностей менеджеров и предпринимателей*. Несмотря на то, что сущности предпринимательства и менеджмента во многом различны, в то же время оба эти явления (в организациях – прежде всего топ-менеджмент) предполагают активную инновационную, стратегическую деятельность. Результаты исследований отчасти это подтверждают: ценностная основа как управленческой, так и предпринимательской деятельности весьма схожа. Показано, что и предприниматели, и менеджеры имеют весьма целостную ценностно-ориентационную систему – ценности, «исповедуемые» в сфере межличностного общения, также успешно реализуются в профессиональной жизни. Это весьма логично, так как оба вида деятельности во многом основаны на взаимодействии с людьми (в том числе – из ближайшего неформального окружения – семья, родственники, друзья и пр.), которые часто выступают явным либо дополнительным «ресурсом» развития организации/бизнеса. В то же время имеются некоторые различия в *динамике ценностей* данных социальных групп: карьерный рост вносит свои коррективы в восприятие действительности менеджеров – их личностные и профессиональные ценности значительно меняются при переходе в высший менеджмент. Такие изменения во многом связаны со сменой как должностной, так и функциональной позиции менеджера – он становится ближе к «большой власти», «большим деньгам», и большей ответственности.

Каково же влияние ценностных образований личности менеджера на его управленческую деятельность? В результате анализа работ отечественных и зарубежных социологов и социальных психологов (М. Вебера, Т. Парсонса, М. Рокича, У. Томаса, Ф. Знанецкого, В. А. Ядова, И. Г. Дубова, В. С. Бакирова и др.) было показано, что ценностные ориентации являются обязательным компонентом в структуре социального действия, выполняя ряд важнейших, прежде всего оценочно-регулирующих, направляющих, организационных и установочных функций. Основными *формами реализации* ценностных ориентаций в дея-

тельности и социальном поведении являются: когнитивные и поведенческие установки, правила и принципы поведения и деятельности, стили деятельности и взаимодействия с людьми и пр. Индивидуальные особенности системы ценностных ориентаций человека, в совокупности с социальными, личностными, локально-ситуационными и другими условиями, часто обуславливают факт рассогласования реального поведения человека и декларируемых им ценностей. В целом связь ценностных ориентаций социального субъекта и конкретных актов его поведения является не прямой, нелинейной, достаточно сложной, но важной для анализа [8].

Сущность управленческой деятельности можно представить с позиции одной из «школ управления», описанных в классификации таковых Г. Кунцом [9] как совокупность циклически сменяющихся актов принятия, коррекции и реализации решений, т. е. деятельность по принятию управленческих решений можно рассматривать как сущностное «ядро», «квинтэссенцию» системы управления. Причем, опираясь на понимание управления как собственно менеджмента, а не администрирования/руководства и организовывания чего-либо, как деятельности по обеспечению функционирования нестабильной организационной системы либо системы, находящейся в нестандартных условиях [10], принятие управленческих решений можно рассматривать не столько с позиции запрограммированных, стандартных решений, сколько с позиции результата «сложного» выхода из нестандартной ситуации. Тем самым принятие управленческих решений можно рассматривать как реакцию менеджмента на необходимость эффективного разрешения нестандартных, собственно управленческих ситуаций.

Опираясь на работы ряда авторов – разработчиков дескриптивного подхода к процессу принятия решений [11] было показано, что управленческие решения в рамках организации образуют некоторый комплекс, специфика которого полидетерминирована множеством организационно-управленческих, культурных, личностных и других условий – факторов внешней и внутренней сред организации. В данных группах факторов присутствуют различные виды ценностных условий, прямо или косвенно влияющих на ход управленческой деятельности и процессов принятия управленческих решений.

Так, среди факторов внешней среды ценностный фактор представлен в виде ценностно-нормативных условий различного уровня: ценностей национальной, региональной, организационной культур и субкультур различных социальных групп, влияющих на процессы принятия решений. Специфика процессов принятия управленческих решений также во многом определяется

рядом факторов внутренней среды организации, таких, как тип формальной организационной структуры, доминирующий тип организационного поведения, стадия жизненного цикла организации и пр.

Особенности личности руководителя составляют особый фактор, определяющий характер реализации процессов принятия управленческих решений. Данный фактор представлен социально-политическим «положением» менеджера в организации, а также его управленческим и личностным потенциалом. *Личностный потенциал* менеджера во многом определяется его индивидуально-групповыми характеристиками, такими, как социально-профессиональная и корпоративная принадлежность, опыт руководства, интеллектуальные и эмоционально-волевые качества, стиль руководства и общения, а также – управленческие ценности и установки.

В ходе эмпирических исследований автором более подробно исследовался характер влияния ценностных ориентаций менеджеров на процесс принятия управленческих решений. Процесс принятия управленческих решений в данном случае рассматривается в более широком системно-организационном контексте как процесс и результат деятельности руководителя и всей организации. В связи с этим разработаны понятие и модель «механизма принятия управленческих решений», понимаемого как система взаимодействий различных (индивидуальных, групповых, собственно организационных) акторов с целью решения организационно-управленческой проблемы. В данном механизме выделено пять компонентов: агентономический, проблемно-целевой, ценностно-нормативный, процессуально-интерактивный, организационно-инструментальный. Ценностно-нормативный компонент состоит из субъективных (мотивы, ценности, установки руководителя) и объективных (ценности и нормы социальной и организационной сред и т. д.) условий управленческой деятельности [12].

В ходе эмпирических исследований было показано, что данный компонент представлен тремя основными группами ценностных ориентаций руководителей: 1) характеризующих индивидуальную лидерскую активность менеджеров, 2) обеспечивающих успешность взаимодействия менеджеров с коллективом, клиентами, партнерами, 3) способствующих эффективной реализации собственно процесса принятия управленческих решений. Видно, что, помимо установок, регулирующих процессы собственно принятия решений, менеджеры указывают ценностные установки, регулирующие другие сферы управленческой деятельности, в частности, взаимоотношения с коллегами, подчиненными, клиентами и партнерами. Это вполне объяснимо, так как данные груп-

пы людей являются непосредственными участниками, адресатами либо исполнителями принимаемых решений. Важную роль играют инструментальные ценности, регулирующие развитие профессионально важных качеств менеджеров, позволяющих им принимать грамотные, компетентные решения, поддерживать лидерский статус в организации и в целом наиболее эффективно выполнять свои управленческие функции. Также в ходе исследования показано, что в наиболее сложных ситуациях (увольнения, кризиса, принятия сложного морального выбора) менеджеры реализуют так называемый «ценностный выбор», становящийся механизмом развития ценностного сознания как собственно руководителя, так и его окружения.

Результаты сравнительного анализа ценностных установок менеджеров и персонала в отношении деятельности руководителя и принятия управленческих решений в организациях г. Кирова также подтверждают ряд озвученных выше идей. С одной стороны, отмечаются различия установок менеджеров и исполнителей в зависимости от профиля деятельности организации, ее размера, а также особенностей социальной среды, в которой она находится. С другой стороны, в обеих группах работников весьма важными оказываются ценности доверия друг другу, коллегиальности в принятии решений; отмечаются во многом схожие представления об эффективном управленческом решении.

В связи с перечисленным выше, можно сделать ряд предварительных замечаний. *Во-первых*, можно говорить об активном «участии» ценностного ресурса менеджмента (представленного не только ценностными образованиями самих менеджеров, но и более широкой организационной среды, во многом формируемой и развиваемой под влиянием их ценностей) в формировании более широких «личностных», «административных», «социальных», «человеческих» и прочих ресурсов и потенциалов организации. *Во-вторых*, ценностный потенциал менеджера можно рассматривать как один из компонентов его управленческого и личностного потенциалов, как часть более широкой системы человеческого потенциала организации. *В-третьих*, комплексная организация ценностного потенциала менеджера содержательно может быть представлена ценностными образованиями/ресурсами различного уровня актуализации: субъективными/индивидуальными, личностными ценностями, ценностными ориентациями и пр. Каждое из данных образований выполняет функции потенциального либо явного ресурса (ресурса-актива и капитала). *В-четвертых*, многие из поставленных выше вопросов остаются «открытыми» и требуют дальнейшего научного анализа и эмпирической проверки.

Примечания

1. Более подробно анализ указанных работ в рамках ресурсного подхода см.: Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социс. 2006. № 9. С. 28–40.
2. Анушин В. Ф. Профессионально-интеллектуальный потенциал организации // Организация в фокусе социологических исследований: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. З. Х Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2005. С. 39–44; Воронкова Н. В. Социальный потенциал организации (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2007; Козлова Е. Г. Развитие человеческого потенциала как фактора повышения конкурентоспособности предпринимательских структур: дис. ... канд. экон. наук. М., 2006; Управление человеческим потенциалом современной организации / под ред. С. Д. Резника. Пенза: ПГУАС, 2004; Климова С. Г. Корпоративная солидарность как ресурс организации // Организация в фокусе социологических исследований: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. З. Х Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2005. С. 13–21.
3. Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007.
4. Козлова Е. Г. Указ. соч.; Управление человеческим потенциалом современной организации.
5. Бушкова-Шиклина Э. В. Представления менеджеров о должных отношениях в трудовом коллективе // Вестник Вятского государственного гуманитарного ун-та. Киров, 2007. № 1(16). С. 134–140; Бушкова-Шиклина Э. В. Деятельность руководителя в восприятии работников // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: Сер. Социальные науки. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. № 4. С. 19–23; Бушкова-Шиклина Э. В. Ценности менеджмента и предпринимательства: социологический анализ // Вестник ВятГГУ. Изд-во: ВятГГУ, 2009. № 2(1). С. 12–15.
6. Более подробно см.: Бушкова-Шиклина Э. В. Ценностные ориентации менеджеров и процесс принятия управленческих решений: корреляционные связи: дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2007.
7. Там же.
8. Там же.
9. Современное управление: энциклопедический справочник американской ассоциации управления. Т. 1. М., 1997. С. 1–10.
10. Путеводитель по методологии Организации, Руководства и Управления: хрестоматия по работам Г. П. Щедровицкого. М.: Дело, 2003. См. также: Щербина В. В. Особенности менеджмента как направления управленческой деятельности // Социс. 2001. № 10. С. 48–57.
11. Дегтярев А. А. Принятие политических решений: учеб. пособие. М.: КДУ, 2004; Карпов А. В. Психология менеджмента: учебник. М.: Гардарики, 1999.
12. Бушкова-Шиклина Э. В. Ценностные ориентации менеджеров и процесс принятия управленческих решений...

УДК 316.648-057.875

Ю. А. Скорнякова

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

В статье описаны результаты исследования структурных преобразований профессиональной ментальности студентов педагогического вуза. Выявлены взаимосвязи между компонентами профессиональной ментальности, выделены базовые компоненты структуры профессиональной ментальности у студентов, обучающихся по разным педагогическим специальностям.

This article describes the results of the research of the structural transformations of the teacher training university students' professional mentality. The interrelations between the components of a professional mentality have been revealed, the basic components of the structure of the professional mentality among students in different educational fields have been highlighted.

Ключевые слова: структура профессиональной ментальности, динамика профессиональной ментальности, ценностные ориентации, мотивы, установки, отношения, личностные качества, самосознание.

Keywords: the structure of professional mentality, the dynamics of a professional mentality, the system of values, motives, mindset, attitudes, personal qualities, self-comprehension.

В науке имеется много данных о различных сторонах профессионального становления студентов вуза, однако эта тема не получила должного освещения в аспекте исследования профессиональной ментальности. Разработка данного вопроса имеет большое значение для профессионального развития будущих специалистов, поскольку выбрать и освоить профессию означает не просто получить необходимые профессиональные знания и умения, но и войти в определенную общность людей с их субкультурой, принять их образ мыслей и образ жизни. Необходимость формирования профессиональной ментальности связана с потребностями общества в высококвалифицированных кадрах, в подготовке специалистов, ориентированных на нормы и ценности сообщества и профессиональное саморазвитие. Решение данных проблем невозможно без обращения к категории профессиональной ментальности.

К настоящему времени опубликованы работы, посвященные анализу особенностей развития ментальности у студентов различных специальностей в период обучения в вузе [1]. В то же

время недостаточно изученной остается проблема структурных преобразований профессиональной ментальности студентов.

Данные, представленные в работах К. А. Абульхановой (1997), С. В. Вальцева (2005), И. Г. Дубова (1993), И. Г. Карпушиной (2004), Ф. М. Кремень (2002), М. И. Махмутова (1996), Д. В. Обориной (1994), А. И. Пальцева (2001), Л. Н. Пушкарева (1999), Н. П. Сазонова (1993), В. А. Сонина (1999), Б. П. Шулындина (1999) и др., позволили нам выделить следующие структурные компоненты профессиональной ментальности: ценностные ориентации, мотивы, установки, отношения, черты (свойства) личности, самосознание. Ценности и мотивы в структуре профессиональной ментальности побуждают, направляют и регулируют деятельность и поведение человека, заключают в себе представление субъекта труда о целях своей жизни и работы, о средствах достижения этих целей. Изучение социально-психологических установок как компонента профессиональной ментальности позволяет выявить предрасположенность представителей тех или иных профессий к определенному способу реагирования. Рассмотрение личностных свойств, характерных для большинства членов профессионального сообщества, позволяет определить характерные для человека особенности поведения и мышления. Профессиональное самосознание включает представление личности о себе как о члене профессионального сообщества, носителе профессиональной культуры, традиций, правил и норм.

В исследовании структурных преобразований профессиональной ментальности будущих педагогов мы исходили из предположения о том, что структура профессиональной ментальности студентов, обучающихся на разных педагогических специальностях, имеет как сходные, так и специфические особенности и изменяется от первого к пятому курсу обучения.

Для эмпирического изучения структуры профессиональной ментальности студентов-будущих педагогов были использованы следующие методики: опросник терминальных ценностей ОТеЦ-2 И. Г. Сенина, метод мотивационной индукции Ж. Д. Нюттена, методика диагностики социально-психологических установок личности О. Ф. Потемкиной, метод семантического дифференциала, русскоязычная версия опросника Р. Кеттела 16 PF, адаптированная А. А. Рукавишниковым и М. В. Соколовой. В работе использовались методы корреляционного, структурного и факторного анализов. Процедура обработки данных осуществлялась с помощью компьютерной программы SPSS, версия 14.0.

Исследование структуры профессиональной ментальности студентов осуществлялось на базе

одного из педагогических институтов России в октябре – ноябре 2009 г. В качестве респондентов ($n = 402$) выступили студенты I–V курсов, обучающиеся по четырем специальностям: «Педагогика и методика начального образования» ($n = 98$), «Русский язык и литература» ($n = 99$), «Математика с дополнительной специальностью информатика» ($n = 102$) и «Иностранный язык» ($n = 103$). В числе участников – 58 мужчин и 344 женщины. Средний возраст респондентов – 19 лет ($SD = 1,58$, $Min = 16$, $Max = 24$).

Для определения корреляционных взаимосвязей между структурными компонентами профессиональной ментальности применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена. На основе полученных корреляционных матриц были подсчитаны следующие структурные показатели, разработанные А. В. Карповым [2]:

1. Индекс когерентности структуры (ИКС) – функция числа положительных значимых связей в структуре и меры их значимости. Этот индекс является показателем интегрированности компонентов в целостные структуры.

2. Индекс дивергентности структуры (ИДС) – функция числа и значимости отрицательных связей в структуре.

3. Индекс организованности структуры (ИОС) – функция общего количества положительных и отрицательных связей, а также их значимость.

Данные, представленные в табл. 1, позволяют провести анализ структурных преобразований профессиональной ментальности у студентов разных специальностей и курсов обучения.

Структура профессиональной ментальности студентов педагогического вуза как в целом по выборке, так и на разных специальностях и курсах обучения достаточно интегрирована и организована. Вместе с тем выявились специфические особенности структурных преобразований профессиональной ментальности студентов разных курсов в зависимости от педагогической специальности.

У студентов специальности «Педагогика и методика начального образования» самый низкий уровень организованности структуры на II и IV курсах, при этом возрастает разброс между компонентами профессиональной ментальности по степени включенности в структуру: появляется тенденция к выделению интегрированных компонентов, которым отводится значительная роль в структуре. И наоборот, у студентов I, III и V курсов при увеличении общей организованности структуры, различия между компонентами профессиональной ментальности по степени интегрированности в структуру снижаются.

У студентов-филологов I и V курсов интегрированность компонентов профессиональной ментальности больше в 1,5–2,3 раза, чем у студентов

II, III и IV курсов, что свидетельствует о структурных преобразованиях профессиональной ментальности в процессе обучения.

Специфической особенностью структурных преобразований профессиональной ментальности у студентов специальности «Математика» с дополнительной специальностью «Информатика» является то, что структура ментальности студентов III курса представляется более организованной, по сравнению со структурой ментальности на других курсах обучения.

Три стадии преобразования структуры профессиональной ментальности можно выделить у студентов специальности «Иностранный язык»: стадию накопления связей между компонентами: (I и II курсы), стадию стабилизации (III и IV курсы) и стадию сокращения (V курс), что свидетельствует о завершении процесса развития профессиональной ментальности.

Корреляционные связи также послужили основой для выявления базовых компонентов профессиональной ментальности студентов вообще и разной формы и курса обучения в частности. При этом под базовыми компонентами понимались такие компоненты, которые обладают наибольшим структурным «весом», то есть наибольшим числом значимых корреляционных связей. Определение «веса» компонента в структуре определялось как число его значимых связей с другими компонентами профессиональной ментальности с учетом уровня значимости корреляционной связи (далее при описании базовых качеств в скобках будет представлен показатель его структурного веса – W).

Анализ корреляционных матриц показал, что в ходе профессионального обучения происходит

изменение характера взаимосвязей между отдельными компонентами профессиональной ментальности. Причем существуют как стабильные связи, независимые от этапа обучения и специфики предмета, так и связи, свойственные только определенному курсу обучения и характерные для студентов разных специальностей. Например, внешности от специальности в структуру ментальности высоко интегрированы такие компоненты: терминальные ценности: «развитие себя» (W = 22,2), «духовное удовлетворение» (W = 19,6), «креативность» (W = 18,4), «сохранение собственной индивидуальности» (W = 16), «достижения» (W = 15,8), «собственный престиж» (W = 14,2); «высокое материальное положение» (W = 13), отношения к профессии (W = 23), будущему (W = 21,4), учебе (W = 20,6), настоящему (W = 19,4), общению (W = 19), карьере (W = 19), личностные качества «сила сверх-Я» (W = 20,2), смелость (W = 19,6).

У студентов специальности «Педагогика и методика начального образования» ведущее значения в структуре профессиональной ментальности имеют установка на результат (W = 8,6), отношение к общению (W = 8,4) и увлечению (W = 8,2), личностные качества «беспечность» (W = 10,6) и «доминантность» (W = 9,2).

Установки на власть (W = 11,6) и свободу (W = 10,2), отношение к успеху (W = 11), учебе (W = 10,8) и материальному благополучию (W = 10,6), личностные качества «беспечность» (W = 10,2), «склонность к чувству вины» (W = 10,2), «способность к самоконтролю» (W = 10,2) «сила Я» (W = 10) являются ведущими в структуре профессиональной ментальности студентов-филологов.

Таблица 1

Структурные индексы профессиональной ментальности студентов разных специальностей и курсов обучения

Специальности	Индексы	Курс обучения					
		I	II	III	IV	V	Средние значения
«Педагогика и методика начального образования»	ИКС	133	107	149	95	148	126,4
	ИДС	55	64	40	64	48	54,2
	ИОС	188	171	189	159	196	180,6
«Русский язык и литература»	ИКС	202	79	144	136	197	151,6
	ИДС	144	70	41	46	118	83,8
	ИОС	346	149	185	182	315	235,4
«Математика» с дополнительной специальностью «Информатика»	ИКС	150	146	235	110	111	150,4
	ИДС	43	63	110	44	39	59,8
	ИОС	193	209	345	154	150	210,2
«Иностранный язык»	ИКС	144	150	208	234	100	167,2
	ИДС	61	77	196	143	36	102,6
	ИОС	205	227	404	377	136	269,8
Вся выборка	ИКС	312	212	254	213	260	250,2
	ИДС	117	121	91	77	71	95,4
	ИОС	429	333	345	290	331	345,6

**Компоненты структуры профессиональной ментальности студентов педагогического вуза,
полученные методом факторного анализа**

І курс	ІІ курс	ІІІ курс	ІV курс	V курс
Ф 1. Стремления (15,7)	Ф 1. Стремления в карьере (14,6)	Ф 1. Убеждения (15,4)	Ф 1. Жизненные цели (14,8)	Ф 1. Интересы (13,5)
Ф 2. Планы на будущее (9,9)	Ф 2. Коммуникативная направленность (8,9)	Ф 2. Отношения к настоящему и будущему (9,6)	Ф 2. Восприятие настоящего и будущего (8,4)	Ф 2. Восприятие будущего (9,5)
Ф 3. Особенности самоотношения (7,5)	Ф 3. Отношения к себе в настоящем (7,9)	Ф 3. Эмоционально-волевые черты (6,5)	Ф 3. Направленность на внешние события (7,6)	Ф 3. Достижение материального благополучия (6,8)
Ф 4. Представления о работе (6,8)	Ф 4. Эмоционально-волевые качества личности, проявляющиеся в общении (6,9)	Ф 4. Консерватизм (5,4)	Ф 4. Ответственность (6,1)	Ф 4. Эмоционально-волевые особенности в общении (5,2)
Ф 5. Эмоционально-волевые особенности в общении (5,1)	Ф 5. Восприятие себя в будущем (5,9)	Ф 5. Коммуникативные особенности (4,9)	Ф 5. Эмоционально-волевые черты (5,7)	Ф 5. Отношения к увлечению (4,5)

Примечание: здесь и далее в скобках после названия фактора указывается доля объясняемой им дисперсии (%).

У студентов-математиков базовыми являются установка на власть ($W = 9,4$), отношения к себе ($W = 11$) и успеху ($W = 9,2$), личностные качества «беспечность» ($W = 10,8$), «доминантность» ($W = 10$), способность к самоконтролю» ($W = 9,8$), «доброта» ($W = 9,6$), «самостоятельность» ($W = 9$).

Установки на свободу ($W = 12,2$) и власть ($W = 11,6$), отношения к успеху ($W = 16$), себе ($W = 15,4$), увлечению ($W = 14,6$), работе ($W = 14$), интересному занятию ($W = 11,2$), личностные качества «Сила Я» ($W = 14,2$), эмоциональная чувствительность ($W = 12,4$), склонность к чувству вины ($W = 11,6$), самостоятельность ($W = 11,6$), подозрительность ($W = 11$) преобладают в структуре профессиональной ментальности студентов специальности «Иностранный язык».

Для подтверждения данных структурного анализа нами был проведен факторный анализ (метод главных компонент с применением вращения Varimax normalized) всех компонентов профессиональной ментальности. Полученные в ходе факторного анализа данные позволяют наметить некоторые тенденции развития структуры профессиональной ментальности студентов педагогического вуза (табл. 2).

Так, на всех курсах и специальностях обучения важнейшую роль в структуре профессиональ-

ной ментальности играют убеждения студентов, их приоритетные жизненные цели. Еще один фактор, выделенный на всех курсах обучения, объединяет в себе понятия, отражающие различные виды деятельности и отношение к себе. При этом на первом и пятом курсах обучения понятия «профессия», «увлечение» и «карьера» соотносятся только с будущим. На втором курсе в восприятие настоящего включены учеба, профессия и достижение успеха. На III и IV курсах учеба, профессия и достижение успеха взаимосвязаны не только с будущим, но и с настоящим. На каждом курсе обучения также был выделен фактор, объединяющий в себе следующие эмоционально-волевые черты личности: эмоциональная устойчивость, спокойствие, реалистичность, настойчивость, жизнерадостность, самоуверенность, смелость, активность. На III и IV курсах только эти особенности представлены в данном факторе. На I и V курсах к данным личностным чертам добавляются еще общительность, отзывчивость и дружелюбность. На II курсе помимо перечисленных выше личностных особенностей в данный фактор входят мотивы общения.

Таким образом, исследование показало, что структура профессиональной ментальности студентов в период обучения в вузе изменяется в зависимости от курса обучения, данные изменения имеют специфические особенности у студен-

тов разных педагогических специальностей. На основании полученных результатов планируется разработать практические рекомендации по развитию профессиональной ментальности студентов. Целенаправленное развитие профессиональной ментальности предусматривает создание таких условий обучения, в которых будет осуществляться ориентация на будущее, умение планировать свои действия, профессионально совершенствоваться, осознанно осваивать образовательную программу вуза, развивать эмоциональную стабильность, формировать готовность к сотрудничеству, склонность к оказанию помощи, расширять представления о профессиональной деятельности.

Примечания

1. *Оборина Д. В.* Об особенностях ментальности будущих педагогов и психологов // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1994. № 2. С. 41–49; *Кремень Ф. М.* Динамика системообразующих свойств профессиональной ментальности педагога: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ин-т дошк. образования и семейного воспитания Российской акад. образования. Смоленск, 2002; *Поспелова И. Ю.* Развитие профессиональной ментальности психолога в условиях вузовского обучения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород: Институт психологии Нижегород. гос. пед. ун-та, 2007.
2. *Карпов А. В.* Психология принятия управленческих решений / под ред. В. Д. Шадрикова. М.: Юрист, 1998.

ПЕРСОНАЛИИ

МИХАИЛУ МИХАЙЛОВИЧУ ПАХОМОВУ – 80 ЛЕТ

Михаил Михайлович Пахомов впервые познакомился с Вятской землёй в далёком 1984 г. В это время он, молодой доктор географических наук, переезжает с семьёй в г. Киров и начинает работу в Кировском государственном педагогическом институте им. Ленина (ныне – ВятГГУ) в качестве заведующего кафедрой экономической географии. Так начался очередной, новый этап его биографии.

А до этого было немало интересного... Значительный период жизни и научных исследований Михаила Михайловича связан со Средней Азией. Родился он 26 ноября 1931 г. в городе Владикавказе (Орджоникидзе). Школьные годы прошли в Средней Азии, в Таджикистане, в городе Сталинабаде (ныне – Душанбе). После окончания 1-й мужской гимназии Михаил Михайлович поступил в Таджикский государственный университет, который окончил в 1955 г.

В дальнейшем он работал в Академии наук Таджикской ССР в научно-исследовательском институте ботаники города Душанбе. Его научной специализацией стали палеогеография, палинология, геоботаника, археология. В 1965 г. М. М. Пахомов защитил кандидатскую диссертацию, а в 1982 г. стал доктором географических наук. Тема его докторской работы – «Палеогеография гор востока Средней Азии в позднем кайнозое и вопросы фитоценогенеза». В основу диссертационных исследований легли более чем 20-летние полевые и лабораторные исследования в горах Средней Азии, а объектом изучения были опорные разрезы Памиро-Алая и его предгорий в диапазоне высот 800–4500 метров над уровнем моря. На основе сравнительного ретроспективного анализа последовательного ряда ископаемых кайнозойских флористических комплексов автором установлены высокие темпы поднятия Памиро-Алая в кайнозое, реконструирована эволюция климата, впервые воссоздана история, и выявлены основные этапы флороценогенеза. Анализ кайнозойских отложений высокогорий Памира дал возможность показать методические особенности палинологических исследований в горных районах и расширить традиционные рамки применения спорово-пыльцевого анализа в неотектонике и палеогеографии.

Помимо Памиро-Алая научные исследования велись Михаилом Михайловичем в многочисленных экспедициях по другим регионам: Тянь-Шань, Турк-мения, Забайкалье, Монголия, Якутия. География маршрутов, которыми он прошёл, вызывает глубокое уважение. Впоследствии своими впечатлениями о таких отдалённых и труднодоступных, но удивительно интересных уголках Евразии Михаил Михайлович делится со студентами-географами и биологами ЕГФ ВятГГУ в процессе преподавания курсов «Физическая география России и сопредельных государств», «Эволюционная география».

Любовь к путешествиям, открытию и познанию новых регионов – эта та особенность, которая позволяет называть Михаила Михайловича настоящим Географом. Преподавая в университете, в течение ряда лет он был одним из руководителей дальних полевых практик студентов по географии, проходивших на территории Украины, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и других регионов.

В 1991 г. Михаил Михайлович получил звание профессора.

Неослабевающий глубокий интерес к научно-исследовательской работе привёл к тому, что в 1993 г. по его инициативе была организована научно-исследовательская лаборатория «Эволю-

ция природной среды», в 1996 г. открыта аспирантура «Геоморфология и эволюционная география». С этого времени началось систематическое изучение истории четвертичного периода Вятской земли.

Впоследствии многочисленные материалы полевых исследований по Кировской области легли в основу научных исследований аспирантов и реализовались в подготовке и защите кандидатских работ. Под руководством Михаила Михайловича сотрудниками кафедры географии были защищены четыре кандидатские диссертации по проблемам истории флоры, растительности и климата Вятского края в четвертичное время.

Всю свою научную библиотеку по палеогеографии, палинологии, палеоботанике, геокриологии, которую Михаил Михайлович собирал десятилетия, он принёс в научно-исследовательскую лабораторию в помощь аспирантам и студентам естественно-географического факультета.

В течение нескольких лет под руководством М. М. Пахомова успешно выполнялся ряд проектов палеогеографической тематики, финансируемых Российским фондом фундаментальных исследований: «Становление таёжных лесов Вятско-Камского Приуралья в связи с изменениями климата за последние 12 000 лет» (1997–1999) и «История растительности Вятско-Камского Приуралья в четвертичное время» (2000–2003).

Результаты научных исследований, проводимых Михаилом Михайловичем, отражены в 170 публикациях, изданных в отечественных и зарубежных научных изданиях (Великобритания, Германия, Польша). Среди его трудов – монография «Палинология кайнозоя Средней Азии и Кавказа» (1980), он является участником авторского коллектива атласа-монографии «Палеогеография территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене». За годы работы в ВятГГУ М. М. Пахомов был одним из авторов монографии «Природа, хозяйство и экология Кировской области» (1996), ответственным редактором и соавтором школьного учебного пособия «Природа Кировской области» (1999), соавтором моногра-

фии «История почвенно-растительного покрова Вятско-Камского края в последнеледниковье» (2003), одним из авторов монографии «Леса Кировской области» (2008), автором учебного пособия «Компоненты природы и эволюция ландшафтов Северной Евразии в кайнозое» (2009). Все названные издания получили высокую оценку среди научной общественности и учителей-специалистов географов, биологов, экологов Кировской области. Они широко используются в научной, учебной, просветительской и других видах работ.

Необходимо отметить ещё одно качество Михаила Михайловича – умение просто и популярно рассказать о сложных вопросах палеогеографии и палинологии. Его научно-популярные статьи «Железнодорожный детектив, или О пользе палинологии и ареалогии растений» (1999 г.), «Тайны, занесённые песком» (2000 г.), вышедшие в газете «География», действительно можно читать как увлекательный детектив. Таким образом, за годы своей научной и учебно-методической деятельности Михаил Михайлович Пахомов прошел путь от аспиранта до маститого ученого и преподавателя, наставника студенческой молодежи.

Награждён Михаил Михайлович знаком «Отличник народного просвещения», серебряной медалью «За укрепление авторитета российской науки» и почётным званием «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (2005 г.), множеством благодарностей, поощрений и Почетных грамот.

Коллектив преподавателей и сотрудников кафедры географии поздравляет Михаила Михайловича Пахомова с 80-летием и желает крепкого здоровья, семейного счастья и благополучия, творческих успехов и энергии в достижении высоких и благородных целей в сфере учебно-педагогической и научно-исследовательской деятельности.

*Ученики, преподаватели
и сотрудники кафедры географии
Вятского государственного
гуманитарного университета*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ГРАНИЦЫ ЭКОЛОГИИ И МИР ЧЕЛОВЕКА: ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Всероссийская научная конференция с международным участием «Гуманитарная экология в системе комплексного исследования человека» в предметно-объектной своей составляющей (экология) соответствует перечню перспективных направлений, обозначенных в Указе Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» (направление 4 – науки о жизни). Она проводилась при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

В ходе подготовки конференции оргкомитетом была проведена большая подготовительная работа, налажены научные связи с рядом административных, научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений России, стран ближнего и дальнего зарубежья с целью выявления наиболее приоритетных проблем, связанных с тематикой конференции (НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, госкорпорация «Росатом», Университет г. Тампере (Финляндия), университеты Украины, Казахстана, США (шт. Коннектикут), администрация Кировской области, администрация наукограда Королева Московской обл. и др.).

На всех этапах подготовки и реализации проекта проводились мониторинговые исследования социокультурных аспектов экологии (с привлечением студентов), материалы конференции были размещены в Интернете, подготовлены библиографические списки литературы по теме конференции, организован форум, ход и результаты конференции, интервью с ее участниками освещались в СМИ. Конференция была оформлена конкурсными работами студентов по экологической тематике «За чистую планету».

В конференции приняли участие представители 12 городов из 9 субъектов Российской Федерации, в качестве зарубежных участников выступили представители 4 стран.

Одной из приоритетных задач конференции ставилось привлечение к ее проблематике моло-

дых ученых, как теоретиков, так и практиков, что в полной мере удалось осуществить.

Другой приоритетной задачей была названа стратегия интегративности в подходе к экологической науке, что в рамках научного проекта осуществилось впервые на уровне синтеза гуманитарных наук (философии, социологии, культурологии, этнологии и др.), о чем свидетельствовала его высокая оценка со стороны участников конференции и руководителей государственных структур.

Не случайно в западной научной литературе принято разводить понятия “ecological” (относящееся к науке экологии) и “environmental” (относящееся к окружающей среде в широком контексте), отражающее интеграцию всех гуманитарных наук, включенных в систему т. н. «экологического переворота».

Доклады, представленные на конференции, отражают весь широкий спектр проблематики. В ней приняли участие ученые практически всех сфер гуманитарного знания: философы, социологи, культурологи, филологи, искусствоведы, этнологи и др. В разных по направленности сообщениях были освещены проблемы, посвященные социально-философским, психологическим, этическим, религиозным, культурным, этническим аспектам экологического сознания. Ряд докладов представлен прикладными разработками, связанными с экологическими программами. Научная интеграция успешно продемонстрировала, что экология перестала быть только отраслью естественнонаучного знания, перейдя на уровень масштабов человеческого общества и цивилизации в целом. И выражение «экологический взгляд на мир» сегодня понимается как формирование нового мировоззрения в целом и экологической культуры мирового сообщества.

Один из главных блоков конференции был представлен разделом *теории и методологии гуманитарной экологии* – области, которая только начинает разрабатываться в отечественной науке. Заслуживает внимания тот факт, что в осмыслении поставленных здесь проблем приняли участие как философы: д-р филос. наук М. Ненашев («Перед тем как исчезнуть...»), д-р филос. наук В. Юлов («Новое экологическое сознание как союз науки, практики и мировоззрения»), д-р филос. наук А. Воскобойников («Этюды философско-антропологической экологии»), канд.

филос. наук С. Чернова (Естественнонаучные основания гуманитарной экологии»), канд. филос. наук Т. Горюнова («Онтологические предпосылки экологии слова»), асп. Н. Коротков («Проблема целостного постижения человека в “Философии общего дела” Н. Федорова и советской научной фантастике»), так и представители естественнонаучной сферы: д-р биол. наук Н. Савиных («Гуманитарная экология как отражение взаимоотношений природы и общества»), д-р физ.-мат. наук П. Полуэктов («Культура как фактор экологической безопасности: на примере атомной отрасли»), а также этнологи, историки, антропологи, экономисты (д-р ист. наук А. Ямсков («Проблемы экологии в работах американской антропологической школы»), канд. пед. наук И. Завойчинская «Экономические аспекты гуманитарной экологии»), канд. ист. наук Т. Санникова, канд. культурологии В. Семибратов и др. Доклады, представленные в данном блоке, сопровождались дискуссиями и бурным обсуждением, что свидетельствует о новизне и остроте предложенных тем и перспективности их дальнейшей разработки.

Достаточно обширный спектр проблем, связанных с *урбанистическими аспектами экологии* с гуманитарной составляющей в основе, был предметом научных изысканий социологов и культурологов (в том числе и в сфере энвайронментальной социологии). Именно эта область была представлена молодыми учеными – кандидатами наук и аспирантами: С. Касаткиной, г. Череповец («Вопросы коэволюции в урбанизированном мире современного человека»), Е. Кириченко, Украина («Проблемы визуализации экологически организованного пространства в городской среде»), Е. Бабинцевой, г. Киров («“Городская пустыня” как экологическое состояние современного мегаполиса (на основе концепции Ж. Бодрийяра)»), А. Брагиным, г. Пермь («Социальное поведение человека в ночных клубах: экологические аспекты»), Н. Пленковой, г. Киров («Экологические аспекты ароматов: тенденции развития современной парфюмерии»), Л. Лобачевой, г. Киров («Ландшафтный дизайн г. Кирова в 30–50-е гг.»), М. Соболевой, г. Киров («Природа звукового воздействия на человека»).

Особое место в комплексе проблем, представленных на обсуждение, было отведено культуре и искусству как сферам, связанным с формированием экокультурного ландшафта и экологически устойчивой среды. Материалы докладов, представляющих этот вектор проблемы, реализовались в двух блоках.

Первую группу составили сообщения, посвященные разработке тем экологии и природы в художественной культуре: д-ра филол. наук А. Розенхольм (Финляндия) «Власть воды: два эк-

земплярных исследования текстов советской литературы», д-ра филол. наук В. Поздеева (г. Киров) «Проявление психотерапевтических факторов в фольклорных феноменах в контексте экологии культуры», канд. искусствоведения Н. Поспеловой (г. Киров) «Экологический потенциал музыки», д-ра филол. наук Н. Осиповой (г. Киров) и М. Крондли (США) «Кинематограф как художественное пространство гуманитарной экологии», канд. культурологии Э. Гмызиной (г. Киров) «Влияние актуального искусства на экокультурный ландшафт региона», канд. культурологии Н. Клементьевой (г. Киров) «Оппозиция городское/сельское в пасторальной традиции», канд. культурологии М. Голенок, «Экологическая проблематика в графитийной практике», канд. искусствоведения С. Чащиной (г. Киров) «Альтернативные культуры: угрозы или реализация культурного полиморфизма?», асп. А. Стогниенко (г. Кострома) «Художественное пространство как фактор формирования экокультурного ландшафта», асп. А. Бубнихина (г. Кострома) «Ландшафт германской природы: феномен “Альпы”».

Вторую группу сформировали сообщения, связанные с функционированием культуры, науки и искусства в образовательно-воспитательной среде. Это проблемы этического воспитания, экологической педагогики, экотуризма (в его культурно-исторической и геокультурной составляющей), сохранения культурно-ландшафтного и художественного пространства территории. Обозначенному аспекту организаторы конференции придают особое значение в контексте формирования гуманитарно-экологического сознания. Несмотря на то, что он был представлен небольшим количеством докладов, в содержательном отношении они отличались новизной, концептуальностью, наличием прикладных разработок. Это выступления д-ра геогр. наук Б. Родомана (Москва) «Задачи эстетического воспитания молодежи в связи с экологическим туризмом», д-ра культурологии Д. Замятина (г. Москва) «Гений и место: в поисках сокровенных пространств», ст. науч. сотр. Л. Балясниковой и Н. Золотухиной (Санкт-Петербург) «Образовательная политика и проекты ЮНЕСКО в контексте экологии культуры», канд. культурологии Л. Зориной (г. Киров) «Роль экологического туризма в нравственно-эстетическом воспитании молодежи», д-ра филол. наук Н. Осиповой (г. Киров) «Из опыта реализации гуманитарно-экологических программ Московской области: на материале работы музейно-ландшафтного комплекса “Лосиновостровский парк”», канд. культурологии Ю. Колобовой (г. Киров) «Культурно-экологическая миссия русских священников в эмиграции», М. Солоницыной (г. Киров) «Католичес-

кая концепция отношения человека и природы», Л. Красновой (г. Киров) «Библиоэкология в деятельности региональных библиотек» и др.

Значительный интерес и дискуссии среди участников конференции вызвали сообщения, посвященные экологическим аспектам медиасреды. Это направление исследований представляется особенно важным в связи с интенсивным развитием медиасреды, цифровых технологий, интернет-пространства. Возможности сети массовых коммуникаций и интернет-среды в формировании гуманитарно-экологического поля культуры огромны, но то же время они таят в себе опасность разрушительного влияния на экологическое сознание. Особенности этих сложных процессов были посвящены сообщениям канд. культурологии С. Дождевых (г. Киров) «Современные экологические интернет-сообщества: на примере социальных сетей», канд. филол. наук Е. Кибешевой (г. Киров) «Экологический анекдот в сети Интернет», канд. филол. наук В. Тимшина (г. Киров) «Гуманитарная экология рекламного творчества: границы допустимого», д-ра социол. наук О. Савельевой (г. Москва) «Экология и реклама: пять аспектов темы», д-р пед. наук Н. Хилько (г. Омск) «Гуманитарная экология в структуре медиакультуры».

В качестве отдельного блока конференция представила заседание круглого стола на тему «Проблемы этноэкологии в поликультурной среде» (модератор – зав. кафедрой культурологии и рекламы ВятГГУ канд. культурологии М. Голенок).

В общей концепции проекта содержание круглого стола включало обсуждение следующих тем: «Пути сохранения этнической традиции в культуре России», «Экологические аспекты толерантности: пути формирования», «Проблемы национальной идентичности в контексте экоэтнологии малых народов».

В качестве основных докладчиков выступили: канд. ист. наук Г. Абраилова (Казахстан) «Родоплеменная система как источник толерантности», д-р культурологии Г. Шкалина (г. Йошкар-Ола) «Проблема этнологии в традиционном мировоззрении народа мари», канд. ист. наук Т. Санникова (г. Воткинск) «Деревянная архитектура и национальная идентичность», канд. культурологии В. Семибратов (г. Киров) «Культура предков в архаических элементах диалектной речи».

В заключительной дискуссии были подведены основные итоги проекта:

1. Научно-исследовательские:

– в ходе конференции были выработаны методологические подходы к интеграции научного знания в сфере гуманитарной экологии;

– научные результаты конференции свидетельствуют о включенности проблематики и основных подходов в перспективные тенденции развития ми-

ровой гуманитарной науки (в частности, в направлении, представленное школой экокритицизма);

– конференция стала площадкой для реализации научных проектов молодых исследователей, научные изыскания которых продемонстрировали интерес «молодой науки» к совершенно новым аспектам инвайронментальной социологии и культурологии.

2. Практически-прикладные:

– результаты конференции будут способствовать выработке новых направлений, связанных с разработкой образовательных технологий, экопедагогики;

– апробация результатов конференции осуществлялась на разных площадках в виде экомониторинга культуры городской среды г. Кирова, участия в разработке и реализации гуманитарных экопрограмм Московской области (на примере ландшафтно-музейного комплекса), знакомства с реализацией научных программ НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

*Н. О. Осипова,
доктор филологических наук,
профессор по кафедре
культурологии и рекламы*

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ
ЛИЧНОСТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ
ПАРАДИГМЫ»**

17–18 ноября 2011 г. в Вятском государственном гуманитарном университете прошла Вторая международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы совершенствования преподавания иностранных языков в свете личностно-деятельностной парадигмы», посвященная 70-летию факультета лингвистики ВятГГУ. Конференция проводилась кафедрой английского и немецкого языков и методики обучения иностранным языкам ВятГГУ при поддержке Ассоциации учителей английского и немецкого языков, а также Ассоциации выпускников ВятГГУ.

В работе конференции приняли участие 56 ученых-исследователей, преподавателей и учителей иностранных языков из 11 городов России (Волгоград, Волгодонск, Воткинск, Киров, Москва, Нижний Новгород, Пермь, Петропавловск-Камчатский, Санкт-Петербург, Томск и Ярославль) и 8 городов ближнего и дальнего зарубежья: Алматы (Казахстан), Гаосюн (Тайвань), Краков (Польша), Ноксвил (США), Прери-Вью (США),

Сан-Антонио (США), Тирасполь (Молдова) и Трой (США).

Конференция открылась пленарным заседанием, на котором с приветственным словом выступил проректор по научно-исследовательской работе, доктор исторических наук, профессор Ю. А. Балыбердин.

В своем выступлении «Научные парадигмы в совершенствовании исследований в языковой педагогике» А. Н. Шамов (д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и методики преподавания иностранных языков НГЛУ им. Н. А. Добролюбова) привлек внимание участников конференции к тому, какие значительные изменения происходят в языковой педагогике на современном этапе ее развития, выделил основные проблемы иноязычного образования и показал возможные пути их решения в рамках компетентностной парадигмы.

Проблемами, которые стоят перед преподавателями американских университетов, поделился Бен П. Робертсон (PhD, associate professor кафедры английского языка Тройского университета, г. Трой, штат Алабама, США). Особое внимание он уделил тому факту, что американские вузы все больше принимают абитуриентов из других стран, которые очень слабо владеют английским языком, что создает трудности для преподавателей специальных дисциплин.

Доклад доктора педагогических наук, доцента С. С. Куклиной на тему «Коллективная учебная деятельность как организационная форма технологий, направленных на формирование иноязычной коммуникативной компетенции учащихся общеобразовательной школы» был посвящен вопросам формирования иноязычной коммуникативной компетенции у учащихся общеобразовательных школ с помощью адекватных стратегий обучения и соответствующих им тактик, проявляющихся в личностно-деятельностных технологиях, адаптированных для уроков иностранного языка. В выступлении была подчеркнута мысль о том, что организационной формой личностно-деятельностных технологий является коллективная учебная деятельность школьников в группе, ибо она по своим качественным характеристикам наиболее точно моделирует общение и тем самым создает условия как для формирования иноязычной коммуникативной компетенции, так и для развития учащихся как субъектов иноязычного общения и учебной деятельности по овладению им.

О. В. Лебедева, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики ВятГГУ, посвятила свой доклад особой значимости иностранного языка в поликультурном образовании обучающихся с целью формирования российской идентичности, а также интеграции России в мировое культурно-образовательное пространство.

Завершилось пленарное заседание выступлением декана факультета лингвистики, канд. филол. наук, доцента В. А. Банина, в котором он назвал вехи в 70-летней истории факультета и имена тех преподавателей, сотрудников и студентов факультета, которые есть и были ее активными участниками.

Для обсуждения на секционных заседаниях конференции были предложены темы, касающиеся подходов и стратегий, эмоционально-ценностных аспектов иноязычного образования в учебном процессе по иностранным языкам в разных типах учебных заведений; психолого-педагогических аспектов формирования субъектов иноязычного межличностного и межкультурного общения; современных лингвистических исследований, лежащих в основе формирования иноязычной коммуникативной компетенции и оценивания полученных результатов; профессиональной подготовки учителя иностранных языков в связи с переходом высшего образования на двухуровневую систему обучения. Внедрение информационных компьютерных технологий в иноязычный образовательный процесс было наглядно продемонстрировано на мастер-классе, проведенном К. В. Александровым, канд. пед. наук, доцентом кафедры лингводидактики и методики преподавания иностранных языков НГЛУ им. Н. А. Добролюбова.

Программа второго дня конференции началась с работы трех проблемных групп: «Проблемы преподавания зарубежной литературы» (руководители: д-р филол. наук, проф. О. Ю. Поляков; PhD, ass. prof. Б. П. Робертсон); «Проблемы преподавания лингводидактики и методики обучения иностранным языкам» (руководители: д-р пед. наук, проф. А. Н. Шамов; д-р пед. наук, доц. С. С. Куikliна); «Использование материалов “Американского уголка” в учебно-воспитательном процессе» (руководители: зав. отделом иностранной литературы библиотеки им. А. И. Герцена Е. А. Малышева; стипендиат программы Фулбрайта С. А. Туллоу).

Международная конференция завершилась подведением итогов обмена опытом научных исследований в сфере языковой педагогики. Обобщенные результаты конференции представлены в сборнике, содержащем материалы о том, как представители методического сообщества разных стран решают вопросы повышения качества иноязычного образования.

*С. С. Куikliна,
доктор филологических наук, доцент
по кафедре английского и немецкого языков
и методики обучения иностранным языкам;
Е. Е. Макарова,
кандидат педагогических наук, доцент
по кафедре английского и немецкого языков
и методики обучения иностранным языкам*

**ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО В РОССИИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

21 октября 2011 г. на социально-гуманитарном факультете состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Издательское дело в России: современное состояние и перспективы». Организатор конференции – кафедра издательского дела и редактирования.

Особенность конференции заключалась в том, что её подготовка совпала по времени с VII съездом Российского книжного союза (РКС), который прошёл в Москве 28 сентября. Это событие расширило контекст конференции и придало особую актуальность обсуждаемым на ней вопросам.

Съезд во главу угла поставил идею о социокультурной миссии издательской отрасли: она призвана формировать систему ценностных ориентиров и морально нравственных норм. Утверждалось, что книга, несмотря на бурное развитие информационных технологий, по-прежнему активно воздействует на духовный мир отдельного человека и нравственное здоровье нации в целом. Именно книга способна приобщить молодое поколение к уникальному культурному наследию. Подчёркивалось, что сегодняшний издатель не просто менеджер, отвечающий за производство определённого товара, это прежде всего просветитель, осознающий свою ответственность перед обществом.

Вместе с тем на съезде были обозначены острые проблемы. Мы стремительно утрачиваем статус самой читающей страны в мире. Снижаются культура и качество изданий, набирает силу интернет-пиратство. Практически нет детских писателей, не издаётся литература для подростков, нет героя, который мог бы служить для них идеалом.

Эти и другие актуальнейшие задачи предстоит незамедлительно решать не только государству, но и профессиональному сообществу. Университеты, которые готовят специалистов издательского дела, играют важную роль в развитии отечественной книжной отрасли.

Вопросы, звучавшие на VII съезде РКС, в том или ином ракурсе рассматривались и участниками проведенной в ВятГГУ конференции. В её программу вошли четыре направления: современная издательская деятельность, теория и практика редактирования, языковая норма и печать, проблемы вузовской подготовки специалистов издательского дела.

На конференцию было представлено 27 докладов из 10 регионов России: Москвы, Белгорода, Волгограда, Воткинска, Екатеринбурга, Кирова, Ростова-на-Дону, Ульяновска и др. Кроме

того, заинтересованность в публикации результатов исследования проявил наш белорусский автор.

Солидный научный статус конференции определил внимание к ней авторов с учёными степенями и званиями. Треть участников – это доктора наук, профессора. В их числе такие известные в книжной отрасли учёные, как С. Г. Антонова, д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Научного центра исследований истории книжной культуры РАН, автор учебников по редактированию (г. Москва); А. А. Дырдин, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой филологии, издательского дела и редактирования Ульяновского государственного технического университета, чл.-кор. РАН (г. Ульяновск); Н. Б. Руженцева, д-р филол. наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург) и др.

Отрадно отметить активное участие в конференции молодых учёных. Примечательно, что впервые среди них трое – это аспиранты-первокурсники кафедры издательского дела редактирования ВятГГУ, на которой с 1 сентября 2011 г. открыта аспирантура по книговедению.

Важно, что проблемы издательской отрасли обсуждали специалисты не только книжного дела, но и смежных гуманитарных областей: философии, психологии, педагогики. Новое знание и новое осмысление проблем сегодня рождается на стыке наук.

Сборник материалов конференции открывает раздел «Современная издательская деятельность». Теоретическое осмысление и обобщение современных тенденций в издательском бизнесе, анализ редакционно-издательских процессов, поиск технологий маркетинговых исследований – вот основные темы публикаций данного раздела.

Например, в статье А. И. Козловской представлено сотрудничество России и Беларуси в области книгоиздания, книжной торговли и изучения книги. Интересен факт увеличения количества совместных белорусско-российских издательских проектов, перечень белорусско-российских издающих организаций. Отмечается выход в свет 50-томной белорусско-российской библиотеки, в которой собраны выдающиеся произведения белорусских и российских авторов; выход энциклопедий, журналов и других изданий. В статье подчеркивается преобладание российской книги на белорусском рынке и зависимость белорусского книжного рынка от российских изданий. Примечательно, что белорусские издатели в качестве экспорта большую часть своих тиражей направляют в Россию.

Второй раздел «Теория и практика редактирования» отличает многообразие объектов научных

исследований. Анализу наиболее проблемных зон приложения редакторских усилий подверглись учебники (С. Г. Антонова, М. М. Мудрова, П. В. Скрябина), учебные словари (А. П. Сычугова), литературно-художественные издания (О. И. Колесникова, К. А. Ашихмина), региональные газеты (М. И. Ненашев), рекламные издания (Н. Б. Руженцева, Вань Личжи). Значимость этих публикаций заключается в стремлении совершенствовать качество изданий, формируя книжную культуру современного общества в целом.

Третий раздел «Языковая норма и печать» собрал самое большое количество участников конференции. Присланные статьи разнообразны, но все они объединены проблемами культуры речи, соблюдения литературной нормы в печатных текстах самых различных стилей и жанров, в разнообразных печатных изданиях.

Статьи четвёртого раздела «Проблемы вузовской подготовки специалистов издательского дела» актуальны для всех, кто занимается вузовской подготовкой специалистов (бакалавров) книжного дела, а также вообще подготовкой студентов гуманитарных специальностей. Все публикации носят проблемный характер. Затрагиваемые проблемы – и из числа «вечных» (культура речи студентов, языковая компетенция будущих специалистов-гуманитариев), и из числа новейших, возникших в последние 5–10 лет и связанных с развитием информационных технологий (рост воздействия СМИ на сознание современного человека, применение электронных газет, создание электронных учебников).

Например, статья А. С. Бочкарёвой «Совершенствование культуры речи будущих бакалавров книжного дела» посвящена проблеме, чрезвычайно актуальной для формирования компетентного специалиста книжного дела – редактора и корректора. Автор пишет об общем снижении уровня речевой культуры (в частности, в прессе), о необходимости уделять больше внимания вопросам грамотной, правильной речи при изучении лингвистических дисциплин, в частности курса «Русский язык и культура речи». Теоретические и методические основы работы над речью в статье проиллюстрированы на примере орфоэпических и акцентологических норм, их вариантности.

Таким образом, представленные в сборнике статьи являются ярким подтверждением необхо-

димости, полезности и перспективности проведения конференции. Материалы публикаций заинтересуют специалистов книжного дела, работников СМИ как в России, так и в ближнем зарубежье.

Говоря же об итогах конференции в контексте идей VII съезда РКС, можно выразить удовлетворение её результатами. Как и на съезде, в материалах конференции при всём многообразии взглядов отразилось единое понимание того, что издательская индустрия несёт особую ответственность перед обществом за духовное состояние соотечественников. Все наши авторы признают книгу главным хранителем и носителем национальной культуры, а печатное слово – важным орудием воздействия на личность. Ни у кого не вызывает сомнения, что чтение по-прежнему является основным средством не только получения новых знаний, но нравственного и эстетического развития человека. Издатели, по общему мнению участников конференции, ответственны за сохранение русского языка, за качество учебников, в том числе электронных, за содержание и оформление вывесок, газет, журналов, за подготовку специалистов для своей отрасли и т. п.

Перспективу деятельности в научном сообществе кафедры издательского дела и редактирования видит в следующем.

Поскольку развитие и воспроизводство культуры чтения в российском обществе признано на съезде РКС приоритетной задачей, кафедре предстоит работать над вопросами поддержки и пропаганды чтения. Утеря навыков чтения сегодня является серьёзной проблемой. Нужны разработка и реализация программ и проектов по формированию культуры чтения в образовательной и социальной сфере. Важно поощрение и развитие «полезного чтения», направленного на укрепление этических норм. Здесь потребуются тесное взаимодействие с библиотеками и школами, со средствами массовой информации. Научное исследование проблемы чтения может стать предметом обсуждения на следующей конференции.

*А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент,
зав. кафедрой издательского дела
и редактирования*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАРМИНА Ольга Николаевна – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: truhina_olya@mail.ru

БУШКОВА-ШИКЛИНА Эльвира Васильевна – кандидат социологических наук, доцент по кафедре философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: elvira_bsh@mail.ru

ВОРОБЬЁВА Тамара Альбертовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

ГАБУР Владимир Сергеевич – аспирант кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: vovagabur@yandex.ru

ЗБОЕВ Артём Вячеславович – студент V курса исторического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: zboev.art@mail.ru

ЗВОНАРЕВА Лола Уткировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института семьи и воспитания Российской академии образования. 119121, г. Москва, ул. Погодинская, д. 8
E-mail: lzvonareva@mail.ru

ЗЕЛЕНИНА Наталья Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре математического анализа и методики обучения математике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: infdekan@vshu.kirov.ru

ЗОРИН Артём Викторович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: arzor@list.ru

ИЛЬЧЕНКО Наталья Михайловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой всемирной литературы Нижегородского государственного педагогического университета. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1
E-mail: ilchenko2005@mail.ru

КАЛИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: leperse@yandex.ru, alexander_kalinin@mail.ru

КАРАВАЕВ Никита Леонидович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры информационных технологий и методики обучения информатике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: nikita.lk@gmail.com

КОЖИН Алексей Васильевич – аспирант Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, руководитель отдела Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области. 107996, г. Москва, Малый Кисельный пер., д. 5
E-mail: alekseiikzin@yandex.ru.

КОСТИН Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

КРУТИХИНА Марина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре математического анализа и методики обучения математике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: infdekan@vshu.kirov.ru

КРУТОВА Ирина Александровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры теоретической физики и методики преподавания физики Астраханского государственного университета. 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а

E-mail: firstpro@aspu.ru, irinkrutova@yandex.ru

КУРАПОВ Андрей Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, зам. директора по науке и экспозициям Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника. 414000, г. Астрахань, ул. Советская, д. 15

E-mail: Akurapov78@rambler.ru

МАСЛОВА Анна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: ag.maslova@mail.ru

МАШКОВЦЕВ Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

МОСКВИН Артем Сергеевич – аспирант кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: art.moskvin@gmail.com

МУРЗИНА Наталья Павловна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре педагогики и психологии детства Омского государственного педагогического университета. 644099, г. Омск, наб. Тухачевского, д. 14

E-mail: npmurzina@mail.ru

ПОПОВА Анна Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре философии Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 10, кв. 129

E-mail: a.popova@rsu.edu.ru

РОМАНИЧЕВА Елена Станиславовна – профессор по кафедре русской и зарубежной литературы Московского гуманитарного педагогического института, декан филологического факультета, заслуженный учитель РФ. 115522, г. Москва, ул. Кантемировская, д. 22, корп. 1, кв. 252

E-mail: filolog-mhpi@yandex.ru

СКОРНЯКОВА Юлия Леонидовна – аспирант кафедры практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: yulua05@mail.ru

СТЕФАНОВА Галина Павловна – доктор педагогических наук, профессор, первый проректор Астраханского государственного университета. 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а

E-mail: firstpro@aspu.ru, irinkrutova@yandex.ru

СУЧКОВ Андрей Викторович – старший следователь следственного отдела Кировского ЛО МВД России на транспорте, майор юстиции, ассистент кафедры уголовно-процессуального права Института (филиала) в г. Кирове МГЮА им. О. Е. Кутафина. 610000, г. Киров, ул. Горького, д. 67

E-mail: ansuchkov@rambler.ru

УСТЮЖАНИНОВА Екатерина Александровна – соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

ФАДЕЕВА Ирина Евгеньевна – доктор культурологии, зав. кафедрой культурологии Коми государственного педагогического института. 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 25
E-mail: iefadeeva@mail.ru

ХАЛДЕЕВА Наталья Владимировна – доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Магаданского филиала Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина. 685000, г. Магадан, Школьный пер., д. 3
E-mail: magfil@mail.ru

ЧЕРНОВ Олег Александрович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67
E-mail: chernov@list.ru

ЧИННОВА Марина Витальевна – зам. директора по учебной и научной работе, доцент по кафедре теории государства и права Института (филиала) в г. Кирове МГЮА им. О. Е. Кутафина. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30
E-mail: secretarmgua@yandex.ru

ШАШИН Захар Сергеевич – ассистент кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: koku-merle@ya.ru

ШИЛИНА Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре рекламы и связей с общественностью Брянского государственного университета им. Академика Ивана Георгиевича Петровского. 241036, Брянская область, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14
E-mail: imsuck@rambler.ru

ШПИЛЁВ Дмитрий Анатольевич – кандидат социологических наук, зав. кафедрой социально-гуманитарных наук Национального исследовательского университета Высшая школа экономики – Нижний Новгород. 603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12
E-mail: dshpilev@hse.ru; shpilev72@mail.ru

ЯНОВСКАЯ Мая Григорьевна – доктор педагогических наук, профессор по кафедре педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BARMINA Olga Nikolaevna – Postgraduate student of the Department of State-Law Disciplines in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26
E-mail: truhina_olya@mail.ru

BUSHKOVA-SHIKLINA Elvira Vasilyevna – Candidate of Sociology, Assistant Professor of the Department of Philosophy and Sociology in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26
E-mail: elvira_bsh@mail.ru

VOROBYOVA Tamara Albertovna – Candidate of History, Assistant Professor of the Department of General History in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

GABUR Vladimir Sergeevich – Postgraduate student of the Department of Cultural Studies and Advertisement in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26
E-mail: vovagabur@yandex.ru

ZBOEV Artem Vyacheslavovich – 5th course student of the Faculty of History in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26
E-mail: zboev.art@mail.ru

ZVONARYOVA Lola Utkirovna – Doctor of History, Chief research officer of the Institute of Family and Upbringing (Russian Academy of Sciences institution). 119121, Moscow, Pogodinskaya str., 8
E-mail: lzvonareva@mail.ru

ZELENINA Natalya Alekseevna – Candidate of Pedagogy, Assistant Professor of the Department of Mathematical Analysis and Methods of Teaching Mathematics in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26
E-mail: infdekan@vshu.kirov.ru

ZORIN Artem Viktorovich – Candidate of History, Head teacher of the Department of General History in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26
E-mail: arzor@list.ru

ILCHENKO Natalya Mikhaylovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of World Literature in Nizhny Novgorod State Pedagogical University. 603950, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 1
E-mail: ilchenko2005@mail.ru

KALININ Alexander Alexandrovich – Candidate of History, Senior Research Assistant of the Department of General History in VSHU.
E-mail: leipse@yandex.ru, alexander_kalinin@mail.ru

KARAVAEV Nikita Leonidovich – Candidate of Philosophy, Head teacher of the Department of Information Technologies and Methods of Teaching Informatics. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26
E-mail: nikita.lk@gmail.com

KOZHIN Alexey Vasilyevich – Postgraduate student of Russian Federation General Procuracy Academy, Head of the Department of Main Investigative Administration of RF Investigating Committee in the Moscow Region. 107996, Moscow, Maluy Kiselnyy per., 5
E-mail: alekseiikzin@yandex.ru.

KOSTIN Alexey Alexandrovich – Candidate of History, Assistant Professor of the Department of General History in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

KRUTIKHINA Marina Viktorovna – Candidate of Pedagogy, Assistant Professor of the Department of Mathematical Analysis and Methods of Teaching Mathematics in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26
E-mail: infdekan@vshu.kirov.ru

KRUTOVA Irina Alexandrovna – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Theoretical Physics and Methods of Teaching Physics in the Astrakhan State University. 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20a

E-mail: firstpro@aspu.ru, irinkrutova@yandex.ru

KURAPOV Andrey Alexeevich – Candidate of History, Assistant Professor, Associate Director in Science and Exposition in Astrakhan State United History- Architectural Reserve Museum. 414000, Astrakhan, Sovetskaya str., 15

E- mail: Akurapov78@rambler.ru

MASLOVA Anna Gennadyevna – Candidate of Philosophy, Assistant Professor of the Department of Russian and Foreign Literature in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26

E-mail: ag.maslova@mail.ru

MASHKOVTSYEV Andrey Anatolyevich – Candidate of History, Assistant Professor of the Department of Native History in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

MOSKVIN Artem Sergeevich – Postgraduate student of the Department of Cultural Studies and Advertisement in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26

E-mail: art.moskvin@gmail.com

MURZINA Natalya Pavlovna – Candidate of Pedagogy, Assistant Professor of the Department of Pedagogy and Childhood Psychology in the Omsk State Pedagogical University. 644099, Omsk, Tukhachevskogo nab., 14

E-mail: npmurzina@mail.ru

POPOVA Anna Dmitrievna – Candidate of History, Assistant Professor of the Department of Philosophy in the Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 390044, Ryazan, Krupskoy str., 10, app. 129

E-mail: a.popova@rsu.edu.ru

ROMANICHEVA Elena Stanislavovna – Professor of the Department of Russian and Foreign Literature in the Moscow Humanitarian Pedagogical Institute, Dean of the Faculty of Philology, RF Honoured Teacher. 115522, Moscow, Kantemirovskaya str., 22/1, app. 252

E-mail: filolog-mhpi@yandex.ru

SKORNYAKOVA Yulia Leonidovna – Postgraduate student of the Department of Practical Psychology in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26

E-mail: yulua05@mail.ru

STAPHANOVA Galina Pavlovna – Doctor of Pedagogy, Professor, First Pro-rector of the Astrakhan State University. 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20a

E-mail: firstpro@aspu.ru, irinkrutova@yandex.ru

SUCHKOV Andrey Viktorovich – Chief investigating officer of the Transport Investigative Department, Major of Justice, Assistant of the Department of Criminal – Adjective Law in Kirov branch office of Moscow State Law Academy named by O. E. Kutaphin, fellow applicant of the Department of Criminal procedure, Criminalistics, Forensic enquiry and Investigative work in Nizhny Novgorod State University named by N. I. Lobachevskiy. 610000, Kirov, Gorkogo str., 67

E-mail: ansuchkov@rambler.ru

USTYUZHANINOVA Ekaterina Alexandrovna – fellow applicant of the Department of State-Law Disciplines in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26

E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

FADEEVA Irina Evgenyevna – Doctor of Cultural Studies, Head of the department of Cultural Studies in Komi State Pedagogical Institute. 167000, Syktyvkar, Kommunisticheskaya str., 25

E-mail: iefadeeva@mail.ru

KHALDEEVA Natalya Vladimirovna – Assistant Professor of the Department of Labour Law and Human Services Law in Magadan branch office of the Moscow State Law Academy named by O. E. Kutaphin. 685000, Magadan, Shkolnuy per., 3
E-mail: magfil@mail.ru

CHERNOV Oleg Alexandrovich – Candidate of History, Assistant Professor of the Department of Native History and Archeology in Volga region State Socio-Humanitarian Academy. 443099, Samara, M. Gorkogo str., 65/67
E-mail: chernov@list.ru

CHINNOVA Marina Vitalyevna – Vice Associate Director of educational and science work, Assistant Professor of the Department of Staet and Law Theory in Kirov branch office of the Moscow State Law Academy named by O. E. Kutaphin. 610000, Kirov, Moskovskaya str., 30
E-mail: secretarmgua@yandex.ru

SHASHIN Zahar Sergeevich – Postgraduate student, assistant of the Department of Philosophy and Sociology in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26
E-mail: koku-merle@ya.ru

SHILINA Svetlana Alexandrovna – Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Advertisment and Public Relations in Bryansk State University named by academician Ivan Georgievich Petrovskiy. 241036, Bryansk region, Bryansk, Bezhitskaya str., 14
E-mail: imsuck@rambler.ru

SPILEV Dmitriy Anatolyevich – Candidate of Sociology, Head of the Department of socio-humanitarian sciences in the National Research University Higher School of Economy – Nizhniy Novgorod. 603155, Nizhniy Novgorod, Bolshaya Pechorskaya str., 25/12.
E-mail: dshpilev@hse.ru; shpilev72@mail.ru

YANOVSKAYA Maya Grigoryevna – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str., 26
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 4(1)

Подписано в печать 25.11.2011 г.
Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0. Тираж 1000. Заказ № 1942.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674